

Сергей Виниченко

*Горькая линия:
время и люди*

Сергей Виниченко

**Горькая линия:
время и люди**

публицистика и проза

Костанай. 2025

ББК 63,3
В 48

Виниченко С. Горькая линия: время и люди [Электронный ресурс]: публицистика и проза / С.Виниченко. – Костанай, 2025. – 285 с.

На страницах новой книги историка Сергея Виниченко читатель найдёт много интересных фактов, погрузится в увлекательный мир давнего и недавнего прошлого, сделает для себя любопытные открытия. Книга является логичным продолжением ранее опубликованных исторических очерков и прозы автора. В ней показаны события Первой мировой и русско-японской войн, в которых приняли участие жители Петропавловского и Кокчетавского уездов Акмолинской области. Во второй части помещены автобиографические рассказы автора.

Фотография обложки Татьяна Сергеевна Потапова

ББК 63,3
В 48
©Виниченко С.Н., 2025

Эта книга содержит материал
из моей памяти и моего сердца
Э. Хемингуэй

К читателю

Горькая линия – цепь населенных пунктов, потянувшихся по северу Казахстана от Тобола до Ишима, основанных в середине XVIII – стала известна советскому читателю благодаря одноимённому роману моего земляка, уроженца Пресновки Северо-Казахстанской области Ивану Петровичу Шухову (1906-1977 гг.). Роман получил высокую оценку Алексея Максимовича Горького, как высокохудожественное произведение эпохи социалистического реализма. Прочитав много лет назад роман, я задался целью раскрыть документальную историю жизни людей в междуречье Тобола и Ишима, опираясь на достоверные источники. За два десятилетия мне повезло написать и опубликовать более десяти книг с очерками о прошедшей жизни. В новой книге зафиксированы новые факты. Здесь же помещены мои не придуманные рассказы.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

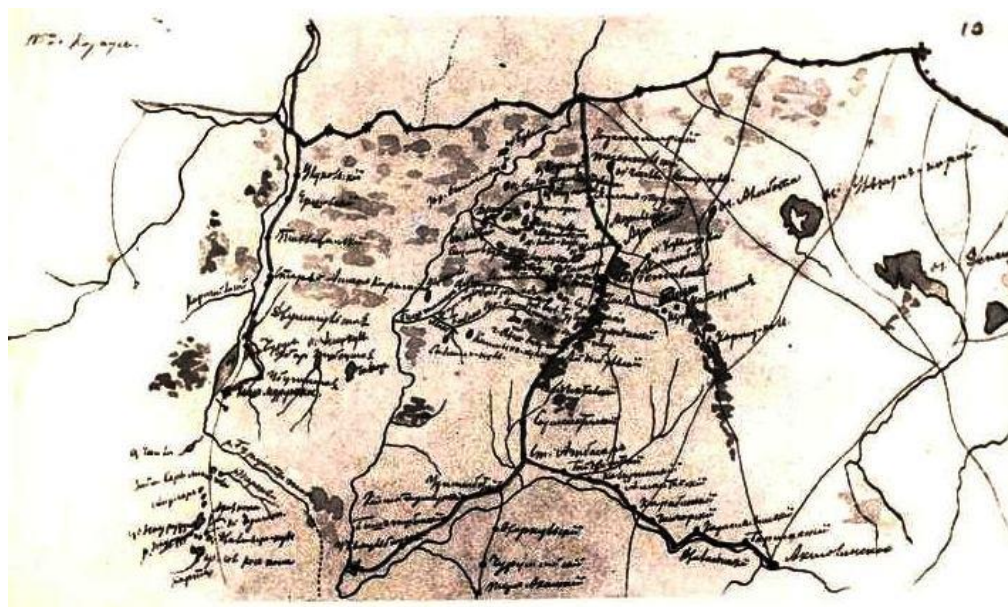
Степные миры Чокана Валиханова

Как блестящий метеор
промелькнул над нивой востоковедения...
Чокан Чингисович Валиханов.

Николай Веселовский

Изучая многочисленные документы из наследия знаменитого казахского учёного-ориенталиста Чокана Чингисовича Валиханова (Шоқана Шыңғысұлы Уәлиханова) я обратил внимание на схему степных округов, сделанную им в 1852 году. На ней четко выделен тракт, идущий от Горькой линии на юг, в сторону озера Кушмурун. Чокан родился в этих местах, провёл здесь своё детство и оставил потомкам свой взгляд на степные миры минувшего времени не только в научных статьях, но и посредством созданных акварелей, рисунков, набросков, сохранившихся до наших дней

Местность, по которой проходил тракт, знакома мне с детских лет, поэтому находка послужила основой для небольшого исследования нынешнего состояния этого тракта и расположенных на нём пикетов.

***Карта степных округов.1852 год. Рис.Ч.Валиханова.
Слева вдоль Убагана показан тракт на Кушмурун с пикетами***

Построенная в 1752-1755 годах Пресногорьковская линия крепостей и редутов послужила опорой для Российской империи при формировании торговых трактов, потянувшихся в южные среднеазиатские ханства. Тракты с учреждёнными на них пикетами и форпостами в свою очередь стали своеобразными артериями для продолжения военно-хозяйственной колонизации обширных степных районов Среднего жуза.

В двадцатые годы XIX века по восточной стороне реки Убаган (Абуга, Абуган, Обаган), впадающей в реку Тобол у Звериноголовской крепости, были построены пикеты, заканчивающиеся у юго-восточного берега озера Кушмурун основанной в 1838-44 годах Кушмурунской крепостью. От старого Сибирского редута (1782) тракт уходил на юг – на нём в 1824 году возникли пикеты Улукульский, Ершовский, Таволжанский, Аманкарагайский, Джумагульский, Чубар-Тюбинский. В 1838-м году началось строительство Кушмурунской крепости.

Наконец, в 1840 году, в месте, где воды Ишима делают крутой поворот на север, при впадении в Ишим речки Сандыксу, было основано военное укрепление Джаркаин-Агач.

Карта тракта 1843 года

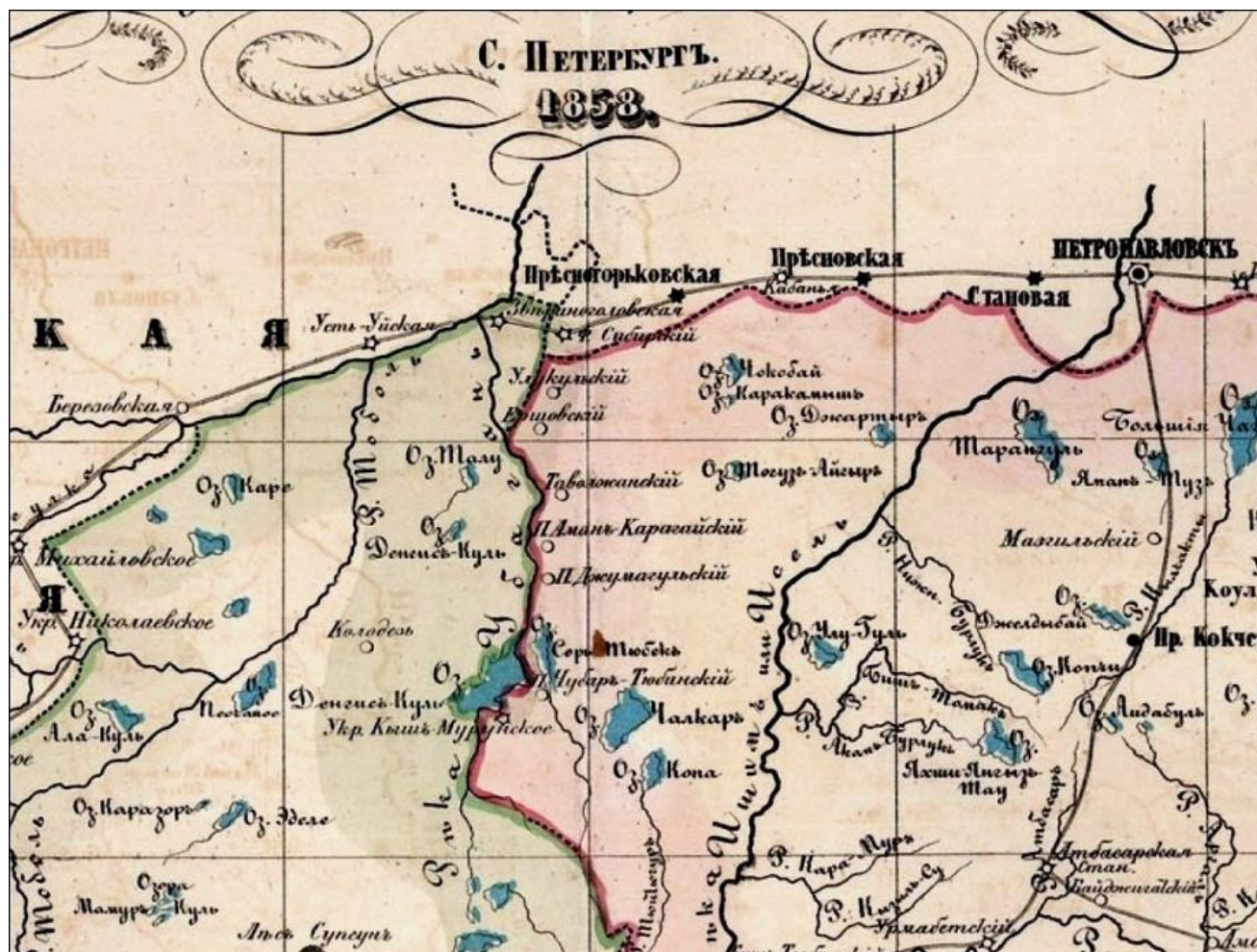
Предпринятая мною попытка поиска мест расположения пикетов дала противоречивые результаты. Караванной дороги, которая активно функционировала в XIX веке, ныне не существует. От неё на местности не осталось практически никаких следов, несмотря на то, что для того времени тракт был весьма значимым фактором передвижения казачьих отрядов и торговых караванов. Возможно обозначить лишь примерные места, где стояли пикеты. Тракт До Таволжанского проходил по кочевьям рода керей.

Вначале я считал, что Улукульский (Улу – большой, коль – озеро) нужно искать в 17 километрах южнее поселка Сибирка Узункольского района, в местности, где у трёх озёр – Соболево, Гусиное и Моховое – стоят почти исчезнувшие ныне села Ксеньевка (основано переселенцами в 1896 году), Кировский (бывший целинный совхоз) и Моховое. Каждое из этих пресных озёр могло претендовать на некогда потерянный пикет, стоявший между ними. Севернее трёх озёр лежит большое озеро под названием «Каракайке».

На современных картах Соболево, Гусиное и Каракайке показаны болотами, лишь Моховое остаётся полноводным даже в годы обмеления озёр,

а

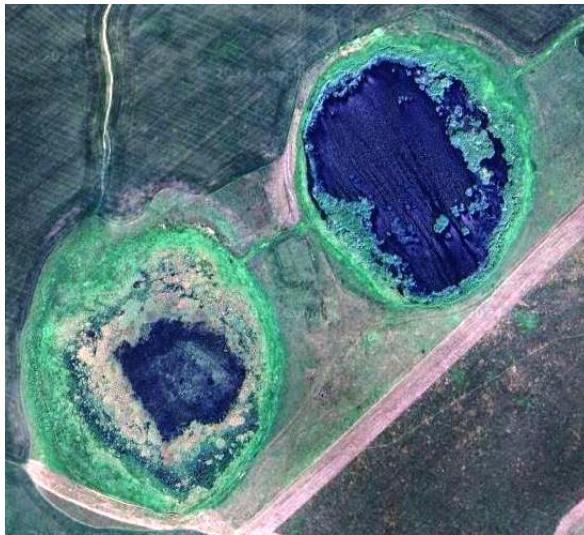
что происходит в нашем крае в 10-15-ти летний цикл. Во всех озёрах водится рыба.

Тракт на Кушмурун (по центру карты).1858 год

Ближе к Ершовке на старых картах обозначены два крупных озера – Куркуль и Улукуль. Возможно было бы предположить, что Улукульский пикет стоял на Улукуле, но в таком случае расстояние от Сибирки было бы слишком большим, соответственно, к Ершовке слишком маленьким – всего несколько вёрст, что не соответствует тогдашней логистике при создании торговых трактов. Ещё южнее на 27 километров, почти на трассе Костанай-Петропавловск, расположено село Ершовка. Изначально я считал, что здесь на берегу небольшого пресного озера и располагался одноименный пикет. О нём напоминало только название. Полная картина сложилась после того, как в голову пришла мысль, что современная Ершовка не является место старого пикета, а лишь носит его название. В таком случае расстояние от Сибирки до озера Улукуль соответствует 38 верстам, а Ершовский пикет располагался южнее современного поселка и шоссе Костанай-Петропавловск.

а

Возможные места расположения Улукольского пикета

Пикет Ершовский

У самого Убагана, в 34 верстах от Ершовского укрепления, на территории современного Сарыкольского района, стоял пикет Таволжанский (таволга – многолетнее травянистое растение высотой до 1,5-2 м с прямостоячим гладким ребристым стеблем, растущее на влажных лугах). Русло реки в этом месте петляет и делает резкий изгиб. Пикет располагался на берегу речки Таволжанки – правого притока Убагана. Озера Бабис, Керте и Джултай при весеннем половодье в пойме сливаются и своими водами пополняют Убаган.

а

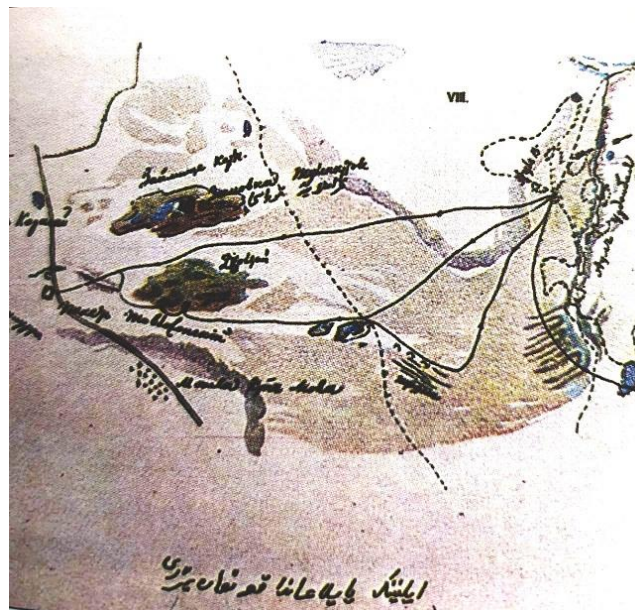
Южнее пикета вдоль реки и восточного берега озера Кушмурун кочевали уаки и аргыны.

*Авторская реконструкция тракта с пикетами на современной карте
Костанайской области*

Пикет Таволжанский (версия автора)

*Акварель Чокана Валиханова.1852.
Дорога от Таволжанского (слева) до Кунтимеса (справа)*

Если проехать 14 километров от излучины на восток от пикета путешественник окажется в ауле Кунтимес. Этот путь показан на одной из акварелей Чокана Валиханова. Аул тогда был прикрыт со всех сторон березовым и сосновым лесом. Название «Кунтимес» означает – «не

а

пропускающий солнца». От бывшего большого реликтового бора мало, что осталось. Здесь родился Чокан Валиханов (1835-1865), здесь он провел раннее детство, отсюда султан, управляющий Аманкарагайским приказом, Чингис Валиевич Валиханов возил его в урочище Кара-Оба и в только что отстроенную Кушмурунскую крепость, сооружать которую начали в 1838 году. Сегодня Кунтимес расположен на границе Узункольского и Сарыкольского районов, проехать к нему возможно лишь в сухую погоду. В ауле на месте предполагаемой школы открыт памятник маленькому Чокану. Остатки фундаментов построек того периода были найдены несколько лет назад сарыкольским краеведом Валерием Васильевичем Стародубом (1949-2023).

Кунтимес на современной карте

На акварели Чокана 1852 года это место обозначено «біздің үй» – в переводе на русский язык – «наш дом». Этой записью Чокан ставит точку в давнем споре историков – где он родился – в Кара-Обе или в крепости Кушмурун.

В документе Пограничного управления сибирскими казаками за 1842 год сказано, что «зимовье старшего султана Аманкарагайского окружного приказа, умного и скромного, достаточного, преданного правительству Чингиса Валиханова» называется «Кунтимес».

Чокан Чингисович Валиханов
(1835—1865)

Дед Чокана по отцу Вали, сын Абылая, был последним ханом Среднего жуза, признанным Китаем и Россией. Отца Чингиса избрали в 1834 году султаном Аманкарагайского округа, переименованного позже в Кушмурунский (1844 г.). Уважаемый народом, он шесть раз избирался на должность правителя родов атыгай, керей, кыпшак, уак, исполнял свои обязанности в течение девятнадцати лет подряд. Мать Чокана Зейнеп была знатного происхождения, дочерью знаменитого Баянаульского бия Чормана Кучукова и сестрой Мусы Чорманова, старшего султана Баянаульского округа, полковника царской армии.

Памятник Чокану в Кунтимесе

Все названные выше пикеты были основаны в 1824 году. В них находились небольшие сменяемые отряды казаков с Горькой линии. Руководил эти процессом подполковник Фёдор Набоков, основавший Аманкарагайский пикет на урочище Кара-Оба между двух озер – Талы и Кайранкуль (Каретное). Урочище называлось так потому, что в нём располагались два кургана раннего железа, существующие и поныне. Пикет вначале был поставлен Набоковым на берегу озера Талы, но оказалось, что он затопляем. По этой причине пикет перенесли на западный берег Каретного озера – на сухое и высокое место.

Рисунок Чокана Валиханова

а

Капитан Николай Рычков, участник экспедиции Траубенберга, писал о переправе через Абугу в районе Кара-Уткульского брода (*в районе нынешнего моста через Убаган на шоссе Костанай-Сарыколь – С.В.*) в мае 1771 года: «В сём месте источник имеет воду солоноватую по причине множества солончаков. В камышах находится великое множество гусей и лебедей. По берегам сего источника ужасная зыбь – редкая лошадь могла пройти по оной не погрузнув. Зыбь лежит только по западной стороне реки, в ширину не занимает менее одной версты...и распространяется на высоту лежащего увала».

Озеро Талы

По свидетельству путешественника конца XIX века: «Берега Убагана севернее озера Талы преследуются голыми солонцами или покрывающим займищем камышом. Течение омутистое. Глубина не более двух футов. Дно вязкое, удобных бродов немного. Спускающиеся в долину отлогости изредка покрыты кустарником, а севернее поворота реки (*у Таволжанского – С.В.*) начинаются березовые колки. Зимующие в лощинах аргыны перебиваются летом от мошки на открытые выгоны убаганских берегов. Речная вода имеет вкус солёный, несмотря на притоки, приносящие пресную воду. Рыба – окунь, щука, чебак, язь и карась».

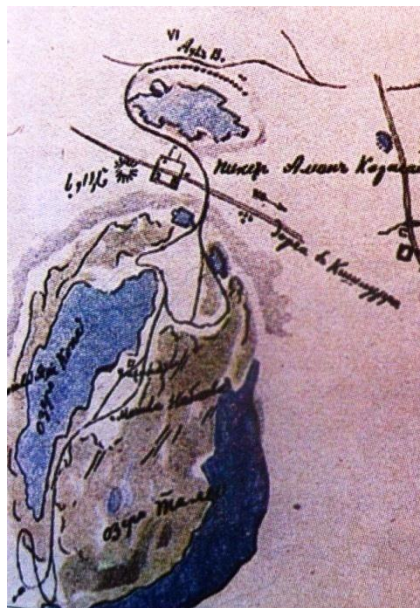

На острове. Май 2019 год

Отряд Набокова, основавший пикет, состоял из двух обер-офицеров, 13-ти урядников и 128-ми казаков. Он выполнял приказ генерал-губернатора Вельяминова, решившего по просьбе султанов Сарта Ючина, Догана Хлибабина, Конур-кульджи Худаймендина открыть округа в их кочевьях. В основанном казаками Набокова Аманкарагайском пикете, в местности Кара-оба на реке Обаган, в 1834 году проходила церемония избрания Чингиса Валиханова старшим султаном Аманкарагайского приказа. На ней присутствовал полковник Федор Кузьмич Шубин, основатель Ак-Моллы, участник Бородинской битвы.

Чингис Валиевич прожил долгую жизнь, повидал трёх российских императоров, общался с генерал-губернаторами Западной Сибири. В самом начале своего избрания старший султан встретился в крепости Пресновской с генерал-лейтенантом Николаем Семёновичем Сулимой, героем Бородинской битвы. Он подал прошение генерал-губернатору об отправке в Санкт-Петербург делегации для представления императору Николаю I. Легендарный генерал был дедом известного анархиста Петра Кропоткина.

В Омском архиве хранится метрическая книга Пресногорьковской церкви за 1831 год. В ней записано: «17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Нассоновым».

Пикет Аманкарагайский. Акварель Чокана Валиханова. 1852 год

Изучая акварель Чокана Валиханова «План летних стоянок аулов Кушмурунского округа», я обнаружил в дефиле озер Талы и Копа («копа» – водоём с зарослями камыша) надпись, сделанную рукой Чокана – «могила Набокова». Сегодня полуостров между озерами превращен разливами Убагана

а

в остров, на который трудно попасть – он зарос камышом, восточный берег озера Копа сильно заболочен.

Местные жители называют остров «Генеральским», или Кіндік («пуповина»). По легенде сюда приезжал охотиться какой-то генерал и скоропостижно скончался. Известно, что в ноябре 1834 года Аманкарагайский внешний округ посетил с инспекцией казачьего войска генерал Мусин-Пушкин, но он в конце ноября благополучно прибыл в Омск.

Надо понимать, что любой приезжий с блестящими эполетами офицера русской армии воспринимался коренными жителями как большой начальник, да и Набоков мог действительно простыть на охоте, а жаркое лето не позволило везти умершего на линию. На предполагаемом месте захоронения последнего атамана житель Кара-Обы посадил ель, но местные старожилы уверяют, что прах «генерала» позже был выкопан и отправлен в Москву.

На схеме я обозначил две своих версии местонахождения старого пикета и кладбища с памятником Набокову. В связи с тем, что Убаган в этом месте меняет своё русло, озера высыхают и вновь наполняются водой, сделать однозначное заключение об этих объектах весьма затруднительно, даже используя акварель Чокана и более поздние рисунки местности XIX века.

Остров изрыт подобными ямами

Урочище Кара-Оба люди обживали с древних времён. Об этом говорит рапорт майора Чингиса Валиева, старшего султана Аман-карагайского окружного приказа, полковнику Ладыженскому от 1 апреля 1840 года. В нём говорится, что «при сделании рва вокруг приказа» был найден медный котёл, имеющий излом в месте спайки с обручком в виде статуи. находка была

а

отправлена в Омск в сопровождении резервного урядника Боярского. «Что касается до глиняных ваз, то по долговременному в земле лежанию подверглись совсем тлению. При осмотре вследствие любопытства людей они совершенно предалися крошению и в сохранности совсем ничего не осталось».

Кара-Оба в XIX веке. Реконструкция Виниченко С.Н.

На северном берегу Талы расположен мавзолей Жазы би Жанулы

Место Аманкарагайского приказа. Курганы расположены севернее вала. Справа Каретное озеро

а

Пикет в центре приказа существовал ещё долгие годы. В 1836 году командиром его был сотник Хлебников, командовавший отрядом из 120 казаков и 11 урядников. В 1843 году в урочище служили 173 казака и артиллерийская команда из 12 человек и 195 пехотинцев 2-й роты Сибирского №3 линейного батальона.

***Предполагаемое место крепости Кушмурун.
Видны два полуострова***

В 1892 году современник писал об этой местности: «Денгиз (*Кушмурун – С.В.*), занимая в длину около 50 верст, выпускает Убаган к северу двумя протоками, образующими остров до 3 верст ширины. Он почти весь покрыт камышом, из которого выглядывают высокие и отлогие холмы. На среднем из этих холмов, обрывисто подмытом с северо-западной стороны, теперь уже сухого, озера Талы, находился приказ Аманкарагайский. В расстоянии 450 сажень от этого места, расположено русское кладбище, между могилами которого виднеется памятник полковника Набокова (*так в документе – С.В.*), начальника казачьего отряда». В другом источнике того времени говорится: «Теперь на месте Кушмурунского укрепления остались лишь следы. Как на исторический памятник укажем также на могилу Набокова, следы которого находятся у р. Абагана вблизи озера Ресс (?), в местности где когда-то находился Аманкарагайский приказ». На карте Кушмурунской волости (1912 год) могила Набокова обозначена крестом.

От пикетов Джумагульского и Чубар-Тюбинского не осталось даже воспоминаний. Крепость Кушмурунскую местные поисковики ищут много лет. Существует ряд предположений, где она была построена, но точное место так и не найдено – чтобы исследовать юго-восточную оконечность озера нужны немалые совместные усилия историков, краеведов и археологов. Гидроним

а

Құсмұрун означает «птичий клюв» (*народ.*). Профессор А.А.Абсадык приводит другой вариант перевода – «парный полуостров».

Памятный знак Шокану Уалиханову на предполагаемом месте Кушмурунской крепости.

Крепость и озеро. Карта 1848 года

Крепость стояла на месте, где два водных рукава образовали выдвинутые в озеро полуострова. При изучении старых карт я обнаружил, что в 1831 году озеро носило название Убаган-Дениз (Дениз с тюркского означает «море», «большое озеро»). Обозначено и урочище «Муш-Мурун». На карте 1848 года озеро уже носит двойное название – Денгиз-куль и Кыш-муран. На месте урочища Муш-Мурун надпись – «укрепление Кыш-мурунское». Рискну предположить, что люди, поставившее укрепление в 1840-е годы, на высоком месте против двух полуостровов, дали название озеру – «Кушмурун». И с этого времени озеро стало называться именно так. Впрочем, древнее название Дениз

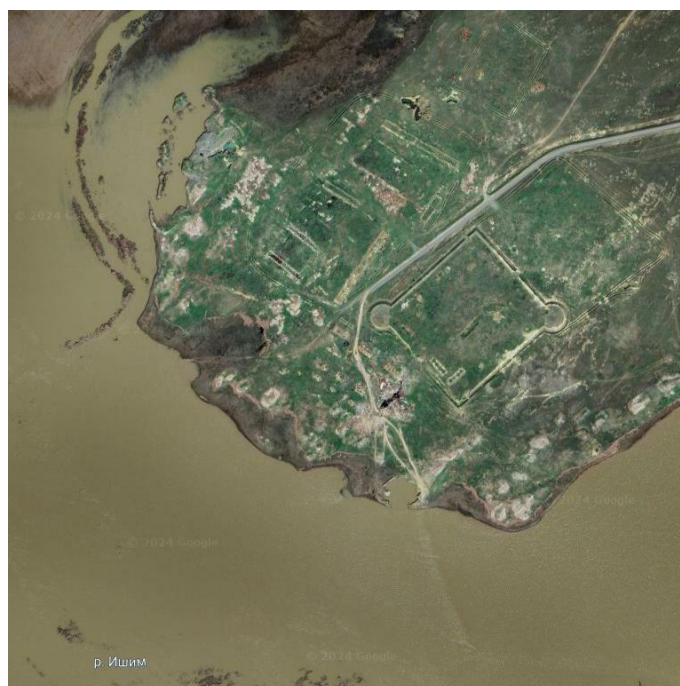
а

(Тениз, Денгиз) ещё долгое время встречалось в рапортах и воспоминаниях современников.

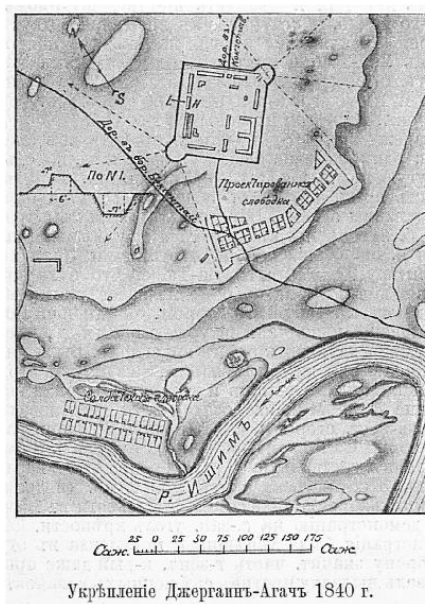
Рисунок Чокана Валиханова

Крепость Джаркаин-агач расположена севернее современного села Тасоткель северо-восточнее Державинска. Её можно рассмотреть на гугловской карте. Южнее крепости никаких укреплений в середине XIX века не было. Очевидец писал в 1843 году: «В укреплении Джаркаин-Агаче, способ путешествия, к великому моему удовольствию, совершенно переменялся. Далее, нет уже более пикетов и чтоб доехать до Улутауских-Гор, где собран был весь отряд, я отправился вперед с партией 50 человек казаков, сопровождавших продовольственный транспорт. За Джаркаин-Агачом начинается настоящая степь, не носящая уже на себе никаких наружных следов влияния русского управления».

Джаркаин-Агач на современной карте

Уже на карте Ильина 1871 года все перечисленные пикеты показаны как «бывшие». Гарнизоны покинули эти места, остались лишь «ямы» – места перепряжки лошадей, но постепенно тракт захирел и прекратил своё существование. О ямской повинности Чокан Валиханов писал: «Сибиряки и сибирские инородцы жалуются на тягостную для них выставку подвод под исправников, заседателей и попов. У киргиз (*казахов – С.В.*) же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по сорок и шестьдесят лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам. Последнее делают и частные лица, берущие по двенадцати лошадей...».

Проехавший в 1843 году по тракту Петропавловск – Джаркаин-Агач военный инженер и этнограф Петр Карлович Услар (1816-1875) писал в воспоминаниях о путешествии: «Между всеми приказами, расположенными в части Киргизской Степи, подчиненной сибирскому ведомству, устроено правильное почтовое сообщение. Станциями служат казачьи пикеты, обыкновенно расположенные верстах в 30 или 40 друг от друга, смотря по удобству сенокосов и воды, на которые должно обращать преимущественное внимание при составлении всех военных соображений в степи. Каждый пикет окружен самым легким укреплением, состоящим из невысокого земляного вала или рогаток; число казаков, живущих вместе, изменяется от 10 до 20 ». Интересны его воспоминания и жизни обитателей пикетов:

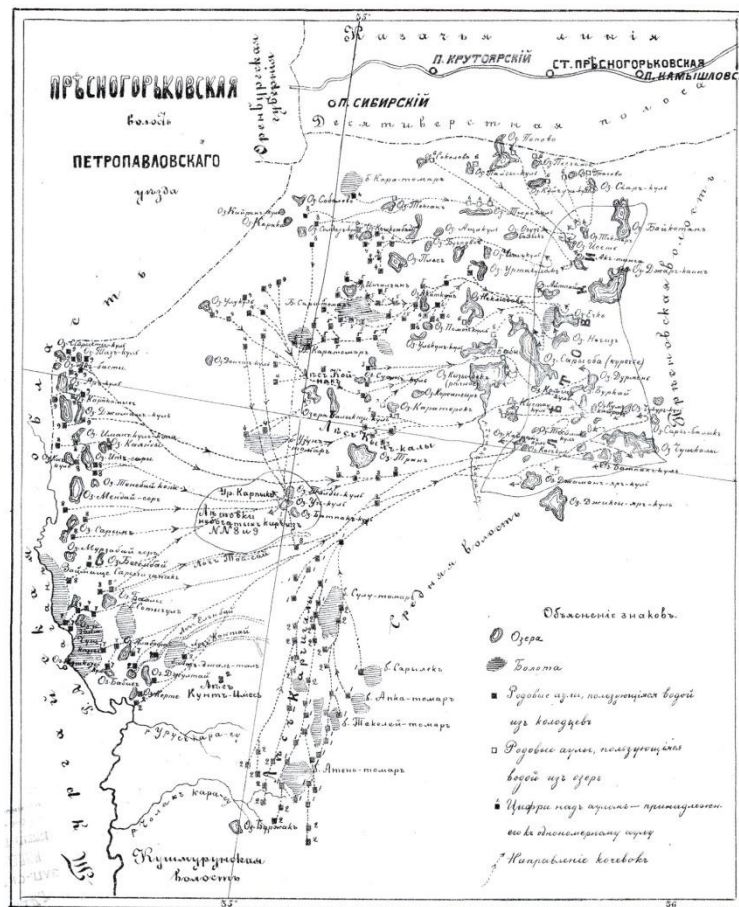
«Мне любопытно было познакомиться поближе с жизнью этих казаков - пустынников. Все они посылаются в степь только на двухгодичный срок, по окончании которого возвращаются в свои станицы отдохнуть от трудностей и опасностей и собраться с силами для новых подвигов. Опасности для удалого казака, конечно, ничем; без них он бы совершенно стосковался в своем уединении, вдали от семейства и родственников. В особенности зимою, степная жизнь делается, по-видимому, несносною своим однообразием. Беспредельная снежная пустыня вокруг одинокого жилья; бураны, не позволяющие показать

а

носу за дверь; вой голодных волков, да изредка какой-нибудь проезжий по собственной или казенной надобности – вот всё, что напоминает об остальном мире этим затворникам. Не смотря на то, разговор о покинутой родине, ожидание прихода вождеденной смены, трубка и, наконец, фантастический мир сказок, передаваемых по вечерам перед огоньком привилегированным краснобаем пикета, скрадывают время – и длинная зима кое-как да проходит».

В очерке автор лишь приоткрыл завесу в степные миры XIX столетия, в котором жил и действовал «промелькнувший метеор», большой ученый и путешественник Чокан Валиханов. Его вклад в востоковедение невозможно переоценить, а научное наследие требует тщательного изучения историками, географам, этнографами, фольклористами, лингвистами... Сделать столько для науки в предельно краткий период жизни под силу только гению.

Следующая история о Кара-Обе перенесёт читателя в начало XX века.

**Карта перекочевков в западной части Петропавловского уезда.
1912 год.**

Рассказ пойдёт о мужском Николаевском Кара-Обинском монастыре. Монастырь располагался на месте Аманкарагайского пикета, на западном берегу Каретного озера. Его настоятелем был о. Макарий, 48-ми лет отроду, из крестьян, имевший домашнее образование, постриженный в монашество 19 января 1905 года. Казенной земли монахам было отведено около 1500 десятин.

а

Два иеромонаха, иеродиакон, три монаха и сорок послушников были не в состоянии обработать такое огромное количество земли.

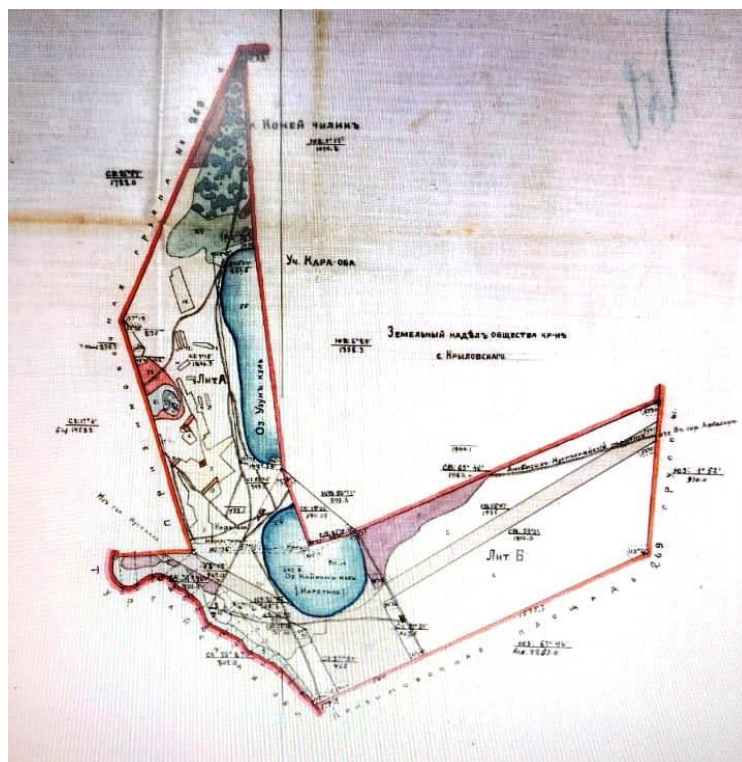
Но монахи смогли за короткий срок построить молитвенный дом, помещения для братии и хозяйственные постройки. Из возделанного ими сада даже в 1978 году брали саженцы плодовых деревьев, близ озера на огородах росли овощи. Были и загоны для скота. Землянки постепенно сменялись на добротные деревянные дома под железными крышами.

В 1913 году монастырь посетил епископ Омский Андроник. Его секретарь записал в путевом дневнике:

«Дорога въ монастырь идетъ чрезъ село Сорочинское, где на завтра назначено освященіе храма.

После всенощного бденія Его Преосвященство преподаль Архипастырское благословеніе братіи, собравшимся и отбыль въ приготовленную келію, провожаемый о. іеромонахомъ Макаріемъ при красномъ звоне монастырскихъ колоколовъ.

До всенощной, тотчасъ по прибытіи, Владыка внимательно осмотрель все монастырскія постройки, осведомился попутно объ угодыяхъ монастыря, о работахъ и о всехъ нуждахъ обители. Иеромонахъ Макарій рассказаль, что почва земли здесь хорошая. Онъ попробоваль посадить арбузы и урожай былъ прекрасный, а арбузы большіе и вкусныя. На вечерней трапезе о. настоятель предложиль, действительно, прекрасныя арбузы. „Не хватаетъ рабочихъ рукъ“, говорилъ о. Макарій, „а то бы можно было большое количество земли обработать на пользу обители“.

План переселенческого участка Кара-Оба. 1909 год

После революции монастырь был разгромлен. Сарыкольский краевед В.В.Стародуб полагал, что это случилось в 1918 году (см.: Стародуб. В.В.Трудная судьба монастыря // Письма из деревни. – Костанай, 2013). Однако в Омском архиве есть документы, опровергающие эту дату. 13 июня 1917 года Акмолинский областной комиссар Временного Правительства на гербовой бумаге уже не существующей Российской империи просит у Омского комиссара распоряжения о «производстве подробного расследования по делу о погроме Кара-Обинского монастыря с выяснением деятельности в этом случае отца Макария» (о.А.Крутин, о. Мефодий Чулков).

Таким образом, ни большевики, ни тем более колчаковцы, никакого отношения к разорению монастыря не имели. Погром случился в первые месяцы после свержения монархии, при комиссарах Временного правительства, когда ошалевшие от свободы люди совершали поступки, за которые, придя в себя, расплачивались до конца своих дней мучительными угрызениями совести.

Во время войны здания использовали для детского дома, потом открыли клинику для душевнобольных. В середине 70-х годов обветшавшие постройки окончательно забросили, растащили по подворьям, сегодня даже их фундаменты сложно обнаружить.

Место монастыря. Вдали – озеро Каретное

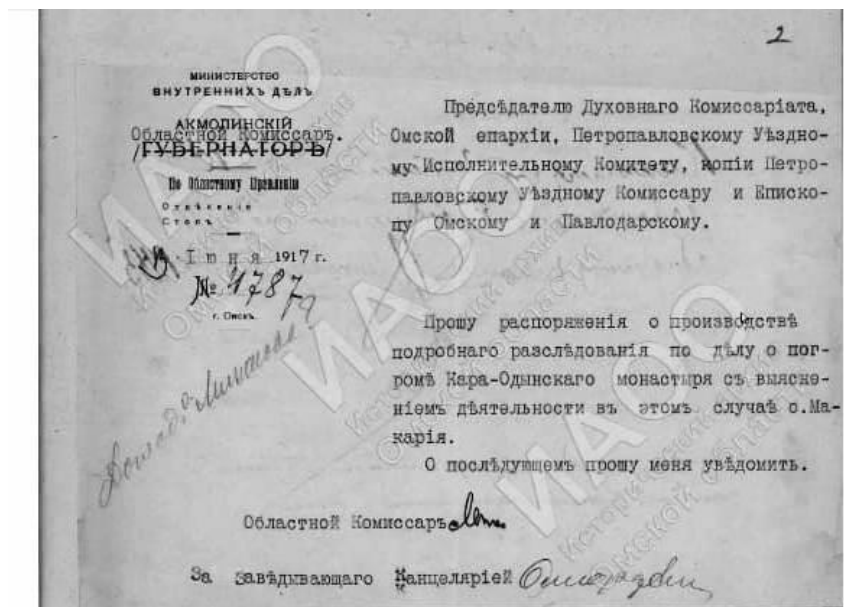
Кара-Оба уникальна своими событиями и людьми. Здесь трудился казахский просветитель Бекет Утетлеуов (1883-1949), получил первоначальные знания в местной школе классик советской казахской литературы, Герой Социалистического Труда Габит Махмудович Мусрепов (1900-1985). Здесь в краеведческом музее помнят и чтят своих знаменитых предков.

Карты и схемы из открытых источников и архива автора.

Фото Генеральского острова – Я.К.Ванжа (2019).

Фото места расположения монастыря – о. Андрей Крутин (2024).

Фото ям на острове Киндик – С.А.Вечер (2023)

Репорт Акмолинского комиссара. 1917 год

Жители исчезнувших редутов

В опубликованных ранее материалах, касающихся строительства ряда укреплений на Пресногорьковской линии, я придерживался общепринятой гипотезы, в которой говорилось о ликвидации в 1764-м году целого ряда построенных летом-осенью 1752–го года редутов. Считалось, что отсутствие пресной воды, высыхание озер с питьевой водой послужили этому причиной. Колодцы с опущенными обрубками, выкопанные по приказу Ивана Крафта от 25 июня 1753 года не спасли положения – вода в них была соленой и быстро заканчивалась.

За 12 лет редуты обустроились небольшими гарнизонами – появились многочисленные постройки – конюшни, казармы, бани, пороховые погреба и деревянный заплот. Казаков в редутах было немного, основную долю в гарнизонах составляли драгуны Вологодского и Олонецкого полков, а также гренадеры Нашебургского пехотного полка.

Однако уже в 1764-м году было решено «за ближним расстоянием и за худобою (горькостію) воды упразднить редуты: Болотный, Кривоозерный, Дубровный, Клавдинский, Первопресный, Второпресный, Семиозерный, Березовый, Пресный». В ряде документов 1767-г года, содержащих сведения о сенных покосах и пашнях, говорится уже о «бывшем редуте Березовом».

Несмотря на такое решение уже в XIX веке на картах обнаруживаем названия населенных пунктов – станиц и казачьих поселков – которые в целом соответствуют расположению упраздненных в 1764-м году редутов. Так редут Пресный – казачий поселок Крутоярский, редут Березовый – казачий поселок Камышловский, редут Семиозерный – казачий поселок Семиозерный, редут Второпресный – казачий поселок Островной, редут Первопресный – станица Новорыбенская, редут Клавдинский – казачий поселок Кладбинский, редут Дубровный – казачий поселок Дубровный, редут Кривоозерный на Ишиме – казачий поселок Кривоозерный. Единственный редут, упраздненный навсегда – Болотный (Болотоколодезный, у болота старого колодезя). Новые населенные пункты расположились или на месте старого укрепления или же, с учетом уреза воды в озере, были перенесены в более удобные места.

Интересно, что на карте Тобольской губернии 1798 года названные редуты не отмечены. В 1798 же году вышел указ о восстановлении редутов Крутоярского, на месте Пресного, и Преснокамышенского на месте Березового. Основанием для этого послужило то, что между крепостью Пресногорьковской и соседними редутами – Пещаным и Пресногорьковским, расстояние составляло 24 версты. Это было недопустимо много для разъездов, охранявших Симову черту.

На момент строительства редутов в 1752-55 годах гарнизон Пресного состоял их поручика, капрала, 20 гренадеров, барабанщика и денщика, а в березовом служили царскую службу поручик, каптенармус, капрал, два барабанщика, 28 драгун и извожик. В конюшнях стояли полсотни лошадей. Оба редута имели вид четырехугольника, обнесенного заплотом в столбах с надолбами и рогатками и имели башни над воротами.

Гипотеза о существовании дыры в Симовой черте с 1764-го по 1798-й год никем в официальных источниках не оспаривалась, но и не была подтверждена. В это время в редуте Сибирском и Пещаном, крепости Пресногорьковской, служили солдаты Петропавловского линейного батальона, составлявшие большую часть гарнизонов.

В Метрической книге за 1800 год приведен список лиц, подходивших к причастию. В редуте Крутоярском значилось 30 домов, в которых проживали исключительно казаки, среди которых были и ссыльные запорожцы. Командовал ими 26-летний урядник Александр Иванович Чукреев, знавший грамоту и служивший сотенным писарем.

Александр Иванов сын ЧУКРЕЕВ, 20; 2 аршин 9 ; вершков; лицом бел, глаза серые, волосы светлорусые, нос посредственной горбоватой, говорит порядочно; ис казацких детей; в службе казаком 789 мая, писарем. 792 августа; не бывал; умеет; не бывал; не бывал. Холост. И в команде налицо.

(РГВИА, ф.489.оп.1.д.3061.лл.278 об-326. Формулярные списки Пресногорьковской линии, 1794 год).

Фамилии казаков: Маланьин, Бабин, Таранов, Федор Семенович Вепрев, Михаил Петрович Яганцов, Игнат Федорович Мосеев, Василий Петрович

Попов, Василий Семенович Вепрев, Степан Антонович Доможиров, Игнат Леонтьевич Доможиров, Матвей Иванович Акбулаев, Яков Петрович Россохин, Петр Евдокимович Тупицын, Клементий Кузнецов. Петр Федорович Федоров, Дмитрий Федорович Мосеев, Сила Ильич Жуков. Архип Аверьянович Кочуров, Давид Федорович Мосеев, Иван Степанович Фефелов, Козьма Евдокимович Тупицын, Спиридон Ильич Жуков. Из отставных были двое: Леонтий Антонович Доможиров и Петр Аристович Попов. Казаки жили с семьями, у многие были почтенного возраста – за пятьдесят. Служили казаки тогда «доколе в силах».

При сопоставлении списка казаков с ревизской скаской за 1782 год по редуту Пещаному можно сделать вывод о том, что ряд поселенцев Крутоярского были поверстаны в казаки из отставных драгун и солдат либо были детьми таковых. Они были поселены на место у озер Хохловатого и Сереброво, что в 4 верстах от бывшего редута Пустого, в редут Крутоярский. Всего в нем проживало 89 мужчин и 82 женщины.

В Преснокамышловском насчитывалось 35 домов. В них проживали 96 мужчин и 72 женщины. Командовал казаками урядник Гаврила Денисович Галактионов, 53 лет.

Гаврило Денисов сын ГАЛАХТИОНОВ, 46; 2 аршин 4 вершков; лицом смугл, волосы темнорусые, глаза карие, нос небольшой крутой, говорит порядочно; ис казацких детей сево ж войска; 764 генваря; не бывал;

Женат; у него жена Марья Николаева дочь сево ж войска казачья; у них сын Артемей 1, дочери девки Федосья 18, Марья 12. лет; живут при нем. При войске и в команде налицо.

(РГВИА, ф.489.оп.1.д.3061.лл.278 об-326. Формулярные списки Пресногорьковской линии, 1794 год).

Казаки: Семн Васильевич Грязнов, Агей Григорьевич Бандурин, Иван Филиппович Богдашин, Прокопий Иванович Миронов, Спиридон Степанович Елизунов, Матвей Васильевич Шухов (33 лет, жена Екатерина Ивановна), Иван Михайлович Пирогов, Роман Петрович Петров, Василий Сидорович Ряпосов, Христиан Устинович Бурков. Андрей Анисимович Пушкарев, Михаил Трофимович Полозов, Никифор Михайлович Столарев, Сергей Иванович Коробейников, Иван Варфоломеевич Вдовин, Прохор Дмитриевич Вятченин, Данил Степанович Рубазов, Петр Нифантьевич Ларюшин, Тихон Иванович Казин, Родион Трофимович Полозов. Василий Федорович Бутаков, Петр Семенович Зубарев. Александр Алексеевич Воронов, Иван Федорович Попов. Из отставных: Петр Семенович Бахарев, Василий Трофимович Курбатов, Григорий Николаевич Бандурин.

Сравнительный анализ ревизской скаски редута Пресногорьковского за 1782 год и списка казаков редута Преснокамышловского показал, что ряд казаков были ранее жителями Пресногорьковского (редута, не путать с крепостью). Были переселены на берег озера Питного в трех верстах от бывшего редута Березового в период с 1798 года по 1800 год.

На основании проделанного исследования я сделал следующее заключение – места расположения редутов Пресного и Березового были пусты с 1764 по 1798 год. В новых редутах, Крутоярском и Преснокамышловском, которые датировались 1798 годом, поселили отставных из регулярных полков и их детей, поверстав их в казаки. Встречаются и новые фамилии, которых нет в линейных крепостях и редутах. Видимо, были привезены и поселены казаки из мест Курганского и Ишимского уезда.

В 1797 году жители редуты Крутоярского и Преснокамышленского не значатся в списках бывших у причастия.

В этих поселках многие фамилии встречались в конце XX века, но, после ликвидации в 2014 году села Камышловского фамилии исчезли вместе с селом. Их носители покоятся ныне на заброшенных сельских кладбищах ликвидированных деревень.

По поводу возникновения и исчезновения редута Сибирского, самого западного на Пресногорьковской линии, по поводу которого некоторое время назад на поисковых сайтах шла бурная полемика, необходимо отметить, что основан он был в 1782 году, по видимому, летом, так как в весенних документах о нем нет ни слова. До этого времени в этом месте располагалась небольшая зимовка на почтовом тракте, состав которой неизвестен. В 1800 году в редуте было 42 дома, проживали 96 казаков и 97 женщин. Ими командовал тридцатипятилетний урядник Алексей Васильевич Екимов.

Алексей Иванов сын ЕКИМОВ, 27; 2 аршин 7 ; вершков; лицом бел, волосы русые, глаза карие, нос посредственной, у правой руки к мизинцу от посеку рубец, говорит порядочно; ис казацких детей; в службе казаком 786 мая, капралом 792 октября; не бывал; умеет; не бывал; не бывал. У него жена Аграфена Иванова дочь сево ж войска казацкая; у них сын Яков 2 лет; живут при нем. В комплекте при войске.

(РГВИА, ф.489.оп.1.д.3061.лл.278 об-326. Формулярные списки Пресногорьковской линии, 1794 год).

Видимо, редут имел артиллерию – в списке значится канонер Семен Паростопицын. Казаки, по видимому, прибыли с Уйской линии, так как в ее крепостях встречаются подобные фамилии. казаки: Михаил Дмитриевич Мелентьев, Дмитрий Тимофеевич Тимофеев, Михаил Иванович Иванов, Павел Андреевич Андреев, Сергей Остапыч Закрычев, Яков Ивановч Михеев, Николай Степанович Фефилов, Гаврила Бухряков, Матвей Клементьевич Белоусов, Леонтий Иванович Половников, Ермолай Иванович Михеев, Иван Андреевич Чунтонов, Андрей Михайлович Пономарев, Прокофий Серафимович Ваганов, Лаврентий Михайлович Чекуров, Михаил Веснин, Афанасий Хабаров, Михаил Федорович Дегтярев, Кирило Козлов, Терентий Медведев.

Редут был перенесен в 30-е годы XIX века на четыре километра (Сибирка) из-за полного высыхания озера Мохового. На картах того времени значится как озеро "Старосибирское (высохшее)". Озеро периодически наполняется водой. В аномально жаркое лето 2010 года оно высохло полностью, в последующие годы вновь наполнилось водой.

Сейчас четырехугольные валы редута хорошо просматриваются на картах Гугл. От них до урочища Красный столб, где в 1891 году провожали последнего императора России, три километра. Дороги на Звериноголовское давно нет - здесь проходит граница Казахстана и России. До начала 90-х тракт активно использовался местными жителями. Мы ездили в Зверинку, чтобы набрать в саду совхоза Украинский малину и яблоки. В урочище Красный столб стоял памятник комсомольцу Николаю Дмитриеву, погибшего от рук белых казаков в 1921 году. Памятник ныне расположен на нейтральной полосе, поэтому постепенно разрушается.

Если бы пуговицы заговорили

Пуговиц много. Они различаются по форме, величине и сплаву. Попадаются медные и бронзовые. Сохранность пуговиц высока именно из-за цветного металла. Много лет назад они красовались на мундирах драгун и гренадер, служивших в крепости. Сами мундиры и люди растворились в потоке истории, ушли в небытие вместе с событиями "золотого века" эпохи дворцовых переворотов. Остались лишь пуговицы – с орлами и без оных, с цифрами и идеально гладкие. Косное вещество – камень, кирпич, цементный раствор – вне времени. Старинные стены порушенных храмов помнят людей в иных одеждах, с иными манерами и речью. А мы можем только при помощи знаний, документов и собственного представления восстановить хотя бы на бумаге для будущих поколений происходившие события. Сделать это нужно объективно, так как очень много появилось людей, посмотревших минутный ролик тик-тока и мнящих себя познавшими истину.

Обывателю, ошалевшему от смены общественно-экономической формации, непрекращающихся мировых конфликтов и смены ценников в магазинах, не до исторического прошлого. Он весь полон ожиданием будущего, и не задумывается, кто будет изучать его пуговицы через два столетия. Так и тянется время – не успел оглянуться – на те вам – смена поколений.

Линия была спроектирована летом 1746 года, когда сам командир Степного корпуса генерал от кавалерии Христиан Киндерман проследовал со свитой, состоящей из геодезистов и картографов, от Иртыша до Тобола. Он лично обозначил места строительства укреплений новой линии на берегах пресных озер, а поручик геодезии Андрей Силиверстов нанёс их на карту.. Сами крепости и редуты с маяками планировал ни кто иной как генерал Абрам Ганнибал, арап Петра Великого, прадед Александра Сергеевича Пушкина. Об этом я с большим удивлением узнал, внимательно изучив биографию генерала-фортификатора. Их было немало – инженеров, исходивших линию вдоль и поперек – Малм, Уксусников, Плутков, Зеленин, Петрулин, Часовников, Андреев – о каждом можно писать приключенческий роман.

С 31 июля 1752-го года руководил строительством командир Ширванского пехотного полка бригадир Иван Крафт, сменивший умершего Киндермана на посту командира Степного корпуса. Вплоть до 1758-го года он

а

занимался вопросами доставки к месту строительства людских ресурсов, продовольствия, инструментов, пушек... На работах были заняты батальон Вологодского драгунского и Ширванского пехотного полков, четырехсотная команда Нашебургского гренадерского полка, выписные казаки Ялуторовского и Ишимского иррегулярных полков, казаки Тюменского и Краснослободского полков.

Так, в именном списке казаков Ялуторовского казачьего полка за 1752 -й год значатся приписанные к крепости Пресногорьковской деревни Черемыховой Денис Мокин, Утяцкой слободы Алексей Фролов, деревни Предеиной Семен Предеин, деревни Новой Фома Лапин. В сентябре сюда были отправлены казаки Курганской слободы деревни Первухиной Филипп Перфялин, Белозерской слободы деревни Куликовой Федор Корюкин, Егор Шорин, деревни Смолиной Григорий Чуляков, Григорий Казанцев, Сергей Мамонтов.

Южнее линии несли дозорную службу драгуны Олонецкого и Луцкого полков, при поддержке тарских служивых людей. Последние были поверстаны в службу еще с 1732-го года. Киндерман, постоянно ссылаясь на немногочисленность населения, старался решить вопрос – еще в 1750-м году был проведен набор – десять человек от ста душ для службы на новой южной границе

Казаки, обжившие пойму нижнего Тобола, Исети и её притоков, неохотно покидали свои слободы и отправлялись на юг под конвоем. Некоторые бросались в бега сразу по прибытии на место. Крафт спешил – он требовал закончить основное строительство уже к зиме, чтобы в укреплениях могли зимовать конвойные команды, оставленные для охраны и разъездов вдоль Симовой черты. Осенью количество беглых увеличилось – нужно было убирать урожай в родных селениях. 25-го августа подполковник Иван Штруве из Звериноголовской крепости на Тоболе рапортовал Крафту о побеге 63-х казаков Ялуторовского иррегулярного полка. В начале сентября в лесную сторону на север отправились еще сорок два человека. Побег продолжался и позже - в августе 1757 года из Пресногорьковской бежали пять выписных. 17 сентября бежал еще один – "снес шубу баранью, зипун серого сукна, шапку белчину". Жалованье казакам было положено низкое - 3 рубля 52 копейки в год, три четверти ржи, да две четверти овса.

Осенью 1752-го года на новостроящуюся линию со старой Ишимской линии потянулись, утопая в грязи, обозы, везущие артиллерию: медные и чугунные пушки, ядра, картечь, фитили, порох. В девяти крепостях и 33-х редутах линии были оставлены на первую зимовку 1087 драгун и казаков.

Строительство продолжалось долгие годы. В нем участвовали и яицкие и донские казаки, и башкиро-мишарские команды, высылаемые сюда для несения пограничной службы сроком на один год по указу Екатерины Великой. Шло постепенное заселение крепостной слободы отставными драгунами и казаками.

Прапорщик Иван Щетнев в октябре 1767-го года сочинил опись Таболной линии крепости Пресногорьковской. Из нее следует: «при крепости Пресногорьковской положение места высокое и неводопойное между озер Пресным и Горким».

Слобода (иначе – форштадт) постепенно формировалась на восток от возводимой земляной восьмиугольной крепости и представляла собой две-три улицы между двумя озерами. По замыслу коменданта она должна была состоять из ста дворов, но к осени 1767 –го года из них были обжиты лишь половина (53). В 350 саженьях от крепости у горького озера располагались конопляники, овины и гумна обывателей.

Щетнев отмечает наличие березового и соснового лесу «местами на строение и мелочное зделье достаточно с бережливости». Не совсем понятно, почему лес в описи указан так далеко – от 10 до 15 верст. Возможно, в четырех крупных березовых колках, окружавших крепость – Лазаретник и Маяк, Татарский и Салотопник – было запрещено пилить лес на строительство и дрова из соображения безопасности. Жители имели возможность заниматься рыбной ловлей на озерах Пресном, Большом и Малом Шибаевом, Меншиковом, Тачитцовом, Вяткином, Березовом, Шамшурином и Стариковом. В озерах водился карась и разрешалось ловить его неводом с уплатой оброка. Некоторые озера лежат в степной стороне от 15 до 20 верст. Что касается сенных покосов и пахотных земель, то их вполне достаточно на положенное число дворов. Земли крепости на запад заканчивались в 17 верстах 60 саженьях

а

по линейной дороге к редуту Пещаному. На восток, на расстоянии 12 верст 250 сажень у бывшего редута Березового выкопана межевая яма и поставлен столб.

На 1765 год в Пресногорьковской крепости служили: солдаты Нашебургского полка, капитан, два капрала, барабанщик, 25 драгун Олонецкого полка, 20 солдат Вологодского полка, 2 денщика. 24 казака и «протчих» – 75 человек. Этими силами по приказу генерала И.фон Шпрингера было начато строительство земляного укрепления, одного из семи на линии*, с обязательной церковью в центре.

Вот откуда в огородах и в переулках Пресногорьковки до сих пор можно найти пуговицы различной формы, давным-давно потерявших своих хозяев.

Кроме пуговиц XVIII века попадаются пуговицы с мундиров чиновников, казаков, нательные крестики - их много в озере. В озерном песке много и монет разных веков. Это объясняется тем, что во время крещения был обычай бросать в иордань монету, и за многие годы их накопилось много. Большой урон был нанесен одним из последних советских директоров совхоза – ему пришла в голову мысль выгрести озерный песок и использовать его в строительстве домов. Песок выгребли вместе с монетами, а некогда песчаное дно стало илистым и заросло камышом.

Монеты попадают разные – полушки времен Анны Иоанновны (1736), сибирские монеты с соболями, отчеканенные на Колывани и в Екатеринбурге, "московки" с Георгием Победоносцем, огромные медные екатерининские пятаки. Часто встречаются монеты павловских времен (1796-1801). В последние годы находок становится все меньше – металлодетекторов становится больше и монеты вывозятся коллекционерами.

Декабристы на Сибирской линии

Крепости Горькой линии с момента их основания в середине XVIII века были местом ссылки для неблагонадежных правительству Российской империи людей. Предполагалось, что отдаленность от крупных уездных городов,

тяжелые климатические условия, отсутствие элементарного комфорта, а так же невозможность побега, сделают уголовного или государственного преступника безопасным для существующей власти.

Однако, мои поиски следов пребывания на сибирской линии Троицк-Петропавловск участников декабрьского восстания 1825 года на Сенатской площади города Санкт-Петербурга, увенчались находками лишь нескольких человек.

Из 115 этапированных к местам отбывания наказания декабристов лишь девять человек в разное время побывали в крепостях линии.

Их доставляла сюда фельдъегерская служба, имевшая для этого необходимые инструкции. Существовала строжайшая установка при следовании декабристов «держаться точно маршрута, не допускать разговоров с жителями селений, не принимать от людей пособия, и никому не сказывать кого, куда и откуда везут, не бывать в публичных заведениях». Фельдъегеря обязаны были останавливаться на почтовых станциях только для смены лошадей и ночевки через две на третью ночь. А.Е.Розен, отбывавший часть ссылки в Кургане, писал: «Нас мчали действительно по фельдъегерски. Скакали день и ночь, в санях дремать было неловко, ночевать в кандалах и одежде было беспокойно, потому дремали на станциях по несколько минут во время перетяжки».

Осужденных Верховным уголовным судом начали отправлять по два-три человека по графику с 21 июля 1826 года. Отправка длилась вплоть до 1828 года. Фельдъегерь Гредякин вёз в Зауралье Фёдора Гавриловича Вишневого (1798-1865), Епафродита Степановича Мусина-Пушкина (1791-1831) и Матвея Демьяновича Лаппа (1799-1841). Они были осуждены по XI разряду и по конфирмации 10 июля 1826 года приговорены к разжалованию в рядовые и отправке в дальние гарнизоны без лишения дворянства. Ворота Петропавловской крепости открылись для сидельцев 28 июля и начался длинный этап. Везли в почтовых перекладных повозках. Такой возок представлял собой досчатый ящик, поставленный зимой на санные полозья, и такой же кузов стоял на колесах летом. В Троицке «сошёл» Вишневский, Мусина-Пушкина «принял» в Звериноголовской крепости комендант майор А.П.Кадамцов, а Лаппа повезли по казачьему тракту на восток, через Пресногорьковскую и Пресновскую – в Петропавловск. 2 сентября Матвей (по другим источникам – Михаил) Лаппа стал солдатом батальонного гарнизона, в котором отбывали наказание служивые Семеновского полка, выступившие против правительства в 1820-м году.

Конвоир доложил в Москву:

«Фельдъегерь Гредякин, препровождавший трех человек, разжалованных в солдаты и именно: в Звериноголовский гарнизонный батальон Мусина-Пушкина, в Троицкий гарнизонный батальон Вишневого и в Петровский гарнизонный батальон Лаппу, показал, что все оныя разжалованные вели себя хорошо, были покойны, примечательных разговоров между ними никаких не происходило и ничего особенного не случилось; в места расположения

батальонов доставлены благополучно» (РГИА, фонде 36, оп.4., св.25, д.430 «Показания возвратившихся фельдъегерей». Л.8).

В этих крепостях сосланным декабристам не пришлось пребывать долго. После коронации Николая I, был подписан указ от 22 августа 1826 года. Начальнику Главного штаба И.И.Дибичу предписывалось: «... написанных рядовыми без лишения дворянства Петра Бестужева, Веденяпина 2-го, Вишневого, Мусина-Пушкина, Окулова, Фока, Лаппу перевести в полки Кавказского корпуса, дабы могли заслужить вину свою ... Император Николай».

Федор Вишневецкий оказался в пехотной группе Паскевича 1 февраля 1827 года. Участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах. 8 февраля 1828 года стал унтер-офицером. При взятии крепости Сардар-Абада был награжден знаком отличия военного ордена святого Георгия. 11.1.1833 года уволен от службы. Похоронен в Москве в Алексеевском монастыре. Могила не сохранилась. Мусина-Пушкина было предписано «отправить в г. Тифлис к господину Ермолову на почтовых с жандармами, а где их нет, то с благонадежными унтер-офицерами». В списках декабристов, прибывших на Кавказ, под порядковым номером «9» значится Мусин-Пушкин. Этот список (дело) начат 13 декабря 1826 г. По мнению курганского краеведа В.И.Бездомова, в декабре 1826 года он был уже на Кавказе. Умер Мусин-Пушкин 14 июля 1831 г. в укреплении Гагра.

Поручик Черниговского пехотного полка, полковой казначей, Виктор Осипович Сизиневский (1801) после начала восстания явился с повинной, но был приговорен к смертной казни. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «вместе с другими офицерами также последовал за Муравьевым и ... решился содействовать ему. Сизиневский по приказанию Муравьева занялся приготовлением полкового обоза и приемкою провианта» (ГАРФ.ф.109,1 эксп.,1826,д.61,ч.160, л.3-4 об).

Но решением от 12 июля 1826 года поручик был лишен дворянства и отправлен служить рядовым в сибирские гарнизоны. До 1839 года он служил в линейном №3 батальоне Петропавловска и рядовым переведен на Кавказ – в Тифлисский егерский полк. В 1841 году уволился в отставку с чином коллежского регистратора.

Людвиг Иосифович Вронский (1802-1855) – по происхождению дворянин Белостокской области. Был членом тайного Общества зорян и Общества военных друзей. Его арестовали в марте 1826 года по делу о выступлении Литовского пионерного батальона, отказавшегося принять коронацию нового императора. Высочайшим повелением смертная казнь через повешенье была заменена отправкой в Сибирь. В Петропавловск Людвиг прибыл из Омска и в течении трех лет (1827-1830) находился на каторжных работах вместе с уголовными преступниками. После тяжелых испытаний его перевели в Сибирский линейный батальон №2 крепости Пресновской. Здесь служил долгие годы и в 1848 году имел офицерский чин поручика. «Во время службы неоднократно бывал в киргизских степях, выполняя распоряжения пограничного начальника сибирских киргизов». Умер в Пресновской в 1855

а

году в чине штабс-капитана. (РГВИА, ф.801.оп.70.1827,д.45,ч.1-3.ГАРФ, ф.109,1 эксп,1827,д.136,ч.6)

Товарищ Вронского по тайному обществу Иван Станиславович Высоцкий (ок.1803-до.1854) происходил из древнего шляхетского рода. В 1827 году сослан в Сибирь в крепостные работы на пять лет с последующим оставлением на поселение. До мая 1830 го года содержался в Омской и Усть – Каменогорской крепостях. Далее служил в Петропавловском батальоне №3 до 1845 года. Был уволен от службы в чине поручика. Проживал в Петропавловске под секретным полицейским надзором. В 1847 году получал 114 рублей в год, пособие государственным преступникам от казны, был женат, имел детей. В Петропавловске ему помогали материально сосланные после восстания 1831 года поляки Ржонжевский и Вокулинский (по сведениям Бенюха М.И.).

Прапорщик Генерального штаба Степан Михайлович Палицын (1806-1887), воспитанник Благородного пансиона Санкт-Петербургского университета был членом Северного общества. Был арестован 3 января 1826 года и «содержался под строгим арестом по усмотрению» в Кронверкской куртине Петропавловской крепости.

«Его императорское величество, Всемилостивейше снисходя к молодости и неопытности Палицына, высочайше повелеть соизволил, не предавая суду, наказать исполнительною мерою, продержав еще один год в крепости, перевести в Петровский гарнизонный батальон тем же чином и ежемесячно доносить о поведении» (Алфавит Боровкова).

Дом-музей Нарышкиных в Кургане

Так Степан оказался в Петропавловске, куда прибыл по приказу от 7 июня 1826 года и прослужил в офицерском чине до 4 мая 1828 года, до перевода в Семипалатинск. В дальнейшем служил на Кавказе. Лишь в 1851 году получил разрешение въехать в Санкт-Петербург. Скончался во Владимире.

Судьба тысяч рядовых солдат, участников восстания, осталась малоизученной. Один из них – фельдфебель 2-й фузilierной роты Московского полка Александр Сергузеев – отбывал наказание в Пресновской крепости. В момент выхода из казармы он «по собственной инициативе велел солдатам взять с собой артельные, а у кого есть собственные деньги, говоря, чтобы с

ними не случилось, как с Семёновским полком». На допросе он также показал, что «Александр Бестужев сказал людям, чтобы они взяли на всякий случай боевые патроны».

Краевед Михаил Иванович Бенюх пишет: «В богадельне закончил свою жизнь сосланный в Пресновскую крепость бывший унтер-офицер Московского полка Александр Сергузеев. После многолетней службы рядовым в батальоне №2 он стал неспособным к несению воинской службы настолько, что его перевели в Ишимскую инвалидную команду (царь не давал отставку), где прослужив еще несколько лет скончался».

Девятым в списке декабристов, отбывавших наказание в крепостях линии, числится Николай Алексеевич Чижов (1803-1848), лейтенант 2-го флотского экипажа. Он был опытным моряком – несмотря на молодость в 1821 году плывал под командованием Ф.П.Литке к Новой Земле (его именем назван мыс на Кольском полуострове). Он был непосредственным участником восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и был арестован 17 декабря на квартире отца профессора Чижова. Отбывал наказание в Олекминске, Якутске, Иркутске. После настойчивых просьб отца профессора Петербургского университета Д.С.Чижова и его матери шеф жандармов Бенкендорф написал: «Снисходя к просьбе матери государственного преступника Чижова, определить в один из Сибирских линейных батальонов». Так Николай оказался в Тобольске, где подружился с автором сказки «Конек-горбунок» Петром Ершовым.

В 1839 году он несколько месяцев служил в Петропавловске. За храбрость, проявленную в одном из походов его произвели в прапорщики и послали служить помощником начальника продотряда в Омск. Лишь в 1843 году Чижову разрешили жить в имении матери – Чернском уезде Тульской губернии. Был холостяком, писал и публиковал стихи.

Севернее линии, в городе Кургане, в разное время находились на поселении 13 декабристов. Андрей Розен (1799-1884) оставил о них воспоминания. На городском кладбище, ныне городской сад имени Ленина, захоронены Иван Фохт (1794-1842) и Иван Повало-Швейковский (1787-1845). В доме Михаила Нарышкина (1798-1863) по улице Климова 80а ныне расположен дом-музей. Особняк Розена находится на улице Советская,67. В Смолино последний год своей жизни прожил поэт, лицейский друг А.С.Пушкина Вильгельм Кюхельбекер (1797-1846). Здесь был в ссылке Флегонт Башмаков (1774-1859), герой Отечественной войны 1812 года.

В своих мемуарах известный зауральский журналист Капитон Михайлович Голодников писал: «Будучи однажды у городничего Соболевского, он встретился с командиром казачьей бригады, квартировавшей в упраздненной крепости Пресногорьковской, полковником Эллизенем. Последний только что начал свой рассказ о каком-то служебном отличии, за которое он получил висевший на шее орден св. Анны 2-й степени. Флегонт Миронович, не дождавшись конца этого рассказа, подошел к нему и сказал: «Эх, полковник, не вам бы говорить, не мне бы слушать. Ну, какое же отличие

а

могли вы оказать по службе, разве только за свое пресногорьковское сидение? А я вот этот же самый орден получил в чине подполковника за Лейпциг, и вы согласитесь, что тут-то награды давались уж не за сидение».

В 1837-м году Курган посетил будущий император Александр II. Наследника в поездке по Уралу сопровождал поэт В.Жуковский. Встреча декабристов с поэтом произошла в доме Нарышкина. Её подробно описали в мемуарах Розен и Лорер, а также писатель Ю.Курочкин в книге "Уральский вояж поэта", выпущенной Южно-Уральским издательством в 1988 году.

Изучая биографии декабристов, я поймал себя на мысли, что о каждом из 115 ссыльных можно было бы написать повесть, а то и роман, настолько интересными и трагичными были их судьбы. Даже художественные фильмы, такие как «Союз Спасения», или книги – Тынянов Ю. Кюхля – не дают полного представления о глубине страданий представителей дворянского сословия, которые, по выражению В.И.Ленина «разбудили Герцена», со всеми вытекающими для Российской империи последствиями.

Факты из жизни известных сибирских историков

В этом исследовании я попробую проследить связь известных дореволюционных историков Западной Сибири непосредственно со станицами Пресногорьковской линии, выходцами из которых все они были, и где некогда укоренились их предки. Биографы историков исследовали все потаённые уголки их жизненного пути, поэтому я, не повторяясь, постараюсь изложить ранее неизвестные или малоизвестные факты.

Георгий Ефимович Катанаев (1848 – 1921).

Происхождение фамилии «Катанаевы» традиционно относят ко времени, когда эвенкийский князь Гантимур принял в XVII веке российское подданство. У него был сын Катан, вот и ведут свою родословную Катанаевы от него. Для подтверждения или опровержения этой версии нет достаточной информации.

Будущий известный сибирский историк Георгий Ефремович Катанаев родился в станице Атбасарской 22 апреля 1848 года. Станица была основана тремя годами ранее казаками, выехавшими сюда с семьями из станиц

Пресногорьковской линии. В их числе были и пресногорьковские казаки Безъязыковы, Черепановы, Бахиревы, Бухряковы, Еремины, Плехановы, Куреневы, Рытовы, Тупицыны, Ханины... Прибыл в первой партии и отец будущего историка хорунжий Ефрем Трофимович Катанаев.

В ревизской скаске за 1782 год по крепости Пресногорьковской значились в списке драгун и солдат – Андрей Кондратьев сын Катанаев 54, жена Ульяна Григорьева дочь 50, дети на пропитании Григорий 31, Панфил 21, Григорей 20, Трофим 14. Рожденная на поселении дочь Татьяна 14 (ТФ ГАТО, ф.154). У Трофима Андреевича в 1811 году родился сын Ефрем, воспитывавшийся при родителях и вступивший в службу в 1-й казачий полк 20 ноября 1828 года.

До переселения во внешний округ Ефрем с апреля по сентябрь 1843 года находился в отряде пресногорьковского войскового старшины Фёдора Бедрина. Казаки по приказу генерал-губернатора П.Д.Горчакова были отправлены в Курганский и Ялуторовский округа для прекращения волнений государственных крестьян, направленных против реформ П.Д.Кисилёва т.н. «картофельных бунтов». Сотня действовала решительно, особенно в «центре волновавшихся селений» – селе Чернавском, и далее – до Кургана. За успешные действия войсковому старшине Бедрину было пожаловано дворянство.

12 августа Ефрем отправился на речку Убаган и почти два года – до мая 1845 года – провёл во внешнем Аман-карагайском округе. На самом пикете казаков было немного, основная масса их была распылена по наблюдательным постам. На посту Тюнтюгур 1 сентября Ефрем заметил Каратавских барантовщиков числом около 300 человек, гнавших похищенных ими лошадей и настигнув их с одним урядником, 18 казаками и 15 киргизцами (так в документе) отбил до 750 лошадей.

В 1844 году Ефрем Трофимович получил за отличие первый офицерский казачий чин – хорунжий. В следующем году он с партией казаков основывает Атбасарскую. В момент рождения будущего историка Сибирского казачьего войска Георгия, Ефрем командует заграничным отрядом из двух сотен казаков при урочище Караджар (апрель - октябрь 1848 года).

В 1863 году войсковой старшина Ефрем Трофимович Катанаев проживал в собственном деревянном доме в станице Акмолинской. Был женат вторым браком на дочери священника Марии Григорьевне Ильиной. Кроме сына у Ефрема и Марии была дочь Елизавета, 1845 года рождения.

Государственный исторический архив Омской области Ф. 67 оп. 1 д. 701 л. 482-486 (формулярный список на 01.01.1855), Ф. 67 оп. 1 д. 804 л.1-2 (кондуитный список за 1858 год)

Предстоит выяснить, в каком полку служил прадед Г.Е.Катанаева Андрей Кондратьевич (Ширванский пехотный или в одном из трех драгунских полков, расформированных Екатериной Великой в 1771?) и искать дальше.

Н.Г.Катанаев , выпускник Сибирского кадетского корпуса.1904 год

Сын известного сибирского историка, генерал-лейтенанта Г.Е.Катанаева, Николай является соавтором трёх альбомов, свидетельствующих о вере, быте, службе и занятиях сибирских казаков – «Виды территорий СКВ», «Типы построек в станицах», «Типы казаков. Сибирские казаки на службе и дома». Альбомы были представлены в экспозиции грандиозной 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки, прошедшей в Омске в 1911 году.

Он сделал целый ряд фотографий, которые сегодня являются уникальными и не имеют аналогов. Без подобной работы Николая Георгиевича история дореволюционной жизни станиц Пресногорьковской и Иртышской линий, селений в Кокчетавском и Петропавловском уездах Акмолинской области выглядела бы значительно беднее. Ст. Пресногорьковскую хорунжий Катанаев снимал весной 1909 года, оставив для потомков семь фотографий – церковь с юго-западной стороны, внутренний интерьер зимнего придела храма, группу женщин и казаков, участников среднеазиатских походов, южную часть дома Василия Кладенова и внутренний интерьер зала, окна которого смотрят на юг и фотоснимок смешанного казачьего училища.

Его отцу, тогда полковнику, Георгию Ефремовичу Катанаеву принадлежит ряд снимков 1896 года – «Субботний торжок в станице Пресногорьковской», «Чины станичного управления станицы Пресногорьковской». Есть еще два снимка – Свято-Никольская церковь, снятая с юго-востока, и алтарная часть летнего придела. Они датируются 1900 годом. Но, возможно, что они также принадлежат Г.Е.Катанаеву (1896 год).

Снимок Пресногорьковки, сделанный с пожарной каланчи фотографом Э.Ярженевским помещен в XVIII том собрания сочинений «Россия. Полное описание нашего Отечества», - СПб, 1903 год. Достоверно неизвестно, когда был сделан снимок – для публикации в книге или ранее. О личности фотографа сведений нет.

Еще одно фото церкви с северной стороны сделано ранее 1911 года предположительно женой священника Александрой Христофоровной Преображенской (1910), увлекавшейся фотографией.

Как сложилась судьба Николая Катанаева?

Родился 5 декабря 1885 года, в 1904 году окончил Сибирский кадетский корпус в Омске и отправился в Москву, где учился в Александровском военном училище, готовившего пехотных офицеров. В 1909 году служил во 2-м Сибирском казачьем полку в чине хорунжего. На 05.10.1914 в составе 2-го Сибирского казачьего полка, подъесаул, начальник войсковой мастерской и заведующий войсковым музыкантским хором.

28.11.1914 был переведен в 5-й Сибирский казачий полк, подъесаул. В Гражданскую войну в белых войсках Восточного фронта; в 1918-1919 гг. в штабе Сибирской армии, с июня 1919 г. заведующий оружием 2-го отдела Сибирского казачьего войска. Есаул (1919). Женат, три сына и дочь.

Убит или умер в 1920 г. в Томской тюрьме.

Шадринский фотограф Николай Прибылёв снимал поездку цесаревича по линии и смену конвоя в урочище Красный Столб, на границе с Оренбургской губернией. Но эти фотографии до сих пор не найдены.

Николай Алексеевич Симонов (1851- не ранее 1917)

В бытность студентом исторического факультета Кустанайского педагогического института я работал над материалами военно-хозяйственной колонизации северных районов Акмолинской области. В изучаемых мною источниках часто встречались ссылки на мемуарные труды Николая Алексеевича Симонова – на «Очерк службы 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка». Многие, но отнюдь не все, воинские подразделения императорской армии имели своего историографа и полку, к которому был приписан в 1914 году цесаревич Алексей, определенно повезло – в разное время о нём оставили сведения Фёдор Усов, Николай Путинцев, Григорий Николаевич Потанин, Георгий Ефимович Катанаев, но наиболее полную картину формирования полка и его участия в среднеазиатских походах нарисовал в мемуарах Николай Алексеевич Симонов.

Без его труда я не мог двинуться дальше в своих студенческих изысканиях. Книги, увидевшей свет в 1901 году, не оказалось в областных

библиотеках Кургана, Кустаная и Петропавловска. Пришлось отправить запрос в Москву, в главный книжный архив страны – Публичную библиотеку имени В.И.Ленина. Существовал в советское время обмен редкими книгами по межбиблиотечному абонементу – по запросу библиотека высылала читателю нужную книгу на определенное время. Сегодня система кажется анахронизмом, но в те годы работала без сбоев.

Но из знаменитой «Ленинки» пришел неожиданный ответ, что единственным экземпляром книги библиотека рисковать не может. Так и остался я на два десятилетия в неведении, лишь догадываясь, о чём же писал в книге Симонов. Лишь в 2009 году репринтные воспоминания были переизданы по инициативе О.Г.Шилова и я, наконец, открыл книгу.

При её написании автор пользовался трудами Словцова, Усова, Ухтомского, материалами «Военных сборников», документами из архива штаба полка, приказами по войскам Туркестанской армии. Наиболее интересными были страницы с описанием походов, в которых автор принимал участие. Он лично знал знаменитого Михаила Скобелева, полковника Семена Елгаштина, генералов Кауфмана, Терентьева, Головачева, Куропаткина и многих других известных исторических личностей Туркестанской армии. Николай Алексеевич описал службу полка на среднеазиатских границах, походы на Хиву, Коканд, Андижан, Джамму и Кульджу. Отдельную часть книги занимал отчет о посещении 1-го военного отдела цесаревичем Николаем в 1891 году. Книга написана живым, образным языком. Содержит хронологию походов, характеристики командиров, описание подвигов рядовых и офицеров – Сулова, Угренинова, Трошкова, Березутского, Еркового, Панкова, Асанова, Калугина, Косых, Еремина, Ильина, Милюшина, Менькова, Куянова, Агеева, Кучковского, Мутасова, Дробышева, Мурзинцева, Кириллова, Левашова, Иванкина (ординарец Скобелева), Петрова, Герасимова и других. Симонов был свидетелем событий, его видение происходящего – ценный источник информации для исследователя, изучающего этот период истории.

Кем же был автор книги? Его фамилия звучит в строках сборника «Песни сибирских казаков», изданном в Петрограде в 1916 году. Песня «Здравствуй, Симонов, полковник!» была записана неизвестным народным автором в 1895 году, во время похода полка с китайской границы в родные места.

Здравствуй, Симонов, полковник!
Мы пришли теперь в запас,
Со полком мы распростились,
И желаем видеть Вас.

Хотя мирно отслужили,
Так ведь не было войны,
Ну, а если вдруг объявят
Будем вновь готовы мы.

Вот опять, родной начальник,
С храбрым взглядом видим Вас,
Слаще вдруг на сердце стало,
Ободрил ты снова нас.

Сочинили Вы неплохо,
Дай Бог счастливо служить,
Мы сердечно Вам желаем
Генерала получить...

Надо отметить, что далеко не о каждом командире создавали в народе песни...

В апреле 1897 года Николай Алексеевич, находясь в должности атамана 1-го военного отдела, получил звание генерал-майора от кавалерии. Первой пробой пера генерала стал названный мною «Очерк...». Он писал 15 октября 1899 года в станице Кокчетавской:

« Начиная с первых дней движения русских вглубь Азии казаки полка принимали самое деятельное участие во всех его походах. В Амолинской и Семиреченской областях нет уголка, который не был бы им хорошо известен. Они изъездили по всем направлениям Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области, побывали в хивинских и туркменских степях, на самой границе Персии, были и в Бухаре и Кашгаре, даже проникали в нагорный Кафиристан. В последнее время они изучили нашу границу с западным Китаем, не раз посетив пограничные провинции Поднебесной империи. Такая деятельность полка за вековой период его мирной и боевой жизни не может не обращать на себя внимания».

«Очерк...» был издан московской типографией Кушнерева в 1901 году и вызвал живой интерес у любителей истории и исследователей Средней Азии. Тогда же вышли в свет воспоминания Симонова о поездке цесаревича Николая. Атаман 1-го отдела был активным организатором и участником события лета 1891 года. Он планировал поездку и ночлег наследника престола на Пресногорьковской линии – от Петропавловска до границы с Оренбургской губернии. К приезду наследника в Омске было собрано 14 сотен в составе трех полков под командованием полковника Симонова, их представили цесаревичу. Позже по линии пели:

Полковой наш командир
Нас для встречи приводил,
Атаман наш, бригадир-
Сам Симонов командир.

После поездки и ночлега «перед выездом из Пресногорьковска его высочество потребовал к себе на квартиру (дом купца Василия Кладенова – прим.С.В.) председателя войскового правления и атамана 1-го отдела.

Милостиво поблагодарив каждого за радушный прием и порядок, который соблюдался во время проезда по линии, Цесаревич выразил свою благодарность атаману за прекрасное состояние полков, представлявших ему в Омске. Он вручил полковникам Симонову и Катанаеву свои портреты с собственноручной подписью «Николай 1891 г.» – пишет Симонов в воспоминаниях.

В 1907 году была опубликована «Краткая история 1-го СКП». В нее были добавлены сведения о походе в Китай в 1900 году и ряд песен с комментариями автора.

Николай Алексеевич Симонов ушел в отставку в марте 1907 года.

Его послужной список содержит длинный ряд званий и наград. Перечислю некоторые из них.

Военное образование получил в Сибирской военной гимназии – так одно время называли Сибирский кадетский корпус в Омске, и продолжил свое обучение в Московском Александровском военном училище. Окончил его в 1869 году, а 11 августа 1871 года хорунжим вступил в службу в 1-й полк. Полтора года в чине есаула командовал сотней. В 1882 году был назначен командиром полка, а с 1888 года – атаманом 1-го военного отдела. В 1900 и 1904 годах командовал Сибирской казачьей дивизией, которая была сформирована в Омске из 4,5,6,7,8, и 9 полков.

10 марта 1904 года начальник штаба Сибирской казачьей дивизии полковник Георгий Данилов записал в дневнике: Сегодня последний день занятий. Он закончился общим завтраком, на котором присутствовал и генерал Симонов. Не обошлось дело и без речей. Я с жадностью слушал речь Николая Алексеевича. Просто и ясно высказывал он свои взгляды на необходимость обдуманной работы в бою, на согласование знаний с умением применить их к обстановке; в выносливости и лихости своих казаков он не сомневался и чрезвычайно образно обрисовал традиционную отличительную черту конных атак Сибирских казаков в Туркестане, там они работали всегда «чисто», то есть в таких атаках противник ложился под шашками и пиками казаков до последнего. Да и отказа в атаках казаки не знали" (в журнале "Земля Иркутская.№2,2004)

По прибытии в Маньчжурию дивизия представилась главнокомандующему, и 14 мая 1904 г. генерал Куропаткин телеграфировал войсковому наказному атаману Сухотину следующее: «Осмотрел сибирскую казачью дивизию; нашел в порядке и благоустройстве. Люди здоровы, лошади в хороших телах. 4-й, 5-й и 8-й полки благословил в бой» (И.Тонконогов. Разведчик).

"Подкрепления прибывают ежедневно. Сибирские войска обращают на себя внимание. Люди все высокого роста, крепкого телосложения, большинство носит окладистые бороды – вообще производят вид внушительный. Кони у сибирских казаков сытые, рослые, в особенности по сравнению с лошадьми забайкальских казачьих полков. Люди одеты уже по летнему. Серые рубашки и такого же цвета чехлы на фуражках. Казаки же имеют весьма оригинальные рубашки светло-коричневого цвета с красными

а

погонами и такого цвета оторочками по воротнику, рукавам и на груди. На рубашках нашиты газыри для патронов. Передняя шеренга вооружена пиками.

7-го мая командующий армией произвёл смотр вновь прибывшим частям на обширном поле к югу от станции. После объезда, войска и обозы, войсковые и санитарные дефилировали перед командующим, удостоиваясь одобрения за хорошее прохождение и молодцеватый вид. В свите командующего было много иностранных военных агентов, число которых всё увеличивается... После смотра войска расположились биваком в окрестностях Ляояна, а некоторые из них в следующие дни отправились далее по назначению". А.Сафонов.

В конце мая Симонов заболел и отбыл в отпуск на лечение. Его сменил на должности начдива генерал Самсонов. В Маньчжурию Николай Алексеевич не вернулся.

19 марта 1907 года «уволен от службы, за болезнью, с мундиром и пенсией».

Участвовал в среднеазиатских компаниях 1873, 1875-76, 1878 годов и русско-японской войне 1904-05 гг.

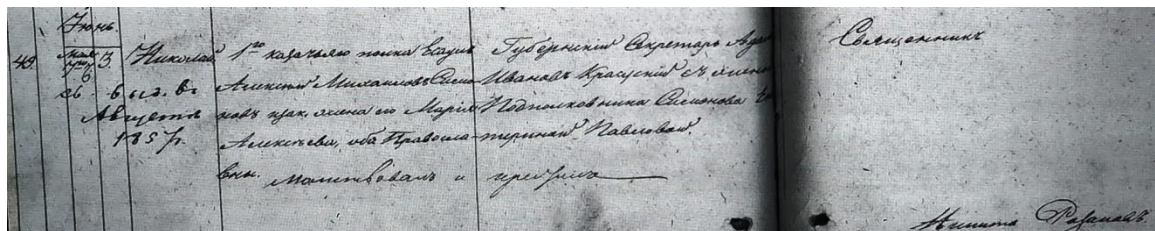
Награжден шестью орденами:

Воспитал четверых детей:

Николай (1885-не ранее 1917). Родился в г. Верный. Окончил Сибирский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. Участник Первой мировой войны. Награжден двумя боевыми орденами.

Владимир (1887-1915). Окончил в 1905 году Сибирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. Награжден шестью орденами. Умер от ран 4 августа 1915 года.

Последнее открытие мне удалось сделать совсем недавно. Изучая метрическую книгу Свято-Никольского храма в Пресногорьковке я обнаружил запись о рождении 7 мая 1851 года сына Николая у родителей «1-го казачьего полка есаула Алексея Михайловича Симонова и законной жены его Марии Алексеевны». Восприемниками стали «губернский секретарь Адам Красуский с женою подполковника Симонова Екатериной Павловой». Младенец был крещён 3 июня иереем Никитой Розановым.

Запись свидетельствует о рождении будущего историографа в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда. Так была сделана еще одна находка после записей о рождении полковников Фёдора Карповича Набокова, Семена Алексеевича Елгаштина и генерала Николая Павловича Кубрина.

Николай Григорьевич Путинцев (1860 - не ранее 1914).

Перу уроженца станицы Петропавловской Петропавловского уезда Акмолинской области принадлежит интересный труд «Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска», изданный в Омске в 1891 году к приезду цесаревича Николая. Кроме этой безусловно, очень важной для историков работы, Путинцев принимал участие в составлении Путеводителя по Пресно-Горькой линии. За труды по собиранию материалов, относящихся до истории Сибирского казачьего войска и за составление исторической хроники этого войска Всемилостивейше награжден «вне правил» орденом св. Станислава 2-й степени 8 июля 1898 г.

Родился в семье есаула 2 мая 1860 года. Окончил Сибирскую военную гимназию и Александровское военное училище в Москве в 1878 году. За отличие по службе произведен в полковники 6 мая 1903 г. Ввиду объявления мобилизации войск Сибирского военного округа вновь вступил в должность старшего адъютанта Окружного штаба 2 февраля 1904 г. Уволен со службы на пенсию в чине полковника в 1911 году.

Женат вторым браком на Петербургской 2-й гильдии купчихе девице Марии Николаевне Малышевой. От первого брака имеет детей: Георгия (11 марта 1882 г.), Зою (15 августа 1885 г.), Михаила (6 ноября 1890 г.) Жена и дети вероисповедания православного.

РГВИА, фонд 409, № 260-691, 1911

Николай Ильич Потанин (1801- не ранее 1857)

В середине XIX века в 150 верстах к западу от уездного города Петропавловска, на казачьем тракте, между двух огромных озер, уютно расположился небольшой поселок Островка, приписанный тогда к станице Пресновской. В 1878 году в нем проживало ровно 700 жителей обоего пола, занимавшихся земледелием и скотоводством. Село Островка упразднено в прошлом 2018 году. Для историка оно интересно событиями гражданской войны, оставившими на западной окраине села братскую могилу. В ней лежат красные бойцы 35-й дивизии, попавшие в железный капкан Сибирского казачьего корпуса теплым сентябрьским утром 1919 года. Отсюда прорывались к Казанской остатки изрубленного 43-го полка под командованием будущего маршала, героя Сталинграда, Василия Ивановича Чуйкова. Но, кроме названных событий столетней давности, есть еще одна веха в истории нашего

края, которая будет время от времени возвращать пытливого читателя к этому оставшемуся лишь на старых картах названию – Островка, Островный, Островский...

Эта вежа – жизнь в наших местах Ильи Андреевича и Николая Ильича Потаниных, деда и отца известного путешественника, этнографа, писателя Григория Николаевича Потанина (1835-1920гг.). После основания Новоишимской (Пресногорьковской) линии крепостей и редутов, протянувшейся от урочища Звериная голова на Тоболе через край горько-пресных озер до Омской крепости на седом Иртыше, появились в этих местах городские казаки из сибирских слобод и острогов – Тюмени, Царева кургана, Тобольска. Прадед Григория Потанина Андрей прибыл с братом из Тары в середине 50-х годов и был одним из первых строителей редута Второпресного, простоявшего до 1764 года.

Сын Ильи, родившийся здесь, дослужился до сотника в основанной позже Островке, предположительно возникшей на месте упраздненного редута Второпресного (самая ранняя запись об Островке найдена автором в «Списке крепостей и редуты Сибирской линии» за 1802 год). В литературе встречаются упоминания об участии Ильи в Отечественной войне с Наполеоном, но ряд аргументов опровергают это предположение. К 1812 году Илья был в почтенном для службы возрасте, кроме того, сибирские казаки принимали участие в Отечественной войне лишь в составе выведенных ранее генералом Антоном Скалоном (1808-1809 гг.) армейских полков. Кроме службы Илья занимался разведением и торговлей лошадьми, в которых знал толк. Бабушка Степанида рассказывала маленькому Грише как дед возил ее в телеге с утра до вечера по пресновской лесостепи, показывая бесчисленные косяки лошадей, а когда он скончался (после 1820 года – прим. С.В.) в Островку, для дележа скота между тремя братьями, пригнали коров и овец и загнали в загоны трех домов, а лошадей даже не пригоняли – делили в степи. Илья поддерживал связи с богатыми и влиятельными баями, имел тамыров во многих аулах, часто ездил в гости и сам принимал степных гостей. Особенно гордился он письмом хана Абылая, показывая всем отпечаток печати, сделанным перстнем самого хана (сложно сказать, принадлежало ли письмо хану, было ли адресовано Илье Андреевичу или кому-то другому – Абылай скончался в 1784 году, но оно было несомненной реликвией сотника).

Состоятельный Иван Андреевич Потанин, прослышав об открытии в Омске войскового казачьего училища в 1813 году, отправляет учиться сыновей Дмитрия (1792 г.р.) и совсем маленького Николая (1801г.р.). Училище открыл давний его знакомый, пресногорьковский майор, атаман Сибирского казачьего войска Федор Карпович Набоков (1768 -1831 гг.). Поначалу из его стен должны были выпускаться урядники, а с 1822 года – офицеры войска. Содержание воспитанников целиком ложилось на казачьи общества и родителей. Старший сын Дмитрий (18 лет, из казачьих детей, 2 аршина 3 вершка; лицом бел, глаза серые, волосы светло-русые, щедро вихров (?), нос средний, говорит просто, [в службе казаком] с 811г., холост. – Списки СКВЛ, 2-й полк) уже имел звание

урядника и был приглашен продолжить образование. Дмитрий служил на Иртыше, в станице Семиарской, будучи есаулом, командовал 7-м казачьим полком. В 1825 году им с помощью казаков в Семиарской была построена каменная церковь Всемилоостивого Спаса. «Церковь с двумя колокольнями, которые не примыкают к центральному зданию с куполом, а выстроены в виде отдельных башен, одна к северу, другая к югу от церкви, купол над центральным зданием плоский, и весь ансамбль этого сооружения скорее напоминает мечеть, чем церковь», - вспоминал Григорий Потанин. В 1838 году был председателем Семипалатинского земского суда, был награжден орденами Святой Анны 3-й и 4-й степеней. Дмитрий Ильич имел влиятельные связи в Омске, сумел приумножить доставшееся от отца достояние (до 10 тысяч голов лошадей). Кроме того, в 1833 году он удачно женился на дочери томского золотопромышленника Павле Александровне Гороховой(1808 г.р). У них в 1834 году родилась дочь Елена (Леонтина). Гриша Потанин жил в Семиарской два года(1841-1843 гг.), дядя обещал устроить его после начальной подготовки в столичный кадетский корпус, но в 1842 году простудился и умер. После его кончины Павла вышла замуж за барона Мейршейфа фон Гильзена (ум.10 апреля 1858 года, погребена: Николаевская церковь села Колыон, Мариинского уезда, Томской губернии).

Николай Ильич Потанин изучал в казачьем училище Закон Божий, историю и географию, арифметику, алгебру («до пропорций гармонических»), геометрию, тригонометрию, грамматику, военную топографию, артиллерию, фортификацию, рисование и черчение пером и кистью. Окончив полный курс со своими товарищами Симоновым, Шрамовым, Панковым, Толмачевым Николай был выпущен казаком в конно-артиллерийскую бригаду войска. В 1821 году по достижении двадцатилетнего возраста он становится урядником, в следующем году получает первое офицерское звание прапорщик с переводом во 2-й конный казачий полк, базировавшийся в редутах Пресновской крепости. В 1829 году хорунжий Потанин был вызван в Омск, где от командующего войсками Западной Сибири генерала И.А.Вельяминова получил приказ сопроводить в Коканд ханское посольство от иртышских форпостов до Ферганской долины. Николай Ильич записал в дневнике: «По воле высшего начальства я был назначен в 1829 г., мая 17-го дня для сопровождения до г. Ташкента коканских посланников, бывших в С.-Петербурге, и кроме сего поручения имел обязанностью делать съемку и описывать по мере возможности положение и свойство тех мест, чрез которые мне проходить надлежало. ...Я необходимостью поставил сообщить моим соотечественникам некоторые о них сведения, полученные мною во время прохождения оных и во время... моего пребывания в городах Ташкенте и Кокане». После курса обучения тонкостям маршрутной съемки Николай Ильич отправился в Семипалатинск. Дорога шла через Ямышевскую крепость, в которой, он, должно быть, познакомился со своей будущей женой. По мнению А.Л.Захаренко: «Потанин, наряду с охраной посольства, подарков хану, должен был выполнить задачи дипломатические – расположить к русским хана, его приближенных, правителей крупных городов

на пути следования, и научные, посильные целой экспедиции». Николай Ильич находился в поездке с 12 августа 1829 по 24 мая 1830 года. Вместе с ним был конвой из 13 казаков.

Дневниковые записи под названием «Записки о коканском ханстве хорунжего Н.И.Потанина» были опубликованы в популярном «Военном журнале №4,5» за 1831 год. Они были с большим интересом встречены российскими читателями. Впоследствии «Записки» неоднократно переиздавались различными историко-географическими изданиями. Написанные чрезвычайно талантливым, живым языком, «Записки», по свидетельству П.П.Семенова-Тяньшанского, дошли до Александра Гумбольдта и были использованы им в капитальном труде «Центральная Азия».

С 1834 года началась служба Николая Потанина в звании есаула в недавно созданном Баянаульском внешнем округе, начальником военного гарнизона. Происходят изменения и в личной жизни есаула – он женится на Варваре Филипповне Труниной (1811 г.р.), дочери заслуженного артиллериста, штабс-капитана Филиппа Львовича Трунина(1775-1841 гг.). Свадьба состоялась в крепости Ямышевской, сюда же в следующем году «отец привез в Ямышево свою жену в дом своего тестя только на короткое время, чтобы дать ей возможность разрешиться от бремени...Мой дед не сделал военной карьеры, потому что имел большую семью, у него было 17 детей, из которых взрослого возраста достигли три сына и шесть дочерей» [Потанин Г.Н.].

Григорий родился 22 сентября (ст.ст.) 1835 года и уже через полгода был увезен в станицу Пресновскую, где провел с перерывом восемь детских лет. Николай Ильич Потанин продолжал службу далеко южнее линии. В 1839 году военный отряд под его командованием направлялся к берегам Сарысу. Здесь произошел случай, прервавший блистательную карьеру и круто изменивший жизнь всей его семьи. В отряде кроме казаков, были солдаты и артиллерия, которые подчинялись своим командирам. Казак из отряда Потанина взял ружье пехотинца, стоящее на сошках возле палатки, и на охоте выстрелил в воду, повредив ствол. Пехотный офицер наказал казака, не уведомив Потанина. Последний велел арестовать проморгавшего свое оружие солдата. Случай этот перерос в драку между командирами и их подчиненными. Обе стороны отправили рапорт о происшедшем каждый своему начальству. Потанин по приказу генерал – губернатора Западной Сибири П.Д.Горчакова был отдан под суд, год провел в тюрьме и разжалован в рядовые казаки. Не помогло вмешательство влиятельного брата, богатые подношения нужным людям. У Горчакова сложилось мнение о недисциплинированности офицеров-казаков и он принял решение сурово наказать одного из них, чтобы «другим неповадно было».

Николай Ильич оказался в тяжелейшем положении. В 1840 году скончалась Варвара Филипповна (похоронена в Пресновской), чуть позже – брат Дмитрий, единственный, кто помогал ему в судебной тяжбе. Он остался с пятилетним сыном на руках практически без средств к существованию – все состояние было потрачено на прекращение судебного дела. Гриша до смерти

а

дяди проживал в Семиярской, и, приехав в Пресновку в 1843 году, был взят на воспитание в семью полковника Мориса Эллизена, командира казачьей бригады. Отца Григорий видел редко – друзья «назначили отца в состав экспедиций, которые ходили в степь для усмирения киргизского бунта, поднятого Кенесарой, после каждого такого похода начальник отряда представлял моего отца к прощению и возвращению ему офицерского звания. Таким образом, он совершил четыре или пять длинных походов в степь. Во время экспедиции генерала Сивергельма, в звании рядового казака, доходил до коканских городов Сузака и Чимкента, за недостатком топографов ему поручено было произвести маршрутную съемку вдоль реки Сары-су, от гор Улутау до ее устья. Барон Сильвергельм представил его к награде, но князь Горчаков остался при своем решении не щадить казачьих офицеров». Сделанная Потаниным топографическая съемка, описание местности вдоль реки Сары-су, стала одним из основных источников для составления третьей части (Киргизская степь Западной Сибири. 1852 г.) XVII тома фундаментальной энциклопедической работы «военно-статистическое обозрение Российской империи». Лишь в 1855 году указом Александра II ему даровано звание хорунжий.

Церковь в Пресновке, построенная Николаем Ильичом Потаниным

В период между походами Николай Ильич жил в своем доме в Пресновской. Вместе с ним проживала сестра Меланья Ильинична с мужем Кирилом Корнеичем. Приходили в гости племянницы – старшая была замужем за казачьим фельдшером Чучкиным, а младшая Прасковья сильно привязалась к двоюродному брату Грише. Она совместно с Эллизенами занималась его воспитанием. Бывали у Николая Ильича добрые знакомые из Степи, желанным гостем в доме был Чингис Валиевич Валиханов, сын последнего хана Среднего жуза Вали. По словам Сабита Муканова: «Николай Ильич был и офицером и российским верноподданным, но выросший среди казахов, он дружил со многими из них. Знакомясь с казахской историей, бытом и культурой, он видел в казахском народе черты добродушия и честности. Можно сказать даже больше: он полюбил казахов, стремился приобщить их к русской культуре, чтобы открыть дорогу гражданскому росту народа».

Главной заботой Николая Ильича Потанина было строительство новой большой деревянной церкви. Ему поручили надзор за постройкой и он увлеченно эти занимался – чертил планы, делал разрезы, производил расчеты. Часто его можно было увидеть среди строителей храма во имя Архистратига Божия Михаила, дающего распоряжения строителям. Церковь была освящена в 1847 году. «Построена тщанием прихожан. Зданием деревянная, с такою же над папертью колокольнею, прочна и утварью достаточна» (описание 1914 года). Уроженец Пресновки, известный писатель Иван Петрович Шухов такой видел церковь в 1912 году: ««Срубленная в лапу из могучих лиственничных бревен и обшита снаружи продольными тесинами с пазами, имитирующими кирпичную кладку, пропитанная при многократных покрасках вековым наслоением белил, церковь и впрямь выглядела белокаменной. Белокаменной. И в то же время маловесомой, строго – нарядной, слитной, с шатровой, порывисто устремленной в небесную высь, увенчанной жарко горевшим крестом колокольней. Церковь покоилась на самом возвышенном месте станицы - на Древнередутском холме бывшей сторожевой казачьей крепости, обнесенной земляными валами. Оттого-то так хорошо и видна была она издалека - со всех дорог, сходящихся с четырех сторон света к станице».

Найти сведения о последних годах жизни Николая Ильича Потанина не удалось. Появляющиеся в прессе сведения о том, что он с мая 1854 по декабрь 1857 года служил на золотых приисках дальнего своего родственника Философа Горохова ничем не подтверждены. Тем более что купец Горохов вчистую разорился и умер в нищете, потеряв все имущество в 1855 году. Дата смерти Николая Ильича точно не определена, 1858? 1860? год. Не удалось установить и место погребения. Да и столь ли важно знать об этом. Главное – помнить о том огромном вкладе, который внес Николай Ильич Потанин в развитие истории и культуры нашего края в далеком уже девятнадцатом веке.

Читатель, проезжая по шоссе Кустанай-Петропавловск, остановитесь на минуту и постройте на обрыве огромного озера, на северном берегу которого прячутся в туманной дымке крыши домов последних жителей Островки. В скором времени лишь старые карты и книги напомнят нам о ней и о людях, некогда живших под этим вечно безмятежным небом, отраженным в озерной глади...

Григорий Николаевич Потанин (1835-1920)

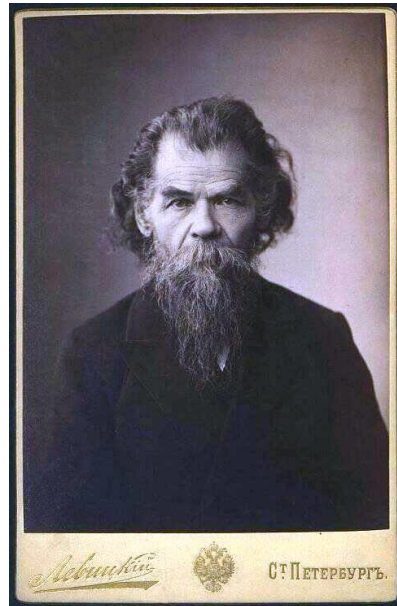
Свои детские годы будущий путешественник, историк и писатель, провёл в горьколинейной крепости Пресновской (в 1836-1841, 1842-1846 гг.). Отрывки из его воспоминаний я привожу, не меняя орфографию документа. Воспоминания написаны живым, образным языком, и дают представление о жизни офицерской семьи в середине XIX века на далекой окраине империи.

1836-1841гг.

«Я начал помнить себя только с пяти лет. На пятом году жизни я лишился матери, и я ее не помню. О своей жизни до этого момента я знаю только из рассказов моих родных. Отец рассказывал мне, что, когда мне было полгода, ему пришлось перевозить меня из Ямышева в Пресновск. Это было зимой; он с

а

женой ехал в кошеве; полугодовалый ребенок был привязан к подушке. Дорогой ямщик остановил лошадей, разбудил спящего отца (была ночь) и сказал, что ему показалось, будто что-то с воза упало. Подушки с ребенком не оказалось. Испуганные родители бросились назад по дороге и нашли на порядочном расстоянии от кошевы подушку с путешественником, лежащим на ней, носом кверху, и продолжающим спокойно спать. Это было начало моих путешествий.

У моего отца в Пресновской станице был свой дом; брат и сестра жили в нем вместе. Старшая дочь Мелании Ильинишны была замужем за доктором Чучкиным, который тоже жил в Пресновске; младшая ее дочь, Прасковья, девица, жила с нами. Вот она-то и заменила мне мою покойную мать. Я ее звал своей мамой и должно быть, любил.

В то время, вероятно, в Пресновске стояла какая-то часть линейной пехоты; в моей памяти остались такие картины, хранившиеся от времен детства. Помню солдата с висящими на животе турецким барабаном; проворные казачата пролазали под барабан и стучали в него. Помню кадки с тестом, которые солдаты месили своими ногами. Нигде этих картин я не мог видеть, кроме Пресновска. Были в Пресновске лазарет и доктор Чучкин. Эта медицина тоже, вероятно, предназначалась для нужд пехоты. Немного позже я помню пустые солдатские казармы, в которые мы, дети, лазили днем, а ночью боялись и далеко обходили их. Если, в самом деле, здесь стояла пехота, то в женихах не было недостатка, и у моей кузины появился жених, линейный офицер Ванькин. Он часто ходил к нам и любил подразнить меня, угрожая, что он отнимет мою маму. Я его возненавидел.

Однажды он меня расспрашивал, во что я ценю своих родных, что стоит отец, что стоит Мелания Ильинишна, что стоит бабушка Степанида, Очень дорого я ценил бабушку; она была дороже всех других, но когда дело дошло до оценки "мамы", то я задумался. Долго я соображал, во что бы такое оценить ее, что превышало средства поручика Ванькина; наконец, объявил: две оловянные

рыбки. Офицер ушел, и я успокоился, уверенный, что купить мою "маму" он не в состоянии. На следующий же день он принес две блестящие рыбки с раскрашенными красной краской хвостом и плавниками, взял за руки мою "маму" и повел. Я закричал и вцепился в него зубами. После этого он сделался моим врагом, и я был постоянно настороже.

Бабушка очень любила меня и нередко играла со мной. Она была слепая, я ее водил за руку, и она покорно ходила вслед за мной. Однажды я вывел ее из нашего двора на улицу и на площадь, которая была перед нашим домом. Мои кузины увидели в окно, что я увел далеко старушку; то они сели к отворенному окну и следили за нами, чтобы в случае, если предоставлю бабушку ее собственным средствам, вовремя поспеть к ней на помощь. Вдруг они видят, что я бросил старушку и бегу к нашему дому. Они мне кричат в окно: "Зачем бросил бабушку? Беги назад и веди ее сюда" Но я ничего не слушаю; подбежал к окну и требую, чтобы меня сейчас же подняли в комнату. Так как они не хотели меня поднять, то я оставил их, нашел большую палку и спрятался за калиткой у ворот. Дело было в том, что, гуляя с бабушкой по площади, я увидел показавшуюся в дальнем углу площади фигуру поручика Ванькина, идущего к нам в гости. Я оставил бабушку среди площади и пустился домой, чтобы встретить своего врага с оружием в руках. Когда поручик прошел в ворота, я вывернулся из-за калитки и нанес ему удар по спине изо всей силы.

В конце концов, однако, силы мои оказались слабее противника: «Маму» мою отдали замуж.

В Пресновске моя жизнь не отличалась от жизни простых казачат. В Пресновске я большую часть времени проводил на полатах, в избе, наблюдая оттуда, как муж моей тетки Мелании Ильинишны Кирила Корнеич тачал сапоги – он был сапожник. Он сидел на табуретке против окна, и на лавке, проходившей между ним и окном, были разложены орудия и материалы сапожного ремесла. Днем я бегал по улице и играл с казачатами в бабки. Два раза в день из нашего двора выгоняли лошадей, штук 10-12, на водопой и часто садили меня верхом на одну из них, как будущего казака, причем выбирали всегда самую смирную...

1842-1846 гг. Переезд из Семиярской в Пресновскую.

Здесь я опять очутился на полатах и в обществе простых казачат. Меня заставили каждый день ходить в казачью школу. Азбуку к этому времени я уже знал; первый раз за книжку меня посадили еще в Семиярске. Первого своего учителя я совсем не помню, но облик первой книжки остался в памяти, хотя и в смутных чертах. Тогда книжек для первоначального чтения не было, да и вообще детская литература была бедна. Вероятно, после азбуки мой учитель подсунул мне первую попавшуюся книгу. Это, может быть, было какое-нибудь руководство к строительному искусству или фортификации. Я водил по строчкам указкой, разбираю слова правильно, но удивлялся, что ничего не понимал.

В то время Пресновск был штаб-квартирой полка и бригады. Бригадным командиром был полковник Эллизен, а полковым командиром войсковой

старшина (майор) Симонов (возможно – Алексей Михайлович, отец генерала Николая Алексеевича Симонова – прим. С.В), который очень дружил с моим отцом. Эллизен любил заниматься огородом и цветоводством; он много выписывал огородных семян, при доме, в котором жил, развел огромный огород, а все площадки, которые примыкали к дому, были заняты цветниками.

Он пристроил отца к своему огороду. Работа в огороде пришлась очень по вкусу отцу. Он был человек практический, ум его был способен к математическим занятиям. От школьной скамьи в войсковом училище он сохранил тетрадки геометрии и тригонометрии. Он любил математику; помнил то, чему учился в войсковом училище, и уже в возрасте шестидесяти лет не забыл формулу, как высчитывать объем тела и измерять плоскости, – но не был совершенно знаком с гуманитарными науками. Я был удивлен впоследствии, когда мне было пятнадцать лет, и когда я узнал, что он ничего не слышал о поэте Пушкине. Все литературное движение было для него – белая бумага.

В то время, как мы жили в Пресновке, здесь строили новую деревянную церковь. Надзор за постройкой был поручен моему отцу, и он с увлечением отдался этому делу; он чертил планы, разрезы, раскрашивая их. Занятие в огороде для него было подходящее, тем более, чем полковник Эллизен дарил ему семена, и он их сеял в своем собственном огороде.

Когда отец привез меня из Семиярска, Эллизен предложил ему поместить меня в детскую вместе с его детьми. У Эллизен было две дочери, Соня и Лидия, и сын Адоря (Андрей). Отец мой согласился, и я перешел в дом Эллизена. В комнате, где спали Соня и Лидия, поставили и для меня кроватку. С нами вместе в нашей детской спала наша няня Оксана. Она была хохлушка. Полковник Эллизен был женат на дочери генерала Горохова, помещика Харьковской губернии. В приданое за помещицьею дочерью было дано несколько дворовых, две горничных, няня Оксана и ее муж Радзи-баба, служивший кучером.

Только на воскресные дни меня отпускали в отцовский дом; – уводили меня в субботу, вечером, и я на другой день пользовался ласками Меланьи Ильинишны. Она кормила меня вкусными шаньгами, оладьями, блинами. Особенно я любил печенье, которое называлось крестики; своими очертаниями они походили на ордена, которые украшают грудь заслуженных чиновников.

Они были привлекательны потому, что в центре их было спрятано варенье.

Вечером меня опять отводили в мой пансион. В доме Эллизена меня переодели: казачью рубашку, с разрезом на горле и с воротником, заменили барской рубашкой, без воротника.

В доме Эллизен я прожил три года. Я был взят в этот дом, главным образом, в качестве компаньона Адоре, но он был на два года моложе меня, и потому я оказался больше подходящим в сверстники девочкам; я был на полгода младше Сони и на полгода старше Лидии, так что одно время я был ровесником Соне, потом отставал от нее, тут меня догоняла Лидия.

Для обучения детей Эллизены пригласили казачьего учителя Велижанина. Мы садились рядом с ним вокруг небольшого стола и учились арифметике и русскому языку, а Соня, кроме того, проходила и географию. Так я очутился на общем положении с детьми барского семейства, т. е. очутился на исключительном положении сравнительно с детьми других казачьих офицеров. Следует заметить, что в этом доме я был окружен не только другой, необычной для казаков, домашней обстановкой, но и жить мне пришлось другой духовной жизнью. В этой жизни было много черт помещичьего быта...

Кроме занятий в классной комнате, у нас были и внешкольные занятия; этим я выгодно отличался от других казачат. "Полковница", – так я привык называть во время моего детства мать этого семейства, – выписывала для своих девочек детский журнал "Звездочку", который тогда издавала Ишимова; и у Сони и у Лидии была у каждой своя полочка над кроватью для детских книг. Всякий месяц для них был праздник, когда с почты получалась новая книжка-журнал. Очень часто полковница собирала детей вокруг своей кровати, на которой она любила проводить послеобеденное время, лежа на пуховой пышной перине. Одна из девочек читает какой-нибудь рассказ из "Звездочки", остальные слушают.

В полковнице билась жилка пропаганды. Она не только заботилась увеличить умственные запасы наших маленьких детских голов, но делала иногда пропагандистские набег и на взрослую среду. Съездив как-то погостить в Омск, она навезла оттуда интересных и занимательных книг и стала собирать у себя по вечерам местных дам. Женское общество в Пресновске было очень маленькое. Жена казачьего полкового командира Симонова, две сестры казачки, жившие при своем брате офицере, одна вдова, другая старая девица, молоденькая жена полкового доктора Войткевича и ее мать Роза Ивановна, седенькая польская дама, вечно в чепчике и с вязанием в руках – вот и все общество нашей станицы. Полковница опускалась в глубокое мягкое кресло и, усадив вокруг себя гостей, развертывала книгу.

Девочки размещались по стульям около матери, а мы, мальчишки, валялись и барахтались.

Только лет пять спустя после того, когда я уже был в кадетском корпусе, я сделал открытие, что это были за забавные книги, привезенные в Пресновск из Омска: собрание сочинений Гоголя.

* Эллизен Мария Павловна, жена Карла Мориса Эллизена, полковника, командира пограничного отряда крепости Пресногорьковской, Потанин считал ее своей «духовной матерью».

Полковник в нашу духовную жизнь совсем не вмешивался. Его значение для нас ограничивалось пределами внешней обстановки. Он любил хороший стол и цветы. За столом у нас появлялись изысканные блюда. Каждый год с Ирбитской ярмарки наш дом получал кучу разных приправ для кушаний. Иногда нам подавались каштаны, кукуруза и другие деликатесы. Поваренная книга была его настольной литературой. Иногда он угощал нас новым блюдом, приготовленным им самим по только что прочитанному рецепту. Однажды он

нас заставил расхлебать суп «заблудшегося короля». Какой-то французский или немецкий король, бывший на охоте, заблудился в лесу со своей свитой. Нашедши хижину лесника, охотники решили устроиться в ней на ночлег. Король был голоден, а у лесника запасы были скудны; кроме хлеба – ничего. Обошлись тем, что случилось под рукой, и, благодаря остроумию и находчивости, создали суп, который, по крайней мере, можно было есть. Опыт был повторен полковником за нашим столом, и мы получили по тарелке супа, в котором мясо было заменено гренками. В летние жары полковник всегда сам приготавливал очень вкусную ботвинью, для которой иногда с реки Ишим, за 250 верст, (здесь неточно, до Ишима от Пресновска всего около 100 верст, а не 250 - прим. С.В.) доставлялись раки.

Очень много было у нас цветов. Мы жили в одноэтажном длинном доме. В правом крыле главного посада выходили окна кабинета; на левом находилась половина полковницы. Перед окнами этого посада поднимались 2-3 ствола берез, за березами - густая роща вишневых кустов. Все свободное пространство между деревьями и роще было занято цветниками, за которыми ухаживал сам полковник. Он превращал цветники в орнаменты, снабжал их греческим рисунком, превращал их в буквы и письма. Это цветоводство не осталось бесследным для моего детства. Может быть, ему я отчасти обязан своими симпатиями к естественным наукам. Огромное количество форм растительного царства залегало тогда в моей памяти. Особенно мне казалось занимательным сравнивать формы плодов и семян растений.

Может быть, тогда уже во мне зарождался ботаник.

Растительность Горькой линии, на которой стоит Пресновск не из богатых. В те времена хлебопашество здесь было не так сильно развито, и ишимские степи, прилегающие к Горькой линии с севера, состояли исключительно из целины. Я помню, семья Эллизен из Пресновска ездила на реку Ишим на купальный сезон, старшие в семействе приходили в восторг от степей, покрытых сплошь цветами. Они говорили, что здесь ковер одного цвета беспрестанно сменяется ковром другого. Но эти цветущие поля все-таки далеко уступали по богатству форм Алтаю, который считается самым богатым по флоре Сибири.

Моя детская память хорошо сохранила формы двух растений пресновской флоры. Во-первых, это кремовая скабиоза и растение *Verbascum phoeniceum* – на востоке не доходит до Оби, но около Пресновска растет обильно и на западе распространено через всю Оренбургскую степь до Самары. Когда граф Толстой пил кумыс в самарских степях, на границе с землями Уральского казачьего войска, он видел тут этот цветок, и он ему очень понравился. В зрелые годы, просматривая листы своей детской памяти, я находил между ними этот «Вербаскум», «цветок засохший, безуханный»; другим таким же засушенным цветком была скабиоза; они всегда меня возвращали к годам детства.

Степи, окружающие Пресновск, ровные, гладкие, совершенно горизонтальные, утомляли бы своим однообразием, если бы их не оживляли

березовые «дубровы» и березовые «колки». Путешественник Миддендорф об этих «дубровах» и «колках», говорит, что их абрисы сменяются перед глазами путника как в калейдоскопе, и эта замена одной картины другой занимает его в течение всего дня (А.Ф.Миддендорф побывал на линии во время своего путешествия в Сибирь – прим С.В.).

Линия называется Горькой потому, что большинство здешних вод горько-соленые. На всем протяжении от Ишима до Тобола около 250 верст, проточной воды нет. Воду берут из колодцев или озер, которые, в отличие от горько-соленых, называются «питными».

Пресновск также стоит на берегу небольшого «питного» озера. На одно «питное» озеро здесь приходится десяток горько-соленых. Эти последние представляют большую неприятность для местного населения. В их сточной воде загнивают растительные остатки, и, когда ветер разволнует воду озера и подымает лежащую на дне его гниль, сероводородные газы освобождаются и разносятся по окрестностям. Бывало, по целым суткам некуда было спрятаться в Пресновске от запаха тухлых яиц.

Припоминая теперь полковницу, я нахожу, что она была для того времени редкостной воспитательницей, хотя конечно, в ее программе определенного параграфа об эстетике не было.

Мои эстетические воззрения складывались под влиянием цветников. Не помню также, чтобы в программе значился пункт религии. Вероятно, старшими нам делались в этом отношении надлежащие внушения, но все это основательно забыто. Сохранились в памяти только те радостные минуты, которые в нас оставили церковные праздники. Религиозные фибры наших сердец питались помпой этих праздников. Наилучшие воспоминания связаны с теми из них, которые бывают летом. Особенно мы любили Троицу. С этим праздником не соединено никакое обжорство, вроде пасхального. Этот праздник бескорыстный, бесплотный, воистину - детский праздник. Он напоминает о себе не куличами, не курчавыми масляными барашками с восковыми позолоченными рожками, а ароматом срезанных березок. Троицын день венчался демонстрацией религиозного чувства офицера-цветовода. Он нарезывал полную корзину цветов и посылал ее в церковь.

У правого клироса ставился аналой, и положенный на него крест утопал в живых цветах.

В доме моего отца, как было сказано выше, с ним вместе жила его сестра Меланья Ильинишна и вела его домашность. Она была за вторым мужем, первый ее муж был человек с кокардой, и потому две дочери, которых она от него имела, выросли на положении казачьих барышень. Мелания Ильинишна носилась со мной как с писаной торбой. Когда я капризничал и поднимал рев, она хватала меня на руки, качала в воздухе и приговаривала «Полубочье мое, с золотом!» Тогда ее муж Кирила Корнеич иронизировал над ней и перефразировал ее слова «Полубочье с крошечком». Кроме тетки и отца, у меня было две бабушки, жившие в том же доме. Одна из них бабушка Степанида, другая бабушка Хлебникова. Как последняя приходилась мне родней, я, может

быть, совсем и не знал, но, кажется, она была все-таки близкая родственница. От этих двух представительниц самого старого поколения очень мало дошло до меня преданий. Бабушка Степанида рассказывала, что она помнила время Пугача; ей было 12 лет, и она жила в то время в Островке, когда весь этот край был напуган слухами, что с запада, из Оренбургской губернии, идет на Курган со своей ордой Пугач. Деревни и казачьи селения волновались и с ужасом ждали мятежников. Однако Пугач до Кургана не дошел. Потом она рассказывала об армейских полках, которые прежде (до 1812 года) стояли в Сибири. Это воинство оставило по себе тяжелую память своими насилиями над местным населением. Один из полков назывался ширванским, по имени кавказского города Ширвань; но сибирские крестьяне переделали название в «уши - рванский» и, кажется, распространили эту кличку на все армейские полки, стоявшие в Сибири (Ширванский полк принимал участие в Бородинской битве и прекратил своё существование в 1917 году – прим.С.В.). Еще бабушка моя помнила, как она познакомилась первый раз с самоваром. В то время она была уже замужем и жила с мужем в Островке. Они только что пристроили к своей избе новую избу, но сруб еще не был прикрыт, и окна не вставлены. В Островку приехал какой-то генерал. Квартира ему была отведена в доме бабушки. Генеральский денщик поставил самовар, налил в него воды, насыпал горячих углей и выставил машину в новую избу. В его отсутствие бабушка увидела машину, заинтересовалась, начала трогать ее части и сделала открытие - повернула кран, и полилась вода. Но привести машину в прежнее положение никак не могла. Вертит кран направо и налево, вода все бежит. Бабушка в отчаянии бросилась в чистую комнату к генералу с криком: «Грех случился, я изломала вашу машину!» На крик прибежал денщик и вмиг поправил дело. Моей бабушке, вероятно, было в то время около 20 или 23 лет; следовательно, самовары впервые появились в Курганском уезде в 80-х годах XVIII столетия».

В доме Эллиzenов Гриша провел три года. Позже, вспоминая это время, он говорил, что своей любовью к науке и литературе он обязан влиянию жены Эллиzenа, которую считал своей духовной матерью. В 1846 г., когда семья Эллиzenа уехала в Петербург, чтобы поместить старшую дочь в Смольный институт, где воспитывались дочери высших офицеров и знати, отец свез Гришу в Омск, где отдал его в войсковое казачье училище, преобразованное потом в Сибирский кадетский корпус.

На фото: церковь в Пресновке (фото конца XIX века), которую строил Н.И.Потанин. Ныне не существует.

Сибирская казачья дивизия в русско-японской войне (1904-1905 гг.)

Мы только ещё начинали любить мир и жизнь —
нам пришлось стрелять по ним. Первый же
разорвавшийся снаряд попал в наше сердце...

Э.М.Ремарк

В воспоминаниях о русско-японской войне 1904-1905 годов генерал граф Алексей Алексеевич Игнатьев нелестно отзывается о Сибирских казачьих полках, и в очерке я попробую опровергнуть мнение одного из блестящих офицеров Генерального штаба, опираясь на документы и воспоминания участников маньчжурской бойни. Ветераны боёв за освобождение Порт-Артура предпочитали поскорее забыть эту войну, как нечто совершенно противоречащее тому, для чего даётся жизнь человеку. Но остались газетные и журнальные публикации того времени, и сборники их воспоминаний, записанные по горячим следам. Официальные документы сухим языком фактов фиксируют этапы противостояния русской и японской армий. Эти исторические источники помогут раскрыть картину участия казаков Петропавловского уезда Акмолинской области в русско-японской войне 1904-1905 годов. Ниже я поведаю читателю о действиях 4-го и 7-го льготных полков в составе Сибирской казачьей дивизии, в которой служили казаки Пресногорьковской и Пресновской станиц и приписанных к ним посёлков "Горькой линии".

28 января 1904 года началась мобилизация в Сибирском военном округе для отправки воинских частей в Маньчжурию. Формирование 4-го и 7-го льготных Сибирских казачьих полков проводилось в Петропавловске и Кокчетаве. Сибирское казачье войско в кратчайшие сроки выставило первоочередной и шесть льготных полков с тремя запасными сотнями. «Под ружье» поставили более семи с половиной тысяч человек.

Г.А.Данилов

Начальник штаба дивизии, полковник Георгий Алексеевич Данилов (1867-1940), оставил дневниковые записи, в которых описан процесс

формирования дивизии и её отправки на Дальний Восток. Начало Сибирской казачьей дивизии положил конвойный взвод хорунжего Г.Н.Путинцева, обозные казаки и штабные писари. Есаул Н.В.Третьяков стал первым офицером штаба дивизии. Новому штабу предстояло решить множество задач. Сложным был артиллерийский вопрос. «Командующий войсками находит необходимым придать дивизии батарею из полевых старых орудий...Артиллерия для дивизии необходима, но я решительно против такой обузы из старого хлама. Офицеров-артиллеристов среди казаков нет, нет и казаков для прислуги при орудиях. Артиллерии в Сибирском войске вообще нет, был где-то заштатный взвод старых горных пушек», – с беспокойством пишет Данилов. Кроме того Сибирская казачья дивизия не имела вьючного обоза и лёгких походных кухонь. Вопросами формирования дивизии Данилов занимался в Петропавловске и Кокчетаве, где он познакомился с семьей начдива Николая Алексеевича Симонова и командирами 4-го и 7-го Сибирских казачьих полков войсковыми старшинами Калачевым и Старковым, а также их помощниками – войсковым старшиной Н.А.Водопьяновым и есаулом Водопьяновым. В Кокчетаве из казаков станиц 1-го военного отдела формировались сотни 4-го СКП (3 - 6) и 7 СКП (3-6). Отсрочкой отправки дивизии на театр войны было решено воспользоваться для боевого слаживания сотен и полков и для тактических занятий офицерского состава. Прорабатывалась служба дозоров, летучая почта, служба разъездов, сторожевая служба сотен, тактические учения сотен и полков, виды атак, лава. Данилов проводил занятия в Кокчетаве и Петропавловске, а подполковник Генерального штаба Андрей Андреевич Посохов (1872-1931, Париж) – в Омске и станице Пресновской, где из казаков линейных станиц формировались 1 и 2 сотни 4-го и 7-го полков.

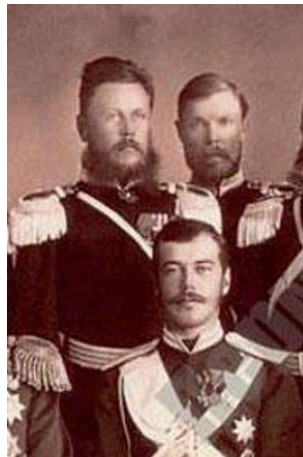
5 марта, прибыв из Кокчетавы в Петропавловск, начальник штаба провел занятия с офицерами 5-го и 8-го Сибирских казачьих полков. На занятиях присутствовали генералы Симонов и Чириков. Данилов отметил: « Отношение офицеров к занятиям и здесь достойно той же выдающейся лестной оценки, как и в полках 1-й бригады. При таких условиях легко было работать и по десяти часов в день. Занятия ведутся в городском собрании, помещение небольшое, но очень достаточное и удобное».

СТАРШИЙ АДЪЮТ. ШТАБА СИБИРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПОДПОЛКОВНИКЪ А. А. ПОСОХОВЪ,
ОТЛИЧИВШИЙСЯ ВЪ БОЮ ВЪЗЛЪЗЪ СЪВНА 26 МАЯ.

О начальнике дивизии петербуржец записал 10 марта: «Сегодня последний день занятий. Он закончился общим завтраком, на котором присутствовал и генерал Симонов. Не обошлось дело и без речей. Я с жадностью слушал речь Николая Алексеевича. Просто и ясно высказывал он свои взгляды на необходимость обдуманной работы в бою, на согласование знаний с умением применить их к обстановке; в выносливости и лихости своих казаков он не сомневался и чрезвычайно образно обрисовал традиционную отличительную черту конных атак Сибирских казаков в Туркестане, там они работали всегда «чисто», то есть в таких атаках противник ложился под шашками и пиками казаков до последнего. Да и отказа в атаках казаки не знали.

Николай Алексеевич высокого роста, строен, хотя и слегка полон, немного напоминает мне генерала Н.А.Орлова. У него небольшая борода, отличные каштановые волосы и очень зоркие серые глаза. В своей папаше набекрень он производит очень внушительное впечатление, вместе с тем, Николай Алексеевич очень внимателен ко всем, к подчиненным он доводит свое внимание до сердечности и глубоко заглядывает в их душу».

Н.А.Симонов (стоит слева от Николая II)

Николай Алексеевич Симонов (уроженец ст. Пресногорьковской, 1851 - не ранее 1907), был участником среднеазиатских походов, соратником М.Д.Скобелева, автором книги о службе сибирских казаков. Командовал дивизией до 28 июля 1904 года. Передал дивизию генералу А.В.Самсонову. Отбыл в отпуск по болезни.

После месячных сборов 9 апреля в Омске началась посадка штаба дивизии в вагоны. «Около трех часов дня конвой, обоз, писари и вся казенная прислуга построились на площади у станичного правления. Прибыл и командующий дивизией, произведенный на Пасху в генерал-лейтенанты. Был, конечно, и фотограф. Перекрестились казаки, снявши шапки, в торжественной тишине прочитали «Отче наш» и «Спаси Господи». Посадка проводилась у продовольственного пункта ст. Омск. Грузиться приходилось прямо с земли, готовых платформ не имелось вовсе и казаки выбивались из сил, погрузка шла медленно... На пассажирской станции провели молебен. Здесь были генералы

Сухотин, Симонов, Гершельман, родные, знакомые, офицеры и чиновники городских и окружных учреждений во главе с губернатором генералом Романовым. Тут же стояли кадеты Сибирского казачьего корпуса во главе с генералами Катанаевым, Шайтановым, полковником Н.Г.Путинцевым. народу было так много, что пассажирская платформа не вместила всех – остальные сидели на крыше вокзала и крышах вагонов. «Торжественный молебен с окроплением святой водой, благословение генерала Симонова иконой Смоленской Божьей Матери, напутствие генералами Сухотиным и Катанаевым, короткое прощание среди звонков и свистков... и поезд тихо тронулся под звуки оркестра и громкого «ура» публики» (Данилов).

Малая пропускная способность Сибирской железной дороги привела к тому, что движение составов было крайне медленным. «Всем теперь ясно, что постройка дороги обошлась непомерно дорого, а построена и оборудована она скверно. В Канске оказался лучший из виденных мною продовольственных пунктов. Пища и хлеб хороши. Сухой плац дал возможность сделать хорошую выводку лошадей. Лошади заметно привыкли влезать и вылезать по крутым сходням и большой возни с этим делом уже нет. В Канске впервые казакам штаба дивизии принесли подарок; чаю, сахару и табаку. «Спасибо большое, – сказали казаки, – за внимание».

По льду озера Байкал ходил только один ледокол, поэтому казаки двинулись по южному берегу озера, по этапной дороге. Станция Иннокентьевская под Иркутском была загружена вагонами. Здесь застряли части Сибирской казачьей дивизии, около полутора тысяч запасных, понтонный батальон и батарея 4-го Сибирского дивизиона. Ждали своей очереди и санитарные поезда, в том числе поезд Великой княгини Марии Павловны. Лишь с 23-го апреля ледоколы «Байкал» и «Ангара» начали переброску войск через озеро. Сотни 7-го и 8-го казачьих полков, ушедшие вокруг Байкала, оказались практически без фуража и продовольствия. С большими лишениями добрались они до Култука, где лошадей от голода спасали буряты, доставляя сено по 1 руб. 50 коп за пуд. При движении эшелона до Верхнеудинска вагоны дважды сходили с рельс. Катастрофы не случилось из-за крайне медленного движения поезда. Казаки подлазили под сошедшие вагоны и ставили их, поднатужась, на рельсы. 3 мая эшелоны миновали Читу, а через два дня пересекли границу с Маньчжурией.

«По прибытии в Маньчжурию дивизия представилась главнокомандующему, и 14 мая 1904 г. генерал Куропаткин телеграфировал войсковому наказному атаману Сухотину следующее: «Осмотрел Сибирскую казачью дивизию; нашел в порядке и благоустройстве. Люди здоровы, лошади в хороших телах. 4-й, 5-й и 8-й полки благословил в бой» (И.Тонконогов. Разведчик).

Сибирские казачьи полки прибыли на фронт полностью перевооруженными. Казаки имели винтовки Мосина образца 1891 г., шашки образца 1881 г., казачьи пики образца 1901 года. Сибирским казакам

а

разрешалось ношение винтовок через левое плечо, на пиках – ношение флюгеров особых расцветок.

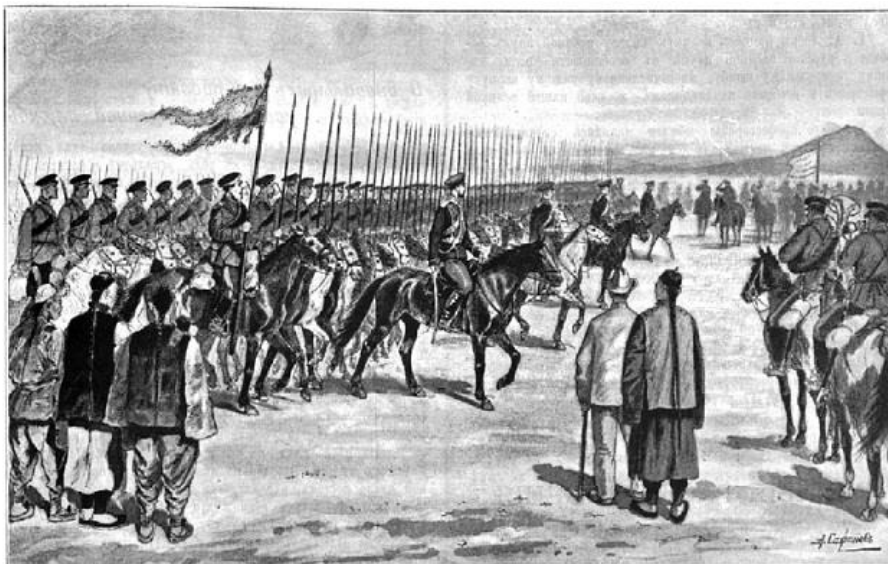
7-й полк по пути в Маньчжурию (кол. А.Повариницына)

Корреспондент Алексей Сафонов писал: «Подкрепления прибывают ежедневно. Сибирские войска обращают на себя внимание. Люди все высокого роста, крепкого телосложения, большинство носит окладистые бороды – вообще производят вид внушительный. Кони у сибирских казаков сытые, рослые, в особенности по сравнению с лошадьми забайкальских казачьих полков. Люди одеты уже по - летнему. Серые рубашки и такого же цвета чехлы на фуражках. Казаки же имеют весьма оригинальные рубашки светло-коричневого цвета с красными погонами и такого цвета оторочками по воротнику, рукавам и на груди. На рубашках нашиты газыри для патронов (т.н. «ермаковка» – неуставная рубашка у сибирского казака – прим С.В.). Передняя шеренга вооружена пиками.

7-го мая командующий армией произвёл смотр вновь прибывшим частям на обширном поле к югу от станции. После объезда, войска и обозы, войсковые и санитарные дефилировали перед командующим, удостоиваясь одобрения за хорошее прохождение и молодцеватый вид. В свите командующего было много иностранных военных агентов, число которых всё увеличивается... После смотра войска расположились биваком в окрестностях Ляояна, а некоторые из них в следующие дни отправились далее по назначению».

Сибирская казачья дивизия, принимавшая участие в боевых действиях, состояла из четырех льготных полков (4-й, 5-й, 7-й, 8-й) шестисотенного состава.

15 мая в дивизия насчитывала строю 132 офицера и 4412 казаков.

Сибирские казаки на смотре 7-го мая в Ляоян. Рис. А. Сафонова (собств. корресп., см. стр. 666).

После окончания войны 26 октября 1906 года в Омске был издан приказ №135 под названием «Перечень главнейших дел во время Русско-японской войны 1904-1905 гг., в коих принимали участие льготные (ныне расформированные) полки Сибирской казачьей дивизии». Приказ подписал генерал-лейтенант Бобырь.

Далее я привожу выдержки из данного приказа о действиях 4-го и 7-го полков с последующими комментариями и цитатами из статей. Отдельные сотни из этих полков принимали участие в боях в составе 5-го и 8-го полков, полки сильно дробили в зависимости от боевой обстановки.

«4-й Сибирский казачий полк с 24 мая до начала боев за Ляоян находился на передовой — нес тяжелую сторожевую службу и проводил разведку. Ежедневно казаки вступали в мелкие стычки с японцами, а 31 мая и 1 июня в составе конницы первого армейского корпуса приняли участие в бою под Вафангоу».

В корреспонденции под названием «Лихое дело» читаем: «Очевидец лихого дела наших молодцов-казаков отряда генерала Самсонова рассказывает: Подкравшись незаметно к коновязям, где стояли лошади японской кавалерии, казакам, — благодаря внезапному нападению врасплох, — удалось лишить два японских эскадрона лошадей. Около тридцати японских лошадей были угнаны и сделались добычей казаков, остальных лошадей казаки перестреляли. Все это отважное дело было совершено казаками в какие-нибудь четверть часа. Неприятель врасплох был застигнут казаками. Покончив, казаки отступили без потерь.

Два раненых 23 мая 1904 г. сибирских казака, урядники Сапрыгин и Тимофеев, награжденные Георгиями, рассказывают, что были посланы в составе 39 казаков при двух офицерах на разведку неприятельских сил к Дагушаню. Миновав 23 мая благополучно неприятельские посты, казаки приблизились на 8 верст ближе Дагуганя, как вдруг японцы тучей окружили их. Казаки бросились в пики, японцы дали залп, свалив 20 лошадей и ранив 6

а

казаков, а 2-х убили. Оставшиеся без лошадей вскочили на крупы лошадей товарищей, снова ударили в пики и израненные вырвались после трёх стычек».

Атака сибирских казаков под Вафангоу.

3 сотня 4 СКП.1904 год (ф.ИАОО)

Четвертая и шестая сотни 8-го Сибирского казачьего полка с гиканьем, вихрем налетели на японскую кавалерию, с пиками наперевес, охватили с обоих флангов и в несколько минут буквально изрубили целый эскадрон противника, рассеяв остальные.

Пики здесь были впервые в деле и наводили ужас. Были такие удары, когда с маху казак пробивал насквозь всадника и ранил лошадь. Несколько пик было оставлено, за невозможностью их выдернуть.

Один казак, окруженный врагами, стоя на месте, сначала пикой очистил себе место, а потом сам бросился на них. Другой, уронив пику и выпустив шашку, отнял саблю у японского офицера и его же изрубил ею. Их майор генерального штаба Тонака столкнулся с нашим стрелком, который, отразив его удар, одним взмахом отрубил голову майору.

Некоторые японские офицеры, убегая, снимали сапоги для быстроты. Казаки со смехом показывали эту обувь.

Истребляя все на своем пути, казачья лава встретила шесть японских пулеметов и сумела из-под их адского огня уйти без больших потерь.

Главнокомандующий армией телеграфировал после этого дела войсковому наказному атаману.

«С особою радостью сообщаю атаману Сибирских казаков о доблестном поведении названных сотен, лихо атаковавших в конном строю противника, один эскадрон которого почти весь переколот и изрублен, взято девятнадцать лошадей. За это молодецкое дело, по Высочайше предоставленной мне власти, я наградил знаками отличия военного ордена 4 степени вахмистра Ивана

а

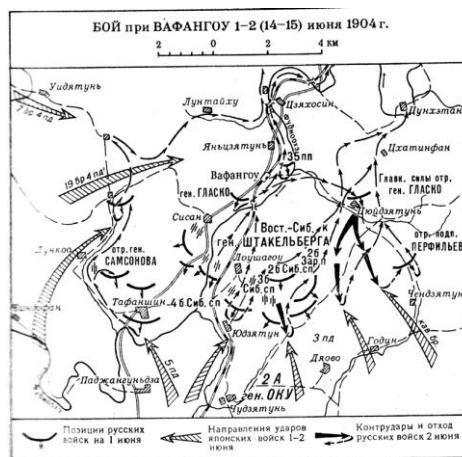
Великанова, урядников Михаила Самсонова, Владимира Кузьмина, приказного Ивана Замотаева и казака Марка Сазонова».

Участники боя при Вафангоу 17-го мая.
По фот. В. Табурина.

Интересен также следующий эпизод из сражения под Вафангоу.

У нас в России, в Петербурге, командовал ротой японский капитан Танака, очень развитой, милый человек. Во время войны он уже был майором и командовал эскадронам; под Вафангоу он повел атаку на наших сибиряков и, несясь на коне, кричал на чистом русском языке: «Русские, уберите ваши оглобли!» (т.е. пики), затем «Русские оборванцы!..» (и выругался по-русски), но в это время подлетел к нему казак, крикнул: «Держись, ваше благородие!» и смахнул ему пашкой голову. Так и погиб наш зазнавшийся петербургский гость. (В. Немирович-Данченко. Русское Слово).

В этой конной атаке принимал участие командир 4-й сотни 8 СКП подьесаул В.Е.Долженко (1871-1921), награжденный орденом св.Владимира с мечами. 29 мая он писал о службе жене Марии со станции Вафаньян:

«Сейчас я въ передовомъ кавалерійскомъ отрядъ. Служба у насъ у казаковъ, нужно правду сказать, очень тяжёлая, насъ повсюду затыкають. Впечатленіе такое получается, что за насъ всё прячется, и составъ нашъ не жал;ють. Изъ лошадей моей напр[им;рь] сотни, Богъ знаетъ, что уже сд;лали.

Люди въ очень напряжённомъ состояніи. Я только сегодняшній день отдыхаю, но надолго-ли и не знаю. Быль 3-е сутокъ въ сторожевыхъ заставахъ на носу у Японцевъ. Лошади всё это время и не знали, что такое это быть безъ с;дла. Погода сейчасъ стоитъ очень жаркая. Трудно эти трое сутокъ было находиться въ полной амуниці, при постоянномъ ожиданіи стычки, всё время нервы у тебя въ приподнятомъ состояніи. Ходишь съ биноклемъ, который, къ слову сказать, оказался очень хорошимъ, отъ одного поста къ часовому, да къ другому посту. Казаки народъ очень осторожный и постоянно глядишь бегут к тебе : Ваше Благородие , посмотрите, что это такое показалось». Идёшь, торопишься на пост, глядишь в бинокль: Ну чего вы волтошиться, это скот пасется».

Подьесаулъ В. Е. Долженко,
участникъ славнаго кавалерійскаго боя
подъ Вафангоу 17-го мая.

Подьесаул, не боясь военной цензуры замечает: «Мы видим отлично, что японцы молодцы, и у них всё дело очень направлено. Враг очень серьёзный и смелый».

«При отступлении южной группы корпусов к Ляояну полк прикрывал отход 1-го Сибирского армейского корпуса, вел непрерывные арьергардные бои с 11 по 19 июня, а также 14 и 15 августа 1904 года».

15 августа 1904 г. полусотня 5-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка под командованием офицера Белова*, находясь в арьергарде, натолкнулась на пять брошенных прислугой неповрежденных орудий. Японцы открыли по ним артиллерийский и ружейный огонь, пехота бросилась вперед. Сибиряки не прекратили работу. Быстро достав из своих выюков фуражные арканы, они одним концом пристегнули и закрепили их у шлеек, а другим — привязали к крючьям на станинах, соединили попарно коней и, в последний момент, вытянув орудия, ускакали с ними к своим.

«22-го августа полк, совместно с другими частями генерала Самсонова, остановил наступление японцев, стремившихся прорваться к железной дороге и удержал позиции до подхода пехотинцев 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, продержавшись против превосходящих сил противника с 4 часов дня до 10 вечера.

28 сентября 1904 года полк располагался на левом берегу реки Тайцзыхэ (на юго-западе от деревни Сюгусяндзы) в тылу правого фланга японской позиции по Бенсиху, остановил наступление противника, угрожавшего левому флангу остальных частей отряда Самсонова. 28 и 29 сентября все время удерживал занятые позиции, несмотря на атаки превосходящих сил противника, и тем обеспечивал с левого фланга наступление пехоты генерала Рененкампа. На правый берег реки полк отошел только по приказанию начальника отряда в пять часов утра 30 сентября.

В Мукденских боях в течении двух суток 11 и 12 февраля 1905 года полк в составе отряда генерала Фон Баумгартена упорно задерживал наступление японцев, обнаружил их силы и направление движения.

В боях 13-21 февраля полк доблестно участвовал в обороне Бейдалингоузского и Тхайгоузского перевалов, отбил все атаки превосходящего по силам противника и тем содействовал к обеспечению от обхода левого фланга Гаотулинской позиции 3-го Сибирского армейского корпуса. Полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2 офицеров и 98 нижних чинов».

Сибирского Казачьяго Войска
генераль-маіоръ
А. И. БЪЛОВЪ.
(Вып. 1893 г.)

*Белов Александр Иванович (1876, Атбасар – 1940, Харбин), участник 1-й мировой и гражданской войн. Генерал – майор (июль 1919).

7-й Сибирский казачий полк

В приведённом мною «Приказе» нет указания на тот факт, что казаки 7-го полка бились под Вафангоу, но вести с фронта говорят об обратном.

И. Тонконогов. Журнал «Разведчик»

«Всего через два дня после этого под Вафангоу сибирские казаки получили первое боевое крещение, покрывшее их заслуженной славой.

21 мая 7-й сибирский казачий полк, из отряда генерала Мищенко, был направлен в обход расположения неприятеля, занявшего позицию на высотах деревни Хоцзяпудза.

— Покажем, братцы, как сибирские казаки умеют умирать за Царя и родину, — сказал командующий полком войсковой старшина Старков своим казакам перед выступлением.

Слова эти, к несчастью, оказались для него роковыми.

В начале дела японцы пытались перейти в наступление, но были остановлены огнем спешившихся казаков и конного орудия, которое казаки успели поставить на позицию. Перестрелка продолжалась с часа до шести дня, после чего японцы принуждены были бросить позицию и отступить под прикрытием своих сомкнутых частей. Со стороны японцев в перестрелке участвовало шесть рот, из которых четыре подошли позже на подкрепление.

В начале же перестрелки смертельно был ранен командующий полком войсковой старшина Старков. Зная, что ему остается жить всего несколько минут, Старков пытался было сам написать донесение, но рука его ослабела и он успел лишь отдать словесные распоряжения по полку и по своим частным делам...

В этом же деле были легко ранены есаул Водопьянов и подьесаул Трошков. Казаков ранено одиннадцать, контужено двое; потери японцев точно не установлены, но были значительно больше, чем у нас».

Далее приведу выдержки из дневника боевых действий 7 СКП (Ерёмин Н.А.)

Бой 21 мая у деревни Ходзюпудзы

Военные действия, 1904 г., май

(л.5)

20 мая. Выступили в 7 часов утра по направлению на дер. Шинпохенг. 2-я сотня в авангарде имея передовый и боковые сторожевые отряды и дозоры. Дорога по ущельям местами трудно преодолеваемые горки с крупной галькой, что очень затрудняет движение и дало большое количество больных ногами лошадей. Недостаток в корме, достали в малом количестве каоляна. Прибыли на место бивака к 5 ч дня. К ночи сильный туман.

21 мая. Согласно приказания выступили до соприкосновения с неприятелем должно было быть по направлению дер. Чендонулло. 2-я сотня в авангарде, имея передовую походную заставу. Взвод под командой подьесаула Кубрина, вследствие совершенной недостаточности корма и не имея проводника сотня уклонилась влево ..., вследствие чего наткнулись не доходя дер. Ходзюпудзы на отряд неприятельской пехоты, залегли на высоте вправо от дороги. Сотня имела вправо походную заставу под командой подьесаула Схоль - Энгбертс, а влево подьесаула Водопьянова.

Каждый взвод действовал самостоятельно, помогая 3-му взводу, который шел с главными силами авангарда (передового отряда). Когда сотня в составе дивизиона (3-я и 1-я сотня) были встречены огнем, повернули налево, укрыли по ... лошадей и заняли позицию, под сильнейшим обстрелом отошли на другую позицию и вновь развернулись открыли огонь. Полусотня по приказанию заняла участок на высоте в 2-х верстах с запада от дер. Ганджайфу. В 5 ч. дня приказано было откатиться ? с позиции, прибыли на бивак у дер. Лассгсанфу около 4 ночи. Переход к биваку был очень труден благодаря, тому что, ..., крутой подъем на Ляолянском перевале и совершенно темная ночь, ... движение за артиллерией, которую местами, пришлось нести на руках. Все фуражи имелись недостаточно в малом количестве в Ляоляне.

В бою участвовали: обер-офицеров - 4, урядников - 9, трубачей - 2, приказных и казаков -132.

Отличия: Раненный в ногу командующей сотней подьесаул Трошков, не оставив строя, распоряжался сотней и вышел из строя уже ослабев от потери крови. Подьесаул Кубрин* приказал (и лично помогал) убрать тело убитого командующего полком и раненных казаков, под убийственным огнем японцев. Вахмистр Кузьма Еремин**, исполнявший обязанность офицера, командуя 3 взводом, спас изнемогавшего от (потери крови?) ... сотника Наумова и с урядником Иваном Пому...овым и Евгением Дегтяревым и казаками Ив. Звирским, Никитой Головиным вынесли на себе раненных и командира полка (Старкова), при чем Полозов подал лошадь адъютанту, под которым была убита (лошадь) и тем спас ему жизнь. (л.5об). Казаки: Алексей Шилов и Максим Д..., под огнем противника перешли топь и заняли наблюдательный пост. Ефим

а

Музыхин и Анисим Суржиков примером личной храбрости удержав взвод в порядке и уговорили товарищей слушать команду вахмистра.

22 мая. Отдание почестей умершему командиру полка (Старкову).
Высылка разъездов для фуражирования. ...

Материалы Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА).

*Кубрин Николай Павлович (1874 ст.Пресногорьковская-1921, Архангельск), участник 1-й мировой и гражданских войн. Генерал-майор (сентябрь 1919). Расстрелян.

** Ерёмин Кузьма Михайлович (1875-1941), пос. Пресногорьковский, вахмистр 2-й сотни 7-го полка, 1904 г., знаки отличия Военного ордена Св. Георгия 3-й ст. (№ 13719) и 4-й ст. (№ 96610)

Из рассказов участника войны

В начале июня месяца 1904 года от 7-го Сибирского казачьего полка, стоявшего тогда биваком близ Далинского перевала в отряде генерала Мищенко, был послан для разведки неприятеля разъезд в числе 12 казаков, под командой поручика Книпера.

Так как предполагалось, что разъезд может вернуться не скоро, то начальник разъезда Книпер был снабжен порядочной суммой денег, которые он положил в сумку своего седла. Казак Савельев случайно видел это.

Пройдя несколько верст от перевала, разъезд неожиданно наткнулся на японскую засаду, которая встретила казаков залпами. Казаки спешили, рассыпались в цепь и в свою очередь открыли частый огонь; но ввиду численного превосходства неприятеля должны были отступить.

В самом же начале перестрелки был ранен поручик Книпер, а вскоре затем была убита бывшая под ним лошадь.

Когда казаки начали отступать, унося с собою раненого поручика, казак Савельев вспомнил о казенных деньгах, положенных в сумку седла, которое

теперь вместе с убитой лошадейю должно было остаться в добычу неприятелю. «Попадут в руки японцам, а офицер будет отвечать», промелькнуло в голове Савельева и, недолго размышляя, он пополз навстречу японцам к трупам лошадей.

Пули свистели и жужжали, словно рой пчел, но смелый казак, не обращая на них ни малейшего внимания, благополучно добрался до трупа коня, срезал сумку с деньгами и пополз обратно.

Выстрелы смолкли. Савельев приподнялся и осмотрелся кругом. Японцы совсем близко, а наших не видно уже...

Торопясь уйти от японцев и пробираясь, где в траве, где между кустами, Савельев потерял направление, по которому отступили казаки, сбился с пути и пошел наудачу.

Дней шесть бродил он между сопками, отыскивая наших; верст 300 исходил и, наконец, измученный, голодный и оборванный, вышел к Ляояну.

У вокзала стоял поезд, готовый к отъезду. «Сяду в вагон и доеду до Хайчена, а там — наш полк», решил казак и направился к поезду. Едва передвигая ноги, заходит он в вагон и к великой радости видит там... поручика Книпера!..

Это был санитарный поезд, и поручик в числе прочих раненых препровождался в ближайший эвакуационный пункт.

— Ты как попал сюда?! — воскликнул не менее изумленный и обрадованный поручик, увидев казака, которого считал убитым в перестрелке.

Казак рассказал ему, как он отстал от товарищей, спасая казенные деньги.

— А вот и они, — добавил он, подавая сумку.

Растроганный офицер горячо поблагодарил столь преданного своему долгу молодца-казака.

К вокзалу станции Ляоян только что подошел санитарный поезд, битком набитый ранеными, подобранными на позициях.

Время к вечеру, моросит дождь.

К вокзалу идет генерал С. и встречает казака, который, сильно хромя, тем не менее куда-то спешит.

Зная, что сибирцев в Ляояне нет, генерал остановил казака, интересуясь узнать, зачем он здесь и куда идет.

Казак замялся, но на повторенный вопрос виноватым голосом докладывает.

— Так что, ваше превосходительство, меня привезли с этим поездом с позиции.

— Ранен, значит?

— Так точно, в руку и в ногу. Пулю-то из руки вынули, а в ноге сидит, потому не могли там, вот и отправили.

— Куда ж ты теперь идешь?

— Виноват, ваше превосходительство, к товарищам на позицию.

— С пулей-то?

— Так точно. Скажу, что поправился.

И как бы в оправдание себя и для успокоения генерала добавил:

— А в поезде не хватятся, там и без меня много, я, значит, оттуль потихоньку убежал...

И. Тонконогов

«В бою 13 августа 1904 года на арьергардной позиции близ деревни Тупдесы полк заставил развернуться втрое сильнейшего противника и только по получению приказа отошел к главным силам 2-го корпуса.

20 августа на Янтайских копиях, когда 54 пехотная дивизия отошла, полк в составе отряда Самсонова принял на себя удар передовых частей армии Куроки и, несмотря на натиск превосходящего во много раз противника, держался шесть часов, пока не получил приказа отойти, чем дал возможность другим частям окопаться и приготовиться к встрече врага».

Историк войска Георгий Ефремович Катанаев (1848, Атбасар -1921, Омск) рассказал об этих боях на страницах «Краткого исторического обзора службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год».

Под угольными копиями Янтай «на долю Сибирской казачьей дивизии выпала трудная, но блестяще ею выполненная задача, прикрыв левый фланг нашей армии под натиском армии генерала Куроки, после того как последний, сломив одну из наших пехотных дивизий, рванулся всеми своими силами в обход нашего левого фланга в целях отрезать отступление корпусов русского центра и правого фланга, теснимых прочими армиями японцев. По словам главнокомандующего генерал-адъютанта Куропаткина, благодаря упорству и мужеству Сибирской казачьей дивизии Самсонова, дружно выдержавшей напор армии Куроки, которому не удалось осуществить свой замысел, а расстроенные боем дивизии и полки прочих корпусов в должном порядке отошли на новые позиции к реке Шахе. Участвовала дивизия и в упорном пятидневном бою при этой реке. Здесь же в одной из передовых разведок убит вновь прибывший вместо погибшего при Ходзьяпудзе Старкова, командир 7-го Сибирского полка полковник Панков».

«22-го августа в бою у деревни Тумынцзы, когда части генерала Куроки стремились прорваться к линии железной дороги, полк был спешен и держался на позициях у деревни, последней перед железной дорогой, отстоящей от неё в семи верстах, отбивая атаки сильнейшего противника до тех пор, пока не был сменен пехотой. По железной дороге отходили обозы от Ляояна и дивизия прикрывала отход в течении дня».

Иван Тонконогов писал : «Почетная роль выпала на долю Сибирской казачьей дивизии в боях под Ляояном 20 и 21 августа, где казакам, дравшимся в пешем строю, левый фланг нашей армии обязан приостановкой обхода его армией Куроки.

Для обеспечения левого фланга была выслана на Янтайские копи дивизия генерала Самсонова с третьей Забайкальской батареей. В задачу отряда входило взять Янтайские копи, если они уже захвачены японцами, и затем во что бы то ни стало удерживаться на этой позиции. Первым прибыл в Янтайские копи 5-й Сибирский полк и расположился на позициях, а через два часа стянулся весь

отряд, предупредив таким образом противника. 21 августа сюда же прибыл генерал Орлов с двумя полками своей дивизии, которыми было предпринято наступление на неприятеля, окончившееся, как известно, полной неудачей. Отброшенные японцами, полки эти должны были отступить, а неприятель, преследуя, намеревался уже захватить Янтайские копи. Тут-то сибирские казаки проявили в полной мере свою стойкость, самоотверженно удерживая позиции под напором превосходного в силах противника. Здесь убит хорунжий Иван Бейнинген, тело которого вынесли казаки: Самсонов, Шкурыгин, Грязнов и Федоров, бросившись в жесточайший огонь.

От копей дивизии приказано было отступить к деревне Тумынза; здесь казаки удерживали позицию всю ночь под сильнейшим огнем неприятеля и, видя, что дело может дойти до рукопашной схватки, взяли от коноводов пики, намереваясь сбрасывать ими неприятеля со склонов горы. Удержав за собою позиции до тех пор, пока опасность отхода миновала, казаки спокойно отошли к деревне Сайтайдзы.

Генерал Самсонов свидетельствует, что казаки дрались с величайшим хладнокровием и таким мужеством, что японская пехота не раз останавливалась перед этой живой и грозной силой.

После отступления от Ляояна 5-й Сибирский полк имел горячий стрелковый бой с неприятелем у деревни Бенсиху 28 и 29 сентября, имевший последствием приостановку наступления японцев.

В последующий затем период войны на сибирских казаков возложено было наблюдение за движениями японцев и несение сторожевой и разведывательной службы у Мукденских позиций.

Насколько сибирские казаки успешно исполняли возлагавшуюся на них разведывательную службу, оценит в свое время беспристрастная история, а пока мы приведем отзыв корреспондента В. Простого, который в одном из №№ «Сибирского Вестника», в опровержение доходивших с театра войны слухов, горячо расхваливает качества сибирских казаков и как разведчиков. «Много разговоров, — говорит корреспондент, — было здесь по поводу сибирских казаков. Говорили, что они очень ленивы, что они спят на постах, плохо производят разведки и проч. Но люди, близко стоящие к казакам, совершенно беспристрастно отзываются о них с большой похвалой, указывая на то, что казаки всегда делают очень аккуратно все, зависящее от них. Правда, разведки их не всегда отличаются полнотой, но это зависит совсем не от казаков, а от той обстановки, в которой им приходится работать. Сами казаки, напр., чуть не со слезами говорят, что иногда они упускают прекрасные случаи нанести вред неприятелю только потому, что на разведки высылают их партиями в 3–5 человек, тогда как японские разъезды меньше 20–25 человек никогда не бывают, причем всегда почти имеют для прикрытия пехоту.

Самое обычное явление, когда казакам приходится иметь дело одному против трех-четырех, а иногда и больше. И, несмотря на это, потери у казаков самые незначительные в людях, и только лошадей порядочно выбыло из строя.

Объясняется это природной сметливостью казаков, умеющих сразу ориентироваться в трудную минуту и найти выход из трудных обстоятельств.

Можно было предполагать, что родившиеся и выросшие среди гладкой степи сибирские казаки окажутся плохими службистами в гористой Манчжурии. На деле оказалось совсем иное. В гористой местности казаки скоро присмотрелись и приспособились; где степные лошадки оказывались несостоятельными, там казаки быстро и вовремя переходили в пеший строй и делали свое дело в большинстве случаев блестяще».

Далее корреспондент газеты говорит: «Со дня вступления в Маньчжурию сибирскому казачеству пришлось попасть в передовую линию нашего правого фланга и центра. Были случаи, когда казаки имели возможность отличиться громко, но в общем служба их прошла незаметно для большой публики и очень тяжело для казаков. Всегда впереди, день и ночь под выстрелами, и в жар, и дождь в движении, все это пришлось перенести казакам. Были случаи, когда по 3–4 дня не приходилось расседлывать лошадей, питаться сухарями с водой, не имея возможности даже согреть чаю. Все это казаки стойчески сумели перенести, всегда поражая своим веселым, беспечным видом и беззаветной отвагой».

От себя добавим, что, по рассказам командира 5-го Сибирского казачьего полка полковника Путинцева, в июле и августе месяце 1904 г., у деревни Янгуанзы, когда послан был полк для сторожевой и разведывательной службы, казаки не расседлывали лошадей по 10 дней, находясь постоянно в движении, под огнем неприятеля, так что в потниках завелись черви.

Все казаки, бывшие в действующей армии, с восторгом вспоминают о своем начальнике дивизии генерал-лейтенанте Самсонове. Этот боевой генерал своей сердечной простотой и искренними теплыми отношениями к подчиненным сумел внушить к себе глубокую любовь и преданность всей дивизии».

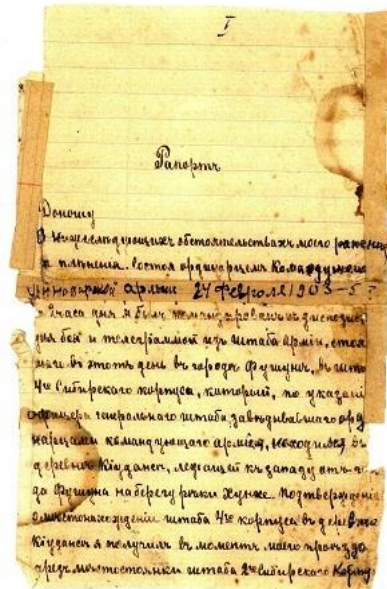
«1 октября на реке Шахэ был обнаружен прорыв между 1-ым и 10-ым армейскими корпусами, 5-я и 6-я сотни полка с двумя забайкальскими батареями заполнили этот прорыв и, удержав за собою позиции, дали возможность потрясенной пехоте оправиться и перейти в наступление.

В Мукденские бои с 22 февраля по 1 марта 1, 5, и 6 сотни выдержали четыре боя у деревень Хуан-Шань, Киузан, Шиу и Пухэ. Во всех боях являли собой образец мужества, находчивости и стойкости, группировали вокруг себя отступавшую пехоту, наравне с нею отстаивая свои позиции».

Г.Е. Катанаев пишет о боях под Мукденом: «Страшный и решительный многодневный бой под Мукденом, где сошлись вместе все русские и японские армии, общей небывалой ещё в истории человечества численностью почти в полтора миллионов воинов, еще раз показал неустрашимость и верность долгу Сибирских войск вообще и казаков в частности. Сибирские войска 1-й армии Линевица и в том числе полки Сибирской казачьей дивизии выдержали трехдневные яростные атаки японцев», и отошли, чтобы избежать окружения.

а

24 февраля 1905 года подьесаул Кубрин должен был доставить пакет в штаб 4-го корпуса, находящегося неподалеку от города Фу-шуна. Во время бешеной скачки неожиданно наскочил на позиции японцев. Сопровождавшие его, казак 5-й сотни 7-го полка вестовой Линник и казак, присланный для сопровождения подьесаулом Пелымским, сумели проскочить.

Рапорт Н.П.Кубрина

«С первых же выстрелов подо мной была ранена лошадь, – писал позже Николай в рапорте, – перевернувшись через голову, придавила меня. Высвободившись из-под лошади и отстегнув от седла свою офицерскую сумку с пакетами, я побежал, но тотчас же был ранен навывлет в верхнюю часть берцовой кости правой ноги. От места ранения я в состоянии был пробежать совсем немного... Выбившись из сил от боли раны, ушиба при падении с лошади и бега и убедившись, что нет никакой возможности доставить своевременно по назначению бывших при мне срочных бумаг и не желал дальше подвергать их опасности достаться в руки врага, я остановился в одном из оврагов для уничтожения их и перевязки раны, где и был схвачен японцами, но уже по уничтожении пакета и карт во время перевязки». Позже раненый подьесаул был вызволен из плена подоспевшими казаками (из архива С.В.).

Отношение казаков к генералу Самсонову лучше всего характеризует «Песня Сибирской казачьей дивизии», составленная казаком Лоскутовым, которую с увлечением пела каждая сотня.

Генерал ты наш удалый,
Война родина тебе,
Ты не раз в боях бывалый,
Верен был всегда себе.
Припев
Славу Скобелева помнят.
И поныне казаки,

А Самсонова запомнят
Все сибирские полки.
Припев

Александр Васильевич Самсонов (1859-1914), будучи командующим 2-й армией в период Великой войны, застрелился. Через год тело было найдено женой, опознано и перевезено из Пруссии в Херсонскую губернию. Похоронен в деревне Якимовка. Могила не сохранилась.

Генерал-майор Самсонов, назначенный командиром Сибирской казачьей дивизии, был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. В 1906 г. он был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Знака отличия военного ордена были удостоены 993 казака СКВ. Нижним чинам Сибирской казачьей дивизии были вручены 8 медалей «За храбрость» 4-й степени, 5 нагрудных на Аннинской ленте и Станиславской ленте 4.

4-й, 5-й, 7-й и 8-й полки СКВ получили Георгиевские знамена «За отличие в войну с Японией 1904 - 1905 гг.». Георгиевскими кавалерами стали офицеры-выпускники Сибирского кадетского корпуса: командир 5-го полка СКВ полковник Путинцев, командир 7-го полка СКВ полковник Трубецкой, командир 8-го полка СКВ полковник Стенбок и войсковой старшина этого же полка Евтин и др.

Прощаясь с войсками 1-й Маньчжурской армии, в составе которой сражалась Сибирская казачья дивизия, командующий генерал-адъютант Куропаткин 5 февраля 1906 г. дал высокую оценку воинам-сибирякам в сражениях под Тюреченом, Вафангоу, Ташичао, Янзалином, Ляньданьсяном, Ляояном, Шахе и Мукденом, особо отметив сибирских казаков в боях под Ляояном и Муданьцзянем. В боях погибли 77 казаков, ранено было 279 человек, пропало без вести - 54, умерло от ран - 13, от болезней - 29. Потери минимальные. 33 казака. Призванных на службу в Петропавловском уезде не вернулись в родные станицы

Казачьи полки вернулись в округ в январе 1906 г. и приступили к демобилизации.

3 октября войсковой наказный атаман СКВ генерал-лейтенант И.П. Надаров, сообщая о пожаловании Георгиевских знамен 4-му, 5-му, 7-му и 8-му полкам и поздравляя с высокими наградами, подчеркнул: «... уверен, что и молодое поколение сибирских казаков, воспитанное под сенью новых Георгиевских знамен, сумеет, когда это будет нужно, также доблестно исполнить свой долг перед Государем и Родиной, как это делали в последнюю кампанию их деды, отцы и старшие братья».

По приказу И.П. Надарова списки павших героев и казаков, награжденных знаками отличия военного ордена, были вывешены на видных местах станичных и поселковых правлений, а также в станичных и поселковых церквях.

КОМ. 7-го СИБИР. КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА
ПОЛКОВН. С. А. ПАНКОВЪ.
Убитъ при оборонѣ позиціи 8 октября

На черной мраморной доске в церкви Сибирского кадетского корпуса появилась фамилия выпускника 1876 г., командира 7-го казачьего полка войскового старшины П.А. Старкова. Он единственный из казачьего полка, действовавшего против 6 рот японской пехоты, погиб в ожесточенном бою 21 мая 1904 г.

После небольшого исследования действий полков на фронте обратимся к воспоминаниям графа Алексея Алексеевича Игнатъева о Сибирской казачьей дивизии. В чём был прав и в чём заблуждался «красный» граф? («красным» его прозвали белоэмигранты за то, что он вернулся в Совдепию из благополучного Парижа – прим.С.В)

Граф Алексей Алексеевич Игнатъев (1877-1954) – русский и советский военный деятель, дипломат, советник руководителя НКВД, писатель. Генерал-майор Российской республики (1917). Генерал-лейтенант РККА (1943).

В советской историографии было принято говорить о бездарности генералов императорской армии и её генералитете во главе с командующим Куропаткиным. Изучая материалы войны, я в очередной раз убедился, что в целом русская армия была слабо подготовлена к боевым действиям с серьезным противником. Это касается всех этапов движения войск, начиная с

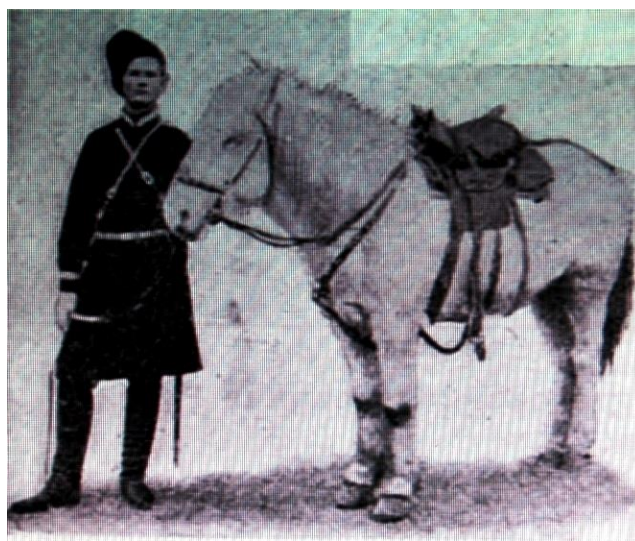
а

доставки войск в Маньчжурию по Транссибирской магистрали и заканчивая обмундированием пехоты.

Слово графу А.А.Игнатьеву. «Первые свои доклады я посвятил описанию и стратегической оценке театра военных действий, намекая на несоответствие имевшихся тогда в нашем распоряжении сил (восемьдесят батальонов при двухстах орудиях) с общим протяжением фронта в шестьсот верст. В первые три месяца войны мы могли получать в среднем только по одной роте в день. Недаром всем казалось, что мы попросту не получаем ни одного солдата из России...

Пятикратное превосходство японских сил нам в ту пору известно не было и в конце концов единственной реальной причиной поражения стали считать плохое управление войсками». [Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988.].

Сибирскій казакъ.

А.А.Игнатьев в воспоминаниях пишет о том, что белое обмундирование, в особенности фуражки, служили прекрасной мишенью для японских снайперов. Спешно было принято решение кустарным способом перекрасить все обмундирование. «Проснувшись утром, я увидел вместо русской пехоты толпу в каких-то желто-зеленых, голубоватых и зеленоватых тряпках. Не лучший вид имели и офицеры». Англичане, американцы и японцы имели форму защитного цвета – хаки. Игнатьев задаёт резонный вопрос : «Почему же его не использовало русское военное министерство, посылая сотни тысяч солдат на фронт?». Пехотные офицеры носили шашку, которая болталась между ног и при перебежках её надо было придерживать рукой. « В мирное время шашку было даже запрещено оттачивать, вероятно, во избежание несчастных случаев при пьянках, в военное время никто в пехоте не зарубил ни одного японца»,– иронизирует граф. Фуражки имели маленький козырек и маньчжурское солнце сильно досаждало офицеров, да и « вся армия ходила с незащищёнными глазами». Пехотные разведчики уже в первые дни войны расстались с сапогами, имевшими скользкую подошву. Они заменили их на мягкие китайские туфли-улы на толстой подошве и обмотки вместо голенищ. Вывод будущий генерал делает неутешительный: «Даже в отношении обмундирования русская армия оказалась столь плачевно неподготовленной, что через шесть месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев». Не хватало карт местности – их просто не было. Как не было горных пушек и еще длинного перечня. Во время наступления и битвы на реке Шахэ в войсках насчитывалось всего 32(!) пулемета. Таково было общее положение в армии. С критической оценкой подготовленности армии с будущим генералом Игнатьевым не поспоришь.

Казаков было принято обвинять в плохой боевой подготовке и чрезмерном пристрастии к пешему бою. Не стали исключением и сибирцы. Капитану Генерального штаба графу А. А. Игнатьеву они показались просто «ездящей пехотой». «...Сибирские казаки, — писал он, — сидели на беспородных, разношерстных, плохо откормленных конях, как будто вчера выпряженных их сохи. Да и ездоки отличались от мирных крестьян только, пожалуй, надетыми набекрень фуражками с красным околышем. Небрежная и самая разнообразная седловка с торчащими из-под подушек тряпками!.. мы должны довольствоваться этой ездящей пехотой» .

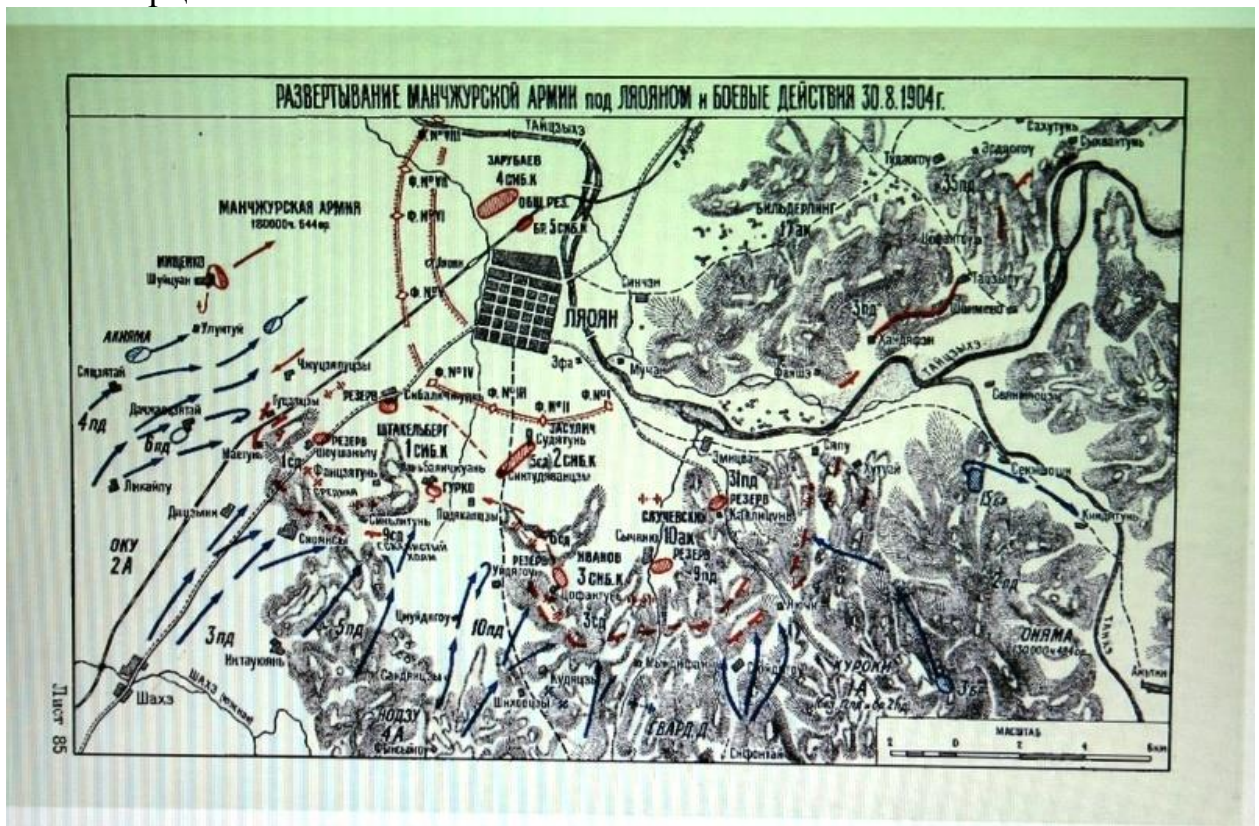
О генерале Самсонове Игнатьев пишет: « Невесёлому виду сибирских казаков соответствовал и облик их начальника дивизии генерала Самсонова (впоследствии трагически погибшего в Восточной Пруссии). « Вы ведь не знаете, что наши несчастные кони не расседывались по неделям, когда мы вместо пехоты несли сторожевую службу! Конница моя используется неправильно! Три четверти моих казаков безграмотны! Да и офицеры мои по своей некультурности недалеко от них ушли, – как бы говорили его всегда грустные глаза». Что можно сказать об этой характеристике казаков, данной капитаном Генштаба Игнатьевым? Совсем по иному, тепло и доброжелательно, отзываясь об офицерах и простых казаках полковник Генштаба Георгий

а

Данилов, прошедший с дивизией весь путь от начала её формирования до последнего дня боёв. Он сумел разглядеть в них лучшие черты простого русского солдата, воевавшего в любых нечеловеческих условиях.

Конечно, отвыкшие от строя казаки третьей очереди внешне никак не походили на «отчётливых» молодцов-кавалергардов, «которые остались где-то там, далеко в Петербурге, на парадах! Там коней выезжают по системе Филиса...» (Игнатьев). А низкорослые (133–147 см. в холке) и изнуренные боевой страдой киргизские лошадки не были похожи на тщательно подобранных по масти шестивершковых (169 см.) кирасирских «медведей»...

Но опровержением мнения о Сибирской дивизии 1904 года как о «ездящей пехоте» служит этот очерк о боевых действиях дивизии. Только два кавалерийских боя произошли в русско-японскую войну, и героями первого из них стали сибирцы.

17 мая 1904 года под Юдзятунем, южнее станции Вафангоу, две сотни 8-го Сибирского казачьего полка во главе с есаулом Желтухиным атаковали эскадрон японских драгун — и за несколько минут почти всех перекололи пиками. Отдельными ударами были не только пронзены насквозь японские всадники, но и ранены их лошади...

Пиками, в конном строю, сибирцы разметали и японскую пехоту, окружившую их разъезд под Дагушанем 23 мая 1904 года.

А сторожевая и разведывательная служба, которую сибирцы несли всю войну, от самого Желтого моря? «Люди, близко стоящие к казакам, — отмечал корреспондент „Сибирского вестника“ В. Простой, — совершенно беспристрастно отзываются о них с большой похвалой, указывая на то, что казаки всегда делают очень аккуратно все зависящее от них». Из неравных

стычек сибирские разъезды неизменно выходили с минимальными потерями. «Объясняется это природной сметливостью казаков, умеющих сразу ориентироваться в трудную минуту и найти выход из трудных обстоятельств». [Куропаткин].

Сибирцы умело действовали и в пешем строю. 20 августа 1904 года, в ходе Лаоянского сражения, 19 их спешенных сотен надолго задержали у Янтайских копей обходившую фланг нашей армии бригаду японской пехоты.

Под Ляояном

Долго еще будут сообщаться дополнительные сведения о бое под Ляояном, растянувшемся на громадное пространство и богатом отдельными эпизодами. Так, никто не телеграфировал еще о выдающейся и почетной роли, которую играла в этом сражении сибирская казачья дивизия, с 18 по 25 августа дравшаяся не только как кавалерия, но и как пехота. Командующий армией направил ее, в составе 19 сотен и шести орудий третьей забайкальской батареи, вечером к каменноугольным копям Янтая, приказав немедля занять их и обеспечить наш левый фланг, и если они уже захвачены японцами, — взять эту позицию и во что бы то ни стало на ней удержаться. При этом генерал Самсонов назначен был начальником отряда. Выступили в зловещий, казавшийся безлюдным простор.

В четыре часа утра пятый Сибирский полк быстро расположился в копиях, а через два часа сюда стянулся весь отряд, предупредив таким образом противника. Девятнадцатого августа подошел генерал Орлов.

Не теряя времени, Самсонов выслал разведку к югу в красивую, потонувшую в зелени и полную мирных, цветущих деревень долину Тайцзыхе определить, где за рощами и садами кроются на правом берегу японские отряды и не направляются ли они к Мукдену. Казаки широким крылом обошли все это пространство и застали небольшие силы противника в указанном месте. Стоянка самсоновского отряда была далеко не безопасна. Сыквантун обстреливался японскими орудиями, и надо было постоянно ожидать неожиданных рейдов неприятеля. Двадцатого Самсонов разбросал пером маленькие отряды, нащупывая противника, начинавшего наступление. Выяснилось, что он правым флангом идет к высокой сопке, где стоял наш левый фланг, на Янтай и на копи.

Диспозиция на этот день Самсонову не была доставлена. Надо было самому угадывать, как действовать. Генерал Орлов решил сегодня отбить японцев от Сыквантуна. Старший чином, он просил казачий отряд обеспечить его левый фланг и передать в его отряд третью забайкальскую батарею и три сотни казаков. Седьмой сибирский казачий полк стал так, чтобы быть готовым тотчас же занять правый берег Тайцзыхе, а три сотни восьмого полка прикрыли батарею. Противник, точно угадывая цели отряда, в десять часов утра внезапно осыпал гранатами и шрапнелями южную позицию «Янтай-копи». Огонь, как всегда, когда они сосредоточивают его по известному квадрату, был ужасен. Там стояли казаки и их батарея, а позади по скату раскинулись цепи и резервы Инсарского батальона и двух Сретенских рот сторожевого охранения.

Сибирские казаки назначались занять место инсарцев, когда их двинут отсюда. В одиннадцать часов утра Орлов уведомил о начале своей атаки из Сыквантуна. Казаки спешили, стали на флангах артиллерии, которая не могла отвечать японцам. Стоя на гребне, она имела перед собою мертвое пространство при наступлении Орлова, а по другую сторону сопки — японскую батарею. Если бы японцы перешли сами в атаку, не казачьему слабому охранению можно было сдержать их. Поэтому под ливнем шрапнели и частыми ударами фугасных гранат, не теряясь, казаки восьмого сибирского полка, под наблюдением подполковника генерального штаба Посохова, спускали орудия на руках к передкам. Здесь убит хорунжий Иван Бейнинген. Казаки Самсонов, Шкурыгин, Грязнов и Федоров бросились в жесточайший огонь и вынесли тело начальника. У них японцы перебили лошадей, но они окончили дело пешком. Раненые были отправлены на носилках, трупы убраны, и только тогда казаки восьмого сибирского полка ушли отсюда к коноводам. Гребень несколько минут спустя покрылся японскими цепями. Надо прибавить, что Орлов предложил было Самсонову поддержать его атаку конным набегом на пехоту с правого фланга, но генерал решительно отказался сделать это раньше разведки, так как полки Орлова, не испытанные, не знающие артиллерийского огня, представлялись ненадежными. Надо было прежде выяснить состав наступающего противника. Осторожность оправдалась последствиями. Кавалерийская дивизия вся бы погибла при этом. Из орудий три были повреждены. Когда батарея была спасена, наступление японцев приняло угрожающий характер. Генералу Орлову пришлось с одиннадцати часов утра отходить. Японцы шли как на нашу сопку, так и на его колонны на нашем правом фланге. Надо было, чего бы это ни стоило, удержать левый фланг «Копи-Янтай». Седьмой сибирский казачий полк и оставшиеся сотни четвертого, пятого и восьмого полков спешили, быстро заняли гребень своей горы, отогнав японские цепи, и открыли по ним убийственный огонь. В это время была доставлена диспозиция. По ее смыслу ожидалось возвращение Орлова на позицию, но он приказал отступить на станцию «Янтай» и очистить копи. Видя, что роты Сретенского полка отходят, Самсонов приказал орудиям перейти на две с половиной версты к западу, а казакам отходить, но в эту роковую минуту прискакал генерального штаба полковник Запольский объявить о приближении на помощь первого Сибирского корпуса с целью атаковать японцев. Казаки тотчас же стремительно кинулись к оставленному гребню, а за отступавшими сретенцами поскакали офицеры, и руководить ими поручено было генерального штаба есаулу Порову. Можно было под ярким сегодня солнцем различить развертывающиеся впереди пять японских батальонов в золотистых облаках пыли и с ними 19 горных орудий. Положение оказалось исключительное. На юге позиции противник развернулся на запад, а на севере ее казаки и сретенцы — фронтом на восток и юг. Наши орудия начали бой. Видны были разрывы снарядов в гуще неприятельских колонн. Шрапнели поражали их подходившие вновь части. Так длилось долго. В половине пятого бой на правом фланге затихал. Первый корпус не появлялся. Держаться

кавалерии под напором пехоты нельзя было, и казаков отвели назад. Нельзя не отметить тут подвига вольноопределяющегося Арцишевского и казаков Башкирцева и Королькова. Под ружейным и артиллерийским огнем они бросились в копи и там зажгли продовольственные запасы. Казаки прикрыли сретенцев и сами отошли налево, где встретили две роты инсарцев, уходившие от прикрываемой ими артиллерии, обстреливаемой противником отовсюду. Направление первого корпуса изменилось. Сюда двигались для защиты левого крыла два стрелковых батальона и четыре орудия с подполковником Запольским. Генерал Самсонов решился до последней крайности удерживать позицию кавалерией. Ночью расположились биваком, но утром ни сретенцев, ни инсарцев здесь не оказалось. Генерал передал казачью батарею и пять рот пехоты Запольскому, а сам передвинулся к северу, где легче прикрывалось левое крыло армии. Началось опять освещение деревень и долин разведками. Надо было узнать, не идет ли неприятель на север; но оказалось, что японцы укрепляют «Янтай-копи». Ясно, что японцы остановлены были спешившимися казаками, упорно дравшимися с их пехотой, отходившими в арьергарде, отбрасывавшими стремительно наступавшего противника. Самсонов свидетельствует, что казаки дрались с величайшим хладнокровием и таким мужеством, что японская пехота не раз останавливалась перед этой живой и грозной силой. Руководивший стрелками Егоров уходил последним, выпуская остаток патронов в неприятеля и подбирая раненых.

Задачей 21 августа было обеспечить выход наших войск, дравшихся на ляоянских фортах, к северу. Сибирская казачья дивизия принимала в этом разведкой, боем и набегами самое деятельное участие. С утра получились сведения, что японцы, заняв дорогу, куда направлялись казаки, окапываются на ней и ставят на северо-восток от «Янтай-копей» батареи, затем, что они готовы атаковать и обойти наш левый фланг севернее горы Тумипузы-Матаун. Быстро полковник Данилов, догнавший Самсонова, уехавшего к командующему армией, решил предупредить противника, переброситься на левый фланг у Тумипузы и здесь остановить начавшийся обход на северной оконечности высот. Батарея двинулась вперед к востоку за Киуцейхай. Седьмой полк спешился левее, и части пятого полка — правее. Так началась казачья атака. Заняв вершину горы и границу гаолянового поля, бросилась на японские цепи. Сюда же пошла вторая казачья бригада, дравшаяся с противником у Паулипузы. Возвращавшийся от Куропаткина Самсонов занял спешенными сотнями гребень к юго-востоку от Тумупузы и тоже открыл огонь. Движение японцев приостановилось. До глубокой ночи казаки удерживали позиции и, желая бороться до последних сил, взяли пики, чтобы отбрасывать неприятеля со склонов. Тем временем наши корпуса должны были миновать полосу японского обхода. Казаки стойко удерживали этот гребень до прибытия стрелков. 23 августа казаки собрались у Сантайдзы, где и переночевали, а 25-го ушли за реку Хунье в деревню Тунлипузы, но на пути сменили генерала Любавина. Рядом блестящих действий этих дней сибирские казаки показали себя, наконец, такими, какими мы ожидали их видеть здесь со времени их

прибытия в Манчжурию. Потом казачья дивизия несла передовую службу у мукденских позиций, везде следя за движениями японцев (корр. В.Немировича-Данченко).

Таким образом, анализ документов доказывает, что генштабист граф Игнатъев, мягко говоря, заблуждался в своих выводах относительно боевой выучки сибирских казаков. Да он и сам того не замечая, на страницах воспоминаний то и дело восхищается сметкой простого солдата – «казаки ловко связали надо мною ветки гаоляна, создав тень» и прочее.

Изучение истории той далекой войны в очередной раз дала уму пищу для размышлений. То, что люди называют на своем языке «войной», по сути своей противоречит человеческому разуму и логике бытия. Войны несут «человеку разумному» лишь горе, боль, ненависть, кровь и разрушение. Речь идет не о защите Отечества – здесь всё понятно, и вопросов нет – речь о так называемых империалистических, захватнических войнах за сферы влияния ничтожно малого процента населения.

«Эта война всего более разоблачила гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание пострадавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв», – писал В.И.Ленин в 1905 году о русско-японской войне 1904 -1905 годов (ПСС.т.9).

Войны всегда заканчиваются, закончилась и эта. Подписали проигрышный мирный договор. Под ударами первой русской революции зашаталась основы империи. Генералы отправились в отставку – писать мемуары. Командующий Маньжурской армией Алексей Николаевич Куропаткин (1848-1925) после революции преподавал в открытой им сельской школе и заведовал библиотекой в селе Шешурино Тверской области.

А в низких горницах деревень и станиц, в «красных» углах у икон многие годы желтели от времени фотографии. На них с трудом угадывался облик тех, кто остался навечно лежать в братских могилах у китайских селений с чудными и таинственными названиями Сандепу, Вафангоу, Инкоу, Ляоян, Ходзяпудзя...

Молились о них при мерцающих свечах, стоя на коленях у святых образов, вдовы и матери. И просили Отца Небесного принять души убиенных в Царствие его.

Подгоняемый восточным ветром, плыл по просторам империи вальс «На сопках Маньчжурии» – реквием и гимн прошедшей войне. 120 лет прошло, но музыка и слова вальса до сих пор трогают до глубины души.

Плачет, плачет
 Мать родная,
 Плачет молодая вдова,
 Плачут все,
 как один человек
 Злой рок и
 Судьбу кляня.

Спите, бойцы,
 Спите спокойным сном,
 Пусть вам приснятся
 Нивы родные,
 Отчий далёкий дом.
 Ночь. Тишина.
 Лишь гаолян шумит.
 Знайте, герои, память
 О вас
 Родина-мать хранит.

Царская армия – офицеры и рядовые

О жизни в уездах Акмолинской области до революции остались лишь воспоминания свидетелей тех лет, написанные в разное время и по разному поводу. Большой пласт подобных воспоминаний относится к юбилейным датам – они были написаны по просьбе работников партархивов к сорока и пятидесятилетию Октябрьского вооруженного восстания 1917 года. Некоторые из воспоминаний написаны живым языком и дают полную картину жизни очевидца прошедшей эпохи.

К таковым можно отнести и воспоминания Красникова Евлампия Александровича, казака станицы Арык-Балыкской Кокчетавского уезда.

Он родился в 1886 году в многодетной семье, состоящей из десяти человек. В 1908 году в мае Евлампий отправился на службу в армию, в 1-й казачий полк. Отец, несмотря на крайнюю нужду, приобрел строевую лошадь, кавалерийское седло и обмундирование. Под командованием вахмистра Петрова сформированная сотня дошла до Кокчетава, где из казаков 10 станиц начальником отдела войсковым старшиной Власовым был сформирован эшелон. Во главе эшелона были назначены есаул Осипов и подьесаул Трошков. В середине мая казаки тронулись в путь по маршруту Щучинск - Акмолинск-Каркараллы -Копал-Джаркент. Весь путь составил около двух тысяч верст.

В середине августа эшелон прибыл в расположение первого казачьего полка, которым командовал войсковой старшина Чернота Дебояре-Боярский (Станислав Людвигович. 1852 г.р. – прим. С.В.). Евлампий попал в пятую сотню под командование есаула Первушина (Владимир Егорович. 1867-1923, расстрелян в Омске - прим.С.В.).

«Первый год рекрутской службы был очень тяжелым – приходилось мыть полы, чистить посуду, ходить за обедом, чистить сапоги взводным, полувзводным, и ухаживать за лошадьми – своей и младшего командного состава. Особенно тяжело было переносить издевательства от старых казаков. Все мелкие переживания описать невозможно. Я опишу только самые тяжелые, когда поступил командиром сотни есаул Петров. Рядовые казаки меня уважали и я был избран сотней на должность артельщика – закупать и доставлять продукты казакам. Ежемесячно я должен был отчитываться перед командиром

сотни. По неосторожности я примарал документ чернилами и когда пришел на квартиру командира сотни, он, увидя эту пометку, начал меня избивать. Избил очень сильно, но с должности не снял».

В 1912 году сотню перевели в узбекское село Кольджат. 23-го ноября казаки решили отметить праздник Александра Невского. Так как водки в селе не было Евлампий послал казака Михеева за дтюном в соседний Китай. Последний принес дтюн и казаки собрались отметить, забыв или не захотев пригласить в свою компанию вахмистра Грибанова, жившего в отдельной комнате казармы. Наутро Грибанов на разводе доложил о нарушении дисциплины командиру сотни. Минеев и Красников были вызваны на квартиру и допрошены им. Видя, что казаки не собираются сознаваться в содеянном командир «достаёт из кабуры наган, приставляет его мне ко лбу и говорит – или ты признайся или я тебя застрелю». Лишь вмешательство жены Шуры изменила ситуацию. «Онахватила его за руку и стала просить, чтобы он меня не убивал – говорит, у него есть отец и мать, а может быть и жена, ведь они будут за ним плакать. Тогда он бросил наган на койку и стал меня избивать. Избил так, что мне пришлось ходить к фельдшеру лечиться. Также он поступил и с Минеевым».

В августе закончился срок службы и эшелон был проведен до Кокчетава есаулом Дороховым (Константин Георгиевич, 1884 г.р. - прим . С.В) и сотником Григорьевым. Так, в октябре 1912 года Красников вернулся домой и стал заниматься сельским хозяйством.

Но в 1914 году он был мобилизован на войну с Германией и отправлен в Кокчетав в 5-ю сотню 4-го Сибирского казачьего полка.

Казак Евлампий Красников был активным участником бунта казаков на реке Чаглинка, его воспоминания очень ценны для исследователей этого события.

«4-го августа рядовой Данилов, купив себе строевую лошадь, которая понравилась есаулу Бородихину (Леонид Иванович, 1886 г.р. - прим С.В.) и тот начал требовать, чтобы Данилов отдал ему лошадь». Но последний категорически отказался подчиниться, за то Бородихин избил Данилова. «Узнав об этом, зверском поступке старший урядник Емельянов Дмитрий Егорович пошел к Бородихину и стал требовать, за что тот бьет казака». Командир сотни приказал казакам расходиться, но их количество увеличилось – подошли казаки других сотен. «Тогда Бородихин вытащил наган из кабуры и начал стрелять в казаков, многих поранил, но они все же не расходились. Винтовок у нас не было, а были только пашки. И вот, обнажив пашки прижали Бородихина к офицерскому клубу». Он забежал в клуб и закрылся в нем вместе с полковником Шмониным и его помощником подъесаулом Бедриным. Казаки решили сжечь клуб вместе со всеми кто в нем находился. Командиру полка Шмонину и Бедрину удалось выбежать из клуба через дверь и скрыться, а Бородихина казаки зарубили пашками. Командир полка Шмонин (Владимир Петрович - прим. С.В.) вызвал пехотный полк, который окружил полевой лагерь. «Таким образом, бунт был подавлен».

а

Вместе с пехотным полком прибыл генерал Усачев (Александр Яковлевич. 1860 - 1943, Харбин - прим. С.В.). Он выстроил полк, отсчитал каждого десятого и отправил их в тюрьму. Среди арестованных оказались вахмистр Шульгин, урядник Красноштанов, рядовой Павлов и другие. «Защищая свою шкуру, не жалея товарищей, Шульгин с Павловым выдали товарищей, виновных в убийстве Бородихина. 13 августа днем был назначен военно-полевой суд под председательством полковника Казакова, членов суда есаула Белова, пехотного штабс-капитана Ушакова и следователя сотника Григорьева». Рано утром 14 августа суд вынес приговор: 9 человек к расстрелу, 20 человек к каторжной работе от бессрочной до 4-х лет. В числе расстрелянных были два брата Духновы из станицы Лобановской и Василий Данилов из Сандыктавской - покупка лошади стала для него фатальной (Списки расстрелянных казаков я привел в очерке «Три версии одного события» - прим.С.В.)

Евлампий Красников был осужден к 15 годам каторжных работ и отправлен этапом в Омскую тюрьму, где был закован в кандалы и отправлен далее по этапу до Читинской тюрьмы. На Нерчинской каторге Красников находился до февральской революции 1917 года, был освобожден как жертва царского режима и амнистирован.

Таким образом, Красников не участвовал в боевых действиях Первой мировой войны. Волею судьбы он избежал печальной участи, постигшей казаков 4-го Сибирского казачьего полка в Августовских лесах в феврале 1915 года. Командир полка войсковой старшина Георгий Григорьевич Власов погиб, генерал Усачев и почти весь офицерский состав попал в плен, рядовые казаки остались лежать в болотах.

После освобождения Красников занимался в своей станице сельским хозяйством. Из воспоминаний неясно на чьей стороне воевал Красников в гражданскую войну, но после ухода Колчака он принял активное участие в

работе продотрядов. Во время Западно-Сибирского восстания под лозунгом «Советы без коммунистов!» «руководителей хлебозаготовок Вашкевича, Андреева, Иванова, Красникова, Фадеева арестовали». Товарищи Вашкевич и Андреев были расстреляны, также были расстреляны Дитюков и Скокк, а нам удалось спастись. До прихода Советской армии сидели в снегу». Красников не уточняет, каким образом после ареста ему удалось избежать расправы.

В 1928 году товарищ Красников работает председателем Товарищества по обработке земли (ТОЗ), вошедшего в 1930-м году в колхоз «Власть труда», где Красников трудился бригадиром полеводческой бригады. Отсюда он переведен бригадиром плотников, и работает в этой должности до 1956 года. «В 1956 году здоровье мое стало плохое и я работать не стал. Облисполком установил мне пенсию в размере триста рублей, чем обеспечил мою старость. За это я приношу великую благодарность Коммунистической партии и советскому правительству».

Примечание к воспоминаниям: «Я опустил 1913 год. В 1-м Сибирском казачьем полку в 3-й сотне был очень жестокий офицер есаул Толмачев (Александр Михайлович, 1866 г.р. – прим.С.В.). По тайному договору небольшой группой казаков было решено его убить. Казак Козлов принял на себя дело убить Толмачева, не выдавая никого – будучи дневальным, приготовил оружие и одним выстрелом убил есаула Толмачева. За что приговором суда был расстрелян, но никого не выдал».

(В некоторых источниках говорится, что 24.12.1913 года есаул Толмачев был убит при осмотре оружия казаком Кроловым. 1 СКП. - прим С.В).

В воспоминаниях показано, что сибирское казачество в предреволюционный период было далеко неоднородным. Некоторые командиры откровенно издевались над подчиненными, допуская физическое насилие. Это обстоятельство стало одним из факторов раскола казачьего сословия в период гражданской войны.

Непонятно, где находится следственное дело об убийстве Бородихина. в 1966 году из Кокчетавского партархива в Омский облархив был сделан запрос. В ответе омских товарищей говорится, что этого дела в Омске нет. Вопрос о том, существует ли дело или сгинуло в водовороте истории остается открытым.

В этой истории была ещё одна смерть.

Войсковой старшина в отставке, собиратель казачьего фольклора, житель Кокчетавы Иван Васильевич Бородихин. Родился 14 сентября 1852 года. Имеет знак отличия военного ордена 4-й степени и бронзовую медаль за покорение Ханства Кокандского 1875-1876 годов. Из казачьих детей Тобольской губернии. Окончил Оренбургское юнкерское училище по 1-му разряду, Кокчетавское окружное училище. Женат вторым браком на дочери священника Александре Павловне Сементовской. Дочь Александра родилась 3 ноября 1883 года, сыновья - Леонид, 1886 года рождения и Василий, 1890 года рождения. Имеет участок в 600 десятин во временном пользовании при станице Кокчетавской. Был в Кокандском походе - с августа 1875 года по 1876 год.

"Послужные списки на штаб и обер-офицеров Сибирского казачьего №1 Ермака Тимофеева полка, состоящих в распоряжении войскового начальства в 1893 году." Ф. 330, Оп. 57, Д. 1095. РГВИА.

На почве трагической гибели сына подьесаула Л.И. Бородихина (убит взбунтовавшимися мобилизованными казаками в сборном лагере на р. Чаглинке под Кокчетавом) впал в «душевно-нервное расстройство». 10 февраля 1915 г. в возрасте 63 лет «выстрелом из револьвера лишил себя жизни».

Фотография захоронения девяти расстрелянных по приговору военно - полевого суда. Современное состояние братской могилы в 3 км западнее Кокчетав со стороны Володаровки - Арык-балыка.

Благодарю за помощь в публикации материала Евгения Чиркова (Кокчетав, ф.1525)

Как генерал казаков кашей накормил

24-го октября 1916 года командующий Второй армией проезжал через расположение Сибирской казачьей дивизии в местечке Куносы (ныне деревня в Несвижском районе Минской области) и заглянул на полевую кухню 5-го Сибирского казачьего полка. К его удивлению, в обеденном меню отсутствовала каша. Командующий немедленно поставил на вид командиру дивизии генерал-майору Николаю Николаевичу Волжину.

27 октября 1916 года вышел приказ по дивизии за №149 в котором Волжин требовал строго взыскать с командира 2-й сотни подьесаула Торопова и хорунжего Сергеева за отсутствие каши.

Приказ был написан в не свойственной для документов такого рода стиле. Генерал по пунктам объясняет, почему каша столь полезна и нужна казакам.

Он пишет: «Разномыслие относительно надобности каши к обеду уже давно бродит в дивизии, и не только между полками, но и между сотнями. Некоторые сотни не делают под предлогом, что казак не любит каши». Волжин гневается: «Не раз приказывалось её делать. Но некоторые упорно продолжали её не делать». Он ссылается на приказ от 7 октября, когда в 87-й Кольтовской пулемётной команде вдруг при проверке не оказалось каши.

Несмотря на этот приказ «Подьесаул Торопов и хорунжий Сергеев все-таки каши, вот не делают, «по просьбе казаков», как оправдываются». Вывод Волжина справедлив и вполне логичен: «И значит, если казаки попросят, то можно спокойно не выполнять приказание начальства».

Генерал изначально собирался арестовать сроком на месяц виновных. Но смягчился и приказал командиру 5-го полка Издебскому самому найти способ для наказания офицеров.

Командир дивизии на этом не успокоился, а разъяснил в приказе, что необходимо делать, чтобы казаки полюбили кашу.

«Делайте её вкуснее, а чтобы каша и вообще пища была вкуснее выбирайте кашеваров посовестливее, поискуснее, да поугостительнее, коим было бы до боли совестно и обидно состряпать гадость». Генерал советует

а

устраивать соревнования между поварами. А главное – командирам лично самим почаще заглядывать в котёл. Нужно отбросить прочь успокоительный тезис о том, что « у людей же не лучше нашего» а постараться превзойти в поварском искусстве соседа.

Следует безоговорочное распоряжение командира – «к обеду крутую рассыпчатую кашу, а к ужину кашицу, ибо жидкое к жидкому».

В последнем пункте документа читаем: «Недоед, если случится, раздавайте голодным детишкам, коих по деревням не оберёшься».

Прочитав этот интересный документ, я вспомнил свой армейский опыт в советской армии – действительно, если каша была приготовлена вкусно, то не имело значения перловка ли это («кирзуха» - в обычном лексиконе), гречка, овсянка или пшенная каша – любая поедалась с большим аппетитом. Но если кашу готовили на воде, да еще толком не проваренную, то солдат так и вставал из-за стола голодным. Кроме того, у каши есть интересное свойство. Если потреблять ее строго согласно режиму, то уже через месяц солдат набирал вес так. Что его с трудом узнавали на армейских фото родные и близкие. Правда, к дембелю, этот вес куда-то улетучивался. В приказе чувствуется забота генерала о личном составе, несмотря на грозные распоряжения относительно господ офицеров.

Кем же были герои этой истории? Какова их жизнь и судьба?

Командующий 2-й армией Смирнов Владимир Васильевич (1849-19.10.1918). Командовал армией с 1914 по апрель 1917 года. Казнен красными в Пятигорске (Северный Кавказ).

Командир Сибирской казачьей дивизией и 2-й бригадой Волжин Николай Николаевич (1854 – не ранее августа 1917). Уволен из армии « по болезни» судьба неизвестна.

Командир 5-го Сибирского казачьего полка Издебский Станислав Лукич (1852- не ранее 1917). Участник русско-турецкой и русско-японской войн. Полковник в отставке, командир полка с 5 декабря 1914 года. Уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией с 1 мая 1917 года. Дальнейшую судьбу проследить не удалось

О подъесауле Торопове удалось узнать несколько больше. Андрей Эрастович окончил Алексеевское военное училище в Москве в 1909 году. 9 сентября 1914 года прибыл в действующую армию и состоял командиром 5-й сотни 5-го Сибирского казачьего полка. Состоял на различных должностях в дивизии в период первой мировой войны. Выбыл в штаб дивизии из 2-й сотни 31 декабря 1916 года. До августа 1917 года был председателем полкового суда. С ноября исполнял обязанности начальника штаба Сибирской казачьей дивизии. На момент инцидента с кашей Торопов имел ряд боевых наград – орден Св. Станислава III степени с мечами и бантом (6 декабря 1914), орден Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» (1 июня 1915), Орден Св. Анны III степени с мечами и бантом (28 июля 1915), орден Св. Станислава II степени (22 августа 1916), а 8 февраля 1917 года - мечи к ордену Св. Станислава II степени. В апреле 1918 года уволен в запас.

Вновь призван 18 июня 1918 года в белую армию. Воевал на восточном фронте во 2-м Сибирском казачьем полку командиром сотен (6,4,3). С 1 августа 1919 года – командир полка по хозяйственной части.

В белой армии 3 декабря 1918 года был награжден чином есаула «за боевые отличия против неприятеля» (приказ по Сибирской армии от 16 марта 1919 года №136)

Командир 2-го Сибирского казачьего полка полковник Блохин 20 августа 1919 года написал представление на присвоение Торопову чина войскового старшины.

«В бою под деревней Ураз-Бахал 30 мая 1919 года, командуя сотней, содействовал отбитию атаки каширинцев и отбитию у них захваченных ими батарей, обозов, офицера и стрелков 4-й Стрелковой дивизии. Достоин награждения чином войскового старшины».

Торопов воевал в Петропавловской операции, совершил Великий Сибирский ледяной поход, воевал в Приморье. Участник похода на Хабаровск.

а

В январе 1922 года командовал пластунской сотней. В звании полковника эмигрировал в Китай. Умер 24 сентября 1927 года в Шанхае.

Данных о хорунжем Сергееве отыскать не удалось. Известно только, что в списке 5-го СКП есть прапорщик Е.Сергеев (из вахмистров 11 сентября 1915 года).

Полковник Блохин Петр Алексеевич (1880- ?)

Принимал участие в работе антибольшевистской офицерской организации в Петропавловске и в её составе участвовал в свержении советской власти в городе.

Занимал должность начальника штаба военного района. С июня 1918 года командовал дивизионом во 2-м Сибирском казачьем полку.

В 1919 году командовал 2-м Сибирским казачьим полком.

Был назначен заместителем войскового атамана Сибирского казачьего войска.

В составе вооруженных сил Временного Приамурского правительства с 28 июня 1921 года командовал сводным полком Сибирского казачьего войска.

23 октября 1921 года получил назначение начальника Сводно-казачьей бригады.

Кавказский фронт Первой мировой войны. 1-й Сибирский казачий полк

Казаки 1-го Ермака Тимофеевича и 2-го полков, несшие срочную службу на китайской границе, были переброшены на русско-турецкий фронт, на Сарыкамьшское направление. 1-й Сибирский казачий имени Ермака Тимофеева полк выступил из Джаркента 21 августа 1914 года в составе штаб-офицера, 13 обер-офицеров и 631 казака. До 4 февраля 1914 года полком командовал полковник Радац, впоследствии командир Сибирской казачьей бригадой. На взятие Ардагана была послана Сибирская казачья бригада генерала Калитина с конно-пулемётной командой и казачьей батареей.

С 17 по 20 декабря полк в составе бригады форсированным маршем прошёл 250 верст от Боржома до Ардагана. 21 декабря полк зашёл в тыл пятитысячному турецкому гарнизону Ардагана. На другой день 1-ый полк под командованием полковника Э.Ф.Раддаца настиг и разбил колонну турок за Ардаганом, уничтожив в бою несколько сотен солдат Энвер-паши. Полковник М. Е. Сменов, тогда хорунжий 3-го Екатеринбургского полка, участник этого боя, рассказывал: «Сибирская казачья бригада, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели защититься. Это было что-то особенное и даже страшное, когда мы смотрели со стороны и восхищались ими, сибирскими казаками. Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел из них...».

Е. В. Масловский подтверждает: «...Казаки же Сибирской бригады, произведя обход, нанесли быстрый удар с северо-западной стороны и конной атакой овладели Ардаганом. Турки в беспорядке бежали через Яланузгамский перевал, оставив сибирякам много пленных и два орудия»... На рассвете

а

морозного туманного дня 1-й Сибирский казачий полк, шедший в авангарде бригады, своими дозорами усмотрел цепи турецкой пехоты на неприступных, обледенелых, покрытых снегом горах. Впереди лежали стрелковые цепи, за ними стояла батарея, еще дальше был батальон резерва, стоявший в густой колонне. При нем было знамя. Полк построился поэшелонно для атаки, в голове полка шла 4-я сотня есаула Волкова. Ураганом по кручам понеслась ермаковская атака. В этом бою сотней было захвачено знамя 8-го турецкого пехотного Константинопольского полка.

На кавказском фронте. У Эрзерума. Командир корпуса со штабом, за отсутствием помещения, разместились в киргизской юрте.

В центре – генерал Петр Калитин

Проводы на фронт

Пехота сложила оружие. 6 января полк, изрубив около тысячи турецких солдат, первым вышел к Эрзеруму. За эту операцию полки были представлены к Георгиевским знаменам. Полковник Раддац, командир полка, был награжден

а

за эту атаку орденом Св. Георгия 4-й степени. Генерал Калитин вручил Георгиевский крест командиру 4-й сотни есаулу Волкову, который тот особенно бережно хранил. Этот крест принадлежал когда-то Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, снявшему его с груди и вручившему Петру Калитину за Ахал-Текинскую экспедицию 1880 года.

Полковник Левандовский В.А. (1873–1946, Санта-Фе, США) пишет о действиях офицеров полка: «Помощник командира полка по строевой части полковник Шмонин в бою второго января 1915 года у деревни Еникей атаковал противника в конном строю под перекрестным пулеметным огнем, довёл атаку до удара холодным оружием. Дивизион изрубил до 300 турок и захватил два пулемета. Награжден Георгиевским оружием. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №589). Шмонин был контужен 2 февраля 1916 года. Поля боя не покинул, продолжая командовать казаками.

Командир 4-й сотни есаул Волков Вячеслав Иванович (1877–1920) 21 декабря по собственной инициативе атаковал и изрубил турецкую роту, захватив при этом знамя 8-го Константинопольского полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №560).

2 января 1915 года у деревни Еникей на Ольтинском направлении, во главе своей 4-й сотни, преследуя отступающих турок, под сильным фланговым ружейным и пулемётным огнём, атаковал стоящие перед ним части, изрубил и захватил пленных и два пулемета. Награжден георгиевским оружием. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №589).

Братские могилы у селения Ольты

3 января 1915 года 3-я сотня под командованием сотника Красильникова настигла близ селения Сами-каре отступающих турок, вступила с ними в схватку и часть пленила. Сотник Красильников и хорунжий Псарёв с шестью казаками отделились от сотни и выскочили на перевал. Здесь они нарвались на

колонну турок, поднимавшейся на перевал с юга. Красильников спешился и открыл огонь из револьвера, казаки поддержали его винтовочным огнем. Турки ринулись назад и залегли за камнями, открыв ответный огонь. Минут через 10-15 подошла сотня, но и турки попытались охватить казаков с флангов.

Бой продолжался несколько часов, пока не пришел приказ к отходу. Казаки по одному отходили к коноводам, пока не собрались все. Красильников отвел сотню под ружейным огнем на 400 шагов к хребту, где был поддержан 4-й сотней. Красильников был легко ранен в голову, но из боя не вышел. Награжден орденом Св.Станислава 3-й степени.

2 марта 1916 года подьесаул Красильников получил тяжелое ранение во время атаки у села Тират. После оказания первой медицинской помощи возвратился в полк .

21-го декабря совершил свой первый подвиг хорунжий Берников. Турецкая пехота с пулеметами занимала окопы на опушке Ардагана. Около часа дня из города начали выходить курдские сотни и, приблизившись к полку, спешились и открыли огонь. Их атаковал 2-й дивизион полка в конном строю. Курды беспорядочно бежали. Казаки некоторое время преследовали их, но попали под фланговый огонь и повернули назад. Берников в горячке боя не заметил этого и продолжал с 15 казаками 5-й сотни преследовать неприятеля. Они достигли турецких окопов и перескочив через них ворвались в город. Здесь, окруженный со всех сторон, и обстреливаемый из-за заборов, крыш и из окон он спешился и отстреливался. Оставшись в одиночестве, Берников вышел из окружения и вынес с собою 8 раненых казаков. Награжден орденом Св.Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». (Приказ №133).

2 января Берников первым прошёл с четырьмя пулеметами теснину, обстреливаемую турками, под сильным пулеметным огнем приблизился к ним на 350 шагов и занял позицию в окопах. Несмотря на выбывших из строя раненых 50 казаков, с остатками сотни выбил турок из окопов и преследовал их. Он воевал ещё год и сложил голову в пешей атаке у селения Кара-Арзу 4 февраля 1916 года.

Вот как очевидец описал картину вручения боевых наград казакам 1-го полка за Сарыкамышскую операцию: «...Из-за угла строем по шести, показались сотни ермаковцев. Красные погоны, красные лампасы, громадные стройные богатыри. Из-под лихо заломленных папах, чубатые загорелые лица, дышащие отвагой, мужеством, решимостью. На правом фланге – рослый офицер с окладистой русой бородой... Они вышли на плац. Я видел, как впился в них глазами штаб генерала Пржевальского, да и он сам. «Это, ребята, Царская служилая рать, потомки казацкой вольницы, что покорила Сибирь», – произнес я с гордостью за своих земляков...».

До 30 декабря казаки полка ведут параллельное преследование турок от Ардагана до Ольты, пройдя по трудно доступным снежным горам 113 верст. Турки оказывают упорное сопротивление у Соляных копей, Пертуса и Ольты.

В первые недели наступившего 1915 года полк подошёл к г.Ида, где вынужден был прикрывать отход передового отряда, отбивающегося на 25-

а

верстном фронте от двух пехотных турецких дивизий. До 18 апреля полк действовал посотенно в исключительно труднодоступной местности в глубоких снегах и без корма для лошадей. В гористой местности широко применялась пешая разведка.

Атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор А.М.Ионов вспоминал об одном из бесстрашных разведчиков: «Доложили – пришёл Бурков, казак, разведчик, не раз прокрадывающийся в турецкий тыл и доставлявший ценные сведения. Теперь он пропал неделю и мы считали его погибшим. Он ходит не переодетый, с винтовкой и шашкой. Вошел небольшого роста, коренастый казак, без шинели, но при этом его шея почему-то завязана была шарфом. Подойдя к столу, он попросил карту и стал объяснять турецкое расположение. «Здесь, по гребню, сторожат аскеры 53-го алая...здесь их кухни...Здесь по склону балки – четыре орудия, а за углом катера (вьючные мулы) с ящиками. Здесь кавалерийская застава, а здесь все курды, тут их целая орда». «А как ты отличил курдов от остальной кавалерии? – задали вопрос Буркову. Он вместо ответа полез в карман, вынул что-то завернутое в платок, разостлал его на столе и разложил на нем оторванные куски турецкой шинели, погоны, клочки бумаги, записные книжки».

Поклонный крест в Пресногорьковке павшим в Первой мировой войне.2010 год

В середине 70-х годов, будучи школьниками, мы с интересом, тайком от взрослых, рассматривали георгиевский крест, хранимый потомками Петра Буркова на дне старинного, обитого железом, сундука. Он был получен за то, что 30-го января 1915 года, вызвался охотником один идти в тыл турок в своей казачьей форме к селению Ида. Четыре дня он производил свои наблюдения, передвигаясь только ночью, убил турецкого разведчика и на пятый день возвратился, добыв ценные сведения о расположении противника. 15 февраля

а

1915 года, он опять вызвался охотником и отлично выполнил свою работу, добыв точные сведения о противнике.

С 19 апреля по 6 мая полк в составе 4 сотен, поддержанный ротой пехоты и двумя орудиями, выдвинулся по Севричайскому направлению для действий на фланге и в тылу противника, занимавшего сильные горные позиции у Ардоста. Здесь турки накопили достаточно сил для наступления и четверо суток атаковали позиции полка у подножия хребтов Тевро-дага и Сиври-даг. 10 мая полк был снят с позиций и отведен на отдых в резерв корпуса. С 19 по 25 августа казаки участвовали в наступлении 5-й стрелковой дивизии с последующим удержанием позиций.

На обороте подписано: Баженов. Герой, павший в бою. 1915 год.

О редких часах отдыха пишет очевидец: « Наш полк в Хасан-Кале. Ему дана дневка. На другой день сюда подошла Сибирская отдельная казачья бригада. Такая приятная встреча... На санитарном пункте устроен бал. Как не пойти туда? Как не потанцевать, помяться с сестрами милосердия?! Вся наша молодежь там. Офицеры-сибирцы держатся скромно и отдельно. Крупные, кряжистые, в красных лампасах на бриджах – они чувствуют себя здесь гостями из далёкой Сибири, с берегов Иртыша, почему и держались скромно....

За период с декабря 1914 по сентябрь 1915 года георгиевскими крестами был награждён 191 казак 1-го полка. Ещё 124 казака получили медали. Были ликвидированы: 10 турецких офицеров, 412 нижних чинов, захвачено знамя, три пулемёта, около 900 винтовок.

Потери полка: убито 40 казаков, ранено 122 казака, пропали без вести 11 человек. Умерло от болезней 27 человек.

Великий князь Николай Николаевич Романов назвал Отдельную Сибирскую казачью бригаду, в которой воевали ермаковцы, «железной» после жестоких боев под Ардаганом, Эрзерумом и Гассан-Калой. Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н.Юденич писал в 1932 году во Франции: «Сибирская казачья бригада весь свой путь проделывает по тылам турок. Сибирские казаки – наши гости здесь, на Кавказе, и они отлично применились к боевой обстановке ранее им неведомых мест...Жалею, что в Кавказской армии было мало сибирских казаков».

Многие казаки вернулись в станицы и казачьи посёлки Горькой линии, имея на груди целый ряд боевых наград. Старший урядник из поселка Камышловский Пресногорьковской станицы Николай Сухов в конце декабря 1915 года находясь в дозоре заметил у стоявшей возле дороги избушки часового. Сухов выстрелил в него и стремительно вбежал в землянку. Там оказалось пятнадцать человек. Выстрелив оставшиеся в обойме четыре патрона, Сухов подхватил с земляного пола турецкую пехотную лопатку и стал рубить ею проснувшихся турок. Они жались в углы и кричали. Когда в живых осталось пятеро Сухову на помощь пришли другие казаки.

Старший урядник поселка Камышловский Пресногорьковской станицы Николай Сухов

Приказный 4-й сотни, уроженец станицы Пресногорьковской, Михаил Успенъев во время атаки на селение Сурик под ураганным огнем турецкого

а

пулемета пробрался противнику во фланг и обратил турок в бегство. Михаил Степанович погиб под селением Еникей.

Старший урядник 2-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка Григорий Степанов получил Георгиевский крест за то, что в ночь на 7.01.1917, будучи в разведке с хорунжим Пучкиным, вызвался охотником подробно осмотреть и точно выяснить расположение неприятельских окопов и пулеметов.

Группа пресногорьковчан

Казачи станицы Пресногорьковской на турецком фронте. В чёрной гимнастёрке приказный Михаил Успенев

Подошел вплотную к проволочному заграждению противника, несмотря на то, что был обнаружен часовым противника и обстрелян, с явной опасностью для жизни, снял кроки неприятельских окопов с обозначением пулеметного блиндажа и наблюдательного пункта, успешно выполнил задачу и вернулся в часть.

Степанов Григорий Васильевич

Лишь в 1918 году стал понятен чудовищный итог кровавой жатвы - одна Пресногорьковская станица с казачьими посёлками навсегда потеряла 67 кормильцев.

Гибель XX корпуса: 4-й Сибирский казачий полк в Августовском «котле»

В бытность совсем юным пионером мне приходилось слышать от старожилков Пресногорьковки рассказы о тяжелом поражении русской армии и многочисленных потерях среди казаков, призванных на Великую войну из Петропавловского и Кокчетавского уездов. Изучив материалы, содержащие сведения о событиях 1914-1915 годов в Восточной Пруссии, я в целом прояснил для себя картину произошедшей трагедии.

4-й Сибирский казачий полк был сформирован из казаков Первого военного отдела, в станицах Петропавловского и Кокчетавского уездов. Полк состоял из шести сотен льготных казаков. 1-ю сотню составили казаки Пресновской станицы, 2-ю сотню сформировали из казаков Пресногорьковской станицы и ее посёлков. Их собрали в летнем лагере станицы Пресновской на берегу озера с одноименным названием. Остальные четыре сотни призвали в Кокчетавском уезде. Льготные казаки 2-й очереди обязаны были являться по призыву со своим строевым конем, пашкой, обмундированием и снаряжением. После объявления всеобщей мобилизации 31 июля 1914 года в течение трёх недель 4-й полк был сформирован и 21 августа отправился из Петропавловска по железной дороге на запад. Командовал полком войсковой старшина Георгий Григорьевич Власов (1859-1915). На момент отправки на фронт в полку состояло в наличии 12 офицеров и 875 казаков.

С 10-го сентября началась боевая работа полка в составе 2-го Кавказского армейского корпуса в качестве корпусной конницы – в обязанности казаков входила разведка, защита окопов и преследование отходящего противника от города Сувалки на северо-запад, в центральные районы Восточной Пруссии, до Даркемена. 7-го ноября полк перешел в состав XX армейского корпуса и был разбросан отдельными сотнями по дивизиям. Во время наступления корпуса конные сотни при преследовании противника отрывались от пехоты на 30-50 вёрст. Изучение военных карт и схем привело меня к определённым выводам, подтверждённым документальными источниками.

XX корпус, которым командовал генерал Павел Ильич Булгаков (1856-1940, умер в тюрьме во время присоединения Бессарабии к СССР) имел в своем составе 29-ю, 53-ю, и 28-ю пехотные дивизии, державшие фронт по линии Аренбург-Даркемен, по реке Ангерап до озера Мауер на западе. Ему противостояли немецкие дивизии генерала Германа фон Эйхгорна (1848-1918). Дивизии были переброшены из Франции и присоединились к четырем новым резервным корпусам, из которых сформировали свежую 10-ю армию.

а

На левом фланге XX корпуса (около 40 тысяч человек) в районе Мазурских озер XXVI и III Сибирский корпуса противостояли силам 8-й армии генерала Отто фон Белова (1857-1944).

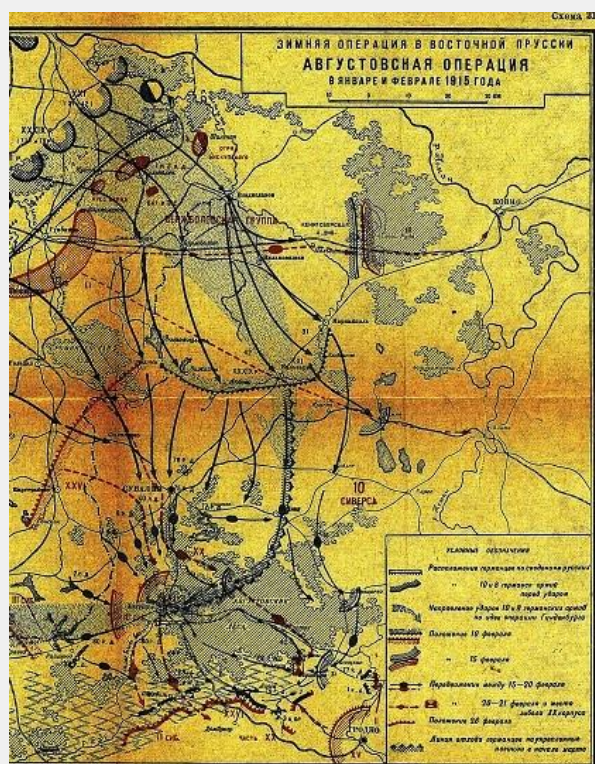
Генерал-лейтенант П. И. БУГАКОВ.

Главнокомандующий немецкими войсками Пауль фон Гинденбург (1847-1934) разработал план, который заключался в том, чтобы ударом 10-й армии генерала Эйхгорна с севера и 8-й армии генерала Белова с запада (всего 15 пехотных и 2,5 кавалерийских дивизий) по сходящимся направлениям в сторону русского города Августов, создать «котёл» и уничтожить обороняющуюся на 170-километровом фронте 10-ю русскую армию генерала Фаддея Васильевича Сиверса (1853-1920), после чего предусматривался прорыв всего Северо-Западного фронта русских войск. Реализацией этого плана немецкое командование собиралось поставить крест на всех успехах русской армии в осенне-зимней кампании 1914-1915 годов. 7-8 февраля немцы начали наступление с двух направлений, окружая армию Сиверса.

Пауль фон Гинденбург

Немецкий историк Ганс фон Редерн писал: «Германский план заключался в следующем: сначала предполагалось разрушить огнем тяжелой артиллерии укрепленные русские позиции 10-й армии на южном крыле у Иоганисбурга и далее до границы, а затем произвести в этом месте прорыв, с помощью прибывших резервов. Одновременно, 10-я немецкая армия должна была внезапно начать наступление на северное крыло 10-й русской армии, расположенной на северо-востоке, и, охватив ее с северного фланга, отбросить на юг. Все зависело от того, насколько успеет южное крыло 8-й армии и северное крыло 10-й армии достаточно скоро продвинуться вперед, чтобы отрезать неприятелю пути отступления на восток, в то время как центр боевого фронта возможно дольше будет приковывать к себе своим наступлением русские силы. Для того чтобы этот план действительно удался, со стороны заходящих флангов требовались почти сверхчеловеческие усилия. Командование подготовило большое количество саней и приняло меры, чтобы повозки были поставлены на полозья для быстрого передвижения по снегу».

Карта отступления XX корпуса

При отходе XX корпуса, оказавшегося в самой северной части будущего «котла», на юг сотни 4-го Сибирского казачьего полка находились при пехотных дивизиях – при 28-й сд 5 и 6-я сотни, при 29-й дивизии - 4 сотня, при 53-й дивизии - 2 сотня (пресногорьковцы). 1-я сотня (пресновцы) – при штабе корпуса и в отряде генерал-майора Евгения Александровича Российского (1865-1933, Югославия).

Корпус отошел на Сувалки и, отчаянно сопротивляясь наседавшему противнику, углубился в чащу Августовских лесов, фактически по бездорожью.

а

Казачья конница в таких условия – густой лес, глубокий снег, болотистая, труднопроходимая местность – оказалась в отчаянном положении. Кроме того «стояли сильные морозы. Восточный ветер ежедневно наносил перед укреплениями снежные сугробы, вышиною в метр. Водоснабжение, как только прекращалась искусственная ломка льда, замерзало» (Г.Редерн). Несмотря на тяжелые условия в журнале боевых действий полка отмечено: «Сотни упорно задерживали противника и давали тем самым пехотным частям отходить более благополучно».

Место боя под Августовом

Немецкий план стал давать трещину после упорного сопротивления 3-го Сибирского корпуса, задержавшего рвавшуюся к Августову 8-ю армию, но 3-й армейский корпус генерала Епанчина, отступив под значительно превосходящими силами противника, обнажил правый фланг XX корпуса.

В течение десяти дней XX армейский корпус, постоянно контратакуя и пытаясь вырваться из окружения к Гродно, отбивал в заснеженных Августовских лесах атаки втрое превосходивших его по численности германских войск, мешая им вести дальнейшее наступление. После ожесточённых боёв XX корпус, израсходовав все боеприпасы, вынужден был сдаться, но несколько частей всё-таки смогли вырваться из окружения и пробиться к своим.

Г.Редерн: «После неудачной попытки русских 19 февраля ослабли и отчаянные контратаки окруженных дивизий. С вечера 20, русские поняли всю бесполезности своих усилий. Справедливость требует признать их заслуги. С необычайной энергией пытались они прорвать окружавшее их кольцо. Но они были бессильны. Потеряв всякую надежду на поддержку, лишённые связи,

подвоза снаряжения и продовольствия, после ожесточенной попытки прорваться, они принуждены были положить оружие. Более 30.000 пленных, принадлежавших 27, 28 и 29 пехотным и 53 резервной дивизиям, 11 генералов, 200 орудий, бесчисленное количество пулеметов и военных припасов досталось в руки германских войск».

Немецкий историк значительно преувеличивает потери русской армии и ни слова не говорит о недостигнутых целях немецкого Генштаба. Другой военный корреспондент немецкой еженедельной газеты «Шлезисше фолькцайтунг» Рольф Брандт не мог удержаться от восхищения, описывая подвиг русских солдат:

«Честь XX-го корпуса была спасена, и цена этого спасения — 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве 2-х километров, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшее безумие, но святое безумие – героизм, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!».

Приведу еще один отзыв с немецкой стороны: «Еще несколько слов о противнике, для правильного освещения деятельности наших войск. В январе 1915 года мы всюду читали и слышали необычайные заявления: "У русских дело обстоит плохо, у русских нет больше снаряжения, нет орудий, пулеметов, пушек, живой силы". Как будто, вместо винтовок их вооружили дубинами. Напротив, по собственному наблюдению и опыту, я могу засвидетельствовать, что не видал ни одного русского солдата с дубиной вместо винтовки. Обилие пулеметов нас вообще сразу же поразило. Пехотного и артиллерийского снаряжения у русских было более чем достаточно, и мы это испытали на собственном опыте. Кто имел случай ближе познакомиться с русским солдатом того времени, он никогда не скажет, что дух его был надломлен. Воспитанный в мирное время в духе беспрекословного повиновения своему начальству, он выполнял на войне, всякое приказание, поскольку оно вообще, было выполнимо. Он скорее решался погибнуть, нежели оставить свой пост без приказания своего офицера. Только отдельные русские части, и то лишь лишившись своих руководителей, складывали оружие, не оказывая должного сопротивления, но опять-таки потому, что сознавали свою беспомощность. Ожесточенные бои, выдержанные нами с тяжелыми для нас потерями, являются лучшим подтверждением сделанных мною заключений».

Итак, картина окружения сложилась – германцам удалось оттеснить полки генерала Епанчина и выйти на Вильковишки, замыкая кольцо вокруг XX-го корпуса, обозы которого растянулись от Сувалок до Сейны. Под Сейнами командирам стало ясно, что полки попали в окружение. Двигаясь назад на Сувалки, корпус повернул на узкую дорогу, ведущую в малопроезжимые Августовские леса. Около деревни Махарцы тянулся бой – одна бригада под командой полковника Белолипецкого (1869-1943, Москва)

а

дралась с целой немецкой дивизией. Бригада взяла в плен всех офицеров, свыше полутора тысяч солдат и батарею. Пленных привели в сарай Липин и здесь немцы говорили: «Это не с французами драться, а с русскими». С наступлением сумерек штаб корпуса начал устраиваться на ночлег, но противник обстрелял окружённых. Знамя 4-го полка было зарыто в лесу по приказу командира Власова. У мельницы на речке Волокуше у фольварка Млынек собрались пять конных сотен – сибирские и донские казаки. Им было приказано прикрывать отход и «идти за последним колесом последнего орудия». Командир полка, войсковой старшина Власов, отдал приказ личному составу отдохнуть до утра. Солдаты, измотанные девятидневными боями, голодные и продрогшие, спали прямо на конях и на мёрзлой земле. Утром 8-го февраля бои возобновились. Командир XX-го корпуса и его начштаба находились в окопах вместе с солдатами. Инспектор артиллерии генерал-лейтенант Шрейдер командовал мортирной батареей из шести пушек, которые вели огонь в противоположных направлениях. Командир 1-ой бригады Сибирской казачьей дивизии генерал-майор А.Я.Усачёв (1860–1943, Харбин) выехал для осмотра местности и был спасён от пули казаком-ординарцем.

Разбитые орудия XX корпуса

Усачёв вспоминал: «Началась агония: артиллеристы стреляли лошадей, выбрасывали замки с орудий, немецкие цепи со страшной стрельбой охватили части корпуса. Я вывел пять сотен рысью на левый фланг неприятельского расположения и здесь, на возвышенной местности, оказалось болото. Моя лошадь была ранена, зашаталась и упала, придавив мне правую ногу. Я стал извлекать из-под лошади ногу, но сапог остался в стремени. Сотни ушли...». Генерал вскочил на лошадь скакавшего мимо донского казака и поскакал к

а

лесу, где ветками с него сорвало папаху и кобуру револьвера. На опушке леса Усачёв организовал атаку пехоты на немецкие позиции. Немцы схитрили, выбросив белый флаг, и, подпустив солдат на двести шагов, открыли огонь.

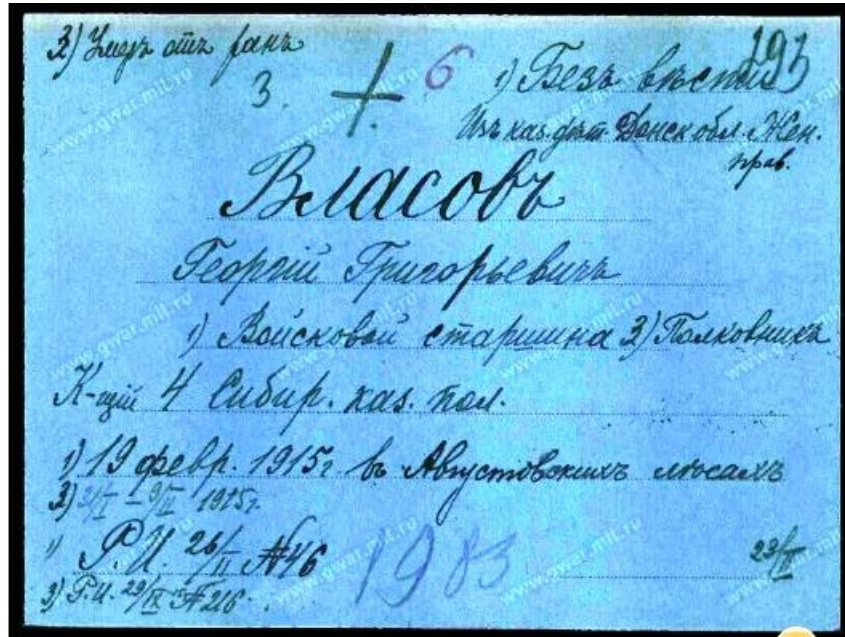
*Ген.-м. А. Я. Усачевъ.
Командир 1-й бригады Сибирской
каз. дивизии.*

«Выскочивши на поляну, я увидел группу наших солдат, они знаками манили меня к себе, я доверчиво скакал на эти знаки, но, увидевши в этой группе немецкие каски, повернул коня и поскакал в близлежащий лес. Впереди было болото, я бросил коня и перебрался через него, стремясь в большой сосновый лес. Здесь мне попались 6 донских казаков и у них заводная лошадь. Казаки с сожалением отнеслись ко мне, они завязали мне башлыком ногу. При переходе через болото по нам с двух сторон из пулемётов была открыта стрельба, лошадь по самое брюхо тонула в болоте. Я приказал казакам рассыпаться, дабы не терпеть потерь от огня. казаки начали разъезжаться, едва выбиваясь из грязи, а я, бросивши утонувшую в грязи лошадь, дошел до лесистого островка. Я совершенно выбился из сил и весь вспотевший упал прямо на снег, упершись головой в толстое дерево. Стрельба в мою сторону скоро прекратилась. Было около четырёх часов. Подо мной снег растаял, и образовалась лужа воды. Дождавшись сумерек, я встал около седьмого часа вечера, и, услышавши лай собак, пошел на этот лай, думая найти жилое помещение с тем, чтобы там укрыться и пройти в Гродно». Уже в темноте генерал Усачев был взят в плен немцами и приведен в дом, где он «увидел сидевших на лавках командира корпуса и восемь генералов.

Все они, истомлённые и грустные сидели молча и не обратили на меня внимания, здесь же были и наши сибирские офицеры». Пленных отправили в лагерь на остров Денгольм близ города Стральзунда. Сибирцы попали в болото и под огнём противника частью погибли, частью были пленены. Командир полка войсковой старшина Г.Г. Власов был ранен и скончался в деревне Курьянка. Об этой атаке вспоминает генерал - лейтенант И.А.Хольмсен (1865–1941): «Войска, расстреляв все патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшиеся остатки второочередного полка №4 Сибирских казаков в числе около полуторных сотен, к коим пристроились ещё

а

некоторые артиллеристы, решили под командою своего командира, 64-х летнего войскового старшины Власова, прорваться конною атакою. Казаки попали в болото и понесли огромные потери от ружейного огня. Вторичная атака была для них губельна уже под действием пулеметного огня. Почти все полегли. Все ближе и ближе подходили немецкие цепи... Потери убитыми и ранеными были колоссальны и не поддаются учету. Эта заключительная драма под Млынеком проходила после полудня».

82 Иванъ ХОЛЬМСЕНЬ
Генераль-Лейтенантъ

Историк М.П.Каменский (Супигус) изучил в 1921 году архивные материалы штаба 10-й армии и по часам восстановил действия корпусов с 8 по

а

21 февраля. В заключении он написал: «Военная история сохранила на своих страницах легенду о том, как доблестная гвардия Наполеона в сражении у Ватерлоо славно заканчивала дни своего существования. Спустя 100 лет, в дни царственного могущества техники, этой легенде суждено было вновь зацвести, чтобы заповедать потомкам погибших в Августовских лесах веру в неуязвимую красоту, в силу и в беззакатное торжество человеческого духа. Действительно, корпус умирал, но не сдавался.

Знамена закапывали или уносили с собою на груди полотнища, сорванные с древков.

Командир корпуса стоял у переправы через реку Волкуш, у моста, постоянно восстанавливаемого, вблизи фольварка Млынек, и одобрял войска. Изредка прокатывалось в ответ ему громовое дружное "Ура".

Под огнем 30 германских батарей, в котле смерти не видно было ни поднятых рук с мольбой о пощаде, не реяния белых платков с выражением согласия на позорную капитуляцию.

Окруженные со всех сторон, войска, расплывшись в отдельные группы, искали спасения, отбросив всякую мысль о сдаче. Но кому удавалось прорвать густые цепи германской пехоты, тот позади нее наткнулся на неприятельскую конницу, сторожившую беглецов. Здесь происходили сцены борьбы не на жизнь, а на смерть. Войска корпуса дорого продавали свою жизнь и свободу».

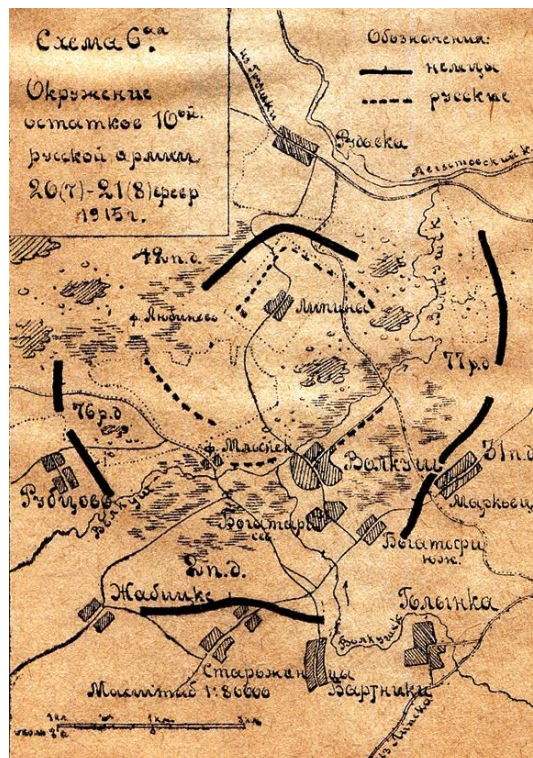

Схема окружения корпуса и 4-го СКП

Избегнувший плена поручик Фищенко (2-й батареи 29-й артиллерийской бригады) так описал последний бой XX-го корпуса:

"8-го февраля с рассветом завязался у нас последний отчаянный бой. Вся пехота прошла вперед пробиваться штыками; батареям же приказано было выкатиться на открытые позиции, дабы оказать возможно большую помощь своей пехоте. И вот, на нашем участке выкатились на опушку кустарника: 1-я батарея влево и 2-я, разбитая по взводам, вправо. Сзади батарей, на небольшом участке расположились: батарейные передки, увязавшиеся за батареями парки, и даже часть обоза.

В скором времени уже выяснилось тяжелое положение отряда. Загремела неприятельская артиллерия в ответ на нашу и начала засыпать снарядами наш небольшой участок со всех сторон. Снаряды летели спереди, сзади, слева и справа, и все это сыпалось в середину, в самую, так сказать, гущу, где были собраны передки и парки. Лошади падали, раздавался стон людской, и некому было перевязывать раненых...

Но батареи, не смотря на губительный огонь неприятеля, так как они были на совершенно открытой позиции, героически работали. Начались сильные потери. В первой и нашей второй батареях были подбиты некоторые орудия; зарядные ящики со шрапнелями загорелись от неприятельских снарядов. Мы потеряли уже половину номеров, лучший подпрапорщик был убит; на одном взводе был ранен командующий взводом штабс-капитан Кох, на другом был ранен я. В 1-й батарее ранены командир и старший офицер.

Но батареи продолжали непрерывно стрелять во исполнение своей последней важной задачи. Мы, так сказать, отдавались своей пехоте, желая помочь ей во что бы то ни стало пробиться сквозь третий слой неприятельского заграждения. Наконец, к полудню все патроны были расстреляны, ружейной стрельбы как то не стало слышно; только у нас все лопались неприятельские шрапнели и со страшным ревом разрывались неприятельские бомбы, унося все новые и новые жертвы. Доблестной смертью погибали наши славные батареи... Оставшихся в живых и раненых номеров отвели назад, немного их осталось... С горечью покинули мы свои пушки. Не было уже у них патронов и им пришлось замолчать. Печальную картину представляли батареи: некоторые пушки лежали подбитые на боку, а подле них – груды мертвых героев. Сразу не хотели мы

портить уцелевшие пушки, – слишком больно было. Мы все надеялись, что, может быть, еще подоспеет помощь, и тогда снова воскреснут батареи на страх врагам и на новые подвиги...

Затрещали винтовки, но уже не своей пехоты: это немцы со всех сторон властно выходили на опушку нашей маленькой безоружной теперь крепости, чтобы забирать трофеи и тогда только мы безмолвно кинулись и сделали последнее, самое тяжелое – испортили свои дорогие так долго служившие с нами пушки. Но вот последнее сделано, и мы решили ни за что не сдаваться в плен, а бежать, кто как может; чтобы затем снова начать войну...".

Из журнала боевых действий полка: «2 (пресногорьковцы) и 4 сотни погибли, прикрывая отступление 53-й и 29-й дивизий. Полусотня 1-й сотни (пресновцы) со знаменем, командиром полка Власовым, помощником, старшим врачом, адъютантом, и сотенным командиром погибли вместе со штабом XX корпуса, причем командир полка был убит, остальные офицеры взяты в плен. Георгиевское знамя полка было зарыто и найдено полком уже 14 апреля в полной исправности. При этом отступлении из полка выбыло убитыми и без вести пропавшими и пленными, кроме названных, три сотенных командира. Три младших офицера и 399 нижних чинов».

Корреспондент газеты «Биржевые ведомости», командированный в феврале на фронт Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954), побывал в Августовских лесах и участвовал в спасении санитарного конно-автомобильного отряда. «Нашему отряду удалось из-под огня спасти около четырёхсот людей, обречённых на смерть. Три дня я видел как врачи без сил и пищи перевязывали раненых, изумлялся, откуда у них такие силы. Потом Августовскими лесами мы спасались от неприятеля под страхом попасть в плен или вовсе погибнуть от разезда врага, шли при страшном морозе – и опять принимались за работу, откуда, я спрашивал себя, бралась такая сила?». На всю жизнь знаменитому писателю запомнились эти дни отступления. Он писал в дневнике: «Мне снилось, будто я стою возле Августовских лесов и слышу, как близкий мне человек зовет на помощь, он тонет в окнище непроходимых болот, он тонет — я тону, и вот уже не его это голова виднеется над окнищем, а моя собственная, это я сам тону и зову, запрокидываю голову назад, чтобы последний раз дохнуть воздух милого света, в последний раз позвать своего друга на помощь...» .

Прибалтийская газета «Рижская жизнь» писала тогда об этих событиях: «Когда отдельные личности совершают геройские подвиги, это приводит в восхищение всех. Что же сказать о сорока тысячах русских богатырей, в течение девяти дней совершивших непрерывный массовый подвиг? XX-й корпус совершил всё возможное, всё доступное человеческим силам. Много богатырей полегло костями, защищая каждую пядь родной земли, умерев смертью славных». Доктор исторических наук Николай Яковлев дал следующую оценку действиям корпуса: «20-й корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат

а

сбила пехоту противника. Корпус нашёл гибель в Августовских лесах...». Однако не все казаки полка полегли в болотах Пруссии. В воспоминаниях атамана Б.В. Анненкова (1889-1927) читаем: «Я прибыл в 4-й Сибирский полк, который вел тяжёлые бои в районе Пинских болот...В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление». Отряд особого назначения под командованием подьесаула Анненкова длительное время действовал в этих местах. Он состоял из 156 казаков имел на вооружении два пулемёта «кольт».

Ф.Л.Глебов

Анненков Борис Владимирович

Начальник 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Лашкевич представил Анненкова к награждению георгиевским оружием за действия в тылу противника. Отряд сотника был придан Камскому пехотному полку и каждую ночь проводил разведку на передовых позициях полка, принудив немецких разведчиков отказаться от ведения разведки. Отряд сжёг несколько домов в полосе обороны и ликвидировал пост из 9 человек на острове

Кирзайтен. 29 января сотня была спешно выслана на левый фланг дивизии и в течение трёх дней сдерживала натиск превосходящих сил противника, чем давала спокойно отойти пехотным частям. 2 февраля во время разведки у деревни Хацкотента у дороги на Сувалки Анненков изрубил сильный германский разъезд и привел в штаб шестерых пленных. Во время боя «лично принимал участие, работал пашкой наравне с казаками» Ещё три сотни полка избежали гибели и плена, в их числе сотня есаула Н.А.Петрова, охранявшая дворец кайзера Вильгельма в Роминтенской Пуще и взвод урядника Ф.Л.Глебова, пробившегося в Сейны. Он был награжден Георгиевским крестом IV ст.(77711). В течение года Глебов получил два креста III, II ст.(2760,747) – « за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения против неприятеля в боях». 29 сентября 1915 года великий князь Георгий Михайлович за отличие в боях у Минска и Борисова прикрепил к его груди крест I степени(6727). Полный Георгиевский кавалер Фаддей Львович Глебов (1887–1945, Шанхай), уроженец казачьего посёлка Казанский Пресновской станицы, в период гражданской войны стал генерал–лейтенантом, командиром Сибирской казачьей бригады. В плен попали войсковой старшина П.П.Волосников, командир сотни есаул В. Безобразов, хорунжие Катанаев, Николай Нарбут, Сергеев. Количество погибших и пленённых в Августовских лесах сибирских казаков составило около 300 человек.

Среди спасшихся были начальник арьергарда генштаба полковник Дрейер, старший адъютант штаба 27-й пехотной дивизии капитан Шафалович, командир 108-го пехотного Саратовского полка полковник Белолипецкий, поручик Фищенко, штабс-капитан 27-й артиллерийской бригады Шаповальников, адъютант 2-го дивизиона той же бригады поручик Островский, 113-го пехотного Старорусского полка подпоручик Юшкевич, сотник 34-го Донского казачьего полка Быкадоров, и. д. начальника штаба арьергарда генерального штаба штабс-капитан Махров, 29-й артиллерийской бригады младший фейерверкер Рейнгард, 27-й артиллерийской бригады канонир Воробей, 114-го Новоторжского полка солдаты: Давыдов, Панигоров, Котельнич, Чеколаев, Кондратьев, 4-го Сибирского казачьего полка Кучма и многие другие. Остатки корпуса оказались в Гродно и его окрестностях. От Августова до Гродно по прямой 60 верст, но многие так и не смогли пройти этот путь.

«Весь город как-то задавлен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что он доберется. Вокруг везде серые фигуры военных, все эти дни бывших в жарком сражении, с виду они, кто не знает, суровые и недоступные, но стоит вот подойти к любому из них и спросить о решительном моменте встречи его с неприятелем, как на лице его появляется какая-то детская улыбка... Вот это самое, этот свет какого-то детского вопроса тайной нитью соединяет все эти грубые фигуры людей, наполнивших город»,– писал Михаил Пришвин о Гродно.

«Следствие, имевшее целью пролить свет на причины катастрофы, остановились на выводе, или, по крайней мере, вело, к тому, что в обстановке, в которой с самого начала наступления германцев пребывала 10-я армия, XX корпус неизбежно, роковым образом, шел к гибели. Волею судьбы, он, обреченный, должен был быть принесен в жертву, ради спасения всей 10-й армии. Правда, его терновый венец перевит лаврами», – писал в своем исследовании М.П.Каменский.

Михаил Пришвин (слева) на фронте
4-й Сибирский казачий полк после Августовской трагедии

С 8 февраля полк вошел в состав 26-го армейского корпуса и по 5 августа 1915 года стоял на охранении озера Вигры Сувалкской губернии, имея две сотни в резерве при штабе корпуса в Сейнах, которые сменялись раз в десять дней. Одна сотня была при 84-й дивизии. За это время полк пополнили, подучили и сделали вполне пригодным для дальнейших боевых действий. Пополнение прибыло из запасной сотни Сибирского казачьего войска. В марте прибыло 7 офицеров и 400 нижних чинов с лошадьми, в июне один офицер и 95 казаков, в октябре – три офицера и 50 казаков. Войскового старшину Власова на должности командира полка с 9 февраля по 7 апреля замещал командир 6-й сотни есаул Николай Артамонович Петров (1872 - позднее 1920), с апреля командование принял полковник Василий Степанович Михайлов (1868-1937, расстрелян в Томске). С 5 августа по 16 сентября полк прикрывал отступление пехоты, ведя разведку и поддерживая связь между арьергардами пехоты, временами заполняя прорывы между пехотой и задерживал наступление

а

противника до подхода своих пехотных частей, когда это требовалось обстановкой боя или давая возможность спокойно отходить нашим частям.

Ген.-л. Е. С. Михайлов,
Б. № 4-го полка, прикомандованного к 1-й армии,
за время войны, ген. Воеводина.

Михайлов Василий Степанович

16 октября в местечке Забржезье полк вошел в состав 1-й армии и 21 октября поступил в состав Сибирской казачьей дивизии и конницы князя Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского (1867-1951, Кент) и поочередно с остальными полками дивизии занимал позиции к востоку от озера Бошнского перед местечком Видзы и Лайбуны.

Белосельский-Белозерский Сергей Константинович

19 ноября дивизия отошла на линию железной дороги Двинск-Полоцк для поправки лошадей, явившейся необходимой вследствие недостатка корма в занимаемом районе. Дивизия вошла в состав 1-го кавалерийского корпуса генерала Владимира Алоизиевича Орановского 91866-1917, убит матросами в Выборге).

Документы содержат сведения о боевых действиях 5-й сотни (в составе 28-й дивизии XX корпуса), состоявшей из казаков Кокчетавской, Арык-балыкской, Акан-бурлукской и Котуркольской станиц.

Привожу примеры согласно источникам.

Орановский Владимир Алоизиевич

28 января 1915 года в 7 часов вечера сотня спешно выступила в село Круглянка с целью прикрывать в течении суток левый фланг дивизии. 30 января к полуночи разведка сотни донесла, что части соседней 84-й дивизии отходят и немцы силою до батальона движутся по шоссе на Круглянку. Этот путь был для них единственно возможным. Сотня заняла позицию южнее по горке №91 и, дав колонне пойти на 800-900 шагов, открыла частый винтовочный огонь. Немцы залегли в канаву у шоссе. В этот момент немецкая артиллерия из рощи начала обстрел Круглянки, считая, что деревня занята русскими. В одной версте южнее около взвода немецкой кавалерии спешно заходил во фланг. Хорунжий Николай Иванович Нарбут (1894-1919, сын генерала Ивана Нарбута, похороненного у стены церкви в ст. Пресногорьковской) с 40 казаками широким наметом пошел наперерез. Уланы, заметив приближающуюся конницу, рассыпались и ушли. Казаки Нарбута спешили и заняли позицию, приняв на себя артиллерийский огонь шрапнелью. Сотня, решив поддержать Нарбута, открыла огонь по лесу. Ему удалось под прикрытием отвести свой взвод за увал к востоку. На новых

а

позициях сотня удержала противника до 5 часов 20 минут вечера, прикрыв основные силы 28-й дивизии.

Нарбут Николай Иванович

30 августа полк, прикрывая отступление корпуса, выслал вперед 5-ю сотню, занявшую позицию у кладбища деревни Комарунце где казаки окопались.. К 4 часам вечера около двух рот немцев высыпали из леса и начали атаковать. Две атаки были сорваны шквальным огнем с расстояния до 400 шагов, заставляя немцев беспорядочно отступать, оставляя на поле боя раненых и убитых. Сотне пришлось отойти и изменить позицию после обхода немцами левого фланга окопов.

8 сентября 1915 года 5-я сотня около деревни Добровлянцы производила разведку. В 100 саженьях за деревню головная застава сотни была обстреляна из леса залпами. Застава спешила и начала ружейный бой с пехотой противника, бравшего деревню в окружение. На помощь прискакали казаки 6-й сотни и бой затянулся. Дважды приходилось пополнять патроны из двуколок, пока пехота не сменила оборонявшиеся сотни.

Лебедевич-Драевский Федор Дмитриевич

9 сентября сотня была вызвана командиром 253-го Перекопского пехотного полка (Федор Дмитриевич Лебедевич-Драевский, 1866-1934, Салоники) карьером в деревню Карклинова, где вместе с 1-й сотней заняла позицию в северной части деревни между Перекопским и Анапскими полками

а

для удержания упорно наступавшего противника. Когда цепи противника показались вблизи штаба Перекопского полка командир сотни подьесаул Волков поднял сотни в атаку и развил сильнейший ружейный огонь. Стреляли до тех пор, пока не был израсходован весь запас патронов. Перекопский полк сумел отойти без потерь.

Полк периодически получал пополнение из войска.

Новоприбывших обыкновенно принимал лично командир полка с комиссией – командирами сотен. Так, 4 января 1916 года комиссия в составе войсковых старшин Михайлова и Мархинина, командиров: 1-й сотни хорунжего Распопина, 2-й – хорунжего Березовского, 3-й – подьесаула Шаркунова, 4-й – есаула Шрейдера, 5-й хорунжего Козлова и 6-й хорунжего Катанаева, врача Карышковского и ветврача Орлова провели осмотр прибывшего личного состава – 81 казака и 79 лошадей. Сохранился любопытный документ «При опросе нижних чинов претензий не заявлено. Вид людей хороший. Видна выправка. Одеты чисто: папахи разнообразны, старые и новые. Шинели с пуговицами и крючками. У девяти старые потертые шинели следует заменить. Сапоги у шести нижних чинов тесные. Непромокаемых пальто-брезентовых только у 9. Сёдла в полном порядке, теплые вещи у всех, вместо полушубков – бешметы ниже колен. Проверена езда и вынимание и вкладывание оружия и держание к бою. Лошадью править умеют, посадка правильная, за исключением нескольких человек – отваливаются назад из-за нового ленчика (почти горизонтальной задней луки) постройки Новочеркасской ремесленной мастерской и не пригнанным стременам. Шашки у всех, у одного за дорогу сломалась ножна. Владеть холодным оружием умеют, хотя многие при вкладывании шашек в ножны, берут их в левую руку, даже на месте. Винтовок 26, пик -35.

Боевой путь 4СКП

:

а

Лошадей нет у казаков Михаила Морилова и Тихона Попова. Все лошади киргизского сорта. В телах хорошие, кроме казаков Никонова и Митрофанова. А у казака Евдокима Соболева – хромает. Лошади выезжены удовлетворительно, возраст от 5 до 14 лет. все лошади кованы кругом с винтными шипами. Имеются сетки для сена. Недоуздки, попоны и торбы. У каждого казака имеются котелок и полотнище к палатке».

4СКП у Молодечно, 1915 год

Император в Дриссе. 1-я армия генерала А.И.Литвинова. 30.1.1916

30 января 1916 года полк в составе дивизии присутствовал на царском смотре у станции Дрисса. Государь Император объезжал войска, здоровавшись. Полк был пропущен церемониальным маршем, удостоясь царского «спасибо».

а

Государь обратился к собранным офицерам всей дивизии и благодарил офицеров и нижних чинов за службу и пожелал им дальнейших успехов на ратном пути. В приказе к дивизии помещен текст обращения императора к Сибирской казачьей дивизии: «Я счастлив, что мог видеть вашу доблестную дивизию и лично выразить вам мою самую сердечную благодарность за доблестную службу дивизии и пожелать полного успеха в окончательном одолении врага. Благодарю вас за отличный смотр и вид, в котором вы представились, что служит мне залогом, что дивизия готова на новые подвиги во славу войска и на радость мне. За честную боевую службу сердечное мое спасибо. Дай вам Бог Божьего благословения и полного одоления врага нашего».

Смотр в Дриссе. Николай II в центре. Справа 4 СКП.

Сам император записал в дневнике: «30-го января. Суббота

Ночевали на ст. Сиротино. К 11 час. подошли к ст. Дрисса. Тут находились: Эверт, Смирнов — ком. 1-й армией и в поч. кар. эскадрон 14-го драг. Малороссийского полка. Место смотра в³/₄ версты. На нем участвовали: 1-й конный корпус Орановского — 8-я, 14-я кав. и Сибирская казачья дивизии, 1-я и 2-я самокатные роты и батальон от полков новой 124-й пех. дивизии. Все части представились в прекрасном виде, конский состав в отличных телах. Одежда и снаряжение прямо щеголевато». <https://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1916.html>

1 марта 4-й Сибирский казачий полк перешел на позиции у озера Дрисвяты и четвертого марта расположился в окопах — 4,5,6 сотни у деревни Пузовичи, 3 сотня у деревни Жверинье, 1 и 2 сотни — у деревни Аксютовичи. Полк составил резерв 1-й армии.

Полк ожидал приказа и находился в постоянной готовности на случай прорыва 70-й пехотной дивизии для кавалерийской атаки. Полку было приказано беспокоить противника и отвлекать его резерв от пункта атаки 18-й пехотной дивизии. Охотники и партизаны вышли к проволочным заграждениям противника, вырезали пролет 10 аршин шириной и имея впереди себя гренадер, бросились ко второй линии, бросая бомбы с криками «Ура».

Противник ответил сильным пулеметным и ружейным огнем. Отошли полком, поддерживая огонь, сотни из окопов прикрывали отход. Был тяжело ранен один казак. Другой ранен легко. Такие вылазки, делавшие много шума, проводились каждую ночь, беспокоя противника. Артиллерия немцев не дремала. Постоянно обстреливая позиции полка. 14 марта снаряды очень близко ложились у землянки-блиндажа штаба полка. Один из снарядов пробил настил блиндажа и убил казака 4-й сотни Фрола Киселева и контузил телефониста Завьялова, остальные были оглушены. 15 марта полк сменили пехотинцы 279 пехотного Лохвинского полка. Казаки отошли к станции Бальбиново Риго-Орловской железной дороги.

Командир 14-го армейского корпуса отметил службу казаков так: «Сердечно благодарю господ офицеров и родных молодцов – сибиряков за кратковременное, но славное участие в борьбе с нашим общим врагом».

19 июля полк погрузился в эшелон и прибыл по железной дороге на станцию Вилейка, где до 6 июня занимался подготовкой к боям. 19 июня полк походным порядком прибыл к местечку Полонечки, где расположился в лесу. 20 июня части Драгомировской дивизии должны были осуществить прорыв на этом участке фронта. Но прорыв не состоялся и казаки полка прибыли в деревню Шевели, где располагались части X корпуса. С 30 июня началась боевая работа полка на Огинском канале – сотни вели непрерывную разведку, часто беспокоя противника.

8 сентября Сибирскую дивизию сменили Кавказской дивизией и полк в отошел на отдых в район станции Замирье. С 17 ноября 1916 года полк вновь окопался у Огинского канала, где выдвинулся вперед окопами у деревни Выгонощи на участке 112 пехотной дивизии до фольварка Новины, укрепляя позиции проволочными заграждениями и окапываясь с помощью рабочей дружины. Вследствии дружной и совместной работы полк стал на хорошо оборудованной позиции, заставляя немцев держаться пассивно. За время стоянки по Огинскому каналу было убито четверо, ранено 15, контужено 4 казака. Новый 1917 год застал полк на тех же позициях.

После развала фронта в результате состоявшихся революций 1,4, и 7 Сибирские казачьи полки возвращались в Петропавловский и Кокчетавский уезды по железной дороге. На станциях их разоружали, агитировали за большевистскую новую власть, срывали георгиевские кресты и медали. Были части, которые оказывали активное сопротивление – например, отряд будущего командующего Семиреченской армией Анненкова прибыл в Сибирь вооруженной и сплоченной боевой единицей, ставшей впоследствии ядром анненковских дивизий. По-разному сложились судьбы казаков 4-го полка – кто-то пришел из германского плена и оказался в Красной армии, другие – в Белой. Но всем им на всю долгую или короткую оставшуюся жизнь запомнился страшный февраль 1915 года в далеких и чужих лесных чащах под Августовом.

Таким образом, изучив документы и иные источники, свидетельствующие о службе 4-го Сибирского казачьего второочередного

а

полка я получил достаточно полную картину боевых действий полка в период Великой войны 1914-1918 годов.

Распределение казаков станиц 1-го военного отдела по сотням 4-го СКП.

1 сотня. ст.Пресновская

2сотня. ст. Пресногорьковская (основная масса), Аиртавская, Кокчетавская, Котуркольская, Зерендинская, Пресновская

3 сотня. Зерендинская

4 сотня. Щучинская, Атбасарская, Котуркольская, Зерендинская, сандыктавская, Акан-бурлукская, Имантавская, Якши-Янгиставская.

5 сотня. Арык-балыкская, Кокчетавская, Акан-бурлукская, Котуркольская

6 сотня. Акмолинская, Якши-Янгиставская, Сандыктавская, Нижне-бурлукская, Акан-бурлукская.

Из именного списка потерь 4 скп с 29 января по 9 февраля 1915 года.

При отходе полка на Гродно.

2 сотня. (ст. Пресногорьковская - пос. Сибирский, Песчаный, Богоявленский, Крутоярский, Камышловский, Пресноредутский, Семиозерный, Починный, Кабанья)

Без вести пропавшие:

Вахмистр Воропаев Константин Поликарпович

Голиков Василий Степанович

Ст. урядник Чунтонов Михаил Калистратович

Вахмистр Воропаев Федор Прокопьевич

Ст. урядник Жуков Константин Павлович

Седельников Петр Михайлович\

Новгородцев Евгений Васильевич

Мл. урядник Грязнов Петр Матвеевич

Приказный Усков Егор Ильич

Еремин Петр Яковлевич

Хмелевский Михаил Лаврентьевич

Мосеев Ксенофонт Петрович

Маханов Иван Андреевич

Приказный Лавринов Степан Яковлевич

Фиронов Григорий Егорович

Мещеряков Евгений Федорович

Ларюшин Алексей Сергеевич

Кладенов Павел Иванович

Полозов Александр Евграфович

Ушаков Гаврил Семенович

Ромашов Федор Нефедович

Никулин Дмитрий Иванович

Сухов Григорий Алексеевич

Стабровский Павел Иванович

Коровин Александр Васильевич

Лавринов Петр Степанович
Седельников Владимир Константинович
Еремин Григорий
Казак Алевцев Николай
Козлов Иван Алексеевич
Шешминцев Михаил Петрович
Жуков Петр Михайлович
Кизин Василий Федорович
Головин Антон
Курбатов Григорий
Веневцев Василий Григорьевич
Метальников Григорий Григорьевич
Грязнов Сергей Дмитриевич
Кретинин Поликарп
Кизин Федор Григорьевич
Степанов Иван Яковлевич
Доможиров Николай Михайлович
Черепашков Ананий Иванович
Козлов Павел Николаевич
Козьмин Дмитрий
Безроднов Федор Михайлович
Меркулов Егор Денисович
Бобряшев Алексей Матвеевич\
Чукреев Иван Прокопьевич
Пригородов Яков Лаврентьевич
Мальков Петр Андреевич
Кочуров Алексей Егорович
Седельников Павел Миронович
Грязнов Василий
Пономарев Павел Егорович
Алехин Григорий
Кузнецов Тимофей Иванович
Ряпусов Василий Васильевич
Дедов Иван Трофимович
Чисмеденский Ефим Данилович
Спиридонов Семен Евдокимович
Горлов Прокопий Егорович
Кретинин Василий
Зверев Иван Емельянович
Рудов Максим Павлович
Разсохин Александр Ефимович
Горбунов Яков Иванович
Тимофеев Павел Ксенофонович
Степанов Андрей Васильевич

а

Дедов Прокопий Иванович
Кладенов Павел Петрович
Воронин Константин Петрович
Пожидаев Ефим
Алехин Никита Петрович
Тимофеев Семен Матвеевич
Успенъев Яков Никитич
Кусков Николай Филиппович
Безроднов Петр Федорович
Алехин Григорий Гордеевич
Татаринцев Иван Леонтьевич
Кузнецов Афанасий Степанович
Пахомов Василий
Трошин Андриян Михайлович
Кочеров Иван Михайлович
Кузнецов Алексей Степанович
Ваганов Георгий
Козлов Михаил Георгиевич.

В списках остальных сотен пресногорьковцев нет.

Сибирские казаки и Московское вооруженное восстание (октябрь-ноябрь 1917 года)

Я не знаю зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть не дрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Александр Вертинский, ноябрь 1917 года

Автор Сергей Виниченко. 7-й Сибирский казачий полк был сформирован из казаков третьей очереди на сборном пункте города Кокчетавы Акмолинской области, откуда 5-го сентября 1914 года выступил в Петропавловск. В нем проходили службу казаки станиц Петропавловского и Кокчетавского уездов (Пресногорьковская, Пресновская, Лобановская, Кокчетавская, Имантавская, Зерендинская, Щучинская, Петропавловская, Аиртавская, Атбасарская, Котуркольская и к ним приписанные казачьи поселки).

*Командный состав 2-й Сибирской казачьей бригады. Петропавловск.
Осень 1914 года.*

Необходимо отметить, что в начале августа в лагере на реке Чаглинка произошел трагический инцидент, в результате которого казаками был убит подьесаул Бородихин и расстреляны 9 казаков, зачинщиков бунта. 4-й полк немедленно отправили на фронт, а третьеочередников, бывалых казаков, многие из которых воевали в русско-японской войне и имели георгиевские кресты, на фронт отправили по железной дороге из Петропавловска лишь 5 декабря 1914 года. Полком командовал полковник Ефим Никитович Осипов. В его составе служили 15 офицеров, 880 строевых и 129 нестроевых казаков.

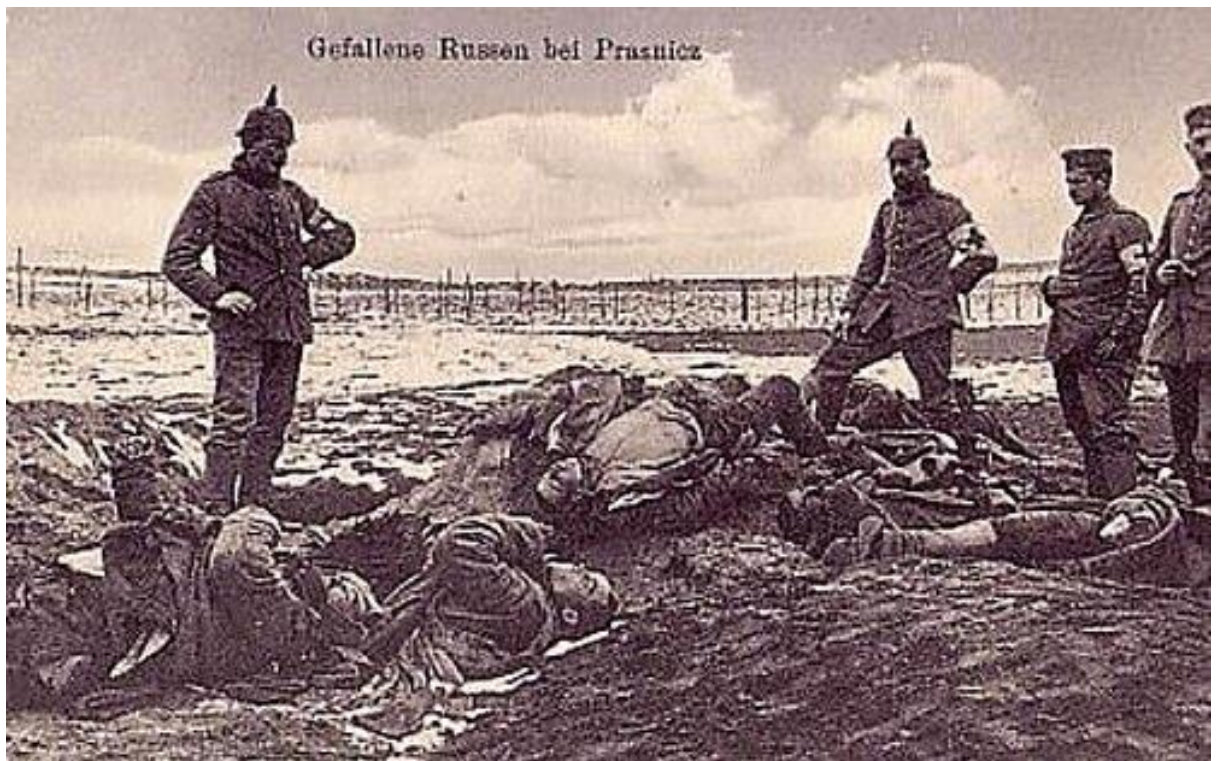
16 декабря полк прибыл в район боевых действий 1-го Сибирского армейского корпуса. Две сотни полка приняли участие в преследовании отступающего противника на Млавском направлении. Весь полк принял участие в Праснышской операции в Привисленском крае. (15 февраля- 3 марта 1915 года). Праснышская операция закончилась тем, что немцы, заняв Прасныш, вынуждены были через два дня отдать его обратно, потеряв при этом свыше 14 000 пленными и оставив 58 орудий. Планы германского командования потерпели неудачу, ему не удалось нанести поражение русским армиям, сосредотачивавшимся на Млавском направлении (1-й и 12-й русским армиям), а, наоборот, пришлось самим отвести свои войска на укрепленные позиции к государственной границе.

В период с июня 1915 года по октябрь полк прикрывал отступающие части своего корпуса из Польши, непрерывно находясь в непосредственном соприкосновении с наступающим противником и тем самым сдерживал его натиск.

В декабре 1915 года 7-й Сибирский казачий полк совместно с 4-м, 5-м и 8-м полками образовал Сибирскую казачью дивизию (генерал князь Петр Николаевич Мышецкий, 1858-1925, Копенгаген).

Сдача немцев в плен под Праснышем

Немецкая почтовая карточка с убитыми под Праснышем

Генерал П.М.Мышецкий, командующий 2-й армией

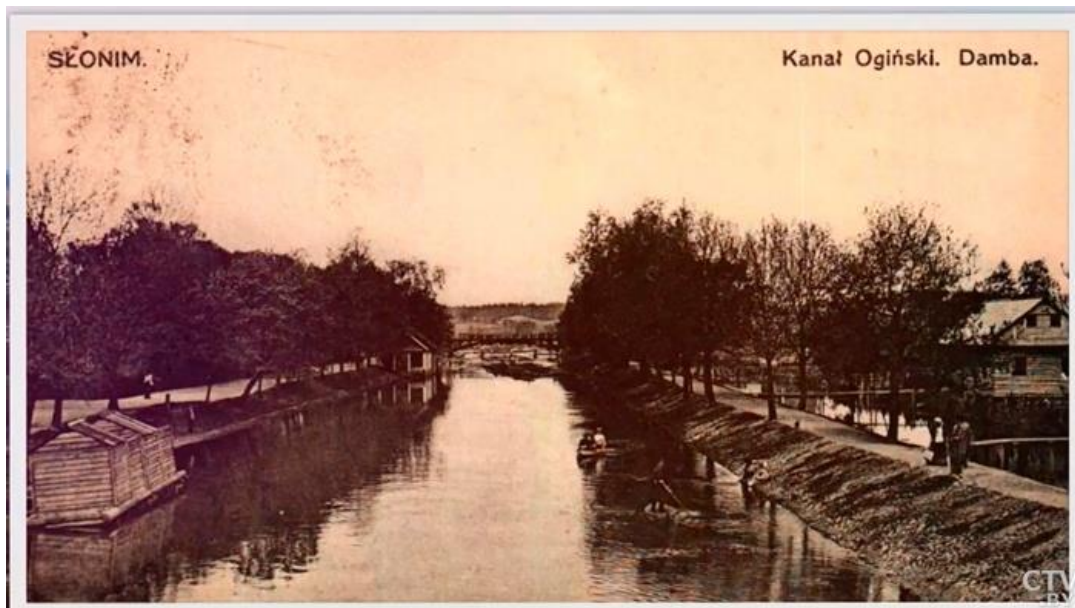
2-й бригадой (7 и 8 полки) командовал генерал Николай Николаевич Волжин (1854 - после 1917). О действиях дивизии на Западном фронте я написал в очерке «Гибель XX корпуса в Августовском котле».

Полк воевал геройски – Георгиевскими крестами были награждены 47 казаков и 125 человек получили Георгиевские медали. Еще 150 человек представлены к наградам. За время боевых действий до конца 1915 года убито 8, ранено 66 человек. Все эвакуированные и выздоровевшие поступали в запасную сотню Сибирского казачьего войска, откуда прибывает пополнение.

Полк нес службу по охране водного рубежа – Огинского канала, проходящего по территории Белоруссии и соединявшего Балтийское и черное море. В результате боев канал очень сильно пострадал – все гидротехнические сооружения были взорваны и сожжены.

Командир 2-й бригады генерал Н.Н.Волжин

Огинский канал до Мировой войны

Выдержки из журнала боевых действий: «Убит прапорщик Иван Петрович Тарыкин 14 июля 1916 года бомбой с неприятельского аэроплана. Ранен сотник Борис Николаевич Чукреев ружейной пулей в левую руку с раздроблением кости при проведении телефонной линии у деревни Лотва 22 сентября 1915 года. Прапорщик Александр Петрович Новгородцев ранен пулей в спину в разведке у Огинского канала 29 августа 1916 года». 7 февраля 1916 года на станции Сеславино Виленской губернии император в сопровождении командующего Западным фронтом генерала А.Е.Эверта прибыл в распоряжение 1-го Сибирского армейского корпуса под командованием генерала Михаила Михайловича Плешкова (1856-1927, Харбин), выведенного на отдых и укомплектование. Генерал Александр Иванович Спиридович (1873-1952, Нью-Йорк) писал: «Корпус представился блестяще».

Плешков М.М.

Спиридович А.И.

Почетный караул 7 СКП в ожидании прибытия императора. 7 февраля 1916 года

Император обратился к личному составу с речью: «Давно хотелось мне повидать своих сибирских стрелков и только сегодня мне это удалось. Продолжайте служить такими же доблестными и верными молодцами, как служите сейчас и как служили ваши старшие товарищи во время Китайской и Японской войны, и помогите мне и остальным частям корпуса окончательно победить и одолеть нашего упорного и коварного врага. Всем вам за доблестную боевую службу и нынешний смотр мое спасибо».

Из дневника царя:

«7-го февраля. Воскресенье

К 10 час. поезд подошел к станции **Селавино**, где встретили Эверт и Литвинов при поч. карауле от 7-го Сибирского каз. полка. Поехал с Фредерикс [ом] в закрытом моторе по занесенной снегом тяжелой дороге к месту смотра в

а

37 верстах. Участвовал весь 1-й Сибирский корпус и по полку представителей от 1-го и 34-го арм. корпусов. Все части прошли церем. марш. отлично; сибирцы только три недели в резерве на отдыхе. Радовался ужасно увидеть своих сибирских стрелков и свою роту в поч. карауле у штаба 1-й Сиб. стр. дивизии в м. Дуниловичи» (конец цитаты).

Сибиряки перед смотром 7 февраля 1916 года

Хочу отметить, что в ряде интернет-источниках утверждается, что: «В феврале 1916 года полк удостоился участия во встрече с императором в Царском Селе, где государь лично вручил казакам заслуженные награды и золотые червонцы со своим портретом». Изучение документов опровергает это утверждение как несостоятельное. Сам император в собственных дневниковых записях не подтверждает это.

До конца весны 1917 года Сибирская казачья дивизия воевала на Западном фронте. С отличием она действовала в боях при отступлении у Гродно и Вильны, а затем была отведена в тыл и разбросана для службы охраны по Минскому и Московскому военным округам.

Так 7-й Сибирский казачий полк оказался в Москве в период Московского вооруженного восстания осенью 1917 года. Штат полка военного времени составлял: 25 офицеров и 1146 нижних чинов.

В ноябре 1917 года командиром 7-го Сибирского казачьего полка назначается войсковой старшина Вячеслав Иванович Волков, прибывший с Турецкого фронта. Он был известен в армии как герой взятия крепости Ардаган в декабре 1914 года. В результате действий 1-го Ермака Тимофеева полка император носил звание его Шефа, а шефом 2-го полка стал наследник престола цесаревич Алексей. В 1916 году в Царском Селе он принял казаков полка, возглавляемых Волковым, о чем записал в дневнике: «14 января.

а

Суббота. Принял с Алексеем депутацию от 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка».

Царь объезжает войска 7 февраля 1916 года

В Петрограде Октябрьский переворот 1917 года, вошедший позже во все учебники истории как Великая Октябрьская социалистическая революция, закончился практически бескровным захватом Зимнего дворца с последующим водворением министров временного правительства в Петропавловскую крепость. По иному ситуация сложилась в Москве. Здесь сформированным большевиками из рабочих красногвардейским отрядам в течении недели противостояли первые белогвардейцы – юнкера Александровского и Алексеевского военных училищ, курсанты школ прапорщиков, офицеры и добровольцы, привязавшие на рукава белые ленты. В ночь на 26-е октября они захватили Кремль и ряд важных объектов города. Сохранились документы и воспоминания руководителей и участников боев на улицах Москвы. Вся Москва полнилась слухами о снятых с западного фронта казачьих частях, спешащих по железной дороге на помощь верным правительству бойцам белой гвардии. Для Московского военно-революционного комитета было очевидно, что казаки способны подавить вооруженное восстание.

В воспоминаниях: «Самокатчики» – так называли мотоциклистов – производят разведку на большие расстояния. При очередном слухе о движении казаков на Москву со стороны Калужской заставы они выехали туда. У Даниловской заставы также ожидалось нападение казаков», «получили непроверенные слухи, что в Тюфелевой роще находится 50 казаков. Послана разведка...», «на Курском вокзале высадились воинские части количеством

а

1500 человек, в полном вооружении с офицерами. На наши вопросы не отвечают».

Защитники Кремля

Расстрелянный Кремль

В это время юнкера ожесточенно сопротивлялись. ВРК принял решение стрелять из пушек по Кремлю, разрушая исторические архитектурные объекты. В.А.Шулдяков предполагает, что в Кремле находились до двух сотен казаков 7-го Сибирского казачьего полка.

Командиру Замоскворецких красногвардейцев Владимиру Петровичу Файдышу(1888-1944) доложили, что в Подмосковье задержаны пять казаков –

а

разведчиков 7-го Сибирского казачьего полка. Райком и ВРК (Станислав Викентьевич Косиор. 1889-1939. Расстрелян, П.К.Штенберг, Борис Михайлович Волин. 1886-1957) приняли решение немедленно начать переговоры с полком. Пленные казаки были освобождены и выехали в расположение полка с переговорщиком Владимиром Карповым, студентом, выходцем из казачьего сословия.. Оказалось, что казаки шли под командованием офицеров. «Присоединиться к нам он отказался, но и не рискнул пойти против нас. Разоружить его мы были не в состоянии» (Вл. Файдыш).

Академик Константин Васильевич Островитянов (1892-1969), член партии большевиков с 1914 года, так описал этот эпизод: « 28-29 октября на станцию Кашира пришел эшелон казаков, направляющихся в Москву. Военно-революционный комитет станции Москва-Павелецкая запросил Ревком станции Кашира о политическом настроении казаков.

Академик К.В.Островитянинов, автор воспоминаний

В ответ пришла телеграмма: «Выяснить настроение невозможно, эшелон задержан, охрана усилена». Казаки высадились из вагонов, будто собираясь напоить лошадей, и направились к реке Оке, потом перешли на другой берег и взяли курс на Москву.

Ревком станции Москва-Павелецкая, получив сведения о приближении казаков я Москве, сразу же сообщил об этом в Замоскворецкий ревком. Немедленно было дано указание Даниловскому подранному принять меры к укреплению наших позиций у Серпуховской заставы. Рабочие окрестных предприятий начали срочно рыть окопы, опутывать их колючей проволокой. Привезли пулеметы и одно орудие. Вновь созданные окопы и баррикады заполнили вооруженные красногвардейцы. Была быстрыми темпами подготовлена достойная встреча для непрошенных гостей.

Вместе с тем Замоскворецкий ревком решил отправить для переговоров с казаками большевика, студента Коммерческого института, по происхождению тоже казака, Владимира Петровича Карпова. Когда я его вспоминаю, передо мной встает образ стойкого борца за власть Советов, доказавшего преданность ленинским идеям всей своей последующей деятельностью.

В. Карпов попросил дать ему в сопровождающие двух членов казачьего эшелона, приехавших в Москву для выяснения обстановки, арестованных на Павелецком вокзале и содержащихся в Серпуховском арестном доме. Двое других были оставлены в качестве заложников.

Казачий разъезд, встретивший Карпова со спутниками, доставил их к командиру. Командир (вероятно Волков В.И.- прим. автора) и офицеры настаивали на немедленном аресте делегата большевиков. Но казацкая масса, если и не сочувствовавшая революции, то во всяком случае сомневавшаяся в правоте и справедливости контрреволюции, запротестовала.

Переговоры Карпова с командным составом скоро превратились в митинг в переполненном казаками помещении. Когда Володя Карпов, как мы привыкли его называть, спокойно и деловито рассказал о цели Октябрьской революции и соотношении борющихся сил, о безнадежности усилий белогвардейцев вернуть к власти обанкротившиеся классы и партии, то одни казаки ему поверили, а у других он посеял серьезные сомнения, и эшелон повернул обратно».

В результате переговоров «1 ноября в 9 часов утра был подписан документ, представляющий большой интерес в связи со слухами движения казаков на Москву (проф. В.Н.Сторожев).

Привожу текст документа.

ДОГОВОР МЕЖДУ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ И 7-м СИБИРСКИМ КАЗАЧЬИМ ПОЛКОМ

Постановление № 54 1917 года 31 октября. Сотенные и командные комитеты 7-го Сибирского казачьего полка под председательством есаула Н.Шевелева, разбирая предложение делегата Военно-революционного комитета г. Москвы о невмешательстве 7-го Сибирского казачьего полка в активную борьбу происходящей гражданской войны на условиях, чтобы:

- 1) Немедленно вывести из города Москвы все сотни и команды, не принимающие активного участия в борьбе, с их обозами и прочим имуществом.
- 2) Освободить всех арестованных и

вообще задержанных казаков и офицеров, возвратив им отобранное оружие, лошадей, имущество и обозы, а взамен утерянного — их стоимость.

- 3) Если казаки, находящиеся в Кремле, будут добровольно сдаваться в плен или силой братья революционной армией, они немедленно должны отправляться в свой полк без учинения над ними насилий, или вообще самосуда толпы, — постановили эти условия, предъявленные

делегатом, принять полностью, а именно, чтобы:

- 1) Части революционной армии не заходили в район расположения полка.
- 2) Освобождение лиц и частей, указанных в 1 и 2-м пунктах произвести немедленно, оградив их от всяких нападений с чьей бы то ни стало стороны. Все освобожденные должны быть до полка сопровождаемы представителями Военно-революционного комитета.
- 3) Не привлекались бы на свою сторону 'как отдельные лица, так и целые казачьи части, основываясь на занятой Нами позиции в отношении гражданской войны.
- 4) Всякое выступление казаков других частей не должно отзываться на казаках 7-го Сибирского казачьего полка.
- 5) Все могущие возникнуть недоразумения между революционной армией и 7-м казачьим полком должны разрешаться встречей делегатов обеих сторон.
- 6) О всяком выступлении сторон выступающая сторона должна предупредить противную сторону.

Председатель полкового комитета: есаул Н.Шевелёв

Секретарь: вахмистр Подкидышев

Делегат Революционного комитета Замоскворецкого

Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: Владимир Карпов

Председатель Замоскворецкого Военно-революционного Комитета:
П.К.Штернберг.

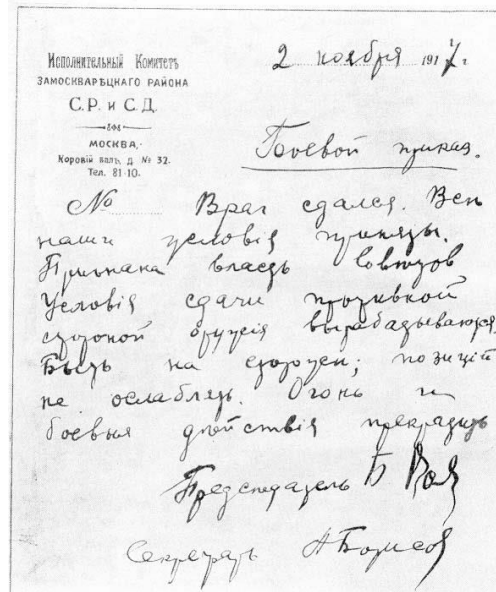
По данным автора на 28.11.1914 в 7 СКП числился сотник Н.Шевелёв. Я полагаю, что Николай Михайлович Шевелёв - уроженец станицы Атаманской 2-го военного отдела СКВ. Владимир Петрович Карпов погиб в борьбе с басмачами в 1925 году. Штернберг Павел Карлович (1865-1920), член партии большевиков с 1905 года. Профессор астрономии. В ноябре 1919 года принимал участие в разработке операции по взятию Омска 5-й армией. Столицу Колчака защищали и казаки бывшего 7-го Сибирского казачьего полка, призванные в белую армию по мобилизации. 15 ноября при формировании Иртыша автомобиль Штернберга провалился под лед. Больного профессора доставили в Москву 4 января. Но через месяц он скончался. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Из текста договора понятно, что среди защитников Кремля были и чины 7-го Сибирского казачьего полка. В конце книги приведены списки пресногорьковских казаков, участников этого события – Михаил Петрович Канахин, Андрей Павлович Кравченко и другие).

После подписания договора Д.Кузовкин написал, успокоившую обывателей Москвы фразу: «Кзаки нейтральны. Не страшны».

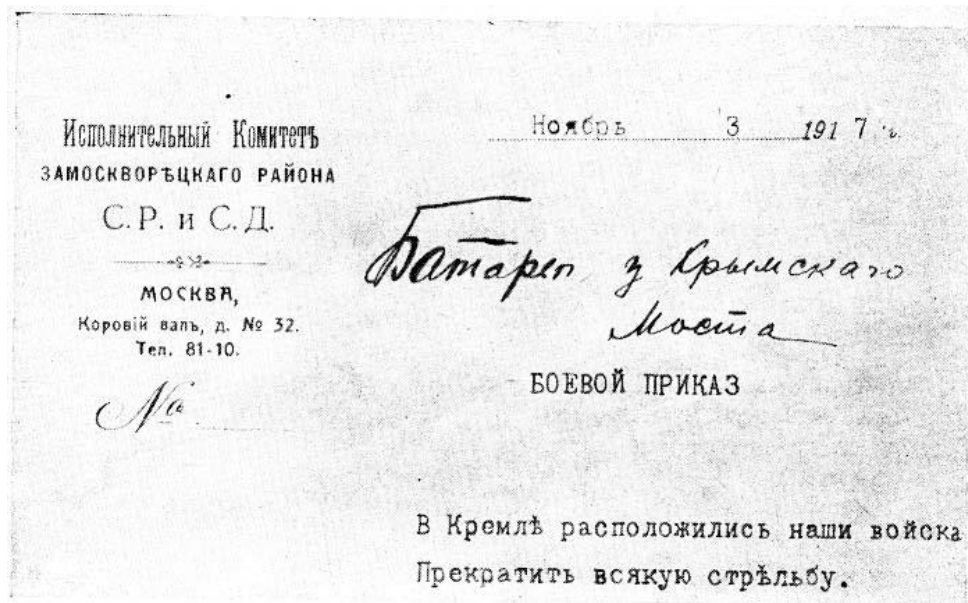
Можно предположить, что переход казаков на сторону белых мог серьезно нарушить создавшееся неустойчивое равновесие сил, вынудившее Московский ВРК объявить 30 октября перемирие. Но казаки, смертельно

а

уставшие от войны и мечтавшие только о возвращении в свои родные степные станицы отбыли в Сибирь.

Приказ ВРК от 2 ноября. Враг сдался

Приказ от 3 ноября. Кремль перешел в руки красногвардейцев.

Юнкера сложили оружие 2 ноября. Общие потери составили более тысячи человек. 10 ноября у Кремлевской стены возник «красный погост» — здесь похоронили 240 красногвардейцев. При многотысячном стечении народа хоронили юнкеров на братском кладбище. Митрополит Евлогий выступил с речью и позже записал: «Невиданная, трагическая картина. Я был потрясен. Молодежь, которая домогалась политической свободы, так горячо и жертвенно за нее боролась, — готова была даже на акты террора — пала жертвой

а

осуществившейся мечты». Многие из выживших юнкеров ушли на Дон, к Каледину.

Похороны павших в Москве красногвардейцев. 10 ноября 1917 года

Траурная процессия юнкеров

Александр Вертинский, побывавший на похоронах юнкеров, написал стихотворение «То, что я должен сказать». Он всем сердцем чувствовал, что это лишь первая кровь, пролитая в начавшейся в стране гражданской войне:

Я не знаю зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть не дрожавшей рукой,

а

Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Осторожные зрители зябко кутались в шубы
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их елками, замесили их грязью
И пошли по домам под шумок толковать,
Что пора положить бы конец безобразиям,
Что и так уже скоро мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти, к недоступной весне.

По прибытии в г. Тюмень в ноябре 1917 года у 7-го полка вышел конфликт с местным гарнизоном, попытавшимся разоружить казаков. Казаки 7-го полка прибыли в г. Кокчетав, сохранив всё своё вооружение и коней, что почти не удалось сделать другим Сибирским казачьим полкам, следующим на родину уже позже, и которых по пути разоружали подразделения Красной Гвардии.

По прибытии в г. Кокчетав в январе 1918 года 7-й Сибирский казачий полк был расформирован. Впереди была гражданская война, коллективизация и годы репрессий, немногим удалось пережить следующие два десятилетия...

1-й Командир 7 СКП. Осипов Ефим Никитич (1865-?), бийский казак, потомственный офицер, выпускник Оренбургского казачьего училища. В Японскую войну в бою при станции Янтай-копи получил сильную контузию, в Германскую – последовательно командовал 7-м Сибказполком, 2-й бригадой Сибирской казачьей дивизии, затем в качестве временно командующего всей Сибказдивизией.

До войны был помощником командира 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка по хозяйственной части. П.Н.Краснов в своих воспоминаниях дал Осипову Е.Н. такую характеристику: «... в делах хозяйственных я нашел в лице войскового старшины Осипова не только на редкость честного и бескорыстного человека, но и человека, прекрасно знающего полковое хозяйство, и умелого, распорядительного организатора... Ефим Никитич был отличным хозяином, практичным, рассудительным, находчивым, ловким, он на лету ловил все хозяйственные преобразования в полку... Осипов постоянно что-то строил, придумывал, изобретал для улучшения быта полка.... У Осипова под стать ему была жена-красавица, много детей. Здоровые нравственные отношения и хлебосольство их большого

а

семейства были широко известны.... Сколько природного ума, такта было в этой крепкой семье, как воспитывали и чисто держали они своих детей...».

Ефим Никитич Осипов с детьми

С 27 июня 1918 года Осипов Е.Н. был атаманом 1-го Сибирского войскового отдела, г. Кокчетав. Летом 1919 года участвовал в формировании в г. Атбасаре отдельного Киргизского конного дивизиона из трёх сотен добровольцев-багалинцев. О судьбе Осипова и его семьи сведений нет.

2-й Командир 7-го СКП. Волков Вячеслав Иванович (1877-1920), уроженец станицы Атаманской Акмолинской области. Из дворян. Войсковой старшина (1917). Полковник (11.1918). Генерал-майор (12.1918). Участник Первой Мировой войны: в 1-м Сибирском казачьем полку, войсковой старшина (1916 г.), командир 4-й сотни. Воевал на Кавказском Фронте. Награжден

орденами Св. Анны 2-й степени)1914), Св. Георгием 4-й степени (21.12.1914), Георгиевским оружием (1916), французским Орденом «Medaille militaire». В январе 1917 г. возглавлял полковую делегацию, ездившую в Царское Село представляться Императору Николаю II. В марте 1917 г. делегирован Отдельной казачьей бригадой на Общеказачий съезд в Петроград. С конца 1917 г. – командир 7-го Сибирского казачьего полка на Западном Фронте. В Белом движении: командир отряда в станице Павлодарской; одним из первых в Сибири 25.05.1918 г. поднял антисоветский мятеж в Петропавловске, изгнав власть Совдепа и большевиков. Командир Конной дивизии; одновременно, занимая пост коменданта Омска, возглавил в нем 18.11.1918 г. переворот, приведший к власти адмирала Колчака. Представитель Колчака по формированию казачьих частей во Владивостоке (01—06.1919) и одновременно командующий Восточно-Сибирской армией (в течение периода, когда атаман Семенов отказывался признать власть адмирала Колчака); 24.12.1918—17.02.1919; оставался в этот период командующим Иркутским ВО. Командир Сводного казачьего корпуса, 18.03—22.07.1919. Командующий Южной Конной группой 2-й армии Восточного фронта, 14.07.1919—12.1919. Командир Приамурского корпуса; комендант Иркутска (12.1919—01.1920). Погиб (застрелился, чтобы не попасть в плен, будучи болен тифом) в районе станции Ангара при отступлении в Читу, в Забайкалье. Дочь Мария, известная поэтесса, скончалась в Берлине в 1982 году.

Командир 1-й сотни 7 СКП. Кубрин Николай Павлович (1876-1921) - заслуженный боевой командир Сибирского войска, сын войскового старшины, уроженец станицы Пресногорьковской. Его путь типичен для большинства кадровых казачьих офицеров: Сибирский кадетский корпус (Омск, 1893), Николаевское кавалерийское училище (СПб., 1895), Китайский поход 1900 г., русско-японская война, служба в Семиречье в 1-м полку. В Маньчжурии

а

японская пуля пробила подьесаулу Кубрину правую ногу ниже колена. Перед мировой войной он занимал должность помощника атамана 1-го отдела. На Германский фронт попал в качестве командира 1-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка (пр. от 20 июля 1914 г.). Был контужен в голову. Вернулся с фронта войсковым старшиной, помощником командира 4-го Сибирского казачьего полка, кавалером орденов Св. Анны и Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Начдивом 1-й Сибирской казачьей дивизии Н.П.Кубрин прошел всю гражданскую войну. В сентябре 1919 года ему было присвоено звание генерал-майора. В январе 1920 года при прорыве Сибирской казачьей группы через Красноярск на Иркутск был пленён и расстрелян красными в марте 1921 года в Архангельской тюрьме (см.: Виниченко С. Три войны Николая Кубрина/ в кн.: В поисках минувшего времени, - Костанай, 2020)

Командир 2-й сотни 7 СКП. Владимир Федорович Бедрин (1870-?). Уроженец станицы Пресногорьковской. Православный. Общее образование получил в кадетском корпусе. Окончил Константиновское военное училище. Хорунжий (ст. 10.08.1889). Сотник (ст. 10.08.1893). Подьесаул (ст. 06.05.1900). Участник русско-японской войны 1904-05. Был ранен. Есаул (ст. 06.05.1904). В 1-м Сибирском каз. полку. Участник мировой войны. Переведен в 7-й Сибирский каз. полк (ВП 28.11.1914). Войсковой Старшина (пр. 06.04.1916; ст. 05.10.1915; за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий). И.д. советника войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска (01.10.1916-?), с зачислением по тому же войску. Полковник (пр. 13.10.1917) с увольнением, за болезнью, от службы, с 02.06.1917, с мундиром и пенсией.

Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 4-й ст. (1905); Св. Станислава

а

2-й ст. с мечами (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 2-й ст. (1913).

В очерке использованы фотографии ЦГАКФФД РФ.

Мне удалось собрать ряд фотографий уроженца ст. Пресногорьковской Николая Павловича Кубрина (8 мая 1876 – 14 марта 1921 года, Архангельск). Сын Николай, выпускник Омского корпуса на о. Русский, погиб в последнем бою гражданской войны 5 октября 1922 года под станцией Свягино в Приморье.

Семейное фото

Свадьба сотника Кубрина

Николай с женой Марией

Первенец

Ст.Пресногорьковская. Петропавловский уезд

*Елизавета Павловна Кубрина (Мошкова) (1902 год)
Отбыла 8 лет в лагере, как сестра расстрелянного генерала белой армии*

Дети Кубриных. Коля в фуражке (погиб в бою в 1922 году)

*Дом Кубриных в Пресногорьковке. 2009 год. Фото автора
Ныне не существует*

Фото из семейных архивов О.Лупенковой (Омск), М.Мошковой (Спб), Э.П. Фазуллиной (Москва)

Красная стена. Из истории Кустанайского восстания в апреле 1919 года

В центре города Костаная, во дворе областного историко – краеведческого музея (бывший пассаж купца Яушева), высится стена из красного старинного кирпича. Помню свои детские впечатления от первого посещения этого места. В 70-е годы вход в уютный дворик был открыт со стороны улицы Ленина, через массивные ворота бывшего Народного дома. Стена была скрыта от глаз посетителей мощными клёнами, в тени которых располагались скамейки. В воскресные дни находилось много желающих спрятаться здесь от летней жары, тем более, что к северной стене Народного дома был пристроена палатка кафе-мороженого. Однако не все посетители тенистого сквера знали трагическую историю красной стены, и уж совсем не предполагали, что двухэтажный особняк некогда был местом пыток и казней горожан и жителей окрестных селений. Будучи любознательен, я с интересом прочитал надпись на мраморной плите , свидетельствующую о расстреле партизан в апреле 1919 года, и представил себе, с какого примерно места производили стрельбу колчаковцы. Тогда меня удивил тот факт, что стена была выщерблена пулями значительно выше человеческого роста – лишь позже я понял причину – многие из расстрельной команды вели огонь поверх голов, не подчинившись приказу стрелять в людей. Немало утекло воды с той поры. Клены выпилены. На их месте лежат пушки петровского времени. а стена стоит, как молчаливый памятник погибшим возле нее людям. По рассказам бабушки убитых везли на телегах на кладбище, ныне парк Победы, и сваливали в ров... Про восстание, в колчаковских документах – мятеж, написано много, существует целый пласт воспоминаний. Мне хотелось бы обратить внимание на

а

некоторые неточности в трактовке восстания и ошибке в установлении личности начальника белогвардейского карательного отряда. Итак, источники.

"За 8 и 9 апреля до 5 часов пополудни убито свыше 1000 красноармейцев, расстреляно 625 и взято в плен 2000. Остальные бежали из Кустаная в свои села, не подозревая, что они встретят на пути новые карательные отряды, к тому времени уже занявшие все очаги восстания. Расстрелы в Кустанае продолжались 10, 11, 12 и 13 апреля" (Газета "Русская армия", 29.IV.1919.См.: Павел Голуб. В застенках Колчака, 2014).

Сахаров Николай Павлович

Однако, есть и иная интерпретация событий в Кустанае в начале апреля 1919 года, с которой невозможно согласиться, так как многочисленные факты свидетельствуют о жестоких репрессиях со стороны белых против жителей города и уезда. Прочитую в качестве примера книгу "Гибель Сибирского казачьего воска.1917-1920гг.т.1,-М.,2004).

"5 апреля 1919 года собранные в Кустанае мобилизованные (около 3 тысяч человек) вышли из повиновения и захватили город. Повстанцы освободили из тюрьмы политических и уголовных преступников, разгромили несколько магазинов и богатых домов, учинили расправу над пленными. Пойманных белых офицеров, казаков и солдат избивали нагайками и прикладами винтовок, кололи штыками и пиками. Весть о перевороте быстро разнеслась по уезду, и в Кустанай с разных концов устремились крестьяне на подводах, чтобы пограбить и развести захваченное имущество по домам.Город от полного разграбления спасло только быстрое освобождение его правительственными войсками.

Из частей 1-го Волжского корпуса Каппеля был срочно создан сводный отряд под командой подполковника Н.П. Сахарова*** , который легко рассеял и разгромил плохо организованных повстанцев. Съехавшиеся в Кустанай

а

зажиточные и пожилые крестьяне преподнесли Сахарову хлеб-соль. Один из руководителей восстания Жилиев был повешен белыми на центральной площади Кустаная (на самом деле Андрей Иванович Жилиев, 1885 г.р. пос. Боровское, ныне Мендыкара, был расстрелян по приговору ревтрибунала Туркфронта 28 августа 1919 года на судне в Аральском море - прим. С.В.). Однако в целом каппелевцы продемонстрировали "похвальную сдержанность" по отношению к жителям, причастным к восстанию и "христианское снисхождение к участникам бунта" (если повальный террор, происходивший в городе и уезде можно так назвать, то каков же настоящий террор? - С.В.). Благоразумная часть крестьянства восприняла такое поведение "карателей" очень доброжелательно. 12 апреля сход крестьян Кустанайского уезда постановил вынести благодарность за "отменное поведение" всем чинам отряда подполковника Сахарова. Благодарные жители уезда, довольные тем, что легко отделались, собрали и передали в штаб 1-го Волжского корпуса 100 тысяч рублей на обустройство и улучшение питания чинов корпуса (откупились от реквизиций, ещё и талоны на усиленное питание за то, что ров кладбища, ныне парк Победы, был завален трупами и в городе не было семьи, так или иначе не пострадавшей от зверств - С.В.). (Процитирована замечательная книга, которую по праву можно назвать энциклопедией событий гражданской войны в Сибири и Казахстане).

Иван Грушин писал о другом: "10 апреля в 8 часов вечера город Кустанай был занят белыми. Снова началась полоса жуткого белогвардейского террора. Партизан, взятых плен, закалывали штыками, вешали на воротах, расстреливали во дворе Народного дома (ныне музей) Башкирский полк, сочувствующий партизанам, был перебит из пулеметов. Много было расстреляно призванных в армию Колчака новобранцев. Белые убивали даже женщин и детей".

*Стена, у которой производились массовые расстрелы.
Фото автора. 2025 год*

Показателен один из приказов начальника Кустанайского гарнизона подполковника Томашевского от 23 апреля 1919 года, в котором говорится о наказании женщин-партизан:

"Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреляние и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию".

Гопнер Карл Иванович

***В источниках подполковника Николая Павловича Сахарова (1893-1951, Сан-Франциско), будущего генерала, участника боев в Приморье, участника Хабаровского похода, нередко путают с командующим 3-й белой армией К.В. Сахаровым.

История с "другим" Сахаровым кочует из книги в книгу – очевидец событий Иван Грушин в брошюре "За власть Советов" в 1957 году писал: "С утра 8 апреля белые повели наступление. Чтобы решительно и скоро покончить с красными, Колчак снял с фронта самые надежные части: каппелевцев, 11-й Бузулукский офицерский полк и три школы прапорщиков. Командовал отрядами полковник Сахаров, произведенный Колчаком в генералы за подавление кустанайского восстания и затем ставший военным министром Колчака.

Слева: Андрей Жилев

Читаем в книге "Борьба за власть Советов в кустанайских степях" за 1959 год: "Под Кустанай был послан Бузулукский офицерский полк, шесть рот под командой капитана Дементьева из отряда генерала Гопнера и несколько подразделений, подготовленных к отправке на фронт из Троицка и Челябинска. Общее командование всеми этими силами было возложено на полковника Сахарова, будущего военного министра Колчака".

Петр Максимович Черныш в информативной книге "Очерки истории Кустанайской области", - Кустанай, 1995. пишет: "О масштабах событий говорит и тот факт, что адмирал Колчак лично распорядился снять с фронта лучшие части и под командованием генерала Сахарова, ставшего потом военным министром у Верховного, направить их в Кустанай"(с.83). Далее читаем: "На разгром восстания были брошены и части генерала Гопнера, который будучи в эмиграции вспоминал, как неожиданно отложили отправку его соединения на фронт: "два восстания были подавлены карательными экспедициями, причем "каратели" не забыли пополнить свой обоз как лошадьми, так и повозками и иным имуществом, взятых из домов "караемых". Такие деревни, из которых добровольцы ушли в Красную армию, даже сжигались".

И в первом томе отлично написанной коллективом авторов книги "Кустанай-Костанай: очерки истории.-Костанай, 2012., повторяется та же неточность – начальником белого отряда назван К.В.Сахаров. Похоже, что моряк-балтиец Иван Грушин, очевидец событий и автор воспоминаний, дал всем последующим историкам не совсем точную информацию.

Надо также отметить, что ни тот, ни другой Сахаров военным министром в правительстве Колчака не был.

И в первом томе отлично написанной коллективом авторов книги "Кустанай-Костанай: очерки истории.-Костанай, 2012., повторяется та же неточность – начальником белого отряда назван К.В.Сахаров. Похоже, что

а

моряк-балтиец Иван Грушин, очевидец событий и автор воспоминаний, дал всем последующим историкам не совсем точную информацию.

Надо также отметить, что ни тот, ни другой Сахаров военным министром в правительстве Колчака не был.

И.А.Грушин (1897-1964)

Скажу несколько слов о "Гопнере". Эту фамилию часто неверно упоминают в связи с подавлением восстания. Правильно будет говорить о генерале Гоппере Карле Яновиче (1876-1941, расстрелян НКВД в Риге). С февраля 1919 он занимался формированием 21-й Яицкой стрелковой дивизии в городе Троицке, части этой дивизии шесть рот под командованием Дементьева и были брошены по железной дороге в Кустанай уже в конце апреля, когда там вновь объявился Жилиев. Гоппер командовал дивизией до конца сентября 1919 года. После гражданской войны в Риге написал воспоминания под названием "Четыре катастрофы". Воспоминания генерала о 1919 году были опубликованы в Кустанае в 1957 году под названием "Начало и конец Колчака" и давно стали библиографической редкостью.

Генерал Константин Вячеславович Сахаров (1881-1941, Берлин) командовал Западной армией (3-й), после падения Омска - Московской группой войск. Эмигрировал.

Иван Алексеевич Грушин (род. 1897 - 1964), прибывший в Кустанай в отряде моряков-балтийцев для установления советской власти, трижды был осужден этой самой властью и освобожден только в 1956 (см.: А Тихановский). Оставил для потомков интересные свидетельства эпохи (см.: областная газета "Ленинский путь" за июнь-июль 1957 года).

Давно это было, но немая стена из красного кирпича во дворе Костанайского областного краеведческого музея и братская могила на старом кладбище не дают целым поколениям забыть о жертвах страшного апреля 1919 года, напоминая об ужасах гражданской войны. В определенном смысле стена

а

стала символом, разделившим людей на живых и мёртвых, на своих и чужих, на красных и белых.

О братской могиле, размеры которой говорят о массовом терроре, пишет Ольга Горай: "Еще один памятник того времени – Братская могила Героев Гражданской войны, которая находится в Парке Победы. В ней захоронено около 7 000 человек. Братская могила представляла собой две земляные насыпи (40 м на 6 м). В 1930-е гг. был установлен деревянный обелиск. В 1951 году деревянный обелиск заменен на железобетонный. В 1979 году, к 100-летию города, на месте железобетонного обелиска установили стелу. В 2008 году при благоустройстве территории Парка Победы холмы братских могил разровняли, на этом месте разбили цветники и выложили тротуарную плитку. В память о событии установили новую стелу, на которой высечена надпись на казахском и русском языках: «Вечная память погибшим в годы Гражданской войны».

Такие вот заметки появились в моем блокноте после очередного посещения лучшего города на земле, цветущего и всегда молодого Костаная.

Желающим получить интересную информацию по теме рекомендую обратиться к сайту kostanay1879 (автор Арман Козыбаев). Здесь размещены многочисленные воспоминания участников Кустанайского восстания 1919 года. Например: Ужгин С., Фролов Н. Партизанское движение против Колчака. Казгосиздат. 1957.

Фото: современное состояние стены в Костанаяе.

Фото командиров:

Сахаров Николай Павлович (1893-1951), 26 лет, генерал-майор

Гопшер Карл Янович (1876 - 1941), генерал, начальник 21-й Яицкой дивизии в составе Оренбургской армии.

След минувшей жизни

Из окна школьного кабинета мне был виден стоящий на оплывшем крепостном валу старинный пятистенник с двускатной крышей, укрытый зеленью окружающих его яблонь и кустов сирени. Весной домик утопал в белоснежной пене яблоневого цвета, и казался проходившим мимо сельчанам совершенно райским уголком. В помутневшее от времени оконное стекло смотрела на мир ровесница векового дома – бабушка Аня – Анна Матвеевна Томская.

В мае 1991 года я шагнул через порог в полутёмную горницу старинного дома с русской печью, нависшими над головой полатами и образами в «красном» углу, чтобы расспросить старушку о годах её давней молодости. Оглохшая от времени, бабушка оказалась бесценным для историка - краеведа информатором. То, что сохранилось лишь на бумаге – в пыльных газетных подшивках и энциклопедиях, баба Аня пережила лично. Она ходила в школу в годы почти забытой Великой войны, голодала в гражданскую, хлебнула лиха в коллективизацию, пережила ужас Великой Отечественной.

Удивительным было то, что память её не ушла в никуда вместе с былой красотой и крепким здоровьем, но осталась в прежней поре. Во время рассказа, понимая, что старушка плохо слышит, я часто поднимался со скрипучего табурета и пытался кричать ей прямо в ухо. Но баба Аня решительно отодвигала меня сухонькой пергаментной рукой и громко говорила:

-Не ори так! Я всё прекрасно слышу!

Девичья фамилия бабушки – Зенепрецова. Долгое время я старался понять каким образом появилась в станице странная фамилия и что она, собственно, означает. Лишь в период работы со списками сосланных в 1770-е годы за Каменный Пояс запорожских казаков, на глаза попала фамилия, вернее, кличка «Заднепрец», означающая буквально – за Днепром. В формулярном списке Пресногорьковской дистанции за 1794 год есть запись:

«Пётр Фёдоров Заднепрец, 47 лет. 2 аршина. 7,5 вершков, лицом бел, глаза серые, волосы русые, нос прямой, говорит по малороссийски, из запорожцов 1770 октября. Вдов. Дети: Настасья 15. Авдотья 12. Живут при нём» (РГВИА, ф. 489, оп.1 д.3061, л.287).

Анна Матвеевна вышла замуж за Николая Андреевича Томского, прадеды которого также были старожилами в наших местах и часто встречаются на страницах метрических книг и ревизских сказок. Происхождение фамилии связано со службой её первых носителей в Томской слободе.

«Мартемьян Андреев, сын Томской, 31 год, 2 аршина, 6,5 вершков, лицом бел, шадровит (рябой, следы оспы – прим. автора), глаза серые, волосы светло-русые, в службе казаком с 1777 года, капрал с октября 1792 года. Женат: Анна Филиппова дочь. Дети: Абрам 8, Леонтей 5, Параскева 2» (Там же, л.282).

Отец Анны урядник Матвей Авксентьевич Занепрецов (именно так – прим. автора) в июле 1891 года был удостоен чести вручить наследнику российского престола хлеб-соль и литую статуэтку у дома, где будущий последний император изволил остановиться на ночлег.

Об этом событии помнили долго, даже в советское время не забыли, но говорить вслух опасались. А вот баба Аня не побоялась преследований со стороны властей. Я это понял, когда она с гордостью подняла с моей помощью крышку кованого ящика. Из темных глубин затхлого сундука глянул на меня с цветного фотопортрета совсем юный цесаревич, закончивший жизнь в подвале Ипатьевского дома.

Слева Николай Томский. Первая мировая война

- Сказывал отец, что царь-то совсем юнец был, небольшого росточку. В солдатской гимнастёрке, – словно торопясь выговориться, сказала баба Аня.

И то верно, было Николаю всего 23 года. Написал тогда в своем дневнике, сидя за столом в доме купца Кладенова: «...у подъезда стояло два почетных караула. От полусотни льготных и георгиевских кавалеров 1-го отдела...» (ЦГАОР, ф.601, архив автора). «Эти почтенные старики, украшенные знаками отличия военного ордена и медалями положительно привлекали к себе внимание всех приезжих», - писал генерал-лейтенант Николай Алексеевич

а

Симонов, родившийся в Пресногорьковской в мае 1851 года (подтверждено автором по МК церкви).

Но окончательно бабушка удивила меня, спев песню «В 91-м годе». У нее оказался приятный голос, и пела она долго, нараспев, с какой-то особенной осенней грустью. Как не странно, но я успевал записывать слова, будто в паутине путаясь в обрывках фраз.

Позже мне попал в руки сборник песен сибирских казаков, изданный в 1916 году в Петрограде. В нём слова песни полностью совпадали с записанным мною текстом. В начале нулевых в моем доме побывал руководитель известного на весь мир Омского фольклорного ансамбля «Звонница» Ефим Яковлевич Аркин. Я передал ему текст песни. Песня была записана на один из пяти дисков ансамбля, которые спели и в Москве и в Париже, и еще Бог весть где..

Баба Аня вспоминала:

« Жили мы бедно, ели репу, затируху, пили квас. Однажды был случай – украли у одного станичника шаровары. Атаман намазал икону чем-то липким, положил в пустой комнате и в нее заходили по одному подозреваемые. Каждый должен был взять икону в руки и поклясться, что не брал шаровары. Тот, после которого следов пальцев на иконе не оказалось, и был вором».

«Хоронили тогда возле церкви. Вася (брат - прим. автора) батюшке могилку копал, нашел чьи-то косточки». Скорее всего, это случилось в 1914 году – тогда умер священник Симеон Коледа.

«Сильно уважали врача из немцев. По глазам мог любую болезнь различить. Шехтер его фамилия была. Кубрин Николай Павлович много сделал для жителей – после, говорят, расстреляли его. Напротив еще генерал жил в отставке Нарбут. Он был командиром отца. Однажды приказал бежать несколько верст с седлом в руках, а сам скакал рядом. В этом вот самом ящике его драгоценности у нас хранились. Мы бедные, у нас обыски не проводились. Как-то раз мыла пол и решила заглянуть – приподняла крышку. Батюшки святы, посуда золотая! Мама потом задала мне трёпку! Нарбут похоронен возле стены церковной».

Дом Нарбута в Пресногорьковке. Фото автора. 2025 год

Много интересно поведала мне тогда Анна Матвеевна Томская (1901-1992). Давно нет ее на белом свете, на месте домика – школьная кочегарка и куча угля. Но воспоминания бабушки не пропали даром – все они получили свое продолжение в моих книгах и очерках.

А человек жив, пока живет о нем память!

Песня о поездке цесаревича (записана автором весной 1991 года)

В девяносто первом годе разнеслася весть в народе,
 Что сын царский Николай посетит Степной наш край,
 Что посмотрит он станицы, казаков лихих светлицы.
 Скоро войску был приказ, что желает видеть нас
 Атаман наш дорогой, цесаревич молодой.
 Сроду мы того не ждали, такой радости не знали.
 Народ массами толпился, к граду Омску устремился.
 Вот начальники – отцы, вот сибирски казаки.
 Полковой – то командир, нас для встречи приводил.
 Атаман наш бригадир – сам Симонов командир.
 Нам два слова лишь сказал и у всех восторг поднял.
 Разместили нас всех хватом в белокаменных палатах
 Вековые те палаты пребольшие, небогаты
 Сад огромный пред окном, а за садом Божий дом.
 Но нам все тут нипочем, главное дело было в том
 Чтоб царевича дожждаться, с ним бы лично повстречаться.
 Вот желанного дождались, с атаманом повстречались
 На смотрах мы царских были, благодарность получили
 А потом в саду клубили, царско пиво с медом пили
 Вот царевич распростился, в Петербург домой пустился
 Он станицами летел, всюду видеть все хотел
 Млад и стар его встречали, со слезами провожали
 Девяносто первый год не забудем мы по гроб.

На фотографии Николай Андреевич (1901-1976) и Анна Матвеевна Томские

О Панкратии и других Воропаевых

В ревизской скаске за 1782 год по крепости Пресновской записан в графе "2драгуны и солдаты" Осип Карпов сын Воропаев. У него сын Григорей. Дети: Фёдор 8, Осип 2,, Федосья 4, Гаврило 1 мес.(ТФ ГАТО, ф.154).

Потомки проживали в Пресновской и Пресноредутской станицах.

ВОРОПАЕВ Панкратий Павлов - 1 СКП 1 сотня, старший урядник, награждён знаком отличия Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. в 1873 г.; ЗОВО 3-й степени №1992 Панкратий (Пахратий) Воропаев - за отличие, оказанное в делах с кокандцами в 1875г.; Ст

а

урядник 1 СКП 1-й сотни, прикомандированной к 2-му Турк Стрел батальона ЗОВО 2-594, за дело 27 января 1876; Ст урядник 1 СКП 1-й сотни ЗОВО 1-202, за дело 27 января 1876 г под Уч-Курганом (Кара-Кия?)

Ст урядник 1 СКП 1-й сотни ЗОВО 1-202, за дело 27 января 1876 г под Уч-Курганом (Кара-Кия?)

Распоряжением Троцкого штабс-капитан Куропаткин прикомандирован к располагавшейся в Намангане скобелевской оперативно-войсковой группе.

В начале января 1876 года сводное формирование кавалерии и пехоты численностью 2800 человек при 12 артиллерийских орудиях под водительством Скобелева вышло на ближние подступы крепости Андижан. После тщательной рекогносцировки северной и восточной окраин города по расположению войск противника был открыт плотный артиллерийский огонь, далее начался штурм, завершившийся взятием Андижана. Уцелевшие части войск Кокандского хана, преследуемые по пятам русскими передовыми казачьими отрядами, вынужденно укрылись в крепости Уч-Курган.

Куропаткин снова в бою и в первых рядах атакующих – 27 января 1876 года он «начальствовал штурмовой колонной» из полуроты охотников и сотни спешившихся казаков при взятии Уч-Кургана. Крепость взята штурмом, противник разгромлен, захвачены пленные и пять орудий. Выйдя на оперативный простор, генерал Скобелев «не зевнул» и, ни секунды не сомневаясь в победе, 8 февраля 1876 года, опередив отряд Колпаковского, первенствовал при завладении Кокандом.

Куропаткин красочно описывал в дневнике порядок взятия одного из укрепленных населенных пунктов:

«Приблизившись ускоренными осадными работами ко рву крепости, начинали штурм чаще всего перед рассветом. Роты, назначенные для штурма, скрытно собирались против выбранного пункта... со своими лестницами и по сигналу... вылезали из окопов, вытаскивали лестницы и вместе с ними бежали к стене крепости... Требовалось добежать до рва, спустить толстым концом лестницы в ров, раскачать лестницу и перебросить тонким концом на стену. Затем надо было спуститься в ров и, карабкаясь по этим лестницам, стараться овладеть участком неприятельской стены. Часть стрелков при этом оставалась рассыпанной у контрэскарпа для обстрела противника. Лестниц ставилось сразу несколько, и наши герои, оспаривая друг у друга место, лезли по лестницам в то время, когда против них противник принимал свои меры. На атакующих сбрасывали камни, бревна, куски от стены, лили кипяток, смолу, поражали ружейным огнем, наверху стены встречали батиками, копьями, шашками» (Шаваев А.Г.Куропаткин. Судьба оболганного генерала. 2024. эл. книга).

Панкратий Павлович Воропаев, уроженец казачьего поселка Пресноредутский Пресногорьковской станицы, полный Георгиевский кавалер. Был в конвое цесаревича Николая, при следовании его по Линии в 1891 году. Место смерти не установлено.

Воропаев в конвое цесаревича. Омск. Июль 1891 года

ВАРАПАЕВ Александр Андрианович — 7 Сибирский каз. полк, ст. урядник. За то, что, будучи 7-го и 8.09.1915 начальником разъезда, несмотря на грозившую ему явную опасность от противника, наступавшего не только с фронта, но и с фланга от с. Жучки, наблюдалв течение суток за действиями противника, доставляя своевременно о нем сведения, чем содействовал успеху сотни.

ВАРАПАЕВ Лазарь Александрович — 7 Сибирский каз. полк, ст. урядник. За то, что 28.07.1915, находясь на разведке для прикрытия отступающих пехотных частей из окопов у д. Лясковизна, для восстановления связи с разведчиками 2-й Сибирской стр. дивизии, под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника, проник в пехотные окопы, оставленные уже нашей пехотой, выяснил отсутствие в окопах разведчиков и тем способствовал выяснению обстановки.

ВОРОПАЕВ АКАКИЙ, казак 4-й сотни 1-го полка, награждён за дела с кокандцами 9, 10, 12, 21 и 22 августа 1875 г. (№ знака отличия 31313)

ВОРОПАЕВ ВАСИЛИЙ, казак 1-й сотни 1-го полка, награждён за дело с Кокандцами 8 сен-тября 1875 г. (№ знака отличия 32717)

ВОРОПАЕВ МИХАИЛ, вахмистр 4-го полка, 1905 г.

ВОРОПАЕВ ПРОКОПИЙ, старший урядник 1-й сотни 1-го полка, награждён за дела с ко-кандцами 9, 10, 12, 21 и 22 августа 1875 г. (№ знака отличия 31305)

ВОРОПАЕВ ПРОКОПИЙ, старший урядник 1-й сотни 1-го полка, награждён за дела с ко-кандцами 9, 10, 12, 21 и 22 августа 1875 г. (№ знака отличия 31305)

СУХОВ Григорий — 4 Сибирский каз. полк, казак. За то, что будучи разъезде, обезоружил разведку противника.

ВОРОПАЕВ Василий Маркович — 7 Сибирский каз. полк, ст. урядник. За то, что во время преследования противника на Млавском направлении 15.02.1915, вызвался охотником в разъезд (при соприкосновении с

противником) и за мужество и неустрашимость, при взятии германских партий нижних чинов, занимавших в селении каменные здания.

ВОРОПАЕВ Павел Григорьевич — 4 Сибирский каз. полк, приказный. За то, что дважды провозил, под огнем неприятеля, из разъезда от с. Меркина в свою часть донесение начальника разъезда и, под обстрелом, снова возвращался к своему разъезду.

ВОРОПАЕВ Степан Алексеевич — 1 Сибирский каз. Ермака Тимофеевича полк, 3 сотня, казак. За конную атаку с. Еникей 2.01.1915, под сильным пулеметным и ружейным огнем противника, — как особо отличившийся.

«Расстреливать через десятого...»

Самый молодой генерал-майор Восточного фронта, а то и всей белой армии, Александр Владимирович Круглевский, 14 сентября 1919 года был вызван в Омск, в Ставку Верховного. Отзыв с театра боевых действий, в переломный момент наступления белых, начальника одной из самых успешных дивизий был случаем из ряда вон выходящим. Адмирал Колчак ожидал от Круглевского полного отчета о действиях 11-й Уральской дивизии в Курганском уезде в районе тракта Петропавловск-Курган, а именно — объяснения по поводу событий в селе Большое-Курейное. Генерал был отстранен от командования дивизией и ожидал более сурового наказания.

До сего времени военная карьера Круглевского развивалась блестяще. Дворянин, потомственный военный, он окончил Воронежский кадетский корпус и Павловское военное училище. Лейб-гвардеец капитан Круглевский стал георгиевским кавалером 1 октября 1916 года под деревней Войнин. Командуя ротой, он атаковал неприятеля во фланг, помогая этой атакой соседнему батальону. Немцы были выбиты из укреплений и блиндажей, а батальон сумел удержать позиции. На германском фронте служил начальником команды конных разведчиков. С июля по октябрь 1917 года командовал 2-м батальоном лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка. Отличился в бою у дер. Витонеж: получив контузию, остался в строю.

Во время гражданской войны в сентябре 1918-го года в Челябинске Круглевский руководил формированием 1-го Уральского кадрового горных стрелков (позднее 41-й Уральского) полка.

Командующий Третьей армией К.Сахаров писал о посещении полка:

«В Челябинске видел смотр и парад 41-го Уральского полка. После месяца работы полк представился как настоящая воинская часть: видна была спайка офицеров и солдат, хорошее знание строевого учения, умение вести боевую службу в поле. Но внешний вид был жалкий — более чем у половины людей отсутствовали шинели и сапоги — одна сплошная заплата. Командир полка, молодец — полковник Круглевский, настоящий заботливый командир, делал всё, что мог, добывал снабжение у интендантов и у состоятельной части населения.

Генерал Сахаров К.В.

-Приходится, – говорил он,- прямо выпрашивать. Ведь у меня половина людей остались в казармах, не в чем выйти. На несколько человек одна пара сапог, по очереди ходят на учение, в столовую и на двор».

18 мая Круглевскому в 28 лет присвоили звание генерал-майора. А уже 4 июня назначили начальником Одиннадцатой Уральской стрелковой дивизии Западной Армии. Во главе дивизии он участвовал в Златоустовской, Челябинской, Тобольско-Петропавловской операциях, описанных во всех советских энциклопедиях.

В начале сентября 1919 года белая армия Колчака, отчаянно сопротивляясь нажиму красных бригад, отходила от Тобола к Ишиму. Лишь после Пресновской трагедии 9 сентября наметился перелом – белые начали контрнаступление, стремясь сбить красные полки с трактов, ведущих из Петропавловска на Троицк и Курган.

Заглянем в мемуары и исследования историков, повествующие о событиях кровавого сентября 1919 года и вспомним о белом терроре.

Севернее линии сибирских казачьих станиц, в 120 верстах к западу от Петропавловска, располагалось зажиточное зауральское село Курейинское (Больше - Курейное), основанное в 1801 году (современный Макушинский район, Курганской области). Это был крупный населенный пункт на торговом тракте, расположенный между двух больших озер. Каменная церковь во имя святой Троицы была построена в 1899 году и была видна издали. Для воюющих сторон село представляло собой важный стратегический пункт.

К 9 сентября, в день, когда южнее развернулась Пресновская трагедия, к селу подошла 1-я бригада Пятой Пензенской дивизии под командованием Андрея Яковлевича Сазонтова (1894-1938).

Начальник штаба бригады Алексей Федорович Фёдоров пишет в воспоминаниях: «9 сентября 1919 года мы достигли большого, богатого села Курейинское. Получилось так, что там одновременно сошлись все три полка и штаб бригады с тылами. Желая разгрузить село, командир бригады решил два полка выдвинуть вперед, один полк расположить в деревне Шенеринской, находившейся к югу от нас за небольшим озером.

В тот же день 37-й и 39-й полки с бригадной артиллерией выступили вперед, хотя было уже довольно поздно. 38-й полк под командованием Т. О. Эрна расположился в Шенеринской (Мало-Курейное). В Курейнском остался только наш штаб со всеми своими подразделениями и тылами.

По обыкновению, мы заняли под штаб дом попа.

Хозяин наш, отец Павел, средних лет, цветущего здоровья, держал себя с достоинством, в разговоре старался показать большую начитанность. Выяснилось, что он бывший студент Московского университета, когда-то был сослан в Сибирь за участие в студенческих волнениях. Долго здесь не находил себе пристанища и случилось так, что влюбился в епархиалку, женился и по настоянию тестя стал попом.

— Как-то неловко сознаваться: студент-народник и вдруг — поп, — признался он, смущаясь и краснея. — Успокаиваю себя тем, что не я, так на моем месте был бы другой. Чувствую все же за собой какую-то вину, стараюсь искупить ее. Завел здесь вечернюю школу, провожу воскресные чтения, беседы...

Сазонов С.Я.

Попадья, моложавая, очень расторопная и веселая, встретила нас приветливо, радушно. Она оказалась толковой, сноровистой хозяйкой. В руках у нее все кипело. Ей помогали молодая, улыбчивая кухарка и две дочери.

Едва разместились по комнатам, не успели оглянуться, как уже был готов великолепный обед, с бульоном, горячими пирожками и бутылочкой «горькой».

За обедом завязался оживленный разговор. Хозяин оказался вятч, земляк Сазонтова, Ляпунова и, по крайней мере половины штабных командиров. И не удивительно — ведь штаб бригады формировался в Вятской губернии.

Выявилось немало общих знакомых. Пошли расспросы, рассказы об их судьбах, о том, кто вернулся с фронта, кто там погиб, кто женился, кто участвовал в Октябрьской революции...».

Тем временем, обстановка у Больше-Курейного становилась все тревожнее. Начальник штаба бригады А.Ф.Федоров искал возможности установить связь со своими полками и соседями. Лишь командир ближайшего

а

Неверовского полка был на связи и докладывал, что с юга подошли казачьи разъезды и начали обстрел деревни Мало Курейной.

Схема движения полков

Федорову удалось прорваться в Пеганово, где был штаб 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Там ему удалось узнать, что соседи отступают на село Лопатки, а красные части слева под ударами колчаковцев отошли еще 8 сентября.

При эвакуации штаба бригады священнику села было предложено эвакуироваться вместе с семьей штабной подводой. Но он ответил отказом, решив остаться вместе с прихожанами. 10 сентября прорвавшийся через казачьи заслоны к окруженным полкам командир бригады А. Я. Сазонтов немедленно созвал командиров полков и батальонов в Мартино, ознакомил их с создавшейся обстановкой. Было принято решение обойти Больше Курейное, используя в качестве проводников местных жителей. Офицеры Уральской дивизии всю ночь отмечали победу над красными в станице Пресновской. Уставшими были и рядовые бойцы, стоявшие на постое и размещенные по хатам.

Ранним утром красноармейцы незаметно вошли в Курейное. На колокольне установили пулеметы. Заняв другие выгодные позиции, бойцы атаковали сонных колчаковцев и в скоротечном бою нанесли большой урон гарнизону. Уральцы, едва проснувшись, выскакивали на улицу и попадали под пули. Генералу А.В. Круглевскому удалось спастись.

Прорвавшись почти без потерь, красные освободили триста красноармейцев, не задерживаясь, ушли на соединение с 26-й дивизией по Лопатинской дороге. Прорыв красных полков был неожиданным для белого командования. По приказанию генерала Круглевского казаки - оренбуржцы

а

начали творить расправу. Сельского священника вместе с женой и воспитанницей вывели в огород, заставили выкопать могилу и расстреляли

Храм в селе Курейное. фото О.А.Винокурова, 2007 год

.Одной из первых сожгли усадьбу священника, а затем стали поджигать дома крестьян с двух сторон села. Только Лопаревскому краю удалось немногим уцелеть, а Зыряновский и Кошкин края были сожжены практически дотла. Бабы с детьми бежали к озеру прятаться под лодками. В Зырянском краю пощадили только один пятистенник, потому что дочь хозяина дома была замужем за казаком на хуторе Железном.

Встречавшихся на улице людей хлестали плетью и расстреливали. Множество местных жителей, включая 12-ти летних детей, было убито прямо на улицах и во дворах своих домов, женщины и девушки предварительно были изнасилованы. Мародеры хватали крестьянское добро. Трупы стаскивали в овраг и кое-как засыпали.

*Выступление Олега Александровича Винокурова перед читателями
(г.Курган)*

Историк Олег Александрович Винокуров изучил все материалы, имеющие отношение к террору белых относительно мирного населения Больше-Курейного и близ лежащих деревень. Кроме архивных документов им были изучены материалы местного музея, содержащие воспоминания местных жителей. В грабежах и казнях принимали участие и казаки-сибиряки из обоза, мобилизованные в Пресновской и Новорыбинской станицах. Олег Винокуров пишет: «На сельские улицы ворвались распаленные кровью, жаждавшие отомстить за погибших товарищей казаки-оренбужцы и белые стрелки-уральцы. По свидетельству армейской контрразведки, они помнили, как местные жители приняли активное участие в нападениях на спавших солдат. Исходя из того, что стрельба ночью вспыхнула внутри села в районе церкви, а на линии выставленного сторожевого охранения было спокойно, начдив Круглевский решил, что в подвалах храма находилась красная засада. Естественно, что без помощи местных жителей, по мнению генерала, сделать это было не возможно. А потому, сдерживать своих жаждавших мщения солдат, начдив не стал. Ворвавшиеся в село стрелки 44-го Кустанайского полка, продвигаясь по улицам Зырянского края, стали поджигать подряд все избы. Первой зажгли избу Тимофея Попова, который успел спрятаться в канаве возле огорода. Затем стали поджигать дома один за другим приговаривая: «вот вам красные языки вместо красных воинов». Вскоре, с. Большекурейное охватило сплошное море огня.

44-й Кустанайский полк

Всего, по различным сведениям, сгорело от 80 до 300 домов и паровая мукомольная мельница. И хотя, по сообщению Ефимова, была сожжена лишь часть села, и только те дома, чьи хозяева участвовали в ночном нападении на белых солдат, очевидно, что в условиях ночного хаоса пострадало много невинных крестьян.

Особо досталось священнику. Он скрывался в доме в погребе, но был арестован. Все помнили, как именно с церковной колокольни и начали первыми вести огонь. Было решено, что красные скрывались в подвалах храма. И хотя батюшка это категорически отрицал, против него, были и личные показания

а

генерала Круглевского. По свидетельству Ефимова, последний прямо уличил батюшку в том, что тот подговаривал нападавших ни в коем случае не выпустить из рук именно его – начдива. Впрочем, по мнению самих жителей, например Е.И.Жиляковой, священник был не виновен. Когда его уводили, он плача сказал лично ей:

— Евгеньюшка, моей вины нет.

Его старшую дочь прямо на улице на скамейке били плетью два казака, но она не кричала, а только вздрагивала при каждом ударе. По результатам допросов, по приказу начдива, 20 жителей села, кто хоть в какой-то мере, был заподозрен в причастности к ночному нападению, были приговорены к расстрелу. Ночью, окруживши тесным кольцом, со штыками наперевес, их повели на берег озера у д. Малокурейное и расстреляли.

Уже позднее, родственники перевезли убитых в Большекурейное и похоронили на площади в общей братской могиле, вместе с расстрелянными у церкви пленными красноармейцами. По воспоминаниям Анастасии Федоровны Югатовой, еще одна братская могила была в поле у старого кладбища. В ней похоронили изнасилованных и застреленных тут же солдатами сельских женщин. В числе казненных в Малокурейном был 53-летний священник о. Николай Молчанов, его жена Анна Ивановна, сын, повариха и 18-летняя воспитанница Марина Мокиева... Обе дочери священника были изнасилованы и забраны в дивизионный обоз. Всего, по данным опубликованным в краеведческом сборнике “Очерки истории Курганской области”, в с. Большекурейном было убито 32 местных жителя».

Офицер Ижевской дивизии А.Г.Ефимов вспоминал:

«Столкновение Уральской группы с вновь появившимися силами красных потребовало усиления этой группы, и Ижевская дивизия в ночь 9-е сентября была двинута на помощь Уральцам.

Ефимов А.Г. Автор мемуаров

10-го сентября дивизия вступила в продолжительный и упорный бой с противником у деревень Большое и Малое Марино. У противника была

хорошая позиция с отличным обстрелом, и он не давал нам возможности продвигаться по открытому полю. Бой затянулся до темноты. На ночь дивизия была собрана в ближайший лес, где и заночевала. Противник был потрясен боем, и разведка выяснила, что, несмотря на кажущийся успех, красные около полуночи ушли со своей сильной позиции. Убит командир батареи Бабушкин.

11-го сентября утром перешли в с. Курейнское, занятое накануне 11-ой Уральской дивизией. На площади и на улицах разбросаны разные домашние вещи, земля покрыта пухом от подушек, часть домов сожжена. Здесь ночью спрятавшиеся красноармейцы и местные большевики порубили топорами 60 спящих Уральцев. В организации избиения участвовал священник, который подговорил нападавших не выпустить начальника дивизии ген. Круглевского. Последнему удалось вовремя выскочить и спастись.

Когда Уральцы справились с убийцами, пойманный и уличенный священник был по приказу ген. Круглевского расстрелян. Дома местных большевиков, участвовавших в ночном нападении, были разгромлены и некоторые сожжены.

После освобождения Петропавловска начштаба 1-й бригады А.Ф.Фёдоров отправился в академию продолжать учение.

«Я быстро собрался, сдал дела Ляпунову и 30 октября выехал на Курган. Наступили довольно холодные дни. Поехал через Курейнское с намерением посмотреть места недавних боев.

Испытывая сильное волнение, я подъезжал к Курейнскому. Вот уже издали видна церковь... В нетерпении подгоняю, подбадриваю возницу. Но что это такое? Нет села! На месте домов торчат печи с трубами и обугленные столбы. Выситя одна лишь каменная церковь и возле нее маленькая сторожка...

Кругом ни души.

Я сошел с тарантаса, заглянул в сторожку. Там натолкнулся на двух женщин в опорках на босу ногу, в кафтанах, обмазывавших глиной пазы. Одна старая, другая помоложе.

— Что тут случилось? Кто сжег село? Женщины переглянулись.

— Казаки. Кто же еще. А людей всех постреляли, — ответила старшая, в то время как другая принялась за свою работу... — Ночью прошли тут красные. Это месяца полтора-два назад. Много белых побили. Генерал ихний босой чуть убежал. Осерчал. Когда красные ушли, велел село сжечь, а людей всех побить. Казаки все столпили. Побитых всех стащили вон в тот овраг, кое-как засыпали.

— А где священник? Куда девался?

— Тоже убили, говорили, будто он прятал красных в церкви и ночью, дескать, выпустил, чтобы побить белых. Всех и закопали в огороде.

— А дочери где? Что с ними сделали?

— Дочерей обеих офицеры взяли. Слышно, возят с собой, измываются над ними. Ужас. Младшую, Олечку, недавно привозили. Ума лишилась, бедняжка. Худущая. Не ест, не пьет. То хохочет, то плачет, то кричит. Никого не узнает. Не спит, голубка, глаз не смыкает. Все мать зовет, отца.

— А куда ее повезли?

— Куда-то в сумасшедшую больницу. Куда — не сказали.

Уже смеркалось. Ночевать поехал в Шенеринскую, которая осталась нетронутой. Там подтвердили все, что слышал от женщин у сторожки, только с большими подробностями».

Таковы известные факты о терроре белых в этом районе, изложенные в мемуарах и воспоминаниях.

А что же генерал Круглевский, отдавший приказ расстреливать гражданское население, женщин и детей и семью православного священника? После падения белого Омска 15 ноября он был назначен командующим Уральской группой и участвовал в Великом Сибирском ледяном походе на восток. С остатками 11-й Уральской стрелковой дивизии оказался в Чите. С марта 1920 – начальник 1-й Сводной стрелковой дивизии Дальне-Восточной армии. Генерал Круглевский погиб в бою 20 ноября 1920 года на станции Даурия при отступлении Дальне-Восточной армии из Забайкалья в Маньчжурию. Сотник Евгений Красноусов вспоминал: «Через пылающую Даурию вышли на дорогу арьергарда измученных и голодных белых бойцов, отходивших от своей последней твердыни – Даурии».

Тело Круглевского вывезли в Харбин и похоронили в ограде церкви в честь Иверской иконы Божией Матери. Здесь же до 2006 года находилось захоронение В.О.Каппеля.

Награжденный восемью орденами за участие в Великой войне, Георгиевским оружием, имевший множество благодарностей от командования, генерал-майор Круглевский по прошествии сотни лет вспоминается жителями Курейнского как жестокий каратель, по приказу которого погибли мирные жители и сгорело некогда зажиточное село.

Храм во имя Иверской иконы Божьей Матери(Харбин, 1930-е годы)

Впрочем, генерал Круглевский лишь выполнял приказ вышестоящего начальника, изданный на следующий день после событий в Большекурейном

12 сентября 1919 года по 3-й Белой армии вышел приказ № 687 за подписью командующего армией генерала-лейтенанта Сахарова: « Дабы раз и навсегда покончить с подобным предательством избавить войска от тяжелых положений» приказ предписывал брать заложников из села и в случае предательства расстреливать их «В случае отказа от выдачи виновных расстреливать заложников или жителей через десятого. В случаях массового выступления жителей с оружием в руках против армии, такие населенные пункты немедленно окружать, всех жителей расстреливать , а самое селение уничтожать дотла». Опубликован Известия Петроградского Совета №276, 4 декабря 1919 года. Газета Красный набат [№268, 21 ноября 1919 г.](#)

Таким образом, обряд «децимации» – расстрел каждого десятого – получил свое продолжение, восстав из древнеримского небытия.

Что же у красных? «Мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния». Это не Гитлер, – это «демон революции» Троцкий (Бронштейн), сын мелкого землевладельца и городской мещанки...

Граница, разделившая поселки Горькой линии Петропавловского уезда и уезд Курганский, прошла после 11 сентября 1919 года прямо по душам их жителей, оставив в них незабываемые раны. Даже потомки расстрелянных не общаются с соседями бывших станиц – так глубоко пролегла кровавая межа...

Таковы были реалии гражданской войны, в которой не было и не могло быть победителей.

В ноябрьские дни 1919 года М.Волошин написал стихотворение, слова которого до сих пор имеют чрезвычайно важное значение для всех нас:

А я стою один меж них,
В ревущем пламени и дыме,
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...

Мемуаристы и историки

Федоров Алексей Федорович (1891 г.р. Уфимская губерния, полковник запаса, около тридцати лет прослужил в Советской армии, участник первой мировой. Гражданской и Великой Отечественной войн. Автор мемуаров).

Винокуров Олег Александрович (Москва), уроженец г.Кургана. Исследователь истории гражданской войны в Зауралье. Автор ряда книг.

Ефимов Авенир Геннадьевич (1888-1972), полковник белой армии, ветеран Ижевской дивизии. Книга воспоминаний вышла в США в 1975 году.

Сахаров Константин Вячеславович (1881-1941), генерал, командующий 3-й армией на Восточном фронте. Автор мемуаров «Белая Сибирь».

Сазонтов Андрей Яковлевич (1894-1938), комкор, начальник Управления военным строительством на Дальнем Востоке при СНК СССР. Награжден

а

двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, именным оружием, золотыми часами. Расстрелян. Реабилитирован 5 мая 1956 года.

Фотографию А.В.Круглевского найти не удалось.

Пресногорьковское «Братство»

Перед Великой войной (1914-1918) в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда усилиями трёх человек было создано благотворительное общество, названное ими «Братство».

Союз его основателей на первый взгляд может показаться странным – ссыльный народоволец, выпускник Казанского университета, Александр Петрович Шехтер, священник Василий Александрович Преображенский, сосланный под надзор полицейского управления и есаул, герой русско-японской войны, помощник атамана 1-го военного отдела Николай Павлович Кубрин. Они были глубоко образованными людьми с благородными целями – своими усилиями старались облегчить жизнь беднякам и дать возможность учиться ребятам из тёмной казачьей массы.

Главную роль, как мне представляется, в этой тройке играл священник. В «Омской епархии» (1914) читаем об этом: «Развитию деятельности братства много способствует местный приходской священник о. Василий Преображенский: ему одному оно обязано своим появлением и дальнейшим существованием. Отрадно видеть, что инициатива приходского священника нашла отклик среди грубого и невежественного деревенского населения. Надо думать, что нелегко далось это отцу Василию».

Аналогов подобных «Братству» мне не удалось обнаружить во всей огромной Омской епархии того времени. В её объемистом описании – более тысячи станиц – изданном в 1914 году, нет об этом никаких сведений. Важный, достаточно подробный источник – «Омские епархиальные ведомости» – также не выдали никакой информации... кроме сведений о пресногорьковском «Братстве».

Изда «Братства». Фото 1912 года. Архив автора.

Работа над несколькими источниками позволила мне получить общее представление о времени существования общества, формах и результатах его деятельности.

Официально братство, именуемое в документах «Пресногорьковской Богородице-Казанское», начало свою деятельность с 1 января 1911 года. Станичное правление выделило здание бывшей казачьей школы для нужд братства.

Священник Иван Голошубин писал в 1914 году: « При братстве ведутся общенародные беседы и чтения, имеется библиотека-читальня. Братство оказывает материальное вспомоществование бедным местного населения. Имеется «братская» школа, цель которой состояла в повторении курса начальной школы и проведении его в пределах программы двухклассного училища. ...имеется чайная, склад для продажи книг и писчебумажных принадлежностей. Братство засеивает несколько десятин пшеницы и в воскресные и праздничные дни в местном храме производится тарелочный сбор, какового за 1911 год поступило до 70 рублей. В братстве числится пожизненных членов (сделавших взнос более 2 рублей) и действительных (внесенных более 2 рублей) более 60 человек».

В сентябре 1913 года станицу посетил епископ Омский и Петропавловский о. Андроник, давший высокую оценку деятельности общества. Его секретарь записал:

"После благословения всех собравшихся, Владыка посетил священника, а затем и местное „Братство“, где ознакомился с ходом дела Братства, осмотрел библиотеку и пожелал процветания доброму делу. Войдя в экипаж, Владыка вновь стал поучать народ, прося беречь „ Братство“ и заботиться об умножении его членов».

В «Омских епархиальных ведомостях» в феврале 1917 года в заметке под названием «Пастырь добрый» обыватель писал: «Из ст. Пресногорьковской переведён в Ново – Омск священник о. Василий Преображенский. За свою семилетнюю службу в станице он зарекомендовал себя как истинный пастырь народа и как общественный деятель. Он был инициатором и учредителем Богородице-Казанского братства, которое снабжает станицу учебными пособиями и преследует благотворительные цели. В 1916 году оно кормило бедных. В нынешнюю войну оказывает посильную поддержку солдаткам. До открытия здесь высшего начального училища Братство имело школу, которая подготовила учеников в высшее начальное училище, и все ученики 4 класса являются воспитанниками братства. Братство не оставляет своих выучеников и сейчас, давая им стипендии: например в Курганской гимназии есть братская стипендиатка (будущий директор школы, выпускница курганской Александровской женской гимназии Татьяна Дмитриевна Меринова – примечание автора).. Преображенским было открыто кредитное товарищество, которое имеет паровую мельницу и наличный капитал. Им же учреждены: общество потребителей, которое имеет магазин и с/х общество, целью которого является снабжение населения с/х машинами на прокат, с/х общество имеет

показательное поле. о.Василий Преображенский во всех этих учреждениях принимал деятельное участие и состоял председателем.

Узнав о переводе своего пастыря, прихожане поднесли ему письменный прибор с надписью: «Священнику о. Василию Преображенскому от благодарных Пресногорьковичей». Общество потребителей, в благодарность за плодотворную деятельность вручило ему сто рублей на проезд. Рождественские праздники о. Василий провел со своими прихожанами. 15 января им была отслужена последняя литургия. Почти вся станица собралась в храме. Трогательно было прощание пастыря с пасомыми. Плакал священник, плакали и прихожане. После обедни священник уезжал. Масса народа провожала его. Многие поехали провожать версты за две, а о. дьякон, учащие высшего начального училища и следователи поехали провожать за 18 верст до ближайшего поселка (Камышловского – прим. автора). Станица лишилась главного импульса культурной и общественной жизни».

Многие годы я пытался найти более-менее полные свидетельства очевидцев о жизни на Горькой линии в дореволюционный период. Приходилось соединять в причудливый пазл обрывочные данные из различных источников – воспоминаний старожилов, сохранившихся документов, фотографий, очерков из старых газет и немногочисленных книг. Но лишь два источника дают довольно полное представление о той жизни.

Один из них – опубликованный в журнале «Урал» очерк Сергея Преображенского «О прожитом». В нём есть воспоминания о братстве. Он пишет об отце (орфография и стиль изложения сохранены): «Отец был организатором и почетным председателем Сообщества потребителей, Союза кооперативов и Кредитного товарищества. Но жалования от них не получал.. С помощью участкового ветеринарного врача А.П.Шехтера и заведующего станицей есаула Н.П.Кубрина было организовано культурно-благотворительное учреждение, так называемое «Братство». Оно существовало на членские и вступительные взносы, на пожертвования. На доходы от культурно-просветительских мероприятий и воскресников, проводимых в пользу «Братства». Помещение и охрана его были предоставлены станичным правлением бесплатно. При «Братстве» была неплохая по тому времени библиотека, созданной в основном из книг пожертвованных местной интеллигенцией, открыта народная столовая и магазин «Самопомощь» Магазин был открыт специально для ограждения от местных купцов и кулаков при покупке предметов первой необходимости.

По вечерам устраивали беседы. Чтения или лекции, сопровождаемые показом так называемых живых картин с помощью волшебного фонаря. Проводились концерты и спектакли. После них подавался чай с печеньем или халвой. Плату за чай вносили кто сколько может – от копеек до рубля. Во время воскресников засеивались и убирались до 20 гектар пшеницы, заготовки топлива, текущие ремонты и другие работы проводились станичным правлением. В 1911 году для голодающих бедняков была открыта бесплатная столовая».

Руководители общества большую роль сыграли в повышении образовательного уровня населения. Двухклассные – мужское и женское – училища были открыты в Пресногорьковской в 1861 году. Они располагались в домах, сдаваемых богатыми казаками в аренду станичному правлению. В них могли учиться лишь дети богатых казаков, способных оплатить затраты на обучение. С появлением «Братства» образовательный процесс принял более демократические формы.

В школе, организованной обществом, обучались 25 человек, в возрасте от 13 до 30 лет. Выпускники имели возможность продолжить обучение в средних учебных заведениях. Кроме общеобразовательных предметов учеников обучали рукоделию и счетоводству. Преподавали в школе представители местной интеллигенции совершенно бесплатно. Ученикам-сиротам оказывалась материальная помощь. Выпускники учились в Екатеринбурге (акушерская школа), Петуховском техническом училище, Омском сельхозинституте, училищах Кургана и Петропавловска.

Назрела настоятельная необходимость постройки нового здания школы, о которой говорил казакам в 1913 году епископ Андроник. «Узнавъ, что казаки не озаботились отводомъ надлежащихъ зданій для школь, Владыка пристыдилъ ихъ: „станица существуетъ давно, а вы, казаки, до сихъ поръ не думаете о томъ, чтобы детямъ вашимъ было удобно учиться. Стыдно и стыдно вамъ, казакамъ, темъ более, что многіе переселенцы опередили васъ,“ говорилъ Владыка”.

Об этом писали и в "Омской Епархии" в 1914 году:

«В станице предполагается высшее начальное училище Министерства народного просвещения, для какового казаки соглашаются выстроить здание и оказать своё содействие. Помощником атамана отдела (Н.П.Кубриним – прим. автора), возбуждено особое ходатайство об устройстве здесь ремесленной сельскохозяйственной мастерской с различными цехами» .

Двухэтажная школа была выстроена на Ярмарочной площади, недалеко от северной стены церкви. «Инициатором постройки средней школы в станице был мой отец. Школа была большая, двухэтажная, из брёвен на кирпичном фундаменте, с квартирой для инспектора (директора) с одной стороны и с квартирой для сторожа – с другой, с большим гимнастическим залом, физкабинетом, учительской, двумя теплыми туалетами и раздевалкой. Хорошо знаю из разговоров родителей, как изыскивались средства на её строительство. Писали обращения к влиятельным и богатым лицам с просьбой пожертвовать. Пишущих машинок тогда не было. Писала оригиналы моя мать, владеющая хорошим каллиграфическим почерком и размножала на шапирографе. Оригиналы посылались царю, в Министерство просвещения, князьям и губернаторам. С обращением к князю Трубецкому ездил местный ветврач А.П.Шехтер, как владеющий французским языком, поскольку прием у князя вёлся только на французском.

К омскому генерал-губернатору Сухомлинову ездил мой отец. Из канцелярии Его величества и министерства поступило всего по сто рублей. Князь Трубецкой откликнулся тремя тысячами, генерал-губернатор - пятью

тысячами. Хорошо откликнулось население станицы и ближайших поселков. Хорошо откликнулись Курганские купцы – братья Харламовы. Кузнецовы. Колокольник. Строительство школы обошлось в 28 тысяч рублей. Заготовленный лес вывезли из Боровлянского лесничества воскресниками (помочами). Так же вывезли кирпич и другие стройматериалы».

«Омские епархиальные ведомости писали об о. Василии: «Венцом его деятельности было открытие и постройка высшего начального училища. Если бы не о. Василий, долго бы здесь не было училища, а, будучи открытым, оно ютилось бы по квартирам. Благодаря его стараниям оно имеет теперь собственное просторное светлое двухэтажное здание» (в нём учился Габит Мусрепов, известный казахский писатель, Баймагамбет Зтулин - поэт. Здание сгорело в 1959 г. – прим. автора).

Габит Мусрепов вспоминал о своём учении (1917-1921): "Четыре года в Пресногорьковской школе. Я еще застал - перед началом уроков все ученики, независимо от вероисповедания, выстраивались в актовом зале на молитву. Впереди в нарядной шелковой рясе стоял преподаватель закона Божьего - священник Малиновский (так у Г.М., на самом деле такого священника в Пресногорьковской на служении никогда не было – был Преображенский)... От сильного баса священника , если он бывал у ударе, дребезжали стекла... В школе думали и о нашем земном будущем, а не только о высоких материях. Желавшие могли обучиться столярному ремеслу, сапожному. были свои каменщики, свои швеи" (Автобиографический рассказ).

Судьба основателей «Братства» глубоко трагична.

О.Василий Александрович Преображенский (1878, Вологодская губерния-1921, с. Пресногорьковская) и колчаковский генерал, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизии Николай Павлович Кубрин (1874,ст. Пресногорьковская – 1921 , Архангельская внутренняя тюрьма) будут казнены весной 1921 года. Дома в Пресногорьковке не сохранились. От дома Кубрина осталась одна стена.

Александр Петрович Шехтер (1860, Одесса – 1923 год, умер от инфаркта в Пресногорьковке). Он был женат на сестре Кубрина Анне Павловне, не пережившей ареста брата и скончавшейся в 1920 году. Дом, построенный им в начале прошлого века, ныне сохранился в ста метрах от церкви. Мне удалось долгие годы поддерживать связь с их потомками. Они были расстреляны, оболганы и забыты. Но дело, ими начатое продолжили ученики – из дверей построенной ими школы вышли многие поколения добрых и светлых людей.

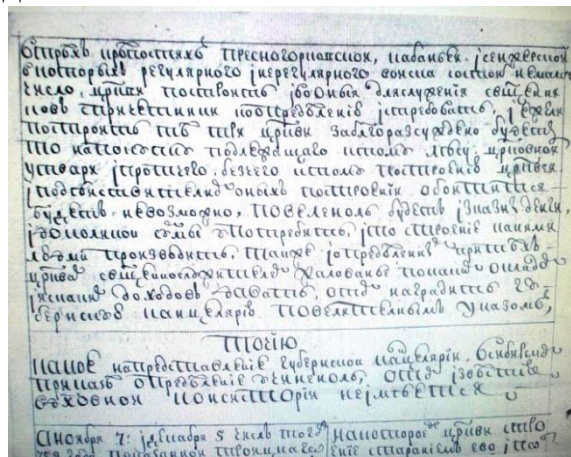
Я написал о них в своих книгах и очерках с целью сохранения памяти для будущих поколений.

О церкви в селе Пресногорьковка Узункольского района

Я многие годы занимался изучением истории храма в селе Пресногорьковка. В результате работы с документами и благодаря памяти

старожилов удалось по крупицам восстановить историю храма и его священников

Возведение укреплений Новоишимской линии, протянувшейся от Тобола до Иртыша, началось в июне 1752 года. В Пресногорьковской крепости тогда была построена небольшая часовня, в которой служил полковой священник. В 1759 году начальник Тобольской линии командир Троицкого драгунского полка полковник Алексей Бехтеев сообщал, что в девятнадцати гарнизонах нет ни одной церкви и просил командира Степного корпуса генерала Шпрингера помочь в постройке церквей в трех крепостях – Пресногорьковской, Кабаньей и Сенжарской. «По всей же Тобольской линии имеется только одна, в полку Троицком, полковая церковь, при которой полковой священник один же при штабе в Пресногорьковской крепости находится». Основанием для просьбы послужила большая удаленность слобод и деревень от новозаложенной линии и рост населения в самих укреплениях. Драгуны, ушедшие в отставку, селились рядом с крепостями и редутами в слободах и обзаводились семьями. Выписные казаки вынуждены были привозить семьи из ранее обжитых мест на Исети и северных слобод. За дальностью расстояний и отсутствием священника, который вынужден был часто отлучаться в командировки по линии, поэтому «многие люди умирают без покаяния и погребаются без священника». Об этом пишет 13 августа 1765 года и генерал Шпрингер в Тобольскую духовную консисторию митрополиту Павлу: «...полковой священник для церковных треб недели по две и по три по всем тамошним крепостям и редутам отлучается, то между тем, как рождающиеся младенцы без крещения и молитвы долговременно пребывают, а другие по болезням и умирают, так и для исповеди и погребения умерших. Пресногорьковские жители по неимению вблизи церквей Божиих и отверженными себя находят».

Документ из ТФ ГАТО

Жители крепостей Пресногорьковской, Кабаньей, Пресновской и редутов Пещаного и Пресногорьковского собрали подписи под прошением генерал-майору Петру Андреевичу Девицу о скорейшем начале строительства церкви Божией во имя Чудотворца Николая, за незнанием грамоте руку под

прошением приложили в Пресногорьковской отставной квартирмейстер Григорей Малышев и казачий атаман Василей Савин, в крепости Кабаньей отставного драгуна сын Кирилла Пенков, в редуте Пресногорьковском отставной ротный квартирмейстер Василей Казанин, в редуте Пещаном отставного драгуна сын Михайло Дедов.

После получения благословения от владыки, начались переговоры со строителями. Возводить храм взялись подрядчики из Царевой слободы (ныне г. Курган). Руководил проектом протопресвитер Иосиф Антонов.

Однако не все получилось так гладко, как это выглядело на пожелтевших от времени листах старинных документов. В 1765 году генерал Иван Шпрингер, объехав всю линию, задумал грандиозный проект перестройки ряда крепостей. Четырехугольные крепости Пресногорьковскую, Кабанью, Пресновскую, Покровскую, Лебяжью, Полуденную было решено перестроить и значительно усилить, обнеся их глубокими валами и рвами. Вокруг крепостей планировалось построить рогатки и надолбы. Проект был одинаков для всех названных крепостей и в итоге представлял собой распластанную шестиконечную звезду, в основании которой был все тот же четырехугольник. Церкви и часовни было решено строить в центре крепости. В Пресногорьковской часовня, в которой служили полковые священники, располагалась у восточного деревянного заплота (в районе современной площади у аптеки). После решения о начале переноса крепости строительство церкви было отнесено на неопределенное время, хотя лес для постройки уже был завезен.

Все это время шла постоянная переписка между Тобольской духовной консисторией, штабом Сибирского корпуса в Омске, Ялуторовской канцелярией, Царевогородищенской канцелярией, комендантами Пресногорьковской крепости Михайло Зайцовым и сменившим его Ерофеем Дегарригой. Умершего Шпрингера сменил на посту генерал Станиславский, а затем Иван Александрович Деколонг.

19 декабря 1768 года в Пресногорьковскую назначен для служения священник Герасим Родионов. Церковные требы он исполнял в оставшейся от Троицкого полка «построенной полковыми служителями древяной на все подобия (яко то паперть, трапеза с печью, церковь и олтарь) часовне, в коей всей того Троицкого полку полковая церковь в зимнее время была с иконостасом и святым престолом».

В августе 1769 года священник получил распоряжение Ялуторовского духовного правления не производить «свенчания браков», а всех желающих направлять в Утяцкую слободу и Низ-Чернавское село (ныне населенные пункты в Курганской области, РФ).

11 сентября 1770 года из крепости Пресногорьковской в Тобольную духовную консисторию был отправлен Пресногорьковской командантской канцелярией «покорный репорт». В нем комендант Михайла Зайцов пишет, что по Табольной дистанции «довольное число отставных в заселении, между

коими случаетца доволное число свадеб, поэтому существует необходимость венчать в часовне бывшего Троицкого полка «сделанной наподобие церкви».

К осени 1770 года все было готово для начала строительства и генерал Шпрингер в промемории в Тобольск 25 сентября просит дать «благословенную грамоту заказчику протопопу Федорову».

После кончины генерала 11 февраля 1771 года возник вопрос о судьбе часовни. Заказчик, священник Андрей Топорков, пишет 2 апреля 1772 года из Ялуторовска епископу Тобольскому и сибирскому Варлааму в ответ на вопрос о переносе часовни из Пресногорьковской в Пресновскую: «камендант Михайла Зайцов словясно ему, священнику Родионову, объявлял яко б по представлению его от главной их команды тое часовню перевести той же Тобольской линии в Пресновскую крепость, на церковь же, а вместо тое в Пресногорьковской крепости вновь строить велено церковь и о заложении де той новой церкви повеление есть омскому протопопу Петру Федорову, токмо де еще не обложена».

Оказалось, что покойным генерал-поручиком Шпрингером была наложена резолюция «чтоб оную часовню из Пресногорьковской в Пресновскую перенести, ежели пресногорьковский комендант согласится и той часовне в Пресногорьковской крепости быть надобности нет, и если Пресновской крепости жители за ту часовню заплату учинят». Не совсем понятна судьба часовни, была она увезена или нет – неясно. А вот церковь все же была построена в самом центре земляной крепости.

5 января 1774 года комендант Пресногорьковской крепости майор Ерофей Дегаррига написал нижайшее доношение епископу Варлааму: «По грамоте вашего преосвященства заложенная в крепости Пресногорьковской Омского заказа протопопом Петром Федоровым прошлого 772 года, июля 20 дня вновь Николаевская церковь строением окончена и вней иконостас новый сделан, и святые образа написаны, двои сосуды, одни серебряные, другие оловяные, воздухи, покровцы, на престольная, также священническая одежды, книги и прочая церковная утварь вся к освящению приготовлена. Того ради Пресногорьковская камендантская канцелярия нижайше просит оную вновь построенную Николаевскую церковь освятить святым антимином, и для того освящения прислать протоиерея со священники из ближней к здешней крепости мест...».

5 июля 1774 года в Пресногорьковскую был привезен ящик с печатью (святой антиминос) Тобольской духовной консистории, подписанный на имя Ялуторовского заказчика протопопа Григория Мухина. Из Низ-чернавского села для освящения церкви прибыли священник Алексей Серебренников и диакон Дмитрий Ивонин. 21 июля священник Герасим Родионов написал рапорт в Тобольск, что «вновь построенная в крепости Пресногорьковской во имя святителя Христова Николая Чудотворца церковь по благословенной Вашего преосвященства грамоте, святым антимином по чиноположению церковному соборне июля 5 числа освящена. И по освящении в ней священнослужение происходит».

Так непросто и нескоро складывалась история постройки деревянной церкви в Пресногорьковке, простояла она недолго и в 1798 году сгорела. В 1801-1805 годах на месте пожарища был построен каменный храм во имя Казанской Божией Матери.

Ветшание и подверженность пожарам храмов стало поводом для принятия в 1801 году указа Священного Синода о строительстве исключительно каменных церквей. За четыре года в Пресногорьковской было возведено грандиозное для этой местности, учитывая малочисленность населения края, сооружение. Её строили мастера, возводившие храмы по Исети. Они привнесли в строительство украинские, среднерусские и северорусские мотивы, которые сложились в новый архитектурный стиль – Сибирское барокко. Обычно подрядчиков строительства находили на открытых торгах. Работа по изготовлению кирпича производилась из своего материала своими рабочими. Сами прихожане добровольно участвовали в строительстве. Для жжения извести и обжига кирпича требовалось огромное количество дров, для этого пилили окрестные леса и доставляли дрова в крепость. Бутовый камень под фундамент подвозился за сотни километров. Имена «работных людей» остались неизвестными.

Каменная церковь «имела два придела – во имя святого Николая Чудотворца и Казанской Божьей Матери, летний и зимний, была обнесена деревянным забором». Здание построили на самом высоком и сухом месте крепости. Раствор использовали особый – говорят, с добавлением яичного белка. В большие праздники приходили на службу жители окрестных поселков. Особенно много народа собиралось на праздники Покрова Пресвятой Богородицы – 14 октября и Святого Николая Угодника, «Николу Зимнего» – 19 декабря (н.ст.). По описанию от 1900 года « престолов в церкви два – в главной Холодной, во имя Казанской Божией матери, и в Теплой – во имя Святителя и Чудотворца Николая, каменная, построена в 1805 году на средства прихожан, прочна, но требует ремонта, в летнее время, когда открывается храм холодный – поместительна, в зимнее время, когда закрывается холодный – малопоместительна. Местночтимая икона Святой Марии Параскевы. Крестных ходов в станице совершается два – первый в девяную пятницу после Пасхи, а второй 8 июля установлен в память прекращения заразной болезни на людей и скот. Приписные деревни на расстоянии от церкви от 12 до 25 верст. Сообщение удобное. В приходе часовен две – в поселках Камышловском и Пресногорьковском. Богослужения в них совершаются во дни Великого Поста для голодающих и во время крестных ходов по приглашению прихожан. Дом для священника церковный, по своей ветхости требует перестройки, а у псаломщика собственный дом. На притч земли положено пахотной, сенокосной. Лесной, удобной, притч пользуется землей беспрепятственно.

Жалование положено от казны: священнику 140 рублей, псаломщику 36 рублей Капитал церкви 3858 рублей, капитал притча 450 рублей. Дохода в братскую кружку бывает до 600 рублей. притч пользуется доходом с участка

вдовы войскового старшины Марии Кизиной (152 десятины). В приходе мужского пола 2560 душ, женского 1537. Раскольников в приходе нет.

По штату положено быть в приходе священнику, дьякону, псаломщику. Священник Яков Николаевич Киселев, 35 лет, студент Тобольской духовной семинарии, служит в сем приходе с 30 декабря 1890, имеет набедренник, родился в Ново - Никольском Петропавловского уезда (в метрической книге церкви запись: 5 декабря 1901 года, священник Тарского уезда Яков Николаев сын Киселев скончался в возрасте 39 лет от крупозного воспаления легких, исповедал священник Александр Соколов, освидетельствовал медфельдшер ветеринарный врач 7 участка А.П.Шехтер, похоронен в церковной ограде)». В апреле 1901 года Киселев за полезную и усердную службу награжден фиолетовой скуфией.

Для священника был построен деревянный дом. И.Голошубин пишет: «Прихожане плохо заботятся о содержании храма и с трудом дают на его отопление, а от постройки дома для псаломщика совсем уклоняются. Зажиточные из прихожан засевают разным хлебом до 30 десятин, средние – до 10 десятин, бедные 2-3 десятины. В приходе разводят много табаку – сбывают его на местных ярмарках. Имеется два маслодельных завода. В станице имеется кожевенный завод и два кирпичных сарая. Озер много и все они богаты карасями, по цене последние нередко равняются стоимости мяса. Причта по штату положено: священник, дьякон и псаломщик».

Церковно-приходское попечительство при станице в августе 1902 года было утверждено в составе: урядники Репин, Успенъев, Полозов, казак Тимофеев, крестьяне Емельянов и Иванов. Церковными старостами были крестьянин Павел Мальцев (май 1900), казак Петр Лученинов (с февраля 1905), казак Василий Новгородцев (октябрь 1911).

В 1913 году в Пресногорьковской побывал Епископ Омский Андроник. Его секретарь писал:

«19 сентября, 9 часов утра, станица Пресногорьковская.

Храмъ каменный, съ стариннымъ иконостасомъ По середине средней части храма проходить поперекъ глухая стена съ небольшой дверью. Отъ этого храмъ и тесень и неудовлетворителенъ по плану. Только те, коимъ удалось стать за стену къ иконостасу, могутъ видеть священнодействія, остальные же хотя и присутствуютъ въ храме, не только лишены возможности услаждаться богослужениемъ и священнодѣйствіями, но даже плохо разбираютъ чтение и пеніе.

Это храмъ летній, въ честь Казанской Божій Матери. Къ летнему храму прилегаеть и зимній, имеющій одну стену, общую съ летнимъ. Этотъ храмъ тоже небольшой, но открытый, безъ перегородокъ. Встречали Владыку благочинный свящ. о. Булгаковъ и местный свящ. о. Василий Преображенскій. Въ станице две школы, обе казачьи: мужская и женская. Дети отвечали порядочно. Ответы мальчиковъ были лучше. Девочки одеты въ однообразную форму: коричневое, платье съ белыми фартучками и накидками или пелеринками. У детей незаметно робости, отчего и ответы были смелы.

Узнавъ, что казаки не озаботились отводомъ надлежащихъ зданій для школь, Владыка пристыдилъ ихъ: „станица существуетъ давно, а вы, казаки, до сихъ поръ не думаете о томъ, чтобы детямъ вашимъ было удобно учиться. Стыдно и стыдно вамъ, казакамъ, темъ более, что многіе переселенцы опередили васъ," говорилъ Владыка.

Летний алтарь. Г.Е.Катанев.1896 год

После благословенія всехъ собравшихся, Владыка посетилъ священника, а затемъ и местное „Братство" где ознакомился съ ходомъ дела Братства, осмотрелъ библіотеку и пожелалъ процветанія доброму делу. Войдя въ экипажъ, Владыка вновь сталъ поучать народъ, прося беречь „ Братство“ и заботиться объ умноженіи его членовъ.

Заметимъ кстати, что обычно навстречу Владыки народъ высылалъ верховыхъ встречныхъ, а потомъ провожатыхъ. Пресногорьковцы выслали первыхъ лишь за несколько саженой до станицы, а о последнихъ и не подумали. Очевидно, казаки поотстали отъ благочестія и хромаютъ въ этомъ отношеніи порядочно. Очевидно, трудно и старательному местному священнику „пронять" казака».

Владыка Андроникъ сказалъ прихожанамъ в стѣнахъ храма:

« Видимся мы с вами не часто, а и теперь вас собралось маловато. Значит, вообще вы ленитесь посещать храм. Если же вы таковы, то где дети ваши увидятъ добрый примеръ? Смотрите, чтобы дети ваши не пошли еще хуже и не запечатали бы храм. Крестъ Христовъ вы носите, а христіанскую жизнь не показываете. Такъ жить нельзя. Такая жизнь походитъ на то, какъ если бы казакъ наделъ военные доспехи, а при нападении непріятели струсилъ и побегалъ. Вы называетесь христіанами, а грехи одолеваютъ, и вы малодушествуете, вместо того чтобы благочестіемъ искупить ихъ и к благочестію и детей приучить. В

а

старину добрая мать, едва только ребенок начинает лепетать, вкладывала в его сердце святое, рассказывая ему о житиях святых.

Зимний алтарь. Н.Г.Катанев.1909 год.

А теперь? Теперь дети только и знают то, что учат в школе, да и это, по нерадивости родителей, забывают за лето. У вас, например, две школы, но вы плохо заботитесь о них и детей начинаете учить поздно, даже с двенадцати лет. Какая уж тут забота, где тут говорить об усердии? Кроме этого, до меня дошли слухи, что вы не хотите отапливать храм. Если это так будет, то знайте: храм ваш будет закрыт, вы будете приписаны к другому приходу, и Господь вам не простит этого — Он тогда накажет вас... Подумайте о том, что жизнь наша начинается в храме в Таинстве крещения и здесь же оканчивается, когда нас приносят за молитвой на вечное упокоение».

Речь епископа была пророческой — храм закрыли, всё имущество конфисковали, репрессировали священнослужителей. Дважды разбирали колокольню.

В 1923 году имущество, ценные вещи храма были описаны комиссией во главе с Ф.Н.Церахто. В описи от 24 мая 1923 года значатся: церковь каменная с оградой, занесенной железной решеткой на каменном фундаменте, колоколов 7 (вес: первого 125 пудов 29 фунтов, второго — 70 пудов, третьего — 25 пудов, четвертого — 20 пудов, пятого — 7 пудов, шестого — 5 пудов, седьмого — 1 пуд). Среди утвари упоминаются почему-то не экспроприированные комсомольцами два серебряных сосуда и два креста, а также 13 больших икон и 40 маленьких «разного вида деревянных». Некогда богатейшая церковь была разграблена вчистую, отобрали даже испорченные часы. Долгое время ходили слухи, что церковные ценности были спрятаны в потайной подвальной комнате, где их до сего дня не нашли. Но их не нашли и строители, вскрывавшие пол во время реставрации в 2005 году.

В 1935 году храм был закрыт по решению схода селян и превращен в склад для хранения зерна. Им засыпали всю церковь, а весной обнаружили нехватку зерна. Был арестован сторож и посажен в КПЗ. Оказалось, что пол не выдержал веса, и часть зерна стекла в подвалы, которые существовали до войны, в них обучали военному делу (впоследствии их засыпали). Существует версия о подземном ходе, ведущем за пределы крепости, начало которому в подвалах. Однако, ни при строительстве школы в конце семидесятых годов, ни при постройке водопровода никаких следов его обнаружено не было. Кладбище и церковь были обнесены забором (кирпичная невысокая кладка и по ней кованый железный забор – его остатки в конце века у домов Т.Л.Канахиной и Л.Шороховой, в 2010 году ограда установлена у дома на ул. Береговой). Еще в 90-е годы остатки чугунных могильных надгробий, расколотых надвое, валялись по селу. Сами следы кладбища стерты. В 40-е годы колокольня была разобрана для строительства МТС, она была выше оставшейся части (17м) и имела остроконечный купол. До сих пор стоят стены МТС из старинного кирпича с непонятным клеймом, практически не осталось очевидцев строительства мастерской в середине 30-х годов.

Из воспоминаний Ю.Ф.Ермолаева (род. в 1926 году): « На центральной площади стоял Никольский храм. Прекрасное архитектурное сооружение с двумя колокольнями – Большой и Малой. Со всех четырех сторон Большой колокольни висели колокола. На северной – самый большой (он долго валялся в церковной ограде, на нем была надпись гласившая, что его отлили в 1678 году), на восточной – два поменьше, на южной – четыре еще меньшего размера и на западной – восемь самых маленьких.

Вторая колокольня пониже первой и находилась в восточной части храма. Церковь была побелена. Кровля покрыта жестью и блестела как новая. Все сооружение было обсажено тополями, которые к нашим дням стали могучими столетними богатырями. Внутри ограды было несколько захоронений, накрытые мраморными плитами, надписи на которых не помню. В ограду было два входа ворот с арками с запада и востока.

Весной 1935 года начали разбирать церковь. Из окон школы мы смотрели, как снимали с колоколен кресты, сбрасывали колокола. Миру было возле церкви уйма, половина Пресногорьковки сбежалось глазеть на это зрелище, но милиция близко никого не подпускала, кроме рабочих, которые крушили это прекрасное строение. Ломка поддавалась с трудом, так как кладка была добротная на хорошем растворе. И кирпич и раствор ломался только со звоном, ломали долго».

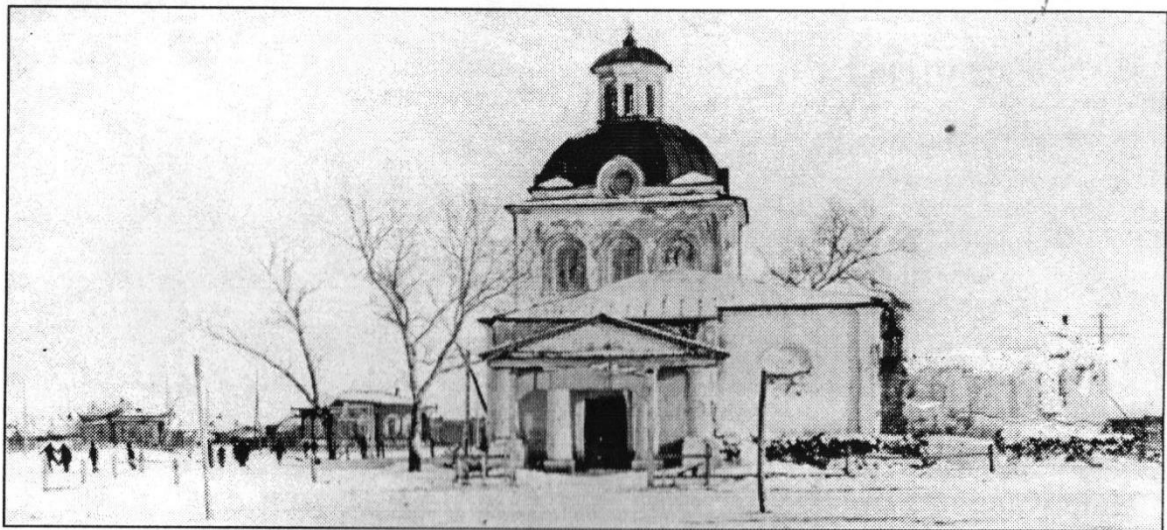
Из воспоминаний И.С.Горшкова (умер в 1994 г. в возрасте 86 лет):

«Церковь разрушали в 1931-32 годах. Сбрасывали колокола, снимали кресты, растаскивали все, что было внутри, после был клуб с пожарной частью, к тому времени не было ни окон, ни дверей, ни полов. Вид с улицы был очень красивым, когда она работала. Двери, железная ограда, высокие тополя. У стен на кладбище было три памятника..».

«Церковь украшали все жители, дарили, кто что мог, колокол в 64 пуда подарила вдова офицера Едрилова. Дарили ковры, скатерти. В субботу и перед праздниками девушки ходили мыть пол, ребята носили воду. Украшали церковь садовыми и полевыми цветами, зимой бумажными венками и букетами. Нам, детворе, разрешали подниматься на колокольню, но колокола запрещали трогать. Их было 4 на все стороны света. Сторож жил рядом в сторожке. Иконы были переданы в Петропавловский музей» (Демченко М.Я. 85 лет).

«Специалистом по погрому церквей был некто Давыдыч, житель села Камышловки, он сбросил кресты с Камышловской церкви, колокола с Пресногорьковской и Пресновской церквей, был большой любитель выпить и избить до полусмерти человека» (Лавринов Н.Г.). Этот погромщик храмов в конце концов свалился с купола и разбился насмерть.

С южной стороны была сделана пристройка для сцены Дома культуры. На втором этаже настелили пол, открыли районную библиотеку. С 1957 по 1983 годы здание использовалось как пожарная часть. К этому времени разобрали колонны центрального входа, вырубали ворота для выезда пожарных машин, засыпали подвалы, выкопали ямы для осмотра машин, забетонировали подвал для воды. В мощных двухстворчатых дверях, через которые прошло несколько поколений станичников, проделали дыру для трубы – качали воду в пожарные машины. В алтаре поставили электродвигатели.

Свято-Никольский храм - церковь в станице Пресногорьковской. Снимок 1956 года.

Начало восстановлению храма положил уроженец Пресногорьковской Николай Владимирович Коляда (род. в 1957 г.), известный в России и за рубежом писатель и драматург.

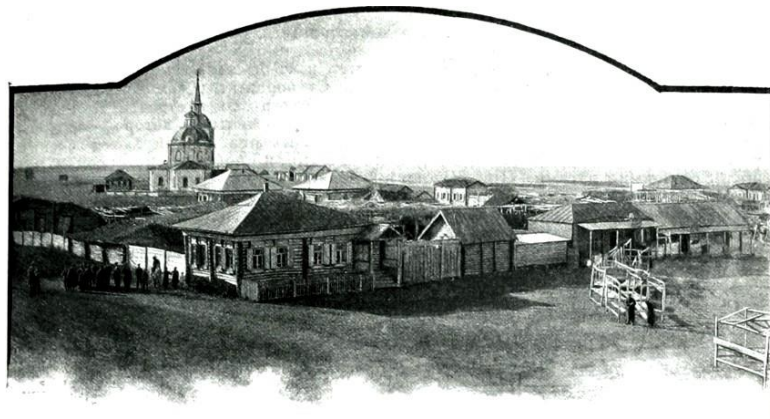
6 ноября 1990 года по его инициативе и поддержке председателя сельского Совета Виниченко Н.Д. для освящения храма был приглашен о. Виктор (Петров), настоятель Космо – Демьянской церкви г. Кустаная. Церковь освятили при большом стечении народа в сильную пургу. К лету 2005 года

а

храм был восстановлен. Вновь грянул над станицей колокольный звон единственного сохранившегося колокола.

Известны лишь четыре фотографии храма в Пресногорьковке дореволюционного периода.

Первая сделана в конце девятнадцатого века Э.Ярженовским и помещена в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Спб.1903». Съемка сделана с пожарной каланчи станичного правления и дает общий план расположения церкви с восточной стороны.

Станица Пресногорьковская. (По фот. Э. А. Ярженовского).

1903 год

Еще одно фото сделано с восточной стороны известным историком Г.Е. Катанаевым в 1896 году, храм на ней обнесен деревянной оградой.

Автор Г.Е.Катанаев.1896 год

а

Третья фотография принадлежит сотнику Н.Г.Катанаеву (1909 год), снимок сделан весной в яркую, солнечную погоду с запада, со стороны нынешнего стадиона.

Автор Н.Г. Катанаев. 1909 год.

Четвёртая фотография – с северной стороны, в период с 1909 по 1911 год, предположительно Анной Христофоровной Преображенской, которая увлекалась фотографией (личный архив Преображенских, г. Москва, передан в Пресногорьковку драматургом Н.В.Колядой).

Автор А.Х.Преображенская. 1910 год.

а

У стен храма с восточной стороны располагался церковный погост, формировавшийся более века.

Изученные метрические книги (1805, 1829, 1830-31, 1835, 1881-1903, 1913 гг. Раздел «Умершие») дали много интересного, но не ответили на вопрос – когда появились первые захоронения у каменной церкви и кто «имел право» быть похороненным именно здесь. В 1805 году храм был освящен и священник Василий Серебряников записал в графе «с покаянием или без оногo» - «со отпеванием погребена». Только в этом году «в полковом приходе померло мужеска пола 38, женскаго 37, обоего 75 человек».

В последующие годы священники писали: «на приходском кладбище», «на отведенном кладбище», а в 1913 году о. Василий Преображенский отмечал – «на местных кладбищах».

Место церковного погоста. У левого окна могила генерала Нарбута

Приход был велик пока в соседних сёлах не были построены церкви и молитвенные дома. В метрических книгах XIX века встречаются названия станиц и переселенческих сёл Петропавловского уезда: Кабанья, Камышловская, Починная, Песчаная, Крутоярская, Пресноредутская, Богоявленская, Алабужская, Башкирское, Воскресенское, Хлупово, Пищальное, Половинное, Чащевитая, Макарьевское, Казанское, Евгеньевка, Пилкино.

Так, в МК от 1901 года 3 ноября отмечено отпевание моей прабабушки Екатерины Васильевны, умершей от воспаления лёгких в возрасте 46 лет. Прадед Руф Григорьевич Винниченко похоронил её в Макарьевке, за полста верст от места отпевания.

По воспоминаниям старожилов захоронения были накрыты чугунными плитами каслинского литья разных размеров. Стояли три памятника. Как выглядели и кому были поставлены памятники – мне установить не удалось. Разбитые после погрома церкви чугунные плиты долгое время валялись по огородам и использовались в быту. Сам погост был утрачен – по нему пролегла дорога.

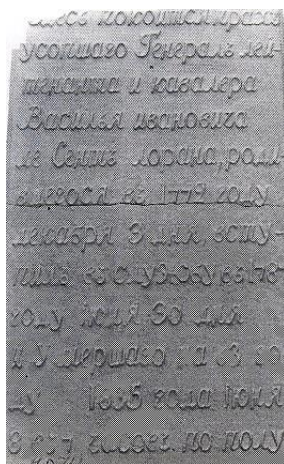
Одна из плит, расколота надвое, в 1972 году была передана в Кустанайский областной краеведческий музей ветераном войны Трофимом Ефимовичем Чирковым (1916 - 1975). Под ней был захоронен генерал де Сент-Лоран.

О передаче плиты свидетельствует документ – письмо ветерану, подписанное директором музея. Плитой и личностью похороненного заинтересовался доктор исторических наук М.О.Абсеметов (Астана). В декабре 2020 года работники музея по его просьбе перерыли все фонды, но плиту так и не обнаружили. Возможно, она была утеряна во время нескольких переездов музея из одного здания в другие, либо утрачена с обычной формулировкой: «не представляет исторической ценности». В лучшем случае плита пылится где-то в тёмных запасниках музея, в худшем – сдана на металл.

Личность де Сент-Лорана, прах которого до сего времени покоится в церковной ограде, весьма примечательна.

Он служил начальником Омского областного управления и был дивизионным командиром. На плите хорошо читался текст «здесь покоится прах усопшаго генерал – лейтенанта и кавалера Василья Ивановича де Сент – Лорана, родившегося в 1772 году декабря 3 дня, вступил в службу в 1787 году июня 30 дня и умершаго на 63 году 1835 года июня 8 в 7 часов пополудни». Странно, что запись об отпевании и погребении в метрической книге Богородице-Казанской церкви за 1835 год отсутствует. Ближайших храмов, кроме церкви станицы Пресновской, не было. Даже если генерала отпели в дороге, запись о смерти должна существовать. Вряд ли тот, кто изготовил плиту, перепутал год смерти генерала, хотя кто знает?

Просмотрел метрики ближайших к дате лет. И ничего...

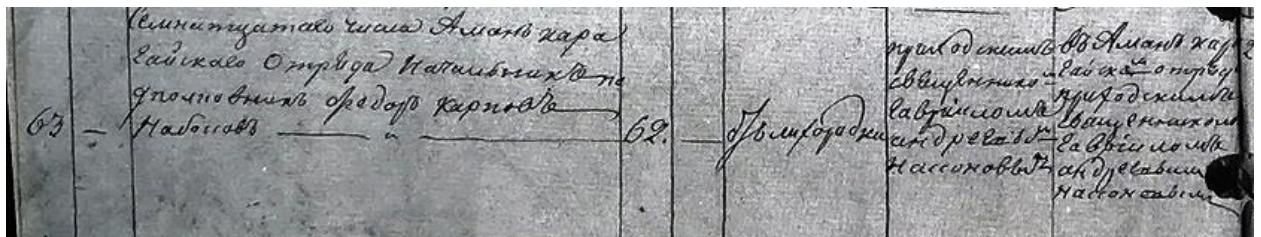
Плита на могиле В.И.Де-Сент-Лорана

О генерале известно, что в 1815-16 годах он служил командиром Пензенского пехотного полка. 4 января 1827 года вступил в должность начальника огромной Омской области. При назначении, будучи старым воякой суворовской выучки, он заявил императору, что «в делах административных и гражданских не сведущ». Однако назначение все же состоялось. В Омске,

а

тогдашней столице Сибири, генерал стремился приблизить к себе опытных чиновников, в том числе ссыльного декабриста С.М.Семенова. Де Сент-Лорану, плохо знающему степные обычаи и традиции казахского народа, приходилось часто бывать во внешних округах, устанавливая личные доверительные связи с богатыми султанами. Его стараниями 9 марта 1833 года по решению Сибирского комитета были открыты два внешних округа: Баян-Аульский и Уч-Булакский, а 29 мая 1834 года – Аман-Карагайский. Эти действия вызвали сопротивление казахских родов – на де Сент-Лорана пришла бумага в Петербург, что престарелый генерал не справляется с делами и неплохо бы вместо него назначить председателя областного правления И.Д.Талызина. Во время «обозрения внешних округов» В.И. де Сент-Лоран простудился и умер. Семья после его кончины оказалась «в сильно стесненных обстоятельствах». Декабрист Розен, отбывавший ссылку в Кургане, пишет о встрече с дочерью и вдовой умершего генерала, и характеризует их превосходно. Существует по крайней мере два источника, свидетельствующие о нахождении могилы генерала именно в станице Пресногорьковской: об этом сказано в Путеводителе по Пресно - Горькой линии (1891 год) и в 18 томе под редакцией П.Семенова-Тян-Шанского «Россия. Полное собрание нашего Отечества. Киргизский край», изданном в Петербурге в 1903 году. В путеводителе о храме сказано: «Одна из лучших церквей во всём войске, как по изяществу архитектуры иконостасов, так и по богатству риз. Средствами общества в церкви водружена икона работы Хлебникова в память чудесного события 17 октября 1888 года» (речь идёт о спасении императорской семьи во время крушения поезда – прим. С.В). Правнучка Сент Лорана вышла замуж за известного этнографа и собирателя былин Петра Николаевича Рыбникова (1831-1885).

Отдельно стоит сказать о командире 1-го полка, атамане Сибирского войска Федоре Карповиче Набокове. По его инициативе в 1813 году было открыто войсковое училище в Омске, ставшее впоследствии Сибирским кадетским корпусом. Первоначально в нём обучалось 25 воспитанников.

Запись о погребении Набокова. 1831 год

В метрической книге Пресногорьковской церкви за 1831 год я прочёл: «17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Нассоновым». Некоторое время я считал, что Набоков был захоронен у стен церкви, но акварель Чокана Валиханова от 1852 года и карта Кушмурунской

волости 1912 года убедили меня в том, что могила Набокова утеряна безвозвратно – залита водами озера Галы.

В 1993 году бабушка Зенепрецова рассказала мне историю о том, как её отец Василий Томский копал могилу для священника. Оказалось, что в церковной ограде был похоронен Яков Николаевич Киселёв (1864-1901), уроженец поселка Новоникольский Петропавловского уезда. В 1885 году он окончил Тобольскую духовную семинарию. 24 августа 1886 года Яков венчался с учительницей Бронниковского сельского училища Александрой Александровной Тюшевой в Введенской церкви г. Тобольска. Через три недели, 14 сентября, его рукоположил в сан священника епископ Тобольский и Сибирский Авраамий. С 30 декабря 1891 года, до своей кончины, он служил священником в храме станицы Пресногорьковской. «За усердную и полезную службу» он был награжден правом ношения фиолетовой скуфьи.

В метрической книге церкви есть запись: «5 декабря 1901 года, священник Тарского уезда Яков Николаев сын Киселев скончался в возрасте 39 лет от крупозного воспаления легких, исповедал священник Александр Соколов, освидетельствовал медфельдшер ветеринарный врач 7 участка А.П.Шехтер, похоронен в церковной ограде».

«Омские епархиальные ведомости» писали, что в октябре 1914 года умер священник на диаконовской вакансии Пресногорьковской Богородице-Казанской церкви Симеон Игнатьевич Коледа, 55 лет, от рака. Он также был похоронен у храма.

В некрологе Омского войскового еженедельника «Иртыш» за апрель 1919 года сказано, что генерал Иван Яковлевич Нарбут умер 7 апреля и похоронен в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда Нарбут родился 4 мая 1851 года в Витебской губернии, в семье потомственного дворянина. После окончания Павловского военного училища в 1870 году получил первое офицерское звание. В составе Туркестанской армии воевал в среднеазиатских ханствах. С 1895 по 1908 год служил командиром 2-го Сибирского казачьего полка, дислоцированного на границе с Китаем. После отставки проживал в станице Пресногорьковской. В 1916 году вернулся в Джаркент (ныне г. Пржевальск), где был почётным мировым судьей. Есть сведения о том, что перед революцией Нарбут служил начальником Асхабадского гарнизона. Будучи в белых войсках Восточного фронта и в апреле 1919 года оказался в Пресногорьковской. В 90-х годах прошлого века А.Томская (Зенепрецова) указала место захоронения Нарбута – под окном зимнего алтаря с южной стороны храма. По этому месту ездили пожарные машины, когда церковь была превращена в пожарную часть.

На одной из найденных чугунных плит обозначена надпись «...Почившего младенца дочери дворянина Нины Борисовны Бедриной, умершей 6 января 1907 года, прожившей на сём свете 4 года. Господи, прими дух её с миром». Её дед, Фёдор Бедрин получил дворянство в 1843 году за подавление крестьянских выступлений в Курганском уезде, направленных против реформ П.Д. Киселева.

Место захоронения генерала Нарбута. 2025 год

Сотня Бедрина навела порядок в центре волновавшихся селений – селе Чернавском и по всему правобережью Тобола, вплоть до Кургана. Его сын Борис оставил о себе плохую память в годы крестьянского восстания 1921 года – лютовал против «своего же рода – племени» (так написала мне свидетельница), командовал сотней в отряде Дмитрия Ковалёва. Уехал подальше от Пресногорьковки, работал начальником почты под Петропавловском. Был арестован и расстрелян в 1937 году.

Плита неизвестному, сделавшему кованую ограду в 1911 году

Ещё одна расколотая плита, найденная несколько лет тому назад Владимиром Виниченко, во время строительства врачебной амбулатории, свидетельствует о том, что под ней покоился человек, оплативший или выковавший железную ограду церкви. В нижней половине плиты: «Феодора... умершаго 1914(?) прожившего на сём свете 75 лет 5 месяцев. Он же построил сию церковную ограду на собственные средства 1911 года».

До 1912 года храм и кладбище были обнесены ветхим деревянным забором, на столбах которого покоились тяжелые железные шары. Пролёты

а

забора кочевали по всему селу – часть их была сдана в металлолом, несколько пролётов долгое время окружали райком партии (детсад «Елочка»), стояли на улице Береговой у дома Шороховой. Несколько из них сейчас отреставрированы и находятся у почты и у частных домов.

К сожалению, фамилии жертвователя выяснить не удалось.

Часть реставрированной ограды у дома. 2024 год

Было ещё несколько находок на старом кладбище у северной стены церкви. Последнее захоронение, случайно поднятое нами в алтаре ещё в 90-м году, принадлежит особо почитаемому прихожанину – жертвователю или настоятелю. В зимней части храма, в двух метрах от современного входа, во время сооружения смотровой ямы для пожарной машины, также было найдено захоронение неизвестного. Новая ограда, поставленная в 2005 году, довольно точно повторяет контуры старой. Полагаю лишь, что забор с северной стороны храма располагался на десяток метров ближе к современному зданию школы

Освящение купола колокольни храма, лето 2025 года

Таким образом, удалось документально подтвердить, что на церковном кладбище хоронили исключительно священников, генералов, дворян и их детей. Впрочем, погребения у стен церкви строго регламентировались уставами.

«...При церквах, находящихся в селениях, но не в самих церквах, дозволяется погребать тела местных протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших своё служение и христиански скончавшись» (Указ священного Синода от 12 апреля 1833 года). Указ допускал погребение прочих лиц «сколько можно реже и не иначе как по особому распоряжению архиерея и по самым уважительным причинам», например « в благодарность создавшему храм своим иждивением или обеспечившему содержание притча и притом имевшему житие благозаконное и кончину непостыдную» (Определение Священного Синода от 25 августа 1882 года). В законе от 8 декабря 1903 года говорится: «на каждый случай погребения в церковной ограде, как мирян, так и священнослужителей надлежит обязательно испрашивать разрешение местной гражданской власти и Епархиального начальства» (ист.: Оренбургские Епархиальные ведомости от 19 июля 1912 года №28-29).

Данные, полученные из метрических книг, доказали факт рождения в Пресногорьковке полковника Семёна Елгаштина (1829-1885), генералов Николая Алексеевича Симонова (1851-не позже 1917) и Николая Павловича Кубрина (1876-1921).

***Современное состояние храма. Заслуженный путешественник России
Н.Хильченко, лето 2011 года***

Через огромные двустворчатые деревянные двери храма за два с лишним века церковной службы прошли тысячи людей. В этих стенах крестили, венчали, отпевали целые поколения станичников и иногородних поселян. Правильно будет сказать, что Божий Храм был духовным центром станицы, местом, где люди возносили совместную молитву ко Господу. Отсюда они отправлялись в христианскую жизнь, уходили на многочисленные войны, от каменных стен их увозили в последний путь – на погосты окрестных поселков.

а

Даже школа была построена под сенью креста. Не потому ли из стен ее вышел целый ряд известных всей стране людей, и в этом видится мне промысел Божий. Великолепный Храм подвергли поруганию в годы оголтелого атеизма. Сегодня храм вновь радуется глаз. Именно он невидимыми нитями связал прошлое и настоящее, умерших и ныне живущих. Крепко свяжет он и будущее, которое неминуемо станет прошлым. И будет стоять вечно...

С.М.Жалыбин дарит икону храму. 2023 год

Церковный клир церкви:

1761 год – походный священник Азовского драгунского полка Никита Одинцов,

1768-1789 священник Герасим Родионов (1727-1789), дьячок Иоанн Серебренников с 1779 года,

1778 Священник Федор Серебренников
дьячок Иван Серебренников

пономарь Петр Серебренников

1781 священник Герасим Родионов,

дьячок Филипп Родионов

пономарь Иоанн Серебренников

1787 Священник Герасим Родионов, 61 год

1790 год Священник Иоанн Алексеев Серебренников, 36 лет

дьячок Григорий Герасимов Родионов, 23

пономарь Никита Никитин Одинцов, 21

1816 священник Алексей Пономарёв, диакон Матвей Корнилов, дьячок Симеон Серебренников,

1830 – годы священник Гавриил Андреевич Нассонов,

1840-е священник Иоанн Михайлович Петухов,

1850-1853 Адрианов Василий Иванович (ок.1838 – 1898), псаломщик

1853 священник Никита Розанов,

а

1857 священник Петр Куртунов, дьячок Иван Калугин,
1866-1873 Яковлев Василий Онуфриевич (1837-1890), диакон
1881-1891 священник Василий Петрович Попов (ок.1858-1883),
1890-1893 священник Василий Николаевич Скосырев (1870 село Камышенское.
Омский уезд – 30.8.1937), протоиерей,
1891 -1901 Яков Николаевич Киселев (1864-1901), похоронен в церковной
ограде храма.
1903 – 1904 священник Ариан Булгаков,
1905 священник Иоанн Александров,
С декабря 1905, 1907 священник Алексей Фёдорович Поникаровский (1858,
Тобольск – не ранее 1917),
Псаломщик Александр Шутов,
1905-1909 священник Павел Дмитриевич Масленников (10.1.1869 – 1.1.1942).
После 1922 года - обновленческий архиепископ.
1909-1912 священник Авенир Африканович Константинов (8.11.1869 – не ранее
1913),
1914 священник Симеон Игнатьевич Коледа (31.8.1860-12.10.1914), похоронен
в церковной ограде храма.
1914 псаломщик Николай Карманов,
1909-1921 священник Василий Александрович Преображенский (1878-1921),
расстрелян в Пресногорьковке за участие в Западно-Сибирском восстании.
1916 диакон-священник Александр Мансветов, псаломщик-диакон Платон
Кириллов, псаломщик Павел Иванов,
С 1850 по 1905 год псаломщиком был Василий Иоаннович Серебренников,
1924 год священник Иоанн Александров.

Сын за отца. Атрибуция одной фотографии

На моем письменном столе лежит старая, пожелтевшая от времени фотография. Лица людей на фото потускнели от времени, но не утратили своей недетской серьезности. Это карточка призывников 1926-го года рождения, сделанная в станице Пресногорьковской Кустанайской области в июне 1943 года. Оставались считанные дни до начала грандиозного сражения на Курской дуге, ознаменовавшего коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Восемь подростков со старого фото уже давно не были детьми – их детство закончилось неожиданно – в момент нападения фашистской Германии на Советский Союз. Их отцы и старшие братья уже два года отражали атаки агрессора, а к некоторым из них вползло в дом неутешное горе, от которого не просыхали материнские слезы. Таких фото существовало как минимум восемь – ни одна не была подписана. Мне приходилось искать гадательно – сравнивать

с другими фото, сопоставлять. Но – «ищите, и обрящете». Наконец, я получаю карточку, на обороте которой Алексей Безъязыков перечисляет всех ребят. Текст написан его рукой: «Ст. Пресногорьковская, допризывники 1926-го года рождения. Июнь 1943. Слева в ряду сверху: Фиронов В.П., Безъязыков А.П., Ермолаев Ю.Ф., Ульянов Георгий. Нижний ряд слева направо: Дегтярев Н., Бобрешов Дмитрий А., Татаринцев И., Степанов Александр».

У каждого из ребят с группового фото из жаркого июня 1943-го года была своя фронтовая судьба. Здесь они пока ещё вместе, но вскоре им предстоит разлучиться надолго...

Дима Бобрешов и Ваня Татаринцев были уроженцами поселка Богоявленского, остальные – родились в Пресногорьковке, в семьях сибирских казаков, основавших станицу.

Юрий Федорович Ермолаев вспоминал: «Летом 1943-го года нас, допризывников, отправили в военный лагерь в поселок Боровое (ныне райцентр Мендыкаринского района Костанайской области – прим. С.В.). Там мы целый месяц проходили военную подготовку, проводились тактические учения и стрельбы из боевых винтовок. Жили в бывшем пионерском лагере, Дисциплина была военная. В июле мы узнали о победе наших войск в Курской битве. По этому случаю провели митинг. В начале августа мы отправились домой». Из воспоминаний стало понятно, что фото на моем столе сделано перед отправкой допризывников на сборы.

Старая фотография

Всех ребят с фотографии призвали 10 ноября. «Родители наши провожали нас со слезами на глазах. Играли гармонии. Стоял одновременно и смех и плач, нас посадили на подводы и повезли на станцию Лебяжья Курганской области. В пути были три дня. На станции нас посадили в товарные вагоны и отправили в Челябинск, в Чебаркульскую снайперскую школу» – вспоминал Ермолаев.

Надо отметить, что прежде чем отправить мобилизованных на фронт, молодежь во второй половине войны готовили серьезно. В школе бойцы изучали винтовку Мосина, ручной пулемет Дегтярева, знакомый по фильму «Чапаев» станковый «Максим», самозарядную винтовку Токарева. Изучались все виды снайперской маскировки, из снайперской винтовки проводились стрельбы по движущимся мишеням, ночные стрельбы при кострах и свете ракет. За восемь месяцев отстреляли столько патронов, что не каждый расходовал в боях. Кормили, по воспоминаниям чебаркульцев, неважно – мороженой капустой и перловкой. Ребята рвались на фронт, опасаясь, что войну закончат без них. Наконец, 10 июля 1944 года погрузили в вагоны и несколько дней везли на запад, в Гороховецкие лагеря. Отсюда маршевые роты отправлялись на фронт под командованием прибывших за пополнением с фронта офицеров. Здесь пути восьмерки с фотокарточки разошлись. Юра Ермолаев заболел малярией и попал в госпиталь. Татаринцева, Бобрешова и Степанова отправили в офицерское училище, где они учились полгода. Ульянов и Фиронов были отправлены на фронт.

Осенью 1944 года Юра Ермолаев оказался на Сандомирском плацдарме, на берегу речки Сан. В танковой армии маршала Рыбалко снайперов хватало, поэтому Юру зачислили автоматчиком в мотострелковую бригаду. Здесь вместо снайперской винтовки боец Ермолаев получил автомат Шпагина и гранаты. Вновь началась учеба – учились быстро взбираться на броню танка, прыгать на ходу так, чтобы не попасть под гусеницы, и быть готовым вести бой.

Рано утром 13 января 1945 года началась артподготовка. Километрах в трех от Юриного блиндажа разрасталось огромное зарево, туда летели десятки самолетов. В прорыв бросили танки. Бойцам десанта предстала жуткая картина – горы трупов немецких и наших солдат в первой линии обороны. В течении нескольких дней танки рвались на запад, углубляя плацдарм. Однажды Юра попал под бомбежку – с неба просыпались мелкие противопехотные бомбы. «Я упал в кювет, прижался к земле, было очень страшно, ведь это была моя первая бомбежка. Когда все стихло, мы стали подниматься. Но несколько темных точек остались лежать на снегу. Первые наши потери. Погиб и мой товарищ. Похоронив убитых, мы двинулись дальше – вперед, вперед». Враг, отчаянно сопротивляясь, отступал к Одеру. Как-то в небольшом лесу отделение наткнулось на пулеметный огонь, который вели из немецкого танка. В машине закончилось горючее, но экипаж продолжал сопротивляться. Ермолаев с земляком Жанатом заскочили на броню и гранатой уничтожили экипаж. 19 января колонна автомашин привезла пехотинцев к замерзшей реке. Танки отстали. Пришел приказ ворваться в городок на противоположном берегу, но пулеметный огонь уложил атакующих на лед. Юра лежал рядом с пулеметчиком Мишей Багиным. Юру послали в соседний взвод сообщить, что у моста стоит немецкая самоходка и ведет огонь по льду. «Когда я полз обратно мимо Миши, смотрю, а он лежит на боку у пулемета. «Ты ранен?». Он только поморгал глазами. Через несколько секунд умер». Юра сообщил своему другу

а

по снайперской школе Коле о смерти Михаила. И в этот момент Из леса выскочили тридцатьчетверки и пехота побежала за ними. Юра с криком «Ура!» выскочил на обрыв и увидел обугленный труп Николая. Только после взятия городка и пленения толпы власовцев Юра стал размышлять о том, отчего сторел друг. Коля был сигнальщиком и пуля, попав в вещмешок с запасом ракет, взорвала их.

Юрий Фёдорович Ермолаев

Бригада ворвалась на территорию Германии. Навстречу колоннами шли бывшие военнопленные и угнанные на запад. Немцы – старики, дети, женщины, кричали «Гитлер капут!».

Сопrotивление фашистов на подступах к Силезскому угольному бассейну усиливалось. У Глейвица бригада попала под обстрел шестиствольных минометов и бойцы двое суток пролежали в снегу у железнодорожной насыпи. Лишь ночами удавалось немного согреться, встать и походить. 26 января пришел приказ – идти вперед без выстрелов, но немцы поняли уловку и открыли пулеметный и минометный огонь. «Залегли. После очередного взрыва снаряда что-то шлепнулось в снег рядом со мной. Посмотрел – нога в валенке. Они были только у нашего комвзвода. Меня в дрожь бросило. Это все, что осталось от нашего командира». Приказали отойти за насыпь. Юре мешала фляжка со спиртом, и он допил ее содержимое и выбросил. Потом встал в полный рост и пошел к насыпи под пулями – будь, что будет. Смерть миновала его...

Глейвиц был взят. Немцы не ввязывались в уличные бои и оставили его. Еще несколько Юриных товарищей остались навсегда в этом небольшом городке. В начале февраля бригада с ходу форсировала Одер в районе Бреслау и повернула на Берлин.

До середины апреля стояли в лесах юго-восточнее Берлина, прибывало пополнение, танки, артиллерия. Ночь на 16 апреля стояла тихая, теплая, и звездная. Но когда начали работать «Катюши» и тяжелые гаубицы небо засияло от их снарядов. Впереди вели огонь средняя и легкая артиллерия и минометы.

Более часа шла непрерывная артподготовка. Следом пошли самолеты... Бой начался на второй линии обороны. За этот апрельский день бригада продвинулась на пятнадцать километров. Кругом горели немецкие фольварки и небольшие города. Танки обстреливались фаустниками и артиллерией, но ничего не могло остановить движения на Берлин.

26 апреля во время движения танков по шоссе Юра получил ранение. « Слева из леса затрещал пулемет, острая боль пронзила мою левую руку. Я свалился с танка. Друзья побежали в сторону пулемёта и танк развернулся к лесу, стреляя из пушки».. В шею был ранен друг Дима Смолин. Снайпер попал в руку Юре лишь потому, что танк в момент выстрела рванулся вперед.

Юра Ермолаев лежал в госпитале города Зарау, когда раненые были разбужены страшным грохотом и стрельбой. Решили, что немцы прорвались, но всех успокоил замполит госпиталя. Он вошел в палату и закричал: «Победа, товарищи!».

Еще два месяца Юра лечился, служил до 1947 года в армии. После войны трудился в Пресногорьковке и Троебратном, уехал в Курган.

В 1965 году в военкомате Юрию Федоровичу вручили медаль «За отвагу», высший знак солдатской доблести и мужества. Юрий Федорович считал, что получил её за подорванный немецкий танк, но уже в наши дни увидел свой наградной лист.

В представлении к награде сказано: «В боях за город Глейвиц товарищ Ермолаев показал себя смелым мужественным и стойким воином. Он одним из первых ворвался в город и огнем из автомата уничтожил 4 гитлеровцев. Был ранен, но не ушел с поля боя. Находясь в 16-й механизированной бригаде 4-й танковой армии принимал участие в форсировании реки Шпрее и стойко отражал контратаки противника на занятом плацдарме. Участник танкового рейда в тыл противника, где метким автоматным огнем уничтожил 15 гитлеровцев».

На мой вопрос Юрию Федоровичу Ермолаеву (1926 – 2018 гг.Курган), какое событие из военных будней запомнилось ему более всех, старый солдат ответил: « Я часто вспоминал, как мы едем колонной по бетонным дорогам Германии и жирные пятна от раздавленных трупов и клочки шинелей серо-мышинного цвета немецких солдат и серые от наших парней. Они не имеют даже могил, от них не осталось даже праха. Сколько матерей и жен ничего не знают об их судьбе. Будь проклята война».

«Похоронка на отца пришла весной 43-го, когда буйно в степи наливались травы и ковыль начинал седеть серебряно... В небе звенели жаворонки, а за березовым колком, называемом «Лазаретом», звонко стучал кожаный мяч футбольной команды школы...» – написал в воспоминаниях Александр Федорович Степанов. Погиб отец геройски - под Харьковом на его артиллерийский расчёт вышла колонна немецких танков и Федор, имевший награды за оборону Сталинграда, принял неравный бой в одиночку. Он приказал молодым артиллеристам уйти в лес, тем самым спасая их жизни, и бил

а

по танкам из сорокапятки, пока не был раздавлен вместе с пушкой. Ему было чуть за сорок. Остался Федор лежать в братской могиле в селе Перемога.

Фёдор Степанов (1901-1943). Фото 1941 года

Сын Николай в ноябре ушёл на фронт, воевал стрелком в пятом танковом корпусе, раненый не покинул поле боя. Был награжден медалью «За Отвагу» (3.8.1944) и орденом Красной Звезды (9.9.1944). Командование характеризовало его как мужественного и волевого бойца, постоянно рвущегося в бой с оккупантами.

Николай и Александр Степановы. 1946 год

Александр, окончив девять классов, прибавил себе год и отправился в армию вслед за братом. За снайперскую работу был награжден медалью «За

боевые заслуги» и как лучший солдат в 1944 году был направлен в Московское военное училище. А дальше младший лейтенант Александр Степанов под Кенигсбергом принимает командование взводом в 9-й штурмовой инженерно-саперной бригаде 39 Армии 3-го Белорусского фронта.

«Мне, совсем молоденькому «младшому» попались в подчинение обученные ветераны, в большинстве своем прошедшие войну с 41-го, хорошие солдаты. Среди них выделялся сержант Коваль Ваня, лихой разведчик не раз ходивший в тыл к немцам и взявший не одного «языка», награжденный орденами Ленина и Красного Знамени... Наверное, во многом помогла мне выжить в тех боях солдатская смекалка и опыт бывалых воинов. Первая атака в должности взводного... По сигналу зеленой ракеты – вперед на высоту под Кенигсбергом. Выхватываю ТТ. и «Вперед! За Родину! За Сталина!» прямо на убийственные пулеметы, приказы не обсуждаются. Стянули «дядьки» меня в окоп – Куда, сынок? Мы это мигом сделаем... Ваня уже разведает овражек в обход высоты – и вот мы уже в тылу у гансов. А со спины бить легче. Короткая минутка – и высота наша. Без шума и гама, ножами и штыками вырезали весь передовой заслон немцев и заняли окопы. Помнится, и я штыком заколол какого-то фрица. Это тебе не из винтовки, до сих пор вспоминаю его глаза... Наша взяла... А в чистом поле перед высотой положил такой же лейтенантик свой необученный взвод с собой во главе... После боя ходил смотреть – и меня ведь это ждало... Похоронная команда уже складывала в яму братской могилы таких же зеленых, как я сам... С Ваней Ковалем мы дружим всю жизнь, до сих пор переписываемся...».

Впереди была неприступная крепость Кенигсберг. Александр Федорович пишет: «Одетые в стальные кирасы, саперы пробивались практически по открытой местности к реке Прегель, форсировав которую им надлежало заложить взрывчатку и уничтожить фашистский ДОТ...

Александр Фёдорович Степанов, 1945 год

Немецкая «швейная машинка» МГ-42 прошивала каждый метр земли, не давая поднять головы, но взвод упорно продвигался к реке... Рядом намертво опрокинулся в снег закадычный школьный товарищ Ваня Татаринцев – такой же зеленый и молодой взводный из последнего призыва... и все меньше рядом бойцов... кто-то навеки останется там, в Восточной Пруссии... Вот и река, ледяная мартовская вода, а за ней – огрызающийся всеми видами огня немецкий берег. На середине реки изрешеченная лодка уходит в стылую воду, но... только вперед, хоть зубами рви, но туда – на тот берег... Оружие, взрывчатку – на подвернувшийся плотик и вплавь, вплавь по ледяной бесконечной воде навстречу смерти... и Победе! И вот под ногами дно... И сразу огневой контакт и трясущийся в руках ППШ, и немец, упорно не желающий умирать и сдаваться... Заложена взрывчатка под крутой берег с таким расчетом, чтобы взрыв сделал дамбу, по которой пойдут наши танки... Подрыв! Захлебнулся на круче немецкий пулеметчик, вместе с землей исчезнувший с берега... А бой кипит, захваченный пяточок расширяется, рядом уже пехота и артиллеристы, которые уходят все дальше и дальше в город... Саперы выполнили свою задачу...

От взвода остались единицы, а впереди еще долгая дорога к Победе... ...А Ваня Татаринцев, школьный дружок и одноклассник, и сегодня там, у реки Прегель в бывшем Кенигсберге, в братской могиле парка Шейбуш...».

***Иван Афанасьевич Татаринцев (1926-1945).
Фото из красноармейской книжки***

Об Иване Татаринцеве скупо повествуют строки из Книги Памяти: «Татаринцев Иван Афанасьевич, родился в 1926 году в с. Богоявленка. Призван Пресногорьковским РВК в 1943 году. Младший лейтенант отдельного штурмового саперного батальона. Погиб в бою в апреле 1945 года. Похоронен в Кенигсберге». На старом фото они рядом – Саша Степанов и Ваня. Так было

всегда – со школьной скамьи до Восточной Пруссии. Дальше Саша жил без своего друга.

За тот бой у младшего лейтенанта Степанова появилась новая награда – орден Красной Звезды. Его саперами под постоянным огнем противника было сделано пять проходов в минных полях для продвижения самоходок. При форсировании реки Прегель он обеспечил устройство переправы для штурмового отряда.

Во время войны с Японией командир десантно-штурмового взвода Степанов десантируется с группой разведчиков под Харбином, где с боем осуществляет захват важного узла дорог и моста, обеспечивая продвижение наших войск вперед. Медали «За победу над Германией», «За победу над Японией» появились на его груди после капитуляции Японии.

Куда только не бросала боевого офицера Степанова судьба! В 1963 году он окончил Военно-инженерную академию имени В.Куйбышева в Москве. Принимал участие в разминировании напичканных минами лесов и болот под Ленинградом, за время службы при его личном участии было снято более 10000(!) мин.

После отставки преподавал на кафедре тактики Саратовского высшего военного командно-инженерного училища им. А.И. Лизюкова. Полковник. Александр Федорович Степанов(1926-2004 гг.) с супругой Галиной Ивановной воспитали детей, выбравших военную специальность: Наталья (в замужестве Молодец), участница боевых действий в Афганистане (Кабул, 1984 - 1986 гг.).

Сергей (1955 г.р.), полковник, начальник кадетской школы в Саратове.

Брат – Николай Федорович Степанов (1924-2005 гг.) после войны служил на Украине, в Ровно, воевал с бандформированиями ОУН. С 1956 по 1970 в группе советских войск в Германии, до ухода на пенсию работал военкомом в Подмосковье. Сын стал военным, пошел по стопам отца.

Еще учась в снайперской школе Гоша Ульянов узнал, что отец пропал без вести. После окончания школы, в августе 1944 года Георгия увезли в город Ветлуга Горьковской области, где он поменял воинскую специальность на механика – водителя среднего танка «Т-34». В конце осени сержант Ульянов был направлен на Белорусский фронт в 8-ю гвардейскую танковую дивизию, бывшую в составе прославленной 5-й танковой армии под командованием Павла Ротмистрова.

В одном из наступательных боев во время операции «Багратион» в башню танка попал фауст-патрон. Командир танка и заряжающий погибли, Георгий с радистом сумели покинуть горящую машину, которая продолжала двигаться на позиции противника самостоятельно и взорвалась от детонации боекомплекта, разметав немецкую пехоту. Дивизия отличилась при окружении отборных эсэсовских соединений под Мемелем. Затем началась Восточно-Пруская операция. В ходе своего продвижения по направлению к Эльбингу танкисты отсекали немецкие войска, оборонявшиеся в Восточной Пруссии от основных сил вермахта, образовав «хайлигенбальский котел».

а

В этих боях за Кенигсберг танк Ульянова оказался на острие атаки и был подбит – снаряд попал в двигатель и экипаж получил контузии разной степени тяжести.

Гоша Ульянов, 1944 год

После окончания войны Георгий служил срочную службу до 1950 года, война в срок службы не засчитывалась. Он вернулся в Пресногорьковку возмужавшим, с медалью «За Отвагу» на груди и с головой окунулся в работу. Работал инструктором райкома партии, закончил педучилище, стал преподавать машиноведение и черчение, перед пенсией был председателем рабочкома в совхозе «Пресногорьковский».

На занятия по машиноведению пресногорьковские мальчишки бегали когда-то в старинное здание на школьной площади, уцелевшее после пожара школы в 1959 году. Занятия проводил пожилой, как нам тогда казалось, учитель Георгий Михайлович Ульянов. Дом был наполнен разным железом – всюду на полках лежали шатуны, коленвалы, вкладыши и венец всего – распиленный дизельный двигатель. Георгий Михайлович был худощав, подтянут, глуховат и несильно заикался. Запомнился мне человеком добродушным, с большим чувством юмора. На наш дружный крик о перемене, звонка на которую здесь никто не давал, неизменно следовал ответ: «В..ваши ч..часы в Троебратном и..из вагонов лопатами р..разгружали!». Очень редко, но иногда нам удавалось «пробить» Георгия Михайловича на воспоминания о войне. Тогда он забывал о системе охлаждения и рассказывал о боях. Волнуясь, он заикался все сильнее и, не закончив рассказ, горестно махал рукой.

В моей памяти Георгий Михайлович Ульянов (1926-2005 гг.) остался веселым и жизнерадостным человеком. Сейчас, на склоне моей педагогической деятельности, мне часто вспоминается веселый голос старого танкиста из далекой школьной юности: «Привет, б..будущие п..пенсионеры!».

Георгий Михайлович Ульянов у своего дома

Дмитрий Алексеевич Бобрешов стал профессиональным военным. После войны остался в армии до 1967-го года, дослужился до полковника. Во время мятежа в Венгрии в 1956 году пережил страшную трагедию – потерял всю семью. Награжден орденом Ленина.

Василий Петрович Фионов (1926-2014, Тула) после снайперской школы окончил Горьковской танковое училище и стал командиром танка Т-34.

«Я застал фактически конец Великой Отечественной, когда потери в бронетанковых войсках были уже не столь серьезными, как, скажем, в ходе Курской битвы. Встретил Победу в Кракове», – рассказывал он.

Василий Петрович Фионов

После войны работал в совхозе, четырежды становился участником Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. В 1954 году по комсомольской путевке был отправлен в зерносовхоз им. Б.Хмельницкого, где

а

работал секретарем партийной организации. В 1957 году Василий Петрович был награжден медалью «За освоение целинных земель» и орденом Ленина. Работал заведующим партийно-организационного отдела Ленинского райкома партии. Два ордена «Знак Почета» были на его груди перед выходом на заслуженный отдых.

Николай Андреевич Дегтярев, 80-е годы

Сидящий слева на старом фото подросток с папироской – Николай Андреевич Дегтярев. Военскую службу закончил в 1954 году в звании майора. Работал в журналистике. Долгое время был редактором Кустанайской областной газеты «Ленинский путь». Автор ряда книг и очерков в серии «В краю хлеба и металла». Работал в Костанайском областном фонде имени Д.А.Кунаева. В 2001 году написал хорошую рецензию на мои документальные очерки.

***Проводы на фронт Павла Безъязыкова.
Крайний справа – Алеша, 1941 год***

Алексей Павлович Безъязыков, подписавший после войны старую фотографию, был призван на фронт раньше товарищей – 1 августа 1943 года и вернулся по ранению в Пресногорьковку в начале 1945-го года. Подписывая фото, он, вероятно, ещё не знал о гибели Ивана Татаринцева, иначе обязательно отметил бы это трагическое обстоятельство.

Такую вот информацию мне удалось извлечь, работая над атрибуцией старого фото. Нет в живых ни одного из выпускников того года. Но память о них всегда будет жить в наших сердцах.

Жаль только, что такие фотографии пачками сгорают в печах и дворовых кострах. Мы сами своими руками превращаем собственную историю в пепел...

Переселенцы. Взгляд очевидцев

В конце XIX – начале XX веков в Зауралье и Северном Казахстане возникло огромное количество хуторов и небольших деревень, основанных переселенцами из Малороссии и центральных губерний Российской империи различными неожиданностями и опасностями. В путь за Каменный пояс людей толкало безземелье и существовавшая издавна система, при которой земля наследовалась старшим сыном. Остальные сыновья не получали десятин земли и вынуждены были идти в работники к старшему брату. Стоимость пахотной земли после отмены крепостного права выросла более чем в шесть раз, а цены на зерно в конце века сильно упали. Отсутствие пастбищ и леса для строительства усугубляло проблему. Крестьяне всё чаще брали землю в аренду – за деньги, за долю в урожае (издольщина), за обработку помещичьей земли с использованием собственных орудий труда (отработка).

В 1901 году правительственная комиссия после изучения земельного вопроса вынесла заключение: «Вложение денег в сельское хозяйство не приносит прибыли».

Потянулись на Восток обозы с переселенцами, а с постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали они стали передвигаться в поездах.

Так, мой прадед Руф Григорьевич Винниченко, перебрался в 1898 году с семьёй в Петропавловский уезд из деревни Макиевка Пирятинского уезда Полтавской губернии. В 1896 году на отведённом Переселенческим управлением земельном участке у небольшого степного озера была основана деревня Макарьевка. Таким же образом появились на карте западной части уезда Исаевка, Евгеньевка, Казанка, Святодуховка, Петровка, Фёдоровка, Рясский, Ново-Покровский, Сретенка, Ксеньевка, Королёвка, Демьяновка. Земля переселенцам нарезалась южнее полосы Сибирского казачьего войска. Переселенческие управления размещались в крупных казачьих станицах.

Летом 1910 года в западную часть Петропавловского уезда приехали несколько семей азовских греков из поселка Сартаны, расположенного под Мариуполем. Два подростка – Илья и Фёдор Церахто оставили воспоминания о переселении и жизни на новом месте. В действительности сохранилось немного

а

воспоминаний о переселении, зафиксированных на бумаге свидетелями эпохи. Братья обладали определенным даром слова и коснулись в своих мемуарах самых разных сторон переселенческого бытия – от основания хутора и хозяйственной деятельности, о личных отношений со старожилами тогдашней глубинки. Целью моего очерка является возможность посмотреть на явление глазами очевидцев. Поэтому в очерке много цитат из названных воспоминаний.

Семья Николая Церахто с маленькими Федей и Ильей

Разговоры о переселении возникли за несколько лет до события. Малоземелье и падение урожаев до 25-30 пудов с десятины привело к окончательному обнищанию крестьян. Зерна на продажу не было, еле-еле хватало на прокорм семьи и семенной фонд. Решили отправить в Сибирь ходоков, чтобы они своими глазами убедились в целесообразности переезда. 30 марта Николай Иванович Церахто, Шпак и Шердиц отправились в дальнюю дорогу. В Макарьевской волости Петропавловского уезда они купили в рассрочку на три года 420 десятин земли у купца Ардакова, отдав по 20 рублей за десятину. Двое ходоков остались и засеяли первые десять десятин для общего котла, а Николай Иванович вернулся, чтобы приготовить семьи к отъезду. Всем, кто приходил, он расписывал новые места « в цветах рая», говорил много хорошего о природе и местном населении – казаках и казахах, которые «живут вольно, кочуют по степи, занимаются скотоводством. Люди мирные». Церахто продали дом за пятьсот рублей и пятнадцать десятин земли по 200 рублей за десятину. Весь инвентарь – бричку, плуги, веялку, каменные молотильные катки, новую тачанку решили везти с собой.

10 июня двадцать бричек, с багажом пяти семей, прибыли на станцию Сартана. Переселенцы с вещами разместились в трёх товарных вагонах. Один из них, жилой, был оборудован двухъярусными нарами. На них и разместились мужчины, женщины и дети. Проезд за Уральские годы людей и багажа оплачивался по льготному дешёвому тарифу. Выдавалась также ссуда на приобретение живности, но не полностью, а частично, поэтому часть денег не оседала в карманах чиновников.

На десятые сутки пути поезд прибыл в Челябинск и переселенцы двое суток ожидали формирования нового состава, используя время для знакомства с городом.

«Это захудалый, грязный городишко. Небольшое деревянное здание вокзала. Около него несколько деревянных построек разных служб. В стороне – длинный барак – это переселенческий пункт, переполненный обездоленными людьми. Все помещения невероятно грязные. Город был на приличном расстоянии от станции. Их разделяла полоса чистого поля, шириною около трёх верст. Мы наняли извозчиков и поехали в город. Сотни подвод двигались по широкой пыльной дороге в обе стороны. Улицы не были мощёны и от пыли на них было темно. Дома одноэтажные деревянные с красивой отделкой и резными карнизами. У каждого дома ярко покрашенные огромные ворота. На центральной улице возвышалось два десятка двухэтажных каменных зданий с магазинами в нижних этажах, на которых красовались вывески с фамилиями купцов. Улица мощена булыжником и имела деревянные тротуары. Здесь я впервые увидел крестьянские одноконные телеги» (Ф).

В оружейном магазине переселенцы купили три охотничьих ружья и револьвер «Смит-Вессон» и пятьдесят патронов к нему, а также пороху и дроби (Ф).

Каждый хозяин приобрел по ружью (И).

На двенадцатые (четырнадцатые) сутки путешественники прибыли на станцию Лебяжье. До места нового проживания оставалось около ста верст. Местное население понятия не имело о бричках.

«Когда мы выгрузили свои новенькие таврические брички с ящиками, красиво окованными и расписанными красками, все население собралось возле них и с удивлением называет их каретами. А тачанку и рессорную линейку назвали чудом» (Ф).

«Когда разгружались, удивили местных жителей бричками на железном ходу и особенно тачанками. Местные все их ощупывали, восклицая: Эко, парень! Вот фургон-то, язви его!» (И).

В деревне Желтяки переселенцам бросилось в глаза резкое отличие его от украинских сел Приазовья. Не было ни одного помазанного и побеленного домика, сплошные деревянные избы, по краям изредка землянки. Дворы обнесены высоким дощатым или плетеным забором с наведенной над ним крышей, укрытой сеном или соломой. Весь двор представлял собой сплошной крытый сарай. Усадьбы были величиною не более сотки – клетки со скотом, инвентарем и баней были обязательно укрыты. Сомкнутые вплотную дворы

представляли стену строений, с разрывами в переулке. Деревня казалось сплошной темно – серой массой.

Крестьяне поили переселенцев хлебным квасом и с интересом спрашивали откуда и куда они едут.

«Наконец, выехали в поле, перед нами открылась красивая равнина сибирских степей, на которой красовались островки березового леса. Изредка попадались небольшие поля, засеянные пшеницей и овсом. Урожай был плохой. Верст десять ехали степью, потом дорога пошла лесом. По обеим сторонам стояли стеной огромные березы, густо заросшие кустарником и густой травой..»(Ф).

Остановившись у пресного озера, путники стали готовить ужин и располагаться на ночлег. Их поразило невиданное количество дичи на озере – лебеди, утки, гуси, гагары, чайки, кулики, мартыны. Тут же были опробованы ружья и ужинали уже мясом добычи.

С опасением проехали село Казенное – были сведения, что в селе есть люди, занимающиеся грабежом.

Следующая ночь принесла отдыхающим настоящее мучение – их атаковали комары и мошкара. В тогдашнем Курганском уезде население было сплошь сибиряки – чалдоны. Проехав Чулошное переселенцы достигли границ Петропавловского уезда и поехали по землям Сибирского казачьего войска.

О станции Пресноредут.

«По обеим сторонам дороги лежали навозные кучи...Один из местных объяснил, для удобрения полей навоз не применяют, для отопления – тоже, так как дров в достатке. Посреди станицы возвышалась церковь и пожарная каланча, на восточной окраине стояло три ветряные мельницы и одна на западной. С северо-запада к самой станице подступало живописное, круглое пресное озеро – основной источник водоснабжения. На юго-западе, рядом с усадьбами блестело по виду точно такое же озеро. Однако вода в нем была горько-соленая. В ста пятидесяти дворах проживало порядка 800 сибирских казаков. До участка оставалось всего шесть верст» (И.).

«Отсюда до нашего участка оставалось еще пять верст. Здесь у нас были знакомые, так как отец жил весной на квартире у старшего урядника Якова Поликарповича Воропаева. Его дом стоял в центре на площади. Мужчины тепло поздоровались со станичниками, а казачки подходили к нашим женщинам, приветствовали их и целовались как с родными. Мужики, все от мальчишек до стариков, были одеты в казачью форму: брюки с красными лампасами, фуражки с кокардами. Тут же гарцевало несколько всадников» (Ф).

«Берёзовые околки местами пересекали степь. Зеленела трава, поблескивали круглые, словно котлы, озерца. По их берегам ютилось множество птиц, а озерный воздух обдавал проезжающих сыростью...

ростью. Обоз шёл медленно, и все с напряжением ждали, что отец с минуты на минуту молвит: «Вот и наш участок». Но отец молчал. Минули балаган возле леса, проехали и сам осиновый лесок...Проехали еще

а

полкилометра. Слева показалась яма, поросшая травой. Возле неё торчал деревянный столб, а от самой межи расходились еле заметные борозды.

У самого озера была чудная зелень, кустики ракиты и маленький лесок. Подводы замерли, но никто не слезал, ожидая благословения старшего. Отец слез с подводы, встал на колени, перекрестился:

- Слава тебе, Господи, добрались!

И поклонился до земли (И).

Перед переселенцами предстала величественная картина – до самого горизонта лежали девственные поля. Звери и птицы не боялись присутствия человека – зайцы спокойно выходили из кустов, с удивлением разглядывая людей. Над обозом кружили тучи комаров, спастись от которых можно было только в дыму костров.

Федор Николаевич Церахто. 80-е годы

Умаявшиеся переселенцы уснули быстро. Ребятишкам постелили под бичками, но ночная гроза вымочила и их постель

«Мать сидела и молилась, а мы, как птенчики, прижимались к ней. При блеске молний кусты казались нам страшными, темными фигурами, подкрадывавшимися к нам, одиноким посреди бескрайней степи» (И).

Мать говорила отцу, что такая гроза в первую ночь – плохой признак, но несусеверный Николай Иванович только отмахнулся.

«Утро степь опять горела алмазами, а аромат от трав еще больше усилился. Пернатые оглашали округу громкими криками. Зеркальная полоса тянулась через озерную гладь, разделяя ее на две части. Над табором поднимались дымы костров, сливавшиеся в облачко: каждая семья готовила себе пищу отдельно» (И).

Первые дни занимались охотой на зайцев и птиц. Высокий, бородатый, одноглазый казак из Пресноредути Михаил Петрович Черепашкин дал совет строить жильё не у воды, а под лесом. По его словам весенние воды поднимаются высоко, а лес будет защищать землянки от степного юго-западного ветра.

Под леском каждая семья соорудила балаган. Потом приступили к строительству домов из нарезанного в степи дерна. Пиломатериалы для дверей

а

и окон доставляли с ближайшей станции, расположенной в 110 верстах (станция Лебяжья Южно-Уральской железной дороги – прим С.В.). Кругляк добывали сами в соседнем березовом лесу. Шла заготовка дров и сенокос. Продукты питания закупали у местных – мука стоила 40 копеек за пуд, овес – 15 копеек за пуд, мясо – 2 копейки фунт (400 граммов), картофель – 10 копеек 20 кг. У казахов приобрели восьмидесятикилограммового барана за 2 рубля 50 копеек. Илья Церахто пишет, что в те годы сельский труженик мог заработать за полгода с весны до Покрова 40 рублей и 10-15 пувчистой пшеницы и получить от хозяина одежду и сапоги, стоившие два рубля с полтиной.

Николай Иванович Церахто: «В двадцати верстах от нас есть большая торговая культурная станица Пресногорьковская. Месяц тому назад 18 мая открылась в ней двухнедельная ярмарка и продолжалась до 1 июня. На этой ярмарке было в продаже не менее миллиона голов разного скота. А товаров было столько, что лишь птичьего молока не было. Здесь же закупались все виды крестьянской продукции: шерсть, кожа, щетина, топленое и растительное масло, мука, крупы, самотканые холсты, птица, яйца, мясо и многое другое. Для закупки разного товара на ярмарки съезжаются купцы даже из Москвы и Петербурга и угоняют стада рогатого скота, отары овец и табуны лошадей».

Писарь ст. Пресногорьковской В.Н.Махов (слева) и Петр Крикунов, крестьянский начальник

К осени у озера были выстроены пять землянок с сараями и большими скирдами сена.

Илья писал: «В станице Пресногорьковской каждую субботу собирался большой базар. Там продавали все. Что угодно для нужды. Оттуда привезли около двадцати пудов муки по 50 копеек за пуд, пять жирных баранов с большими курдюками по 1 руб 50 копеек, сухих фруктов, соленой рыбы, водки и много других продуктов. Завезли весь лесоматериал для пяти хат. Услышав о

нашей стройке на место хутора прибыло большое количество народа. Из Казанки приехали 15 человек, из Песчанки десять, приехали мужчины и женщины из Пресноредуты и Камышловки. Таков был неписанный закон Сибири помогать друг другу!»

Федор об освящении хутора: «26 июня 1911 года начали приезжать приглашенные. Рано утром первыми приехали Кусаин, Ваис и Кимбай. Они приехали по просьбе отца, чтобы забить скот на мясо. Три огромных котла установили под открытым небом и варили в них мясо. В четвертом готовили плов. Приехали гости из Казанки, Камышловки. Макарьевки. Семиозерного, Песчанки. Приехали все наши аульные друзья – казахи. Последними приехали пресноредутцы Воропаевы Яков и Максим с супругами. Они сообщили, что крестный ход приближается. К часу дня все приготовления подошли к концу. Были приготовлены из досок длинные скамьи. Со стороны станицы по дороге показалась толпа, наши женщины вынесли иконы. У столов священник начал служить молебен в честь нашего поселения и освящения хутора. К нему присоединился второй священник Сергей Полевой, приехавший из монастыря с несколькими монашками во главе с игуменьей Евпраксией. Церковный хор торжественно пел, все присутствующие усердно молились. К концу молебствия принесли несколько ведер воды, которую попы освятили и оба священника в сопровождении хора обошли все наши хаты, окропили их святой водой и внутри и снаружи. Кропили сарай и все хуторское стадо, которое к этому времени подогнал пастух. Угощение было обильным и люди вскоре разошлись. Остались только приглашенные и началось веселое шествие до вечера. Первыми уехали монастырские гости, потом-друзья-казахи и лишь поздно ночью остальные. Из Песчанки Трофим Бобров, Перфил и Степан Подобины, Фрол Бибилов. Из Макарьевки Михаил Назначило, и Иван Жвалов (Иван Денисович Жвалов – расстрелян в 1922 году как участник базаровско-незнамовского процесса, создал контрреволюционную организацию в ряде городов Сибири под фамилией Базаров – прим. С.В.), из Казанки Евтух Богуш и Иван Давидович Блударев, из Камышловки – Егор Макарьевич Лавринов (отец Николая Георгиевича Лавринова, писателя, директора Пресногорьковской и Тробратнинской школ в начале 60-х годов – прим. С.В.).».

Илья: «Каждая семья кроме лошади приобрела по корове. Переселенцы не могли привыкнуть к отсутствию фруктов и пополняли свой рацион сбором земляники, костяники и дикой вишни. Неприятными были и холодные летние ночи. Однажды решено было отправиться на поиски кавунов (арбузов) и дынь, которые, якобы, продавались в 120 верстах от хутора. Казак Николай Петрович Лавринов вызвался проводить четыре подводы новоселов к месту продажи арбузов. Через 30 верст Лавринов настоял на привале. Лошадей пустили пастись, казак смазывал оси своей деревянной телеги, которые «горели» без свиного жира. И ворчал. Мужики отдыхали в тени под телегами – их возы были на железном ходу и в смазке не нуждались. После чаепития тронулись в путь. На ночлег остановились у березовой рощи, у небольшого озера.

Ст. Пресногорьковская. Фото Г.Е.Катанаева. 1896 год

Ст. Пресногорьковская. Фото Н.Г.Катанаева. 1909 год

«Костер слепил глаза, чай в котелке закипал, а лошади разбрелись по берегу. Усевшись на зеленой травке, мы доставали из сумок приготовленную дома еду: яички, сало, мясо, масло и печенье. Плотно поели, попили чаю и спать. Караульному поручили разбудить нас как можно раньше, чтобы к обеду успеть доехать до места (И).

Встали затемно, запрягли лошадей и тронулись. Обоз из пяти подвод направлялся к станции Звериноголовской на реке Тобол. На его пути лежала крупная станция Пресногорьковская. «Впереди раздалось пение петухов и редкий собачий лай. Мы въезжали в безмолвную казачью станицу. Вдоль

улицы стояли деревянные, по всему видать густонаселенные дома. На окраине белела церковь, а в центре станицы возвышалась пожарная каланча, с которой раздавались удары колотушки бодрствующего сторожа.. На выезде из станицы, вдоль дороги высились амбары общественного, страхового фонда. Возле них с палкой в руках стоял сторож. Серым полотном расступался восток, петухи кричали уже во всю. (И)

К вечеру обоз прибыл в Звериноголовскую. «На площади возле старой деревянной церкви ютилось несколько торговых палаток, в которых торговали чаем, сахаром, табаком, спичками. Неподалеку стояли крестьянские подводы с мукой, пшеном и льняной пряжей. Вокруг виднелись следы недавней ярмарки: навоз, остатки недоеденного лошаадьми сена, бумажки. Кавунов не было.

Благовест колоколов призывал к молитве. Казаки в штатском, а многие и в форме, смиренно, казалось с венцами покаяния на головах, один за другим направлялись кто в новую, кто в старую церковь. В глубине души я тоже молился. Сгущались сумерки и нам предстояло вновь готовиться к ночлегу. Поехали мимо домов – новых, красивых и старых, местами погнивших. Выехали на маленькую площадь и увидели высокую мечеть с позолоченным полумесяцем. Мулла кричал: «Аллах, Аллах!» К мечети поспешали старики-татары с посохами в руках и чалмами на голове» (И).

Заночевали у соснового бора, наводившего непонятный страх на Илью. Две убитые на озере утки были приготовлены на костре и с аппетитом съедены.

Утром отправились на юг, в село Ряжское (ныне населенный пункт Узункольского района Костанайской области – прим.С.В.). Село новое, жители сплошь переселенцы-малороссы. Голые двory, широкие пустые улицы. Через каждый квартал выкопаны колодцы. Илья отметил, что срубы ветхие, стало быть, были выкопаны за счет государства давно. Здесь о кавунах никто не слышал. Пришлось купить картошки по 10 копеек за 20 кг и нагрузить ею подводы.

По дороге домой проезжали множество переселенческих сел и хуторов. У селян закупали продукты – например, купили за 20 копеек четыре килограмма говядины вместе с почками и салом. К великому изумлению вернувшихся из путешествия поселенцев накануне праздника Воздвижения креста Господня (27 сентября н.ст.) повалил густой снег и подул северный ветер. К обеду снег растаял, но это событие подтолкнуло жителей хутора с удвоенной энергией взяться за заготовку и подвоз дров и кормов для скота.

Зима 1910/11 годов выдалась чрезвычайно суровой. Добывая пропитание, поселенцы сделали своим основным занятием охоту. Имея оружие и достаточный запас боеприпасов они добывали зайцев, куропаток, тетеревов, горностаев, хорьков, лис и волков. Заниматься хлебопашеством было убыточно – пшеницу выращивали с большим трудом, урожай зависел от погоды, пшеницу нужно было везти в Курган и продавать всего за 40 копеек за пуд.

Николай Иванович решил заняться скотоводством и переработкой его продукции. В поселке Исаевка (ныне Чапаевка Жамбылского района СКО – прим.С.В.). он купил молочный заводик. За четыре ведра водки на 52 – х

подводах и санях все постройки были перевезены на хутор. Весной, после небольшого ремонта – замены прогнивших бревен – началась переработка молока. Молоко скупали по всей округе по две копейки за литр, но основное сырье приносили сорок своих коров. На заводе работали мастер, с окладом в 50 рублей в месяц, Илья и сам Николай Иванович Церахто. Кроме коров семья Церахто держала овец и свиней. Масло, приготовленное на заводе, закатывали в бочки и сбывали оптом в Кургане. Осенью малоудойные коровы отправлялись на убой, а весной стадо пополнялось за счет приплода и покупки коров.

Поселенцам некогда было скучать и вспоминать жизнь на берегу Азовского моря, но женщины часто плакали, особенно в длинные морозные зимние ночи. Они не могли привыкнуть к снежной глухомани.

С далекой оставленной родины приехали в гости родственники и в честь этого события было решено заказать молебен с крестным ходом вокруг участка.

Илья Николаевич вспоминал: «Со стороны Девичьего монастыря, находившегося в девяти километрах от нас, показались хоругви с крестом и иконами, за которыми шло множество людей, приглашенных на праздник. Мы встретили гостей на границе участка, где и был отслужен молебен. Отец поблагодарил священника, певчих монашек и всех собравшихся разделить нашу радость. Заранее были расставлены столы, но народ за ними не помещался, тогда прямо на траву положили доски и накрыли их холщовыми скатертями. Угощением были свежий хлеб, горячее мясо кусками и, по обряду, ароматная каша. Гостям (а гостями считались все, кто пришел на богослужение) подали по чашке вина. Священник благословил пищу и все уселись за трапезу под открытым небом. «(И)

После отъезда гостей жизнь на хуторе пошла своим чередом, тоска по оставленным теплым краям не покидала переселенцев. «Брат (Федя - прим.С.И.) был моложе меня на три года – волей-неволей он оставался моим единственным другом» (И). Уныние и скуку на хуторе не смогли скрасить граммофон, множество пластинок и двухрядная гармонь, купленные Николаем Ивановичем.

Петропавловский уезд летом 1911 года был поражен жестокой засухой. Степь выгорела уже в июне, за лето не было ни одного дождя. Сена не было заготовлено ни клочка. Мясо впору было раздавать. так как даже по копейке за фунт (400 г) его невозможно было реализовать. Лошадей Николай Иванович определил знакомым казакам на «тебеневку». Сорок дойных коров и 316 овец угнали в станицу Пресногорьковскую на бойню. Мясо засолили в бочки и отправили на родину в Мариуполь. 90 пудов топленого сала сдали на мыльный завод за бесценок. Головами, ногами и внутренностями завалили полный промерзший сарай. Николай Иванович с женой повезли мясо на родину, а Илья, Федя и маленькая сестренка остались на хуторе.

Пшеничная мука поднялась в цене с 40 копеек до 2 рублей 50 копеек за пуд. Она стала не по карману многим горожанам и крестьянам. Народ бедствовал. Особенно страдали переселенцы, не имевшие запасов.

21 января 1912 года Илья пожарил картошку, хлеба к ней не было и Федя заплакал. Надо было что-то предпринимать и хуторяне решили отправиться в станицу Пресногорьковскую за 30 километров для покупки муки. Пришлось встать в три часа утра, чтобы попасть на базар. Мороз стал жестокий, но Илья не надел валенки. А обулся в сапоги. Неожиданный приезд родителей с маленькими детьми, сестренкой Раей и годовалым братом Алешей, спас его и соседа от неминуемой гибели в степи. К утру мороз усилился до 40 градусов, к семи часам поднялся такой ураган, что не было видно стены соседней землянки, стоявшей в десяти саженьях. Трое суток бушевала непогода, скот стоял некормленный... Весной Николай Иванович закупил 28 коров и 100 овец. Мастера нанимать не стали, технологией изготовления масла овладел Илья. В этом году урожай выдался неплохим, но хуторянам приходилось часто выезжать в поле, чтобы пугать целые стаи диких гусей и журавлей, кормящихся на созревающих хлебах. 27 июля загорелась степь в 12 верстах от участка. Хуторяне попытались остановить пожар верстах в трех, пропахав межу, но огонь прорвался к лесу – деревья с треском падали. «Дичь разбегалась, куда попало. Тетерева и куропатки с обгоревшими крыльями скакали прямо на людей. Правым боком пожар захватил и наш участок. Казаки бегали с метлами, тушили огонь, приговаривая:

-Ишо чо девки батюшку Пантелеймона не чтили, на вот тебе!

Пожар случился как раз в день Святого мученика Пантелеймона. Огонь спалил многие поля и принес убытков на десятки тысяч рублей.

Илья дружил с молодежью из окрестных деревень – Песчанки, Казанки, Макарьевки. В станице молодежь была культурнее, чем в селах. «Удалая казачья молодежь носила военную форму. Барышни одевались изящнее, чем украинки и русские селянки, по городской моде. Культура заносилась в станицу из дальних туркестанских городов, с пограничья Китая и Афганистана, где казаки несли службу (И).

1913 год прошел для семьи Церахто в новых хлопотах – они решили бросить хутор и перебраться в село Песчанку – строили там новый дом. Илья вспоминает, что на день теплого Алексея 17 марта 1914 года он с друзьями поехал говеть в Девичий монастырь, где было много молодежи. Прожили в нем три дня, а в субботу, причастившись и духовно отдохнув, вернулись домой.

Илья вспоминает о начале войны с Германией. Его должны были призвать, но он заболел тифом.

В день пророка Илии Илья с матерью поехали в монастырь, помолиться Богу. Во время Богослужения Илья почувствовал слабость, вышел из церкви и лег под тачанку. Полтора месяца провалялся в бреду без медицинской помощи. В 1916 году Илью призвали в действующую армию. Провожала его вся станица Пресноредутская. В Петропавловске его распределили в полк, где он служил с пресногорьковскими казаками братьями Лапиными илевой Дрововодовым. Последний и один из братьев погибли. А другой Лапин пришел с фронта без руки. Илья попал в германский плен.

Федор о маслозаводе:

Отец ездил в деревню Исаевку на какие-то торги. Там продавался молочно-маслодельный заводик, состоящий из трехкомнатного деревянного помещения, льдохранилища и оборудования: 600-литровый сепаратор, маслобойка, маслообработка. Водогрейный котел, 15 фляг, 20 ушатов и немало мелкого инвентаря. Все это отец купил с торгов за 155 рублей. Сразу же на месте были наняты люди и подводы. Помещение разобрали по бревнам, погрузили на подводы вместе с оборудованием и доставили на хутор. Ко всему привезенному пристроили ледник, в который набили 70 кубометров льда. Заготовить лед нам помогли приехавшие из Казанки. Песчанки и Пресноредути наши знакомые, пригнавшие 20 одноконных подвод-саней. В течение одного дня ледник был набит и укрыт. А после трудов мужчины долго у нас гуляли. В апреле 1911 года на Саракульской ярмарке (в 100 верстах от хутора) купили дойных коров. Всего 44 головы на пять семей. Коровы были простые, сибирские, ростом маленькие. Мохнатые, маломолочные, даже в самый обильный сезон удоя от одной коровы получали 8-15 фунтов молока в день при двукратной дойке. Это не коровы, а прямо-таки козы. Но жирность была высокой до 5,5%. Правда и цена им была такая: от 12 до 20 рублей. На ярмарке отец купил и пригнал домой 350 штук овец по полтора рубля за голову. В первых числах мая заработал маслозавод. Мастером по выработке сливочного масла был принят Михаил Бережнев, который оказался хорошим специалистом. Масло вырабатывалось только первого сорта, а это в те времена была наивысшая оценка качества масла.

Три богатые крестьянские хозяйства, находившиеся около озера Троебратное, рядом с нашим хутором, имели около ста коров. Хозяева Чмутов, Папулов и Ермаков приехали к нам и предложили покупать у них молоко. Отец согласился и договорился покупать молоко по 35 копеек за пуд, но перевозку молока от сдатчиков принял на себя, а приемку и доставку отец поручил мне. Я оборудовал одноконную телегу, установил на нее пять стофунтовых фляг, молокомер и ежедневно с мая по сентябрь утром и вечером доставлял молоко. Самая большая дневная приемка была около 20 пудов (около 320 литров). Часто случалось так. Выеду за молоком рано, до восхода солнца. Спать очень хочется. Ложусь в телегу на солому и крепко засыпаю. Умный конь хорошо знал дорогу. Шагом дойдет до хутора, остановится на месте и громко заржет. Женщины принесут молоко, сольют во фляги, запишут себе в книжки, а мне в журналы и направят моего коня обратно. Я проснусь от толчка и увижу, что телега стоит уже около завода, а брат Илюша тянет меня за шиворот. Молоко девчата записывали честно, и никогда никакого обмана не было.

Дорогу я проложил по целине, прямую как стрела, и хорошо ее накатал. Много лет за ней оставалось название «Федина дорога». Благодаря доставке молока с хутора Троебратного наш завод был более-менее загружен работой. Помощниками мастера были Илюша и Иван Константинович. Матери по хозяйству помогала одна работница, девушка из Казанки, Устина Ивановна Блидарева.

В среднем дневная выработка масла составляла около полутора пудов. Два-три раза в месяц масло возили продавать в Курган. 120-верстная дорога до Кургана проходила по красивой местности. Здесь было много березовых и сосновых лесов, озер и несметное число разной птицы. По этой дороге было большое движение. Бесперывным потоком шли подводы, так что расстояние это мы покрывали за два дня. Ночевку делали где-нибудь около озера, куда собирались десятки подвод, ведь в одиночку ночевать было опасно: по лесам близ дорог бродили грабители. Вторую ночь ночевали в городе на постоялом дворе. Рано утром выезжали на базарную площадь и останавливались на специально отведенном для подвод месте. Сюда с маслом приезжали из очень дальних степных волостей. Основным закупщиком масла была «Сибирская компания», но масло покупали многие другие купцы.

Масло хранилось тогда в трехпудовых буковых стандартных бочках. На каждой подводе один из бочонков по требованию агента выбирался на экспертизу. Между рядами задолго до начала торга уже шныряли десятки агентов закупщиков, знакомясь с настроением поставщиков и знакомя их с ценами хозяев. За 1 сорт давали 12-14 рублей. За 2-й 10-12 рублей и 3-й сорт шел по 8-10 рублей за пуд. Вот наконец прогудел колокол, возвещавший о начале торга. Тут агенты накинулись на добычу – вонзали свои щупы в желтое эластичное масло для определения его качества. Если качество устраивало агентов, то подводы отправлялись к складам. У некоторых поставщиков масло не принимали совсем или брали только на перетопку. Это были крестьяне из далеких степей и они часто возвращались домой, не продав масло.

(У Николая Ивановича был свой прикормленный агент, который сразу брал партию масла и продавец с покупателем отмечали покупку за бутылкой коньяка в ближайшей харчевне)

Наемный мастер был у нас только один сезон. Впоследствии мастером работал Илюша. А я ему помогал. Потом мастером стал я. Илюшу взяли в армию в 1915 году, а с 1918 года маслозавод прекратил свое существование: оборудование пришло в негодность. Часть посуды продали, а часть использовали у себя в хозяйстве. Помещение превратилось в амбар. Надо сказать, что если бы не маслозавод, нашей семье пришлось бы пережить очень тяжелое время.

О школе:

В станице Пресноредутской в школе учились только местные казачата. Нас было двое чужих, или как они называли, иногородних. Я тогда этого слова не понимал, думал, что они просто считают меня городским мальчиком. торой иногородний был из деревни Песчанки – Гриша Подобин. Гриша учился тоже в четвертом классе и жил на квартире вместе со мной. Он был на год старше меня. Жили мы с ним дружно и учились хорошо, но первое время нас обижали казачата. Школу посещало около тридцати человек. Помещение школы представляло собой небольшую деревянную избушку, состоявшую из сенок и одной комнаты, где едва помещались все классы. Занималась со всеми одновременно одна учительница Евдокия Михайловна. Рядом с ее столиком

стоял небольшой шкаф с учебными пособиями. Раздевалки не было, одежду каждый клал на сиденье парты, за которой сидели по четыре ученика.

Казачьи мальчишки носили форменную одежду – брюки с красными лампасами и гимнастерки с красными погонами. Только я и Гриша пестрели между ними. На переменах часто нам попадало, то подножку, то подзатыльник получали. Насмешкам не было конца. Особенно за язык. Я очень плохо говорил по-русски, а Гриша мог говорить только по украински. Но это было только первое время, пока я еще смотрел на казачью форму с опаской. Через месяц я уже хорошо освоился и начал кое-кому давать сдачи. Руководил нападками Ванька Еремеев, но вскоре Петька Воропаев, его брат Ефимка и Яшка Грязнов вскоре решительно перешли на нашу сторону.. как-то в школу пришел псаломщик местной церкви Ефим Егорович Тимофеев. Он подбирал учеников для пения в церкви. Мы стали каждый день разучивать церковные гимны. По воскресеньям и на праздники пели на клиросе в церкви.

Илья Церахтос слева

О начале войны:

«Хуторяне вдруг обратили внимание на всадника, скакавшего со стороны станицы Пресноредутской. Над головой его был красный флажок, и отец сказал: «Война». На полном скаку всадник подъехал к нам, и мы узнали казака Максима Ханина. Он тут же объявил о начале войны и о том, что объявлена всеобщая мобилизации. Всем мужчинам надо явиться в станицу. НА наши вопросы. Кто и где воюет, Ханин ничего ответить не смог, повернул своего взмыленного коня и поскакал обратно. Мужчины запрягли лошадей в нашу тачанку и тоже поспешили в Пресноредут.

Илья Николаевич Церахто был призван в армию и воевал на германском фронте. В 1916 году он попал в плен в Карпатах. Вернулся домой после революции. Вскоре он вернулся в Сартану, под Мариуполь, где в 30-е годы работал председателем колхоза. Фёдор Николаевич Церахто писал в своих воспоминаниях, что Илья с женой Марфой Григорьевной и тремя детьми – Николаем Агапией (Любовью) 1928 г.р. и Александрой (1930 г.р.) ушёл с немцами во время войны, так как он во время оккупации Мариуполя (октябрь 1941 - 11 сентября 1943) был бургомистром Сартаны. Возможно, что старший

а

сын Дмитрий, служивший в начале войны в Красной армии, присоединился к ним. Фамилию изменили на Церахтопулос. В Америке умерла жена. Осенью 1956 года Илья Николаевич решил вернуться в СССР. Умер в Ейске в 1963 году. Дети остались в США. В настоящее время Церахтопулосы есть в Калифорнии, в городах Баннинг и Дезерт-Хот-Спрингс в округе Риверсайд. Илья Николаевич оставил воспоминания под названием: «Я любил тебя, Россия. Записки русского грека о дореволюционной России», изданные небольшим тиражом в Москве в 2004 году.

В именном списке потерь я прочёл: «Цырахтин Илья Николаевич, оставлен на поле боя. Место рождения: Акмолинская область, Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, с. Редут. Место службы: 162-й пехотный Ахалцыхский полк, младший унтер-офицер. Дата события: 3.10.1916 года».

Илья Николаевич Церахто (1896-1963). Фото 1932 года.

Фёдор Николаевич был участником гражданской войны, в составе 27-й стрелковой дивизии дошёл до Красноярска, вернулся и в 1922 году выполнял обязанности командира пресногорьковского отряда ЧОН. Работал в маслодельной промышленности. Во время войны имел бронь. Умер в Ейске в конце 90-х. В восьмидесятые годы вместе с племянником Юрием Федоровичем Ермолаевым на хуторе откопал шашку, которую очистил кирпичом и передал в Петропавловский областной музей, где она представлена в экспозиции. Спрятанный револьвер найден не был. Автор ряда воспоминаний – «Две эпохи», - Жданов, 1967, «Так было когда-то», - Мариуполь, 1980. Книги изданы в самиздате и не публиковались типографским способом.

Надо отметить, что воспоминания Фёдора Николаевича довольно субъективны, многие вещи надуманы, но тем не менее воспоминания уникальны, так как в целом в них показан дух того времени, царящий в переселенческих селах в период Первой мировой войны, в революцию и гражданскую войну. Воспоминания достойны публикации для массового читателя.

ПРОЗА

Высота

Детство (Посвящается историку Сергею Виниченко)

Иногда через прицел оконный,
Заглянув за краешек земли,
Вижу ты в рубашечке посконной,
на закат уходишь в ковыли.
Оглянись улыбкою знакомой,
Одари, ведь мы с тобой родня...
Детство, детство! Камень мой замковый,
Укрепи заблудшего меня!

Борис Спирков (Москва)

Мои глаза невольно жмурятся от ярких лучей заходящего за горизонт, уставшего за день, солнца. Их жёстко щиплет едкий пот, стекающий с разгоряченного лба... Руки слабеют, мелко дрожат ноги, но надо смотреть только вверх – на череду бесконечных лестничных перекладин, и делать очередной шаг ...

Тем давним знойным летом 1975 года в Песчанку приехала группа школьников из Пресногорьковки, чтобы заняться заготовкой березовых веток в делянках. Беспощадное июльское солнце выжгло травы, предназначенные для сенокоса - было принято решение сушить березовые ветки и кормить их листвой скот. Нас разместили в здании одноэтажной школы. Ремонт в ней был уже проведён – в прохладных коридорах пахло свежей краской, напоминавшей о предстоящем учебном годе. Спали мы на полу, положив в ряд матрасы. Ночью одолевали комары, от которых не было спасения нигде, но какое было счастье оказаться в почти взрослой жизни! Курильщики почти не скрывали своей привычки и курили в открытую. Впрочем, жара в деляне, пауты и комары выматывали подростков настолько, что к вечеру мы еле таскали ноги. Хватало сил только на столовую и купание в водах большого пресного озера, плескавшегося у самой школы. Столовая стояла на самом подъезде к селу. Из её больших окон была видна высокая пожарная каланча, одиноко стоявшая среди разнотравья и картофельных огородов. Смотрелась она раза в два выше пресногорьковской церкви, совсем не малой по высоте.

Уже не помню, чьей идеей было подняться на вышку, но однажды после ужина несколько человек направились к ней именно с этой целью. Вышка состояла из четырех пролётов, каждый из которых заканчивался площадкой без перил. Лестницы, соединявшие площадки, стояли практически вертикально, что делало подъем по ним делом затруднительным и опасным. Вдохновляло и успокаивало то, что сосна была совсем свежей, липкой и приятно пахла.

а

Из нескольких претендентов на покорение высоты лишь один оказался наверху. Остальные закончили свой путь на площадке второго пролёта, так и не решившись лезть дальше.

С этого вечера вышка стала моим наказанием. Друзья потеряли к ней всякий интерес и давно забыли о мучениях на вертикальных лестницах, а я всё время переживал свою неудачу, прокручивая в голове варианты покорения вышки. Несколько вечеров подряд я покидал столовую в одиночку и направлялся тайком от товарищей к подножию каланчи. И каждый раз мой путь прерывался на второй площадке – страх овладевал всем моим телом, сковывал мои мышцы и я пасовал перед последней, ведущей в небо, лестницей. В душе я призывал всех известных античных богов, вспоминал подвиги героев-пионеров и жестоко винил себя за дрожь в коленях. Но однажды всё изменилось...

Багровый закат отражался в лиловых, набухших долгожданным дождём, облаках. В тучах комарья и пыли лениво двигалось к околице стадо коров. Вдруг до меня, сидящего на злосчастной площадке, явственно донеслись из ближнего дома слова песни. Хрипатый – так называла Высоцкого моя бабушка – пел словно для одного человека. И на всей земле не было, наверное, в этот миг, у него более благодарного слушателя:

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх-
Навек, навек.
Для остановки нет причин –
Иду, скользя,
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.

Какая-то сила толкнула меня на третью лестницу и я, почувствовав силу в руках, полез вверх не считая ступенек...

Я стоял на верхней площадке, облокотившись на перила, вдыхал всей грудью пахнувший дождем и травами воздух, и смотрел как медленно, делая круги, падает на картофельную ботву моя кепка...

Это была победа, и пусть никто не видел моего восхождения, я был несказанно рад ей. Сделав десятка два шагов по пыльной степной дороге, ведущей в село, я обернулся и помахал утонувшей в сумерках вышке рукой. Как старому, доброму другу...

Из воспоминаний директора Песчановской школы Крейтера Э.В.:

Весной 1975 года на северо-западной окраине Песчанки в целях противопожарной безопасности была установлена 42-х метровая вышка-маяк. С нее открывался чарующий глаза простор: как на ладони были видны соседние деревушки, песчанские озера, леса и близлежащие к деревне поля. В начале 90-х вышку демонтировали...

Вышка в 2.5 раза выше Пресногорьковской церкви.

На фото – та самая вышка. (Фото Э.В.Крейтера).

Деревенский КВН

С раннего утра неяркое мартовское солнце стремилось пробить окутавший землю белёсый туман. Лишь к вечеру засверкал, наконец, подтаявший снег и открылась взору широкая степная даль за озером с едва различимыми силуэтами одиноких берёз на высокой гриве.

Я устроился с чашкой чая перед экраном телевизора, предвкушая очередную победу команды КВН «Уральские пельмени» на пути к финалу.

-Па, будет тебе КВН, только местный, – голос сына из детской вывел меня из режима ожидания.

-Корова упала, в снегу барахтается, не может подняться, – продолжал он, кивая на окно.

Я выглянул на улицу. Под самой озёрной кручей в глубоком снегу утонула корова красной масти. На желтоватом водянистом снегу она выглядела неподвижным пятном, вокруг которого хаотично суетились хозяева. Они пытались вернуть бурёнку на оледенелую дорожку к проруби, пихая её в худые бока. Эта работа сопровождалась забористым матом Леонтьича, хозяйственного мужика лет пятидесяти, всю зиму гонявшего к проруби целое стадо коров. Крики хозяина коровы привлекли к месту происшествия толпу мальчишек, стоявших неподалёку. Положение усугублялось тем, что мокрый снег у дорожки постоянно проваливался и в образовавшихся лунках проступала вода. Это не придавала хозяевам оптимизма.

Мы с женой и сыном выбежали в переулок и отправились на озеро.

Пахло талым снегом. Некрепкий южный ветер тихо трогал верхушки стройного тополя. Порозовевшее от закатных лучей небо над далекой степью уже принимало фиолетово-лиловый оттенок. Смеркалось.

На мой вопрос, что случилось, Леонтьич с досадой махнул рукой и прохрипел:

-Неделю как отелилась. Чёрт дёрнул водой ледяной напоить, вот и отбросила копыта!

-Родильный парез, – констатировала моя жена, – нужно водкой её поднимать, внутрь и растирать как можно сильнее...

-Водкой? – удивлённо подскочили вверх мохнатые брови Леонтьича, – это сколько же ей, заразе, надо влить, да и непривычная она...

Тут в диалог вмешалась молчавшая до сих пор хозяйка и проговорила:

-Да не больше надо, чем ты давеча употребил, сходи домой, притащи литр самой дешевой.

Леонтьич нехотя побрёл в гору, но, подстёгнутый окриком хозяйки, резво принёс две бутылки «Пшеничной» с криво наклеенными этикетками.

Он сунул их мне и отвернулся.

-Сами лейте, нет мочи на это смотреть...

Я решительно взял Краснуху левой рукой за влажные горячие ноздри, правой потянул вниз нижнюю челюсть.

-Лей, – сказал жене, и живительная влага забулькала в коровьей глотке. Бурёнка не сопротивлялась, лишь недоуменно косилась на меня иссиня-черным блестящим глазом.

-Может ей ещё закуски принести? – съязвил стоящий за спиной Леонтьич.

Странный лязг металла о металл заставил нас резко обернуться – в руках хозяйки мелькали два небольших кухонных ножа и издавали характерный звук: «Вжик...Вжик...».

-Если водка не поможет, придется окропить снежок красненьким, – демонстрируя решимость, проговорила хозяйка словами актера из известного сериала.

-Надо повторить. Как говаривал генерал Ермолов – между первой второй и пуля не должна пролететь, давай ещё бутылку, – протянул я руку к Леонтьичу.

-Да сколько она может пить, – печально пробормотал тот, доставая беленькую из глубин фуфайки.

Однако, и после второй дозы, и после энергичного массажа признаков выздоровления у коровы не наблюдалось. Наоборот, непривычная к спиртному, она вконец обессилила и даже не поднимала голову. Хозяйка решила, что ей холодно и заботливо укрыла беднягу бордовым драповым пальто с норковым воротником.

Между тем совсем стемнело. Небо покрылось блестками звезд. На сельских улицах зажглись немногочисленные фонари. После небольшого совещания было решено попробовать транспортировать корову конной тягой. Предприятие окончилось крахом. Лошадь увязла по самое брюхо в снегу и, оставив сани, понукаемая возницей, еле выбралась на гору. Пришлось копать траншею рядом с коровой, куда помести розвальни и ценой невероятных усилий сдвинули Краснуху на них. Но лошадь упрямо не желала напрягаться и тащить наверх лежащую на санях нетрезвую корову, укрытую дорогим пальто.

В план спасения внесли коррективы – вызвали на помощь колёсный трактор. Жена с хозяйкой притащили огромный железный лист, а я отправился

а

на поиски проволоки, чтобы прицепить его к трактору. Из проезжавших по зимней улице машин видели, как две женщины прут на себе огромный лист и приняли их за похитителей. Однако решили, что уважаемые люди не могут быть таковыми.

Краснуху переложили на лист. Трактор вытянул лист на кручу и в полной темноте утащил прямо к дверям сарая. Около двенадцати ночи спасение коровы завершилось. Давно я не спал так крепко, как в эту ночь. Засыпая, я думал о том, что корова вряд ли доживет до утра после таких эмоциональных потрясений. Хотя, сказать по совести, меня больше волновала потеря дефицитной калоши, слетевшей с валенка во время поиска проволоки и сгинувшей в неизвестном сугробе.

Утром в мой кабинет влетела запыхавшаяся хозяйка и вручила бутылку коньяка за вчерашние мучения.

-Краснуха-то в полном порядке, – торжественно объявила она, – Леонтыч пошел под утро в сарай, а она стоит, жует себе сено, да косит на него хитрым глазом! А мы думали – не дотянет до утра.

«Надо было дать ей опохмелиться», – подумалось мне в этот момент.

Постскриптум. С калошей всё получилось удачно – тёща, узнав о моей потере, вручила мне новую пару, а «Уральские пельмени» выиграли финальную игру в КВН, став чемпионами высшей лиги 2000-го года.

На фото: место происшествия на озере Пресном. Лето 2011 года.

Девяностые

Эта история произошла в начале девяностых годов. Время было смутным. Граждане, с ушей которых свисала демократическая горбачёвская «лапша», только сейчас осознали, что их «кинули». К слову сказать, были в эпоху «перестройки» проникательные товарищи, которые переводили фамилию «Горбачёв» по своему: «Граждане, Обождите Радоваться – Брежнева, Андропова, Черненко Ещё Вспомните!». Но таковых было мало – основное население хлебало обещания полной ложкой.

На голубых экранах нетрезвый Ельцин всё чаще замещал «узника Фороса» и стало ясно, что сам Форос потерял где-то букву и превратился в

чудовищный Фарс. Затем в каждый сельский дом и городскую квартиру шагнули из телятников Кашпировский и Чумак, заряжавшие батарейки, аккумуляторы и кремы совершенно бесплатно. Чудесным образом у обалдевших от перемен граждан при близком контакте с экраном телевизора исчезали геморрой и кариес, пяточные шпоры и импотенция. Но экономику страны таким образом излечить не удавалось. Сын любимого всеми комсомольцами Тимура – Гайдар и его команда, вернули страну в начальную фазу феодализма. Производство встало. Денег не было. Преобладало натуральное хозяйство. На предприятиях зарплату выдавали продуктами производства, то есть валенками, шпингалетами, мылом, салфетками и ещё Бог ведает чем.

Вся страна превратилась в огромный «блошинный» рынок. Каждый стремился обналечить выданный в качестве зарплаты товар.

Учителю сельской школы можно было понести на базар не «доброе и вечное», а лишь классный журнал, отягощенный плохими отметками. Покупателей на подобный товар, естественно, не находилось, поэтому нужно было искать иные пути для заработка. Я принадлежал к славной учительской когорте и также искал выход из сложившейся жизненной ситуации.

Однажды в Кустанае, у магазина «Юбилейный», я приобрёл на букинистических развалах занимательную книжицу неизвестного автора, отпечатанную на плохой газетной бумаге, под многообещающим названием «Как приготовить вино». Её содержание значительно обогатило мой интеллект, работавший тогда на уровне философии экзистенциализма и незавершённого гештальта – я готовился к сдаче экзамена по философии в пединституте.

С тех пор, собранные в огородах и лесопосадках ирга, смородина, вишня, малина и яблоки – все дары лета, стали оцениваться мною исключительно через количество сахара, необходимого для приготовления вермута. Огромные, двадцатилитровые бутылки с деревянным шпунтом стали местом осветления винного напитка и заполнили погреб. Яблочное вино я, как уважающий зять, испробовал на собственном тесте. Я выбрал момент, когда он испытывал жажду после банной парилки и потребовал воды. Я преподнёс ему ковш светлого яблочного вина. Итог оказался положительным – тест прошёл тест! Став заметно веселее и разговорчивее, он в общих словах одобрил мою деятельность, выразив желание испробовать другие вина и, пошатываясь, отправился домой. Там он сказал, что исключительно баня оказала на него освежающее и расслабляющее воздействие.

Через два сезона я чувствовал себя настоящим виноделом и раздавал окружающим советы направо и налево.

Единственным, но главным, отрицательным результатом моей винной деятельности было то, что сделанный мною продукт не приносил дохода и выпивался в домашнем кругу.

Тем, кто выполнял тяжёлую работу в деляне или на сенокосе, вино было ни к чему.

Время требовало повесить градус.

Это можно было сделать лишь при помощи запрещённого самогонного аппарата.

Самогоноварение подрывало монополию государства на торговлю спиртным, и кодекс причислял его к экономическим преступлениям. Количество скота в совхозе уменьшалось ударными темпами, и алюминиевые доильные бачки оставались не у дела. Инженерная мысль простого сельского труженика, лишённого пропитания, работала в нужном направлении – в ёмкость насыпали сахар, добавляли воду и дрожжи и оставляли на две недели. Уже через неделю от приготовленной жёлтой браги ноги не шли, а голова требовала движения. В связи с подобным диссонансом многие не дотягивали до перегона, употребив уже на этом этапе пахнущее хлебом сусло. Следующий этап требовал герметизации бачка и соединения оного с трубками, проходящими внутри обычного ведра с холодной, желательной, ледяной водой. Обыватель был бы весьма удивлён, узнав, что весь процесс дистилляции сходен с приготовлением дорожного виски в горной Шотландии или бурбона в снежной Канаде. Крепость напитка измерялась спиртометром и составляла более 60 градусов...

Сравнительно с продаваемой лицензионной водкой стоимость литра у учетом затрат на изготовление была ниже в разы, как, впрочем, и вероятность отравления.

Первый гон я запомнил надолго. Сказалось отсутствие опыта и беспечная халатность. Бачок дрожал и гудел, весело подпрыгивая на газплите. Суется и волнуясь, я бегал вокруг, опасаясь его взрыва. Вдруг, за оконным стеклом, я узрел большую чёрную толпу народа, медленно передвигающуюся по заснеженному переулку к озеру.

Возглавлял шествие батюшка, отец Глеб, держащий в руках большой крест. Верующие направляли к озерной проруби для освящения воды.

«Как же я мог забыть, что сегодня Крещение Господне?!», - птицей забила в моём мозгу мысль. Если бы я вспомнил о Великом празднике, то не стал бы заниматься сегодня столь греховным делом, каковым является приготовление зелёного змия!

Но подумав, что прибавление очередного греха к многочисленным предыдущим в принципе не изменит общего положения дел, я успокоился.

Неожиданно раздался резкий стук в дверь и в дом вошёл сосед-электрик.

-Проверяю показания счётчика!–потягивая ноздрями воздух, громогласно заявил он.

«Едрит - хандрит, он же унюхает запах!» – мелькнуло в голове, и я мысленно пожелал непрошенному гостю любой формы гайморита, отбивающего нюх даже у опытного электрика.

Я бесцеремонно вытолкнул его за дверь, не дав взгромоздиться на стул для проверки счётчика, висевшего прямо над подпрыгивающим на газу бачком. Электрик, услышав от меня первые попавшие на ум цифры, описав носом очередную кривую, удалился восвояси. Лицо его выражало недоумение.

Следующим посетителем оказался участковый милиционер. К счастью, я уже вынес на мороз бачок с отходами производства, и выливал содержимое в снег, когда страж порядка вошёл во двор. Кислый запах бывшей ядрёной браги быстро растворился в вечернем прозрачном воздухе и я облегчённо выдохнул. Перегон был завершён, гештальт закрыт. Самогоном я расплачивался за всё - за дрова, уголь, сено, солому, солярку для трактора. Его называли "жидкой" валютой и это не было преувеличением в эпоху гайдаровских экспериментов. Ещё я выпекал хлеб в печи соседнего заброшенного дома. В неё входило шесть форм с тестом – крайние булки чуток поджаривались, а те, что были ближе к дверце не выпекались, но хлеб съедали весь. В поисках бизнес - проектов помогали научно - популярные журналы прошлых лет. В номере журнала «Наука и жизнь» я обнаружил рецепт изготовления хозяйственного мыла. Но сколько я не пытался создать некое подобие мыла – оно упорно не хотело мылиться! Благодаря другому журналу я научился быстро собирать кубик Рубика, но никакой материальной пользы, кроме морального удовлетворения, это умение мне не принесло.

В одной статье некий химик рассказывал о технологии обработки кроличьих шкурок. Весь процесс был описан талантливо, с художественным вкусом. И тут меня осенило – кролики! Вот где Клондайк, неисчерпаемые возможности для бизнеса. Я стал углублённо изучать суть вопроса. Я делал вырезки из журналов и газет, я читал и выписывал в толстую тетрадь данные о питании кроликов, их болезнях, и, пардон, способах размножения. Последнее было очень важно для моего зарождающегося бизнеса – я должен был планировать будущий оборот кроличьих шкурок. За десяток дней я узнал о жизни кроликов всё! Общая тетрадь была исписана от корки до корки. В другую тетрадь я заносил чертежи и раскройки различных форм шапок и пальто, изготовленных из выделанных кроличьих шкурок. Кроме сведений, почерпнутых из умных книг и журналов, я общался с людьми, имевших опыт в разведении кроликов. Но здесь я упирался в стену непонимания и пессимизма в отношении моих планов. Одни говорили, что кролики много едят, другие отмечали их необычайную плодовитость. Тёща вспомнила, как в детстве её брат разводил кроликов, но не сумел достичь вершин в выделке шкурок, пошиве шапок и пальто и получении мяса, каких собирался достичь я. Но, вопреки здравому смыслу, я никого не слушал, и колотил в жуткий январский мороз двухъярусные клетки.

Трудность заключалась в том, что до прочтения первой статьи о кроликах я был знаком с ними только по мультфильму о Винни-Пухе. Когда продавец кролика взял его за уши, чтобы отправить в мой мешок, я запротестовал против жестокого обращения с животным.

Из Кустаная я привёз огромного крола, дав ему имя главного героя мистического телесериала «Твин Пикс». В самом деле, в моём Агенте Купере была заключена какая-то тайна. Он часами сидел неподвижно в углу клетки, не реагируя на окружающую его действительность, но крольчат становилось всё больше. Они грызли всё деревянное и покидали клетки, заставляя меня латать

дыры и гоняться за ними по всему двору. Кроме того, оказалось, что кролики чрезвычайно прожорливы – в их рацион кроме сена необходимо было включать и пшеничные корма. Они съедали в сутки столько, сколько поедал хороший поросёнок. Мне пришлось освоить такую неприятную процедуру как забой и снятие шкурки «чулком».

При вымачивании и дублении шкурок в кислоте на пути к пошиву шапок и пальто мой азарт стал угасать. Вместо мягкого нежного меха я получал застывший бесформенный кусок бывшей шкурки. В доме стоял удушливый запах серной кислоты и уксуса. После того, как я уничтожил кислотой эмалированный таз, начались конфликты с женой, до этого времени терпеливо принимавшей мои занятия в надежде, что я сам найду истину. Даже дети стали выражать сомнения в успехе всего предприятия. Мясо кроликов, считавшееся диетическим, тоже как-то не пошло, организм его не принял. Мой двухлетний опыт разведения кроликов закончился их отстрелом из «воздушки» прямо в огороде, где они погрызли высаженные саженцы.

Когда я отдавал Агента Купера в руки новоявленного любителя кроликов, то даже не попытался отговорить его от столь безрассудного шага. Тем более, что шапки из кролика, нутрии и норки отошли в небытие и были заменены на удобные зимние вязаные шапочки.

Я не использовал экран телевизора с говорящим Кашпировским для лечения частей тела, но, видимо, гипноз подействовал на какую-то часть мозга, вызвав измененное состояние сознания. А может быть, это сделал любитель «шоковой» терапии Гайдар, подняв за сутки цены на манты в кустанайском кафе «Шолпан» с пятидесяти копеек до пяти рублей...

Бог знает... У каждого есть своё объяснение. У тех, разумеется, кто выжил в те девяностые...

Девяностые. Спирт «Рояль»

Тот год выдался неурожайным. Жара стояла такая, что картошка в наших огородах даже не зацвела, а полосатый заокеанский жук окончательно похоронил мечты об урожае. Жителям окрестных деревень относительно повезло – в небесной канцелярии выписали им на пару дождей больше. Необходимо было войти в суровую зиму с припасами, и мы направились в сельцо Богоявленское на выдавшем виды стареньком «москвиче». Маленький сын сидел на моих коленях, помогал рулить и отчаянно гудел, перекрывая звук двигателя. Отец расположился на пассажирском сиденье и вслух планировал, где и сколько картошки мы можем приобрести.

-В мешке пять ведер, – рассуждал он, загибая пальцы, – четыре мешка нам должно хватить на зиму, если будет хорошо храниться.

В деревушке была единственная длинная улица, буквой «с» охватывавшая заросшее камышом озеро. В центре высился старинный дом из красного кирпича, напоминавший о давнем прошлом бывшей станицы. Бросилось в глаза непонятное оживление на обычно пустынных, особенно в

а

выходные дни, улицах. У каждого плетня или штакетника, на скамейках и завалинках сидели гомонящие и размахивающие руками люди. Там и тут звучала гармонь, и нестройные голоса вразнобой пели протяжные песни о нелёгкой женской доле и безответной любви.

Сыну показалось странным поведение сельчан и он спросил:

-Па, а почему они такие весёлые?

На вопрос надо было отвечать.

-Просто воскресенье, сынок, отдыхают люди, – неуверенно обосновал я.

-У нас дома тоже воскресенье, а такого нет, – продолжал рассуждать вслух сын.

-Подъезжай к Петровичу, с него начнём, – отец уверенно указал пальцем на крестовый дом с высоким крыльцом. Мы еще только покидали «москвич», как на крыльце возникла фигура человека, заоравшего на всю деревню:

-Дмитрич, солнце наше, ты нам свет даешь! – мужик расплылся в широкой улыбке и театрально вскинул руки к небу, словно благодаря его за неожиданный подарок.

В одну минуту из хаты высыпала толпа раскрасневшихся, растрепанных сельчан. Смеясь и весело крича, они схватили за руки слабо сопротивлявшегося Дмитрича и поволокли его в дом. Сын удивлённо смотрел, как дед скрылся за дверью, а я понял, что картошку будем искать уже без него.

Мы медленно поехали вдоль улицы, присматривая дом, где нам продадут картофель. Неожиданно, из густого кустарника вылез на дорогу человек, в котором я узнал моего давнего знакомого по работе в совхозе Лёню Карманова. Его квадратное тело на коротких крепких ногах крепко штормило. Вряд ли Лёня мог в таком состоянии пройти тест в позе Ромберга.

Увернувшись от крепких объятий Лёни, я осведомился, по какому случаю в деревне такие торжества.

-Дык, туточки с утраца какой-то приезжий спирт Рояль продавал, вот народ-то и возрадовался, – забормотал, дыша мне в лицо, Лёня.

-Однако, выхлоп у тебя, братан. Все мухи в округе передохли, – я старался отодвинуться подальше и делал шаг назад, но мой собеседник тут же шагал за мной.

Узнав из дальнейшего разговора о моем намерении купить картошку он оживился:

-Николаич, ты попал по адресу, у меня море картохи. Пошли, отсыплю сколь надо за поллитру, – он схватил меня за рукав и потянул в сторону вросшей в землю, подслеповатой землянки.

Леня держал мешок, в который я высыпал картошку и вдруг, увидев что-то за моей спиной, опрометью бросился бежать через огород к озеру. Я повернулся. Передо мною стояла Клава, дочь Леонида. Лицо и вся её крепкая фигура выражали крайнюю степень возмущения, а огромный дырн в руке не сулил ничего, кроме неприятностей.

-Ах ты, сукин сын, – заорала Клавдия вслед отцу во всю мощь своей неслабой груди, – да ты, гад, последнюю картошку отдаёшь!

С этими словами, размахивая дырном, она погналась за Леной, развившему поразительную для человека такого телосложения, скорость.

Я не стал ожидать продолжения общения с Клавой и немедленно ретировался, бросив ведро и мешок.

-Эта тётя за папой побежала? А почему она с палкой? – на эти вопросы сына я уже не мог найти ответа.

Надо было спасать отца от гостеприимных богоявленцев. Мы вернулись к дому Петровича и я с решительным видом вошёл внутрь. В клубах табачного дыма я наткнулся на длинный стол, заставленный зелеными бутылками со спиртом Рояль и разнообразной закуской. Дмитрич восседал во главе стола и был уже хорошо навеселе, опрокидывая очередную рюмку и нахваливая хозяев.

-Зачем искать картошку? – Петрович поднял крышку погреба и скомандовал, – лезь. Серёжа, в подпол, бери сколь надо!

Осмотревшись и не увидев никого с дырном, я спокойно полез вниз...

Картошку набрать было проще, чем забрать отца. Еле отбившись от хозяев, ошалевший от увиденного, я дал по «газам», как только отец оказался на заднем сиденье...

Дома я рассказал в подробностях об этой поездке своему дяде, приехавшему пару дней назад из города и гостившего у нас. Он хохотал до слёз и катался по дивану. А потом сквозь смех неожиданно выдал:

-Так это я был тот незнакомец, что продал спирт в деревне. Я утречком там был и поехал в Песчанку, а вы приехали за мной...

Дядя опять захохотал и мы вспомнили, как в городе он разбавлял спирт Рояль водой из-под крана, готовя к реализации. Отец, увидев конечный продукт, клялся никогда в жизни не пить подобную гадость. Я ещё прибавил тогда, что даже пираты Карибского моря из Порт-Рояля вряд ли выжили бы, употребив подобную жидкость.

...Утром у отца раскалывалась голова и когда ему открылась правда о происхождении спирта, который он вчера так нахваливал, голова разболелась еще сильнее...

Вот поистине: «Никогда не говори никогда!»

Каменное здание в центре бывшей Богоявленки. Фото автора.

Случай на целинной станции

-Начальник, мы с тобой одной крови, – в серых глазах Гриши Дробышева веселились бесенята. – Не тушуйся, всё будет тип-топ!

Я молча жевал размякшую «Беломорину» и напряженно обдумывал очередное распоряжение. Наша идиллия в коровниках отделения «Октябрьское» была прервана начальственным приказанием, исходящим из хриплой рации «Уаза» главного ветврача Василия Николаевича. Из него следовало, что компания, вторую неделю занимавшаяся клеймением коровьего стада в недрах Богоявленских баз, должна была отправиться на железнодорожную станцию Троебратное. Второй день в одном из её тупиков стоял вагон с отрубями для нашего совхоза и счётчик медленно, но верно отсчитывал неустойку за простой вагона. Экономисты в конторе уже считали убытки совхоза-миллионера – вопрос должен был решиться в кратчайшие сроки. А решить его немедленно должен был я, зоотехник-селекционер, и бывший рецидивист Григорий.

По жизни Гриша был оптимистом. Его неистощимая энергия, бившая через край, отлично работала в процессе клеймения скота. Он бесстрашно хватал сильными жилистыми руками рога очередной буренки и тащил её к привязи. Буренка упиралась, вытягивая вперед шею, крупные, похожие на спелые сливы, глаза удивленно таращились на Григория, но тот не уступал. Электрический выжигатель в моих руках грелся, поворачиваясь своими цифрами вокруг оси, и нужная цифра, расплавившись, навечно клеймила коровий рог.

С быками было сложнее. Вес животного достигал тонны и шутить с этой массой мускулов было чревато травмами. Но и здесь человеческий оптимизм и сноровка побеждали. В этой работе мы достигли совершенства и более тысячи голов скота уже бродили по пастбищам совхоза, имея пятизначный номер на своих рогах. Надои от наших действий не увеличивались и даже снижались – коровий адреналин делал своё – но учет становился более совершенным.

И вот новое партийное задание. Утром следующего дня главный зоотехник, хмуря свои густые брови, выдал первый приказ.

- Поехали со мной на машдвор, там с прошлого раза должен валяться ковш и бухта проволоки. Заберешь это всё с собой.

Около часа мы бродили между руин старой техники, среди разросшихся кустов, по пояс в высокой траве. Наконец, у самой стены длинного гаража, в куске ржавого железа мой начальник опознал искомый ковш.

- Вот теперь дело пойдет, – обрадовано воскликнул Михин и заторопился сообщить по рации о находке директору совхоза.

Экспедиция на станцию Троебратное состояла из нескольких рабочих, "Кировца" и огромной телеги – «девятки», в которой путешествовали ковш, лопаты и бухта проволоки.

- Для такого серьёзного дела требуется «бугор», – и Гриша, жизнерадостно улыбаясь, предложил на эту должность самого себя.

Станция «Пресногорьковская», так отмечено Троебратное на всех железнодорожных картах, располагалась в двух десятках вёрст по прямой от села Пресногорьковки. Все местные прекрасно знают эту степную дорогу, петляющую между озёрами и берёзовыми колками. На середине пыльного шляха уже тысячу лет гордо высится насыпной курган на вершине гребня, видимый с разных точек окружающей местности. За хранителем древности из туманной дымки вырастают «плечи» Троебратского целинного элеватора.

В 1976 году Свердловская киностудия сняла в Троебратном несколько эпизодов художественной мелодрамы «Встретимся у фонтана». Мне запомнилась фраза официантки вагона-ресторана, брошенная ею пассажиру: «Как тут люди живут, не понимаю. Как на Луне, ей-Богу...». Возможно, столичной официантке непонятен был ответ на собственный вопрос, но люди на станции жили вполне советские – добрые и отзывчивые. Вообще, люди как люди. С одной лишь разницей – их не испортил квартирный вопрос, как их сограждан-москвичей.

Угольный склад в центре станции представляет собой железнодорожные рельсы, ведущие в никуда. Они были положены на высокую, сложенную из мощных блоков, платформу. На ней стоял опечатанный вагон, в котором привезли шестьдесят тонн отрубей из далекой Белоруссии.

Параллельно вагону, к построенному в годы целины зданию вокзала, тянулись рельсы, по которым в упомянутом фильме мчался мотоциклист на новеньком красном мотоцикле «Урал» с целью прихватить в вагоне-ресторане бутылочное «Жигулёвское» пиво. Уже в вагоне он воскликнул: «Разве от пива можно отказаться!» Сюжет свидетельствовал о двух вещах. Во-первых, в Троебратном в те годы не было пива, во-вторых – на станции местные жители любили популярный пенный напиток настолько, что готовы были ради него на ходу штурмовать пассажирские поезда. Допускаю, что их добрый нрав тогда несколько испортил дефицит пива, но сейчас эта проблема решена окончательно.

Платформа для разгрузки вагонов была местом невероятных страстей среди местного населения.

Дело в том, что в Троебратном нет своего сельскохозяйственного предприятия, а коровы и другая живность кушать хотели постоянно. Местные железнодорожники вынуждены были кормить их тем, что привозили из разных концов Союза товарные поезда. Содержимое вагонов было отмечено в документах, содержание которых тут же узнавали жители. К моменту нашего прибытия у подножия платформы, на которой неприступным айсбергом высился вагон, челноками сновали легкие мотоциклы без боковых прицепов – их место занимали сбитые из досок и горбыля большие ящики. Такая реконструкция имела чисто практическое назначение – подобный ящик выдерживал до десяти мешков отрубей.

В присутствии представителей бухгалтерии я перекусил большими ножницами проволоку у печатей и общими усилиями вагон был открыт. Он под самую крышу оказался заполнен отрубями.

Кировец подтянул телегу к открытым дверям и отруби стали перетекать в телегу. Когда центральная часть вагона была освобождена, пришел черед действовать ковшом. Технология оказалась простой как медный пятак. Ковш привязали толстой проволокой к прицепному устройству «Кировца» и трактор, зацепив очередную порцию отрубей, стал медленно тягать его туда-сюда по обитому железом вагонному полу. Уже через час работы все мы были густо посыпаны пшеничными отрубями, часто чихали и кашляли и походили на персонажей из фильмов Стивена Кинга.

Почти сразу по приезду ко мне подтянулся первый владелец мотоцикла с деревянным коробом. Заглядывая прямо в глаза сквозь покрытые пылью стекла моих очков, он просяще протянул:

- Шеф, меня к тебе послал вон тот с куполами, – и он кивнул в сторону Григория, который, размахивая руками, энергично руководил процессом разгрузки вагона. Распахнутая на его груди рубаха приоткрыла синеву татуировки.

- Чем обязан? – спросил я, в глубине души предполагая суть просьбы.

- Мне бы мешочков восемь отсыпать, – пробубнил проситель, и, чтобы у меня не осталось сомнений в серьезности его намерений, поспешно добавил, – оплата сразу, жидким рублём.

Времени на обдумывание предложения не оставил Гриша – он выскочил откуда-то сбоку и встрял в нашу тёплую беседу.

- Начальник, все эти макли я беру на себя! – скороговоркой, глотая окончания, проговорил Дробышев. В его глазах я заметил знакомых бесенят.

Между тем, мой воспаленный мозг уже катастрофизировал ситуацию. В нём вмиг возникла картина суда, всплыли даже цифры приговора, озвученные судьей за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах.

Резкий хлопок тяжелой Гришиной лапой по моему плечу вывел меня из оцепенения.

- Серёга, не парься! Никто на тебя эти отруби не повесит, – будто прочитав мои мысли, хохотнул Дробышев. – Их никто никогда не мерял, сколь было, сколь стало...

Как не странно, но довод бывшего сидельца и его уверенность меня убедили.

Через полчаса картина у вагона напоминала сцену из фильма «Коммунист», только вместо лошадей и телег урчали и двигались, словно жуки, мотоциклы. Они подъезжали, грузились и отбывали восвояси. Здесь банковал Григорий – его работа в новой роли походила со стороны на уверенные движения дирижера. Количество жидких рублей увеличивалось от часа к часу и пополняло общак.

После обеда рабочая команда оживилась и отрубей в вагоне заметно поубавилось. Пришли еще два «К-700» с порожними телегами и встали вдоль платформы. В этот момент полного благодушия я вдруг увидел, как к тракторам подъехал милицейский «Уазик» и тракторист указывает сержанту в мою сторону.

«Сейчас меня повяжут и увезут в кандей», – мелькнула мысль и занозой засела в моем подсознании. Сержант неуверенно подошел ко мне и произнес фразу, которую сегодня я слышал не раз и не два.

- Вы здесь руководите? Как бы так сообразить мешков шесть?

Отлегло. Игла в голове перестала беспокоить. Направил его к Григорию, благоразумно не потребовавшего от блюстителей порядка водки, взявшего обычными бумажными рублями.

Прохладный августовский вечер встретил нас в пути. Последний «Кировец» увозил нас в телеге до краев наполненной отрубями. Уставшие за день рабочие закопались в отруби и не подавали признаков жизни. Я покинул кабину трактора на окраине Пресногорьковки и поплёлся домой, нетрезвый и усталый. Сельчане давно видели третий сон, улицы были безлюдны, дома смотрели мне вслед тёмными окнами. Жена, взволнованная моим долгих отсутствием, с удивлением оглядела меня с головы до ног и промолчала, несмотря на то, что отруби с моей одежды сыпались на палас, словно снег с новогодней ёлки...

Ранним утром меня поднял с постели телефонный звонок.

- Ты дома? – на том конце провода нервничал Михин. – А где трактор с людьми и двадцать тонн отрубей?

Директор совхоза уже был в курсе, что трактор до Песчанки не доехал и пропал в лесах словно мифический «Летучий голландец».

Я терялся в догадках. Гриша дома не ночевал, стало быть, исчез вместе с остальными.

Поехали с главным ветврачом Василием Николаевичем Обозновым на поиски. Трактор был обнаружен в десяти километрах на большой лесной поляне. Весь экипаж вместе с водилой мирно почивал на траве у потухшего костра и никак не среагировал на наше неожиданное появление. Даже Григорий.

Стало ясно, что в этой лесной глуши с жидким рублём было окончательно покончено...

История с поездками на станцию повторялась несколько раз с небольшими нюансами, но последняя ходка оказалась абсолютно провальной.

К нашему глубокому удивлению, вагон стоял на платформе в совершенном одиночестве. Озадаченный необычной тишиной и странным поведением граждан Григорий отправился в разведку к ближайшим домам.

- Пропал день! – издали горестно махнул он рукой, подходя ко мне.

Отруби эти с мочевиной, только для овец, такой подогрев пропал, – до самого вечера сокрушался бывший з/к Григорий Иванович Дробышев, и обида его на несознательных трообратнинцев наблюдалась в каждом движении.

Бывало, что домой из поездок на станцию я возвращался не только осыпанный отрубями, но и липким от сладкой патоки. Из нее можно было гнать самогон, но изначально предназначалась она не для этого, а исключительно для нужд крупного рогатого скота – ею поливали силос и тем самым повышали жирность молока наших местных бурёнок.

а

Мы подъезжали к платформе на «Кировце» с огромной бочкой и, сделав лоток, терпеливо ждали, когда коричневая, сладко пахнущая масса медленно сползет из вагонной цистерны в нашу. Местные отнеслись к патоке равнодушно. Самогон в те годы троебратцы не гнали – им хватало фляг со спиртом, которые наполнялись опять же из следовавших к месту назначения товарных цистерн. В местный фольклор вошла история, как один товарищ, надышавшись спиртовыми парами, свалился в цистерну, а выбраться уже не смог.

Статья уголовного кодекса за изготовление и продажу самогона была вполне реальной. Поэтому нас никто и не тревожил.

Прошло сорок лет. Нет уже на свете героев этой истории, а платформа стоит себе по-прежнему в центре Троебратного, словно памятник эпохе соцреализма. И каждый раз, проезжая мимо, я вспоминаю бесенят в глазах Дробышева:

-Начальник, мы с тобой одной крови. Не тушуйся, всё будет тип-топ!

Пристань загулявшего поэта

Я столько читал о вреде алкоголя!
Решил навсегда бросить... читать.
Сергей Довлатов

Я быстро сбежал по широкой лестнице гостиницы «Турист» вниз и через стеклянную дверь попал в душевную атмосферу ресторана. Его интерьер мало изменился за прошедшие три десятилетия – всё тот же мягкий полумрак, тёплый, льющийся непонятно откуда, свет, тяжелые портьеры, скрывающие посетителей от любопытных взглядов людей с улицы, и особенный запах – кухни, табака, дорогого парфюма...

Эстрадный подиум с прилегающей танцплощадкой оставался центральным местом ресторана – на нем знакомо поблескивали музыкальные инструменты. Изменилось содержимое бара – вместо батарей трёхзвёздных коньяков, среди которых айсбергами высились сверхдорогие марки «КВВК» и

«Арарат», теперь памятниками стояли виски «Jask Daniels», ром и прочие англо-саксонские вкусности. Впрочем, суть барной стойки принципиально не изменилась – желающие всегда получали свою порцию спиртного, и смена социально-экономической формации на этот процесс не оказала никакого влияния. Изменился и сигаретный ряд. В советское время большой удачей была покупка пачки «Мальборо» за полтора рубля, иначе приходилось довольствоваться сигаретами болгарского семейства, к примеру «Вегой» или «Стюардессой».

Оглядевшись, я заметил, что зал был почти полон – учителя из всех районов области, приехавшие на курсы, собрались отметить свой профессиональный праздник. Они были знакомы всего неделю и это обстоятельство делало встречу особенно интересной.

Из-за крайнего к выходу столика поднялся высокий человек в спортивном костюме и шагнул мне навстречу.

- Господин Виниченко, необычайно рад вас видеть в этом златном месте! – в голосе моего товарища по учебе действительно звучала неподдельная радость. За годы, прошедшие с момента нашего расставания в актовом зале СХИ, где нам вручали заветные ромбики, Абай слегка пополнел, а в черных, как смоль волосах появились серебряные нити.

– Вот так встреча! – от неожиданности возопил я, заставив людей за столиками вздрогнуть и обернуться, – только подумал о наших походах сюда, и бац – явление из юности!

-А я ничуть не удивлен! Если где и думал встретить тебя, так именно здесь! Жив, курилка! – продолжал трясти меня Абай.

Он был агрономом и несколько месяцев мы жили в одной комнате общаги. Более этого срока он не выдержал и, как только представился случай, съехал в более спокойную обстановку.

Я присел к его столику и мы поговорили. Абай был в командировке и через несколько часов должен был отбыть на родину. Мы жили в гостинице на одном этаже, но так и не встретились.

- Читаю, читаю твои творения, - наливая мне из графинчика, радостно сообщил мой товарищ, – кто бы мог подумать, что ты будешь писать, хотя, что-то этакое в тебе было.

-А как Бокс, Ваня, Карпенчик, Сёмка? Что знаешь о них? – торопил он меня, не давая спокойно выпить.

Я, стараясь привести мысли в порядок, опрокинул стопку, подцепил вилкой кусочек селедки, и отправил его в рот. Воспоминания накрыли нас обоих одновременно с выпитой водкой...

Поход в «кабак», коих в целинном городе Кустанае, как известно насчитывалось ровно два, для студентов начала восьмидесятых было событием марсианского масштаба. Самым престижным был поход в ресторан гостиницы «Целинная», на втором почетном месте располагался менее уважаемый, но более дешевый «Турист». Два названных увеселительных заведения располагались совсем рядом и их посетители кочевали из одного в другой

практически в любом состоянии. На младших курсах мы с завистью слушали рассказы «стариков» о посещении ресторана, полных приключений и забавных случаев. Постепенно подобные рассказы обрастали немислимыми подробностями, превращаясь в легенды, и пополняли студенческий фольклор. Мы же довольствовались буфетами на этажах гостиниц, сохранившихся до сих пор. За круглыми столами велись долгие беседы с употреблением дешевого «Агдама» и курением «Примы». Продавцы относились к нам снисходительно – помню единственный случай выдворения – Бокс попытался нарисовать на стене Альпы, через которые совершил переход Суворов. Этот экскурс в историю не понравился продавцу и нас вежливо попросили на выход...Цены были вполне демократичными – в "политотделе", знаменитой забегаловке у нынешнего "Коктем-3", кружка пива стоила 25 копеек, трехлитровый графин с пивом в баре на железнодорожном вокзале – рубль 29 копеек.

Под собственный «дембель» мы не нарушали традиции и часто посещали рестораны, даже когда финансы пели романсы – придерживались меню Кисы Воробьянинова - из закусок заказывали огурцы, сосиски, редко – жареную печень, еще реже фирменное блюдо «мясо по-кустанайски». Последнее получалось употребить только после возвращения из дома или получения стипендии. Со спиртным было сложнее – тогда на человека полагалось сто граммов водки, но этот запрет легко нарушался – на меня надевали мешковатый пиджак более плотного товарища, под которым и пронеслось в зал «горючее». Официант делал вид, что не замечал пьяную в дым от графинчика водки компанию. Запрет на курение тоже существовал номинально – за выкуренную сигарету платили официантам по пяти рублей товарищи с Кавказа...

- Ну, брат, мне пора на паровоз, – медленно поднялся со стула Абай. Мы обнялись на прощание и он вышел к стойке ресепшена. В воздухе остался лишь лёгкий запах дорогого одеколона и грусть воспоминаний.

Между тем, вечер в ресторане был в самом разгаре. Наиболее творческие учителя уже перехватили у музыкантов гитары и пели с эстрады авторские песни. Шум и гам перекрыл мощный бас подтянутого военрука из Наурузума:

-Господа офицеры, выпьем за присутствующих здесь дам! Прошу всех встать!

Многие «господа» встать уже не смогли. Я понял, что апогей дружеской встречи почти достигнут.

Встреча с Абаем и место моего пребывания прямо повлияли на мои мысли. Я сидел в темном уголке ресторана, смотрел сквозь толпу танцующих людей и видел прошлое. Меня не мог отвлечь даже грохот ударных...

Город тонул в синих декабрьских сумерках. Я шагнул из автобуса на обледенелый тротуар, попав под свет неоновых огней. Я приехал из дома для продолжения учебы на пятом курсе, имея в кармане своей «москвички» сто рублей, предназначенных для оформления дипломной работы. Город готовился к встрече нового года – в витринах ярко горели цифры «1983», на улицах попадались граждане, несущие в руках пахнущие хвоей ёлки. В моем

дипломате лежала небольшая книжка Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» – в ней он написал о Париже. То же самое я мог бы сказать и о моём родном Кустанае.

Сделав всего несколько шагов к остановке такси, я нос к носу столкнулся с Алмасом, моим хорошим знакомым из Наримановки, пользующейся в те годы дурной славой. Со своим другом боксером он направлялся в «Турист» с целью отметить победу в очередном бое.

Мест, по обыкновению, не было, но Алмасу удалось договориться с официантом и вскоре мы упали за один стол с какой-то развесёлой компанией. Я сунул дипломат под стол и началась гульба. К концу третьего часа я обнимал всех окружающих и мне казалось, что все люди – братья. Решив немного освежиться, я вышел на высокое крыльцо и попал в объятия жёсткого мороза. Здесь у меня произошла стычка с гражданином, сказавшим что-то невежливое по поводу моей прически. Наша пикировка продолжалась недолго – из соседнего двора медленно выехал желтый автомобиль «ППС» и два стража порядка под белы руки водворили меня в автобус.

В холодном ПАЗике сидело несколько бомжеватого вида типов. Один молча царапал пальцем на толстом инее окна решетку, другой пьяно гнусавил: «Вставай, проклятьем заклейменный...», третий спал на заднем сиденье, подогнув ноги и подложив обе руки под щеку. Лицо его напоминало зеленоватую маску. Ресторанный запах веселья и радости сменился вдруг на запах тревоги и ожидания.

В «винограднике» состоялся развод – мрачную толпу разделили на части и запихали в еще менее комфортабельные автозаки. В них не было сидений, а лишь покрытый железом пол. Сколько времени я провел в движении сказать затрудняюсь, но холод и крепкие кулаки милицейского сержанта окончательно привели меня в норму и в вытрезвитель я вошел почти заново рождённым. Вид помещения меня не порадовал. На стене висел огромный стенд с надписью «Они позорят наш город». На нем рядами располагались фотографии с отвратительными физиономиями. Тут же стоял зафиксированный на треноге фотоаппарат, который и выдавал фото на стенд. Я записался в журнал регистрации заведения, как студент Цветков, и был отведен в камеру, набитую теми, кто поторопился отметить новый год раньше срока.

Я был жутко зол на себя – моя судьба висела на волоске – из этого места в адрес вуза запросто могли отправить телегу и вместо пятого курса я мог отправиться в армейскую казарму с нехорошей репутацией. Не обращая внимание на пьяное окружения я лёг на первую попавшуюся шконку и накрылся с головой суконным одеялом. Жара в помещении не действовало положительно на клиентов этого дома скорби. Они пели, орали и матерились. Голова моя лопалась от этих звуков, я не выдержал и заорал: «Мужики, когда вы уже заткнётесь!». Воцарилась тишина, и кто-то отчетливо произнес: «А это кто еще такой?»

Тут же последовал ответ:

-Это студент, ему нужно отдохнуть, учёба хоть кого доведет.

Чья-то рука заботливо накрыла меня еще одним одеялом... Стало тише.

Дальнейшее походило на чудо. Вошел молодой лейтенант и затребовал на выход студента Цветкова. Последнего долго искали, будили уснувших бедолаг, пока я не вспомнил, что ищут меня.

Мы вышли с дежурным на крыльцо, где я пообещал ему помочь написать курсовую в обмен на молчание о моём досадном пребывании здесь.

Я остался стоять в одиночестве в ночной Наримановке у стены следственного изолятора. Звезды заговорщицки подмигивали мне сквозь витки колючей проволоки на его стене. Я медленно побрел в сторону КЖБИ. В каком-то глухом неосвещённом переулке меня догнал мужик и о чём-то спросил. Ему показалось, что я неправильно или неуважительно ответил и он применил бросок через бедро, в результате чего я оказался в сугробе.

Лишь под утро, совершенно окоченевшим, я попал в тепло общежития, где жила Наталья. Мне дали погреться и выпроводили вон дежурные. Они вполне резонно полагали, что в таком виде предстать перед девушкой крайне нежелательно для дальнейших серьёзных отношений.

Я вышел на проспект Свердлова (ныне-Абая) напротив десятого училища и в гордом одиночестве пошёл в город по сплошной линии, нанесённой на асфальт.

Меня подобрал сердобольный таксист и увёз в Заречный. У порога общежития «Волга» остановилась. Из-за отсутствия денег пришлось оставить в залог таксисту шапку, пообещав принести через несколько минут три рубля.

Общага не спала – отмечали встречу друзей. Все очень удивились моему неожиданному появлению и тут же снабдили меня трёшкой. Шапка благополучно осталась у владельца – без неё было никак нельзя.

К середине следующего дня мои вчерашние товарищи по ресторану привезли мой дипломат с вещами и пятьдесят рублей денег, оставшихся от былой роскоши...

Обо всем этом мне вспомнилось за столиком ресторана в этот необычный день учителя. Мне вдруг до боли захотелось вернуть хотя бы мгновение из прошлого. Я быстро встал, прошёл к эстраде, сунул деньги изрядно уставшему басисту и заказал песню, которую заказывал здесь другим музыкантам много лет назад для своей любимой. Мы танцевали тогда с Наташей медленное танго.

На волнах своей памяти я уходил из ресторана, с песней канувшего в Лету ВИА "Пламя" и с праздником, который остаётся всегда со мной:

Такого снегопада, такого снегопада,
 Давно не помнят здешние места.
 А снег не знал и падал, а снег не знал и падал
 Земля была прекрасна, прекрасна, и чиста.

На выпавший, на белый, на выпавший, на белый
 На этот чистый, невесомый снег

а

Ложится самый первый, ложится самый первый
И робкий, и несмелый, на твой похожий след...

Фото гостиницы «Турист».1977 год. Справа на первом этаже – ресторан.
Крыльцо – за деревом. Виден двор, откуда появился "ППС".

Песня: ВИА «Пламя» (1978)

Воспитательный момент

Заканчивался очередной год. На втором этаже резвилась новогодняя школьная дискотека для старшеклассников – мелко дрожал пол и доносились глухие звуки музыки.

В узкую щель дверного проёма я видел теннисный стол, освещённый мягким лунным светом, падающим из окна. В сумраке угадывались две девичьи фигуры.

-Надька, чего ждешь, доставай быстрее, пока историк не проявился– заговорила одна из девушек. Её полушёпот в полной тишине слышался отчетливо и казался громким.

Подружка быстрым движением вынула из потаённого места бутылку и, наклонившись, поставила её на пол, у ножки стола.

-Дискотека скоро закончится, а у нас ни в одном глазу, – встревожено заявила первая, – не тяни, наливай!

-Нееет, надо посмотреть, где учителя, не хватало еще спалиться, еще напишут в техникум, – возражая, затараторила Надька. С этими словами она потянула подругу за рукав, и они исчезли в полумраке школьного коридора.

Бутылка и пластмассовый стаканчик сиротливо остались стоять на пыльном полу.

- Ну вот, Леонтьевич, и подарок тебе от деда Мороза! Будет чем Новый год отметить, – обернувшись к завхозу, тихо грустившему на топчане у дизельного котла, сказал я.

И тут же спросил:

- Есть пустая бутылка? Треба сделать рокировку.

Густые белесые брови Леонтьевича удивленно и радостно подпрыгнули вверх, когда я занес трофей и с торжественным видом бережно поставил его на подоконник.

Порожня тара тут же была наполнена водой и поставлена под теннисный стол.

Оставалось только ждать.

Вскоре вбежали взволнованные девушки. Одна из них наполнила наполовину стакан и со словами: «Ну, будем!» залпом, по-мужски, выпила холодную «водку». Рукой отодвинув в сторону протянутую подругой конфету, несколько секунд она стояла остолбенев, видимо, не почувствовав должного эффекта. Потом резко и разочарованно выдохнула:

-Ну, гады, опять воду продали!!!

Танцы вскоре закончились, и я покинул свое дежурство под звуки баяна, раздававшиеся из глубин кочегарки. Вслед мне неслось:

Ты ж мэнэ пидманула!

Ты ж мэнэ пидвэла!

Леонтьевич был в ударе.

На высоком обледенелом крыльце школы я запахнул куртку и, ёжась от колючего ветра, с чувством выполненного долга, отправился домой...

Фото : Место действия через 30 лет (июнь 2025)

Экскурсия

Утро как-то не задалось... В комнате стоял табачный туман, не осевший после ночной карточной игры, посередине пустого стола маячила тарелка с кучей изогнутых потушенных «бычков». Неприятно ныла печень – последний хлеб и сало было употреблены ещё позавчера. За стенкой хрипел магнитофон:

Поворот, новый поворот!

И мотор ревет!

Пропасть или взлет!

Бокс высыпал из окурков "Примы" на стол желтоватый табак и с мрачным видом скрутил самокрутку.

-Жрать охота! – будто сделав открытие, выдал он, закурив. От его первой жадной затяжки брызнули в стороны мерцающие искры.

Толик, отбросив в сторону одеяло мышиноного цвета, поставил ноги на пыльный пол и вдруг радостным тоном возвестил:

-Ёк-макарёк! Сегодня ж у нас по графику экскурсия на мясокомбинат! Будем познавать производственный процесс. – Глядишь, что-нибудь и обломится, в смысле пожрать!

- Вот нас там и обломают, с нашим преподавателем ничего не выйдет, – не совсем протрезвевший Бокс однако трезво смотрел на вещи. – Да и шмонают там, дай Боже, еще вляпаешься в какую-нибудь очередную шнягу... Оно нам надо.

Несмотря на его оправданный скептицизм, мы первыми прибыли к воротам мясокомбината. Преподавателя и основной массы студентов еще не было. В проходной серьезный контролер сурово глянул на наши «дипломаты» и указал пальцем на огромный стенд. На нём были изображены несколько шаржей из журнала «Крокодил» – мужчины и женщины с дебилскими синеватыми лицами и почему-то красными носами тащили в авоськах торчащие палки колбасы. Сардельки волочились за ними по земле.. Женщина с лицом партработника нависла над несунами и грозила им указательным пальцем. Надпись обещала: «Позор расхитителям социалистической собственности!». Мы многозначительно переглянулись.

После проходной настроение не улучшилось. Надо было найти более-менее законный способ получения бесплатной колбасы на мясокомбинате. Правильная идея пришла на ум как-то всем сразу. Нужно было избрать преподавателя из нашей среды и совершить вполне приличную экскурсию, направленную на изучение технологии изготовления колбасы.

Ваня Бугайцов как нельзя лучше подходил на эту роль. Небольшого роста, крепкого телосложения, Ваня в свои прожитые четверть века имел солидные залысины, продолжавшие высокий лоб. Но главное – ему принадлежал дорогой коричневый костюм-тройка и ярко-красный галстук – мечта всех общаговских щеголей. Владелец сего богатства надевал костюм не только в праздничные дни, но и в обычные, скромные – на лекции, семинары и коллоквиумы. Стоит отметить, что вид человека в импортном костюме вызывал почти одинаковую реакцию и у вузовских преподавателей в залитых солнечным светом аудиториях КСХИ и у завсегдаев известного всем пивного заведения с многозначительным названием «политотдел», в сумрачных недрах которого пиво лилось рекой. И там и там к костюму питали особое уважительное отношение. Понятно, что преподаватели относились благосклоннее и снисходительнее на экзаменах, а любители пива чувствовали в носителе костюма превосходство интеллекта. Особенностью кремлинового костюма было то, что пятна от пролитого пива и иные неприятности почти не влияли на его внешний вид.

На наше предложение приятель откликнулся с пониманием – он подкрепил свое согласие действием. Открыв свой дипломат, Иван выудил на свет свернутый белый халат, приготовленный для посещения занятий по

анатомии. Облачившись в белые одежды, не застегнув пуговицы, чтобы был виден костюм, Ваня предстал перед нами во всей красе. Теперь на его высоком лбу читалась научная степень кандидата наук. Предстояло найти колбасный цех. Повернув носы по ветру компания пошла на запах. Надо сказать, запахи на мясокомбинате отличались большим разнообразием. Пожалуй, нет иного такого места, где привычные ко всяким запахам горожане, не открыли бы для себя новые, и весьма экзотические. Из всех представленных запахов приятен организму был только запах копченой колбасы, стоившей в магазинах целых семь полновесных советских рублей.

По дороге было постановлено называть Ивана строго по отчеству – Иваном Ивановичем. Наш предводитель шествовал впереди группы студентов, с утра еще ничего не евших, уверенной походкой, помахивая «дипломатом». Такие кейсы были у всех нас, никто толком не знал, сколько килограммов колбасы можно унести в таком контейнере. Но доподлинно было известно, что дипломат выдерживал до шести бутылок портвейна «777».

Технологией обработки шкур, процессом убоя, и другими «прелестями» мясокомбината мы не интересовались, поэтому без сожаления направлялись напрямиком к цели.

Наконец мы шагнули в цех по производству колбасных изделий, в святая святых, в место, где производился продукт, который обычные граждане видели на столах только по великим праздникам.

Нашим восхищенным взорам предстал процесс изготовления колбас – по обилию их названий можно было подумать, что мы попали в музей. Иван Иванович представил нашу группу молоденькой девушке в белом колпаке и халате и она с огромным энтузиазмом принялась перечислять все виды колбас, изготавливаемых на производстве. Здесь были вареные колбасы – докторская и диетическая, полукопченые – полтавская и краковская, сырокопченая – московская, ливерные и кровяные колбасы, диетические и из мяса птицы.

Для приличия некоторые из нас достали бумагу и старательно делали вид, что записывают каждое слово экскурсовода. Иван Иванович глубокомысленно хмурил брови и со знанием дела понимающе поддакивал.

Мимо нас то и дело катали рамки, на которых висели те самые вожделенные колбасы. По лицам товарищей я понял, что они готовы последовать примеру отца Федора из «12 стульев» и без стеснения наброситься на проезжавшую мимо еще горячую колбасу. Первым не выдержал Бокс, он слегка поотстал от группы, сдернул палку колбасы и воровато оглядываясь, сунул ее в дипломат.

Иван Иванович, голодный со вчерашнего вечера, хитро улыбнулся и предложил девушке:

- Было бы здорово, если бы мои студенты не только услышали от вас технологию производства, но и попробовали кое-какие изделия.

Девушка залилась краской, вдруг осознав, что поступила не совсем деликатно, не предложив сделать это сразу. Она засуетилась и стала наперебой предлагать студентам попробовать разные сорта колбасы.

Слушать ее тут же перестали. Иван Иванович, забыв приличия и свое особое положение, неожиданно быстро для интеллигента в «тройке», схватил сосиску из проезжавшей мимо рамки, и мгновенно проглотил ее.

- А как у вас тут с хлебом? – вдруг нахально пробубнил Витек. Сказать фразу внятно у него не получилось – рот был заполнен до отказа дармовой сарделькой.

Девушке было откровенно неудобно от такого неожиданного преобразования всех слушателей, вдруг переставших записывать за нею ее лекцию. Она была несколько смущена, стала говорить меньше и без пионерского задора. В конце путешествия по колбасному цеху желудка и дипломаты страждущих были наполнены и стало понятно, что пора покинуть это благословенное место.

Тепло, попрощавшись с экскурсоводом, расслабленные от принятой пищи, студенты направились к проходной, у которой лицом к лицу столкнулись со своими однокурсниками во главе с преподавателем. Последний сурово посмотрел на наши довольные физиономии и все понял. Глаза его за толстыми стеклами роговых очков выражали крайнюю степень неодобрения.

Но дело было сделано. Нас выпустили с территории мясокомбината без проблем, даже не осмотрев дипломаты. Видимо, контролер вспомнил собственную молодость...

Веселая компания направилась к стоящей у кинотеатра «Арман» бочке с надписью «Пиво» и уже через полчаса вся очередь радостно запивала пивом вынесенную из ворот комбината колбасу... Галстука на Ване уже не было.

Примечание автора. Поход на Кустанайский мясокомбинат состоялся весной 1981 года.

Имена, клички, фамилии подлинные.

Фото колбасного цеха Кустанайского мясокомбината, 1982 год.

Человеческий фактор

Дыхание Нового года ощущалось во всём. Воздух магазинов и торговых рядов был густо напоен забытым запахом мандарин и свежей сосновой хвои, напоминая посетителям о далёком детстве. В своих северных владениях дед Мороз уже запряг свои расписные сани, пустив прежде себя мощную волну арктического холода, затопившего всю Западно-Сибирскую низменность.

В сумраке школьных коридоров гуляли сквозняки – было зябко и неуютно. Окрашенные в тёмно-синий цвет панели комфорта не добавляли. На лицах учителей читалась целая гамма чувств – разочарование, недоумение и горечь. Всё объяснялось просто – последний раз они получили свою небольшую заработную плату в мае. Вместо обещанных денег педагоги получили паёк, состоящий из нескольких кусков мыла, подмороженных мандарин и яблок. С таким новогодним «подарком» идти домой никому не хотелось. Толпа глухо возмущалась. В адрес начальства неслись недобрые слова и откровенная ругань. Кому первому из раздраженных и обиженных

людей пришла мысль о забастовке сказать затрудняюсь. Но вдруг появившись, мысль эта никуда не исчезла. Наоборот, повторяемая многократно, окрепла и стала казаться единственно правильной в сложившейся тупиковой ситуации.

Крамола заключалась в возможности не выхода на работу немалого учительского коллектива, что должно было повлечь неудовольствие родителей и произвести должный общественный резонанс. Слова «забастовка», «стачка», «бойкот», «экономические требования» в период развитого социализма были напрочь забыты гражданами и почитались ими за анахронизм. Но здесь они вдруг ожили и явились к нам из пыльных учебников истории, повествующих о давних годах первой русской революции, закончившейся победой реакции. Исторические термины звучали пугающе и грозно – но иного выхода никто не видел – дома сидели ни в чем не повинные семьи. Чаша терпения была переполнена после использования выданного в пайке мыла. Видимо, чиновники решили, что новый год учителя должны встретить не очень сытыми, но как минимум вымытыми. Однако выданное мыло оказалось с особым специфическим запахом, настолько сильным, что отбить жуткий запах было невозможно никакими иными моющими средствами. Помыв им руки утром первого дня наступившего года, я вышел из дома и в сердцах изо всех сил запустил своё мыло в бледнеющее звёздное небо.

В начале третьей четверти накал страстей только нарастал. Районное начальство узнало о нашем намерении, и, стремясь удержать конфликт в границах района, выслало десант во главе с заведующим РОНО Василием Николаевичем Бурхацким.

Решительные, готовые на всё педагоги, львиную долю которых составляла прекрасная половина человечества, собрались в холодной учительской, слева от лестницы на второй этаж.

Распахнулась дверь и в учительскую быстрым шагом вошел Бурхацкий, поздоровался и присел на предложенный директором стул.

В ожидании грома и молний от наэлектризованных женщин я невольно втянул голову в плечи.

Между тем, Василий Николаевич широко обезоруживающе улыбнулся и спокойно сказал женщинам:

-Как дела, девочки? Знаю, знаю о ваших проблемах. Пытаюсь сделать то, что в моих силах.

Надо отметить, что ожидаемое, но всё же внезапное появление завРОНО – статного, высоченного красавца, некогда служившего в роте кремлевского почетного караула произвело на женщин ошеломляющее впечатление. К моему глубочайшему удивлению, ни одна не выразила своего неудовольствия, но все вдруг заулыбались, потянувшись к бывшему гвардейцу.

-Вы уж потерпите, – продолжал убеждать заведующий, – не вы одни такие, но никто кроме вас не бунтует.

Голос его звучал уверенно – он будто ставил точку каждым произнесенным своим словом. За все время, пока Бурхацкий убеждал не

а

бастовать, от аудитории никаких вразумительных предложений не последовало...

Женщины смотрели на сидевшего напротив начальника широко раскрытыми глазами и, словно примерные ученики на экзамене, внимали каждому произнесенному слову.

Василий Николаевич исчерпав все аргументы, и, поздравив коллектив с наступающим, пожелав творческих успехов и большого личного счастья, покинул помещение так же бодро и уверенно как и вошел.

Еще некоторое времени в учительской царило молчание. Потом вдруг все засуетились, загалдели, обсуждая речь заведующего. Никто более не упомянул о забастовке, которая была в одночасье прекращена.

Личное обаяние и правильно подобранные слова сделали своё дело.

Революционная ситуация, когда "низы" не могут, а "верхи" не хотят***, не получила своего дальнейшего развития, неожиданно споткнувшись о человеческий фактор...

***В.И.Ленин. Крах II Интернационала (1915 г).

Даль светлая

Я вышел из кабинета директора школы загруженный ответственным заданием – мне предстояло отправиться в Кустанай с группой выпускников для сдачи Единого национального тестирования. Водить школьников на соревнования и экскурсии всегда непросто – на руководителя ложится тяжкое бремя ответственности перед родителями за безопасность их детей.

В школе полным ходом шёл ремонт – по этажам туда-сюда сновали ученики, родители и техперсонал, вооружённый швабрами, вёдрами и кисточками. Несмотря на экзамены, стоял несмолкающий гул, то и дело раздавались крики и звучал залиvistый смех. Жаркое июньское солнце через открытые окна постепенно прогревало ещё прохладные после холодной весны классы. По нагромождённой вдоль стен мебели весело прыгали неуловимые солнечные зайчики. Пахло свежей краской и отцветающей сиренью. Редкие снежинки тополиного пуха уже начали путешествовать по коридорам школы.

В обычной для этого времени года суете оставался невозмутимым лишь военрук Александр Андреевич, разгадывающий кроссворд на месте дежурного по экзаменам.

– Ты чего такой запаренный. Не уходи – подскажи слово, – он придержал меня за руку. Ткнув пальцем в кроссворд и машинально назвав искомое слово, я взлетел на второй этаж, невольно завидуя военруку. В своем кабинете я перепроверил подготовленные на выпускников документы и отправился домой готовиться к поездке.

Раннее утро было чудным – озеро при полном безветрии казалось совершенно спокойным, в его глубинах отражалась синева безмятежного, без единого облачка, неба. В кустах цветущей акации заливался соловей, вдоль прямых станичных улиц плыл пряный запах юного лета.

У здания акимата шла посадка в автобус. Провожающие мамы старались сдерживать слезы, изредка подносили платочки к глазам и говорили последние напутственные слова, будто расставались не на два дня, а на долгие годы.

Каждый пассажир получил от них на дорогу по пятьсот тенге.

Я пустился в путь со своим собственным секретом. Секрет состоял в насыпанной в носки сухой горчице и намазанных финалгоном ступнях ног. Суматошное окончание учебного года, целая куча нерешённых проблем, привели к тому, что даже в летнюю жару у меня нещадно мёрзли ноги. Как всякий нетерпеливый человек мириться с этим я был не намерен. Решить проблему кардинально могла только чудодейственная мазь финалгон. Так, перефразируя известную цитату, я унёс, вернее, увёз, горчицу в собственных носках.

Устроившись на сиденье у двери, я вытянул из нагрудного кармана футболки лист с длинным списком учеников. С этого момента проверка личного состава пофамильно стала постоянной и необходимой реальностью – отныне переключка производилась мною при любой остановке автобуса.

До Узункуля пассажиры ехали молча – дремали и беспрестанно зевали. Вставать так рано без родительского понуждения могли только некоторые заядлые рыбаки из выпускников.

Финалгон не подавал признаков жизни. Мысленно я клял всю фармацевтическую промышленность – «что за лажу нам продают, никакого эффекта» – возмущалось моё внутреннее Я.

Первая остановка в райцентре состоялась у попавшего повзрослевшей детворе на глаза продуктового магазина. После возвращения из магазина последнего ученика я понял, что допустил серьёзную ошибку – все деньги, выданные час назад заплаканными мамами, были истрачены на соки, воды, пряники, сладости. Больше всего меня огорчили куски мороженого полуметровой длины, торчащие почти из каждой набитой снедью авоськи. Призрак неминуемой массовой диареи и вездесущей ангины немедленно возник в моей голове. Нечто подобное я предполагал, поэтому на дне моего потёртого временем «дипломата» лежали активированный уголь, но-шпа, фталазол и левомецетин, способные в случае необходимости изменить ситуацию к лучшему.

Площадь у районной школы была полна народа. Всех прибывших строили напротив импровизированной трибуны, с которой выступили несколько человек. Речи их были полны оптимизма – ободряли и настраивали на удачу сомневающимся. От желающих поговорить не было отбоя – тем временем светило окончательно взобралось на небосклон – его палящие лучи стали не по-детски греть затылки митингующих.

Наконец прозвучала заключительная команда:

– По машинам!

Разомлевшие выпускники погрузились в огромные автобусы с мягкими креслами и открытыми в крыше люками. Мы воссоединились с одной из школ района – Суворовской – и поехали с большим комфортом.

Наша процессия состояла из десятка автобусов и двух машин «скорой помощи». Возглавляли и завершали караван автомобили ППС с горящими бело-синими фонарями на крышах. Встречные машины при виде столь серьезного эскорта вежливо принимали вправо и притормаживали, пропуская нас.

На мосту через речку Убаган мне позвонили.

На вопрос жены, как у меня дела, я сквозь все автобусные шумы сумел ответить ей, что финалгон начал своё жесткое действие. Это было сущей правдой. Несмотря на моё утреннее недоверие фармпроизводителям, мне стало казаться, что автобус едет слишком медленно, хотелось выбраться из него и побежать впереди. Ноги горели огнём.

В Боровском наша железная кавалькада, издали напоминающая бронепоезд, завернула к лесу. Шумная ватага, разделившись на юношей и девушек, побежала в березовую рощицу – впереди всех бежал я. Мне казалось, что активное движение и горчица, высыпанная в лесу, утихомирят мои расширившиеся сосуды. Когда последние курильщики взобрались в автобусы, последним влез и я.

– Сергей Николаевич, – тут же затрещали девчонки, – тут наших мальчишек поймали за автобусом! Курили в открытую.

– Не все сразу! Кто курил, кто кого поймал? – приходя в себя, я вернулся к своим обязанностям.

– Женщина из районо! – каждая стремилась сообщить новость первой, – спросила Харина из какой школы? Он ответил – из Пресногорьковской.

Вопрос – «почему он курит?» Володя понял как – «что он курит?».

И потому ответил: «Мальборо». Женщина из РОО махнула рукой, и со словами «какой завуч, такие и ученики», удалилась восвояси.

В двери общежития индустриально-педагогического колледжа я вновь забежал первым и, кляня фармацевтов за сверхэффективность изготовленного препарата, с наслаждением сунул ногу в раковину умывальника, под струю холодной воды. Лишь через минуту я обратил внимание на картонку с надписью «Ноги в раковине не мыть!!!». Кроме надписи на картонке была изображена перечёркнутая крест-накрест корявая ступня. Вошедшая уборщица пристыдила меня:

– Вы же взрослый человек, ладно бы студенты.

После моих объяснений неадекватного поступка она поставила ведро, прислонила швабру к стене и, прихлопывая себя по бокам, стала безудержно хохотать, повторяя:

– Фи-налгон-о-о-м! Но-о-о-ги! В жар-у-у-у!

В таком состоянии излишнего возбуждения я и оставил её навсегда.

После заселения в общежитие, нам дали время прогуляться по городу. Я поставил задачу не отрываться от меня, быть всё время в поле моего зрения, чтобы не потеряться в толпе. Девчонки меня беспрекословно слушали, а вот юноши, почувствовав воздух свободы, стали отрываться от нас и оказались довольно далеко впереди. Кроме прихваченных мною лекарств, в «дипломате»

лежали все их документы. Поэтому, когда ребят остановил патруль, они принялись встревоженно озираться, ища меня с документами. После объяснения с полицией мои подопечные сами старались не выпускать меня из виду, поняв всю серьёзность происходящего. Этим я сильно облегчил последующий контроль.

К общаге подошли бывшие наши выпускники, нынешние студенты различных учебных заведений города. Все они были учениками одной школы, поэтому знали друг друга, вместе занимались спортом или были соседями. Когда мы тронулись в столовую я пригласил туда и студентов, своих бывших учеников. Кормили бесплатно и довольно сытно. Никакой переключки не было, поэтому ребята остались довольны ужином.

В полутёмном прохладном зале перед выпускниками выступал директор колледжа Виктор Петрович Колпаков, выпускники сонно слушали его речь. Я сидел рядом с проходом и заметил в соседнем ряду одного из уже состоявшихся студентов, который внимательно слушал оратора.

Позже я спросил Олжаса, зачем ему знать условия приёма, ведь он уже является студентом.

Ответ меня рассмешил.

– После такого плотного обеда неудобно сразу уходить, – растягивая слова, вполне серьёзно ответил интеллигентный Олжас.

Общежитие гудело. Все его комнаты были забиты под завязку будущими абитуриентами. По этажам постоянно передвигались озабоченные комендантша и кастелянша, предупреждая жильцов о сохранности полотенец, мебели и кроватей времен доисторического материализма. Несколько раз в своей жизни я ночевал в этой общаге, но это было еще до рождения на свет всей этой обстановки – в далеком 1980-м году. Вообще-то тогда я жил в общежитии напротив, через проспект Абая (тогда – Свердлова). Сейчас его закрыли от проспекта две девятиэтажки, построенные в аккурат на нашем футбольном поле. Но так случилось, что в олимпийском году после практики, я не смог попасть в родную общагу и осел на неделю здесь.

В момент, когда воспоминания начали одолевать меня, в комнату вошла выпускница Женя в сопровождении заведующей РОО. Интуиция подсказала мне, что Женя зашла сюда не по собственной воле – голова её была низко опущена, плечи безвольно повисли. Такое состояние было нетипично для Евгении.

– Вот чем занимаются ваши ученицы! – протягивая мне пачку сигарет, гневно провозгласила заведующая, – и даже не скрывают. Шла впереди меня по лестнице, а пачка – в джинсах!

– Просто выполнила мою просьбу – купила мне пачку сигарет. Не вижу в этом ничего криминального, – нахально глядя в глаза заведующей соврал я.

– Но... вы же не курите... – виновато проговорила заведующая. Весь её гнев немедленно улетучился, – а она мне не сказала об этом...

– Закуришь тут со всем этим, – я почему-то развёл руками, поворачиваясь вокруг оси. Будто бы окружающая обстановка вынудила меня вновь закурить.

На этом инцидент был исчерпан. Мне пришлось конфисковать пачку сигарет у Жени, с чем она безусловно согласилась.

Вопрос о курении стоял очень остро. Я понял это, когда вошёл в мужской туалет на пятом этаже и оказался в таком тумане, что не видел ничего перед самым носом. В этом дыме смутно угадывалась группа парней. Из форточки торчали чьи-то ноги и мешали дыму выходить наружу. Я потянул за ноги и... вытянул Вовку Г., моего ученика.

– Я не курил в помещении, – спокойно обосновал странное положение тела Вовка, – я на улицу высунулся!

– Здесь рамы насквозь гнилые, а если бы ты свалился с пятого этажа, что потом говорить твоим родителям, – возмущался я, таща Вовку за собой по коридору.

– Можно с вами поговорить серьезно, – вдруг тихо сказал Вовка.

– Валяй!

– Вы же знаете, что я давно курю, и без этого не могу, – заговорщицки продолжал мой ученик, – если я не покурю, то не сдам ЕНТ, буду сильно волноваться. А ночью мне вообще сложно будет – в комнате нельзя, а в коридоре дежурная из РОО будет всю ночь сидеть. Так что дело – табак... Что бы вы сделали на моём месте?

И он обречённо махнул рукой...

Жаль мне стало парня. А вдруг и правда его состояние скажется на качестве знаний, которое у Вовки и так ниже некуда?

– Ну, в твои годы я уже бросил. А если бы курил, то сделал бы так – иду умываться с полотенцем в умывальник, и резко сворачиваю напротив, в туалет, – ответил я на вопрос. Вовка просиял.

Наутро, после разбора полётов методистами РОО, нашу школу неожиданно похвалили – никаких нарушений дисциплины со стороны школьников. Вот только один пресногорьковский почему-то несколько раз за ночь ходил умываться... Списали на нервы.

Когда я спросил Вовку, умывался ли он, тот ответил, что ни разу.

Ночью я не спал. После двенадцати, проверив комнаты, удалось вместе с коллегами-мужчинами посмотреть второй тайм одного из матчей чемпионата мира по футболу, потом ненадолго прилёг. Но был сразу разбужен нашим участковым, который осуществлял нашу охрану от РОВД. С ним сходили в соседний корпус, где состоялась драка между жильцами. К нашему приходу она закончилась, все разбежались по комнатам, лишь одному подростку медицинская сестра накладывала швы на лопнувшую бровь.

Поспать так и не удалось. Я испытывал состояние сходное с тем, что было у меня в армии, когда я ходил дежурным по роте – стал медленнее соображать и медленнее передвигаться. Впереди был день, который каждая школа целый год ожидала с содроганием. По результатам этого дня наступает момент истины – насколько долго и сильно чиновники от образования будут склонять учителей и школу за результаты, показанные на ЕНТ.

О нервной обстановке на этом мероприятии говорит следующий факт.

а

Один из моих учеников взял с собой из дома флакон «Новопассита». Вначале все смеялись над ним, мол, слабак, не можешь справиться с нервами. Но когда я, увидев утром флакон на окне, решил принять несколько капель, то с удивлением обнаружил, что он пуст – все, кто смеялся, поутру его приговорили до самого дна.

Нас доставили на автобусах к зданию бывшего СХИ, в котором я учился (1978-1983) и высадили на площади. Огромная толпа более чем в две тысячи человек спокойствия никому не прибавила. Кроме сдающих здесь были полицейские, родители и журналисты с видеокамерами. Всех выпускников разбили на десять групп, по двести человек в каждой, и стали поочередно заводить в здание. У некоторых школьников началась истерика – дети были явно не готовы к таким экспериментам. Одна из моих школьниц у самой двери вдруг бросилась мне на шею и закричала:

– Там нет ни одного нашего! Я не пойду. Мне страшно!

Признаки панической атаки были налицо.

Еле-еле мне удалось уговорить Татьяну войти в здание. Неизвестная мне девушка подвернула ногу на крыльце и сломала высокий каблук. Её руководитель среагировал моментально – снял с ноги второй туфель и отломал второй каблук. Девушка вошла в здание более-менее ровно.

Площадь у здания СХИ. Фото автора. Август 2024 года

На входе происходил настоящий «шмон» – работали два металлоискателя. С иных снимали тёплые свитера, подозрительные в жару, и обнаруживали под ними бумажные «шпоры». У других отняли вторые, и даже третьи, телефоны, спрятанные в носки.

Мне было интересна атмосфера изнутри, в тех аудиториях, в которых я учился в допотопные времена. Я попал туда со знакомыми журналистами, представившись родителем. Пустили меня только в одну 104-ю аудиторию с

полукруглыми рядами столов, ступеньками, поднимавшихся к потолку. Вон там, на последнем ряду я любил читать книжки на лекциях. Сейчас столы изменились – в них пропали доски, закрывающие ноги и списать теперь не было никакой возможности – преподаватель снизу видел всё.

За столом сидел человек в камуфляже, ещё один объяснял, что и как надо заполнять. Двое родителей скучали в сторонке. От нечего делать я стал ходить вверх-вниз по ступеням и подсказывать ответы по истории сидящим с края выпускникам. Так продолжалось три часа. Я вышел на площадь под сосны, посаженные нашим курсом, раньше – нужно было встречать выходящих и приводить в чувство – либо успокаивать, либо просто говорить что-то нейтральное. Самого первого ожидающая толпа встречала овацией. Хотя выходил первым явно не лучший ученик. Он шёл раскрасневшись, со сдвинутым набок галстуком. Но выглядел парень счастливым. Ещё бы – всё то, чем его пугали годами, наконец, закончилось и впереди целая жизнь! Потом повалили толпами. Последними выходили отличники. Многие озабоченные и напряженные.

Результаты объявили через три часа. Одна из моих девчонок получила четверку по математике, это срубило её с золотой медали. Я подошёл по этому вопросу к стоявшему на крыльце Андрею Андреевичу Шеку, начальнику областного департамента образования. Он выглядел очень уставшим и сказал только, что ничего в данном случае сделать не может. Он ушёл из жизни через несколько месяцев, не выдержав колоссального напряжения.

Получив на руки неплохие в целом результаты сдачи, мы отправились в обратный путь. Удивил один из директоров школ, пришедший в автобус с кружкой пива. На вопрос методиста РОО, гневно вскричавшей:

– Это пиво??? Здесь же дети!

Он спокойно ответил вопросом на вопрос:

– А чего мне с одной кружки будет?

После Узункуля одному из школьников в нашем автобусе стало плохо. Мы вынесли его наружу и положили на чей-то расстеленный на нагретой земле пиджак. Под воздействием нашатыря и энергичных потряхиваний он открыл глаза, обвёл взглядом наши испуганные лица, и слабым голосом проговорил:

– Где я?

– В раю, дорогой. В раю, – радостно сообщил я ему... Все облегчённо засмеялись.

И мы поехали дальше, в Пресногорьковку, где нас всегда ждали...

Я не спал вторые сутки. От жары, тополиного пуха и переживаний жутко болела голова.

Дети спали, а я смотрел в черноту ночи сквозь окно автобуса и видел, как впереди у горизонта, побеждая тьму, светлеют дали...

Далеко на востоке зарождался новый день...

Постскриптум: Я возил школьников на ЕНТ шесть раз (2004-2009). И многому научился у них за это время...

Это всё о нём

Всем ясно, что у гениев должны быть знакомые
Но кто поверит, что его знакомый – гений?!

Сергей Довлатов

Я посвятил этот рассказ людям послевоенного поколения – светлым, добрым и трудолюбивым. Они всегда будут жить в сердцах благодарных потомков. Возможно, кто-то узнает в моём герое своего отца, деда, или прадеда. Я буду этому рад.

Синим морозным вечером, когда до предновогодней суеты оставалась самая малость, я шагнул в тесноту отходящего от автовокзала городского автобуса. По меркам города ехать было не близко и я присел на холодное сиденье у замерзшего окна с надписью «Терпите люди, скоро лето!». Нацарапанная на игольчатом инее надпись и отпечаток детской ладошки стали постепенно исчезать под плёнкой изморози. Фраза, словно известный бренд, не стинула за десятки лет, а спокойно перекочевала сюда из восьмидесятых, и написал её внук или внучка моих современников.

После объявления водителем названия очередной остановки и плавного торможения двустворчатые двери с жалобным скрежетом открывались, впуская внутрь очередную партию продрогших на ветру граждан. Они вваливались в относительное тепло, окутанные густым облаком морозного пара, и пополняли ряды пассажиров. Покидавших автобус почему-то было меньше вошедших и приходилось уплотняться. Счастливые обладатели сидячих мест поднимались с них чрезвычайно редко, будто намеревались доехать до конечной или вообще провести здесь время до тёплых времён.

Между тем, мороз крепчал и оптимистическая надпись на стекле почти исчезла.

Окружающая действительность напомнила мне студенческую юность. В те старорежимные времена по улицам города возили советских граждан венгерские «Икарусы», вместительные, но жутко холодные. Некоторые имели «гармошку» – при проезде перекрёстков они складывались посередине и напоминали огромных железных гусениц.

В «десятке» у драмтеатра, идущей в КЖБИ, утрамбовывались так плотно, что иной раз лишались пуговиц и отрывали рукава. Автобусы тогда ходили реже, чем теперь, и доехать до нужного места в час «пик» было проблематично.

- Остановка – магазин «Радуга», – вырвал меня из воспоминаний голос водителя, – следующая – железнодорожный вокзал...».

Я проворно вскочил и вскоре ступил на обледенелый тротуар напротив пятиэтажки с мерцающей надписью «Радуга». Магазин был одним из нескольких в городе, сохранивших старое название и частично внутренний интерьер. Он был также хорошо известен всем жителям города как «Тысяча мелочей», «Тулпар», 5-я столовая или кафе «Шолпан». Я перешёл улицу Аль-Фараби (бывшую Ленина) в толпе спешащих с работы, задевающих друг друга

зимними одеяниями, людей, обошёл справа гигантской толщины тополь и толкнул стеклянную дверь магазина «Экспресс». Приятно удивило отсутствие покупателей у винно-водочного отдела – здесь я отоварился бутылкой коньяка «Туркестан», которая легко утонула в кармане моей зимней куртки. С палкой колбасы в другом кармане я покинул «Экспресс».

Путь до дома №15 по улице Беимбета Майлина лежал вдоль целой шеренги мощных тополей, закрывавших в летнее время своими развесистыми кронами окна пятиэтажек. При сильном ветре они доставляли много хлопот электрикам, обрывая ветками провода. В июне тополиный пух белоснежными сугробами лежал на тротуаре и перелетал через проезжую часть. Он часто воспламенялся и горел подобно пороху.

У магазина с космическим названием «Байконур» я свернул в тёмные дворы.

Вот, наконец, третий подъезд, третий этаж и простая, обшитая плитой дверь с счастливой цифрой «21» над дверным «глазком».

После звонка дверь отворилась и я шагнул навстречу невысокому худощавому человеку в майке и спортивных брюках. Мой дядя «самых честных правил» – дядя Миша, Михаил Николаевич – крепко пожал мою руку.

-Привет, Сергей! Как дорога? – спрашивал он, ожидая пока я разденусь в тесном коридорчике. Наша беседа продолжилась за кухонным столом, в центр которого я торжественно водрузил бутылку коньяка. Распечатать её, однако, не привелось. Тётя Мила, Эмилия Васильевна, расспрашивая меня о здоровье родителей, вдруг решительно прихватила коньяк со стола, и со словами:

- Сегодня вы будете пить своё, – вынула из недр холодильника водку и опустила её на место, где секунду назад стоял коньяк. Рокировка нас не смутила – тётя Мила после инфаркта по совету врачей принимала несколько капель коньяка на ночь.

Бутылка призывно запотела и мы хлопнули по-первой, закусывая пловом.

-Ну, рассказывай. Как жизнь молодая? – цепляя вилкой кружок колбасы, спрашивал дядя Миша. Было большим удовольствием смотреть как он пил горькую. Совсем не так как это делал я и все мои знакомые и приятели, а медленно, со вкусом, будто в рюмке была не водка, а нежнейшее марочное виноградное вино...

Разомлев от тёплого приема, я испытывал большую радость от общения с родными, которых видел нечасто.

Дядя Миша родился в предвоенном году в маленькой, вросшей по самые оконца, землянке на улице Железнодорожной (Алтынсарина,116, ныне-Рубинштейна). Его отец – мой дед – Николай Яковлевич Ярош до коллективизации тридцатых годов проживал в небольшой переселенческой деревушке Павловке, рядом с Демьяновкой (ныне Узунколь). Здесь он взял замуж мою бабушку Елену. Она росла сиротой с самого раннего детства. Жила в чужих семьях. Няничла с шестилетнего возраста малых ребятишек, испытала голод и нужду и за свою долгую жизнь так и не научилась читать. На это у неё просто не было времени.

Уже на склоне лет она доставала из заветного шкафчика пожелтевший листок с неровными, полуистлевшими краями, бережно разглаживала его морщинистыми руками и, глядя на большие корявые буквы, шептала про себя «Отче наш! Иже еси на небеси...».

Она свято верила в силу молитвы и этого драгоценного листка. На моё предложение переписать набело текст, испуганно замахала руками и наотрез отказалась. По выходным бабушка посещала Божественную литургию в небольшой деревянной церкви у Зеленого рынка.

В 1930-м родилась моя мать, а уже в следующем году – ещё одна девочка. Ей не суждено было пожить – скончалась от дистрофии во время голода 1932-го года. Павловка постепенно обезлюдела и дед принял решение уехать с семьёй на заработки в Сибирь. В Забайкалье дед устроился на работу в лесхоз – работа на лесоповале была тяжелой, платили мало. От цинги спасались отваром их хвои и таежными ягодами.

После успешного завершения коллективизации дед решил вернуться на родину. В поезде под Новосибирском у Ярошей украли документы, ссадили на какой-то станции и задержали до выяснения личности. С такими приключениями добрались до Павловки и нашли её вымершей. Недолго думая дед ушёл в Кустанай, прошагав пешком без малого двести верст. Он поселился на окраине города, неподалёку от кладбища (ныне парк Победы). В поле за погостом резал пласты задернованной земли, таскал на себе и за лето сложил землянку. В ней прошло детство моей матери, здесь родились дядя Миша и Володя. С работой в городе было трудно. Дед поменял множество профессий, но заработки были малыми и семья постоянно нуждалась в пище и одежде.

В 1938 году городские власти призвали население разобрать величественный собор из красного кирпича, стоящий на месте, где сейчас расположен памятник Ахмету Байтурсынову. От отчаяния дед пошёл ломать собор, не сказав бабушке. Она узнала об этом после, когда он принёс зарплату. До конца жизни баба Лена была глубоко убеждена, что дальнейшая судьба мужа сложилась трагически именно из-за безбожного поступка.

Из кирпича рядом с фундаментом разобранного храма построили здание облисполкома с белой колоннадой (ныне университет). Николай Яковлевич Ярош ушёл на фронт в ноябре 1942-го года, а ровно через год маленький Володя, недавно переболевший менингитом, разбудил всех страшным криком. Он дрожал всем телом, плакал и трясся, сидя в постели. Бабушка долго успокаивала его, а он всё повторял:

-Тятю немец ударил в грудь, тятка так и упал в снег.

Бабушку сильно встревожил ночной кошмарный сон сына – за год от мужа не пришло с фронта ни одного письма. Сон оказался вещим – через неделю в военкомате бабушке вручили извещение, в котором говорилось, что «красноармеец Ярош, 37-ми лет, пропал без вести на Тульском направлении». Известие означало, что семья не получит никаких выплат по потере кормильца. Бабушка работала в трёх местах – днем мыла полы в госпитале (ныне ЦОН), ночами, заперев детей в землянке, сторожила в областной больнице.

К этому времени моя мать была уже подростком и помогала растить сыновей. К концу войны Володе стало совсем плохо – менингит подействовал на его психику – он стал срывать одежду и уходить, куда глаза глядят. После нескольких лет таких мучений бабушку уговорили отвезти сына в ташкентскую больницу. Боль за ребенка преследовала ее всю жизнь. Она со слезами рассказывала мне, что неоднократно запрашивала разные инстанции, но так и ничего и не узнала о его судьбе.

Дядя Миша говорил мне, что первое яркое воспоминание детства – майский митинг 1945-го года на месте снесённого собора. Когда стали стрелять в воздух, салютуя в честь Победы, Миша испугался и сбежал от бабушки через дыру в заборе. Он заблудился и только милиция передала мальчика матери.

Николай Яковлевич Ярош с войны не вернулся.

Бывая в Кустанае, я прихожу в парк Победы, чтобы отдать дань памяти и поклониться павшим за Родину.. Имя деда записано на мраморных плитах мемориала. На память о нём и бабушке у меня осталась единственная фотография, сделанная на Зелёном рынке за день до отправки деда на фронт. Крепкого вида мужчина в ватнике сидит на табурете, рядом, положив ему на плечо руку, стоит бабушка.

Лишь в 2015 году я получил из музея концлагеря Заксенхаузен известие о смерти 11-го марта 1944 года Николая Яковлевича Яроша, 1906 года рождения.

Наконец, наша стеклянная тара, опустела и тихо отправилась в мусорное ведро – т.Мила уже видела десятый сон.

Мы с дядей Мишей идём в зал и садимся на диван перед телевизором. На этом диване я провел все ночи, во время прохождения разных курсов.

-Как рыбалка? – следует ожидаемый вопрос. Дядя – заядлый рыбак. Будь его воля, он ловил бы рыбу в любое время года, в любую погоду. В Пресногорьковке он любил рыбачить на Пресном и Канонерском. Однажды в полном тумане он провел на последнем несколько часов, пока не набрёл на меня, уже отчаявшегося в тщетных поисках. Целые дни он проводил на льду – вокруг насверленных им лунок с удивленно-выпученными глазами кучками замерзал ротан.

Все дела, за которые брался дядя Миша, вначале тщательно изучались им по книгам и журналам. Лишь после этого он приступал к практическим действиям. Даже в деревне он долго объяснял мне каким способом лучше нарезать поросенка, хотя ни разу этого не делал. И был очень удивлен, что я использовал неизвестный ему, но наиболее эффективный способ.

В восемнадцать лет от роду он в одиночку построил дом-пятистенник на месте, где стояла землянка. На лето они с бабушкой переселились в ветхий сарай, землянка была снесена и дядя Миша до холодов закончил постройку дома, до сего дня стоящего на том самом месте. В дневное время он работал на стройке, а вечерами заливал фундамент, ворочал бревна, устанавливал стропила, крыл крышу шифером. Бабушка как могла помогала ему. Оконные рамы, двери и дверные проёмы ему отписывали в счёт зарплаты. Даже за гвозди он платил из своего кармана, а не тащил со стройки. Он сделал себя сам – сам

построил дом, сам выучился в вузе, сам стал парторгом и прорабом СМУ. Стоит ли говорить, что бабушка очень гордилась достижениями сына.

Его честность приводила в возмущение т. Милу.

Однажды, слушая диктора телевидения, рассказывающего об очередном крупном хищении на предприятии, она порывисто встала с кресла и горячо заговорила:

- А вот этот товарищ, – она уничтожающе ткнула пальцем в д. Мишу, будто собираясь сразить его наповал, – за сорок лет работы на стройке ни одного шпингалета домой не принёс!

-Зато про меня сейчас не говорят по ящику, – слабо защищался д. Миша.

– Вот люстра, – подняв глаза к потолку, – продолжала развивать тему т. Мила, – когда строили обком партии, его подчинённые тащили всё, что плохо лежало. Он тоже принёс вот эту люстру – за собственные деньги! Он настоящий коммунист, даже родился 6-го ноября, в канун революции.

Михаил Николаевич рано вступил в Коммунистическую партию и свято верил в социалистические идеалы и светлое будущее, часто цитировал классиков марксизма – ленинизма, за что подвергался ревизионистской критике со стороны т. Милы. Главное, он не просто говорил – он строил. Он делал то, что делали всю свою жизнь миллионы советских людей, оставившие после себя потомкам города, дороги, мосты, космические ракеты и много чего нужного и важного, например – дружбу народов и интернационализм.

У д. Мишиного соседа дача была обклеена изнутри чертежами поворота северных рек на юг – был такой грандиозный проект в брежневские времена. Подобные проекты не только жили в головах строителей коммунизма – успешно претворяли их в жизнь.

Д.Миша вместе со своими товарищами построил город Кустанай. Как-то он стал перечислять наиболее значимые объекты, которые строил. Перечисляя, загибал пальцы – обком, горисполком, гостиницы, железнодорожный вокзал со знаменитым уникальным козырьком, множество жилых зданий – пальцы давно закончились. В 1978 году группе проектировщиков и архитекторов за строительство вокзала была вручена премия Совета Министров СССР.

-Так вы полгорода выстроили, – удивлённо воскликнул я.

-Ты знаешь, Сергей, вот что интересно, – он озадаченно поскрёб подбородок, – В книге о Кустанае нет ни слова о нашем строительном управлении.... Будто всё это, – он показал на город за окном, – упало с неба...

В жизни у Михаила Николаевича была своя длинная чёрная полоса....

На стройке произошел несчастный случай – стал инвалидом молодой парень, пренебрегший правилами техники безопасности, которые, как и воинские уставы, написаны кровью. Неизолированную по вине электриков проводку повесили на прораба. В итоге – исключение из партии, суд, условные три года. Бабушке про это не сказали, а для д. Миши этот случай стал подтверждением истины «от тюрьмы и от сумы не зарекайся». Ежемесячно бывший парторг ездил отмечаться в отдел внутренних дел. Позже его

а

восстановили в партии. Признали, что «подставили» Яроша. Но дело было сделано...

У д. Миши было множество знакомых и приятелей. Некоторые пользовались его добротой – занимали деньги и не спешили возвращать. Интересно, что на отношение к ним кредитора это никак не влияло.

-Отдадут, когда будет чем, – только улыбался он на мои вопросы после очередного телефонного звонка с просьбой занять денег.

Я стал свидетелем появления в квартире некоей посетительницы, умолявшей д. Мишу спасти её сына от алкогольной зависимости, передав ей средства на кодировку. Дама была так настойчива, а д. Миша так мягок, что пришлось едва ли не силой выставить просительницу за дверь. Впоследствии оказалось, что некогда работавшая в профсоюзе мошенница имела в наличии список пенсионеров с адресами и номерами телефонов. Никакого сына у неё отродясь не было, и она просто «доила» пенсионеров, используя свой артистический опыт, полученный от длительного пребывания на посту председателя месткома.

Особых накоплений у Яроша не было. Он долго работал на пенсии – к нему приезжали большие начальники, уговаривали, ссылаясь на его огромный опыт и он в очередной раз соглашался и уезжал на месяц вахтовать. Жил в вагончиках и непригодных для жилья помещениях, сам готовил пищу и так преуспел в этом деле, что мог приготовить её практически из топора. Деньги д. Миша исправно отдавал т. Миле – складывалось впечатление, что он совсем в них не нуждался. Лишь когда её не стало, он высылал всё, что имел, сыну.

В советское время он побывал по ведомственным путёвкам на многих курортах Союза – в Сухуми, Сочи, Минеральных водах, Трускавце, Евпатории. Из поездок в тёплые края он неизменно привозил множество значков с местной символикой и складывал в ящик комода. Было у него ещё одно интересное хобби. Начиная с 1967-го года вплоть до даты своего ухода он ежедневно дважды в сутки скрупулёзно заносил сведения о погоде в Кустанае – температуру воздуха, осадки, направление ветра. Напротив окон его квартиры располагалась заправка, на которой высвечивалась температура воздуха. Он сравнивал эти показатели с оконным термометром. Стопка тетрадок с этими данными могла бы заинтересовать метеорологов – да где она сейчас, эта стопка...

Читал д. Миша очень много. Книги он приносил из областной библиотеки. Они стопками лежали на всех шкафах и столах. В последние годы жизни он увлекся изучением религии. Странное дело, будучи коммунистом, он всей своей жизнью утверждал христианские ценности, в основе которых лежит Любовь. И он любил семью, людей и жизнь.

Я отношу Михаила Николаевича к слою советской интеллигенции – глубоко образованной, интеллектуальной, профессионально подготовленной к выполнению любых задач. Эти люди вышли из военного детства и вытащили страну из разрухи, покончили с голодом, отдали здоровье Родине. Им были

чужды идеи так называемой "творческой интеллигенции" – шестидесятников – хлебающих полной ложкой из советского котла и тут же, отпрыгнув после сытного ресторана, пишуших всякую мерзость. Этим выпустили из страны на любимый ими запад в ореоле мучеников КГБ. Там их снабдили премиями и вождеденными джинсами с кока-колой(с Сергеем Довлатовым и Виктором Некрасовым – другая история). Но умирать некоторые из них отчего-то вернулись на родину.

Д.Миша никогда ничем не болел, по-крайней мере не жаловался на болезни окружающим. Банальная боль в колене показалась ему безопасной, он долго ходил с ней – в последнюю осень подготовил дачу к зимовке, сложил печь соседу. Приехал домой, вошёл в квартиру, прилёг на диван...оторвался тромб.

Он пережил Эмилию Васильевну на восемь лет. Михаил Николаевич Ярош (1940-2021) ушёл в вечность без пафосных речей и траурной процессий. Как это случилось с миллионами его современников, живших в великой стране. Память о д. Мише воплотилась в камне построенного им города под название "Костанай".

Несколько раз после его смерти я подходил к пятиэтажке на улице Майлина. Но заставить себя войти во двор и подняться на третий этаж к двери со счастливым номером «21» над дверным глазком, за которой меня всегда с радостью встречал человек в шлепанцах и спортивных брюках, так и не смог...

Новелла о «железном» коне

На деревне почти каждый – тракторист. Многие провели в кабине зерноуборочного комбайна, колесного МТЗ или лязгающего гусеницами ДТ добрую половину своей сознательной жизни. О себе я этого сказать не могу. Но смею отметить, что проводил в кабине трактора львиную долю своего летнего учительского отпуска.

В начале 90-х отец приобрёл по случаю выдавший грязь многих вёсен колесный трактор Т-40. Под капотом железного коня, в дизеле с воздушным охлаждением, скрывались целых 37 лошадей, способных потянуть гору груза.

Я поехал без всякой подготовки – сел утром за руль и тронулся в первую в своей жизни деляну, где из-за неопытности порвал три троса. Правда, и первый крутой спуск под озеро Соленое чуть было не закончился плачевно. Вместо того чтобы отпустить сцепление и, тормозя двигателем, съехать с горки к огороду, я выжал педаль сцепления до пола и трактор оказался в свободном падении... От неожиданности я еще нажал на тормоз ... Это привело к потере устойчивости на середине спуска и развернуло трактор вокруг оси.. По всем законам физики, трактор должен был перевернуться. Но этого не случилось.

Впрочем, "корочки" у меня были. Нас учили езде именно на таком тракторе еще в школе. Для тренировок мы приносили канистру солярки и ездили кругами вокруг кладбища. Сдача на права была серьезной – на месте

сгоревшей школы, на площади, (ныне – современная школа) старый танкист Георгий Михайлович Ульянов разложил консервные банки, которые нужно было объехать, не зацепив колесами. Свидетельства о вождении выдавали вместе с аттестатом на выпускном вечере в июне 1977-го года. Этот документ и через тридцать лет признавали гаишники и милостиво отпускали восвояси.

Трактор стоял в небольшом садике под сенью трех скрученных от времени яблонь, посаженных еще во времена гороха. Уставший от дневных забот, он тихо покоился в тени и его сердце – раскаленный дизель – обдувался прохладным озерным ветерком. В майские дни трактор утопал в белоснежной пене цветущих яблонь, а к яблочному Спасу тяжелые перезревшие яблочки изредка гулко бухали о его крышу и капот, в сильный ветер отзываясь пулеметной дробью.

В деляну и на сенокос мы отправлялись ни свет, ни заря, чтобы успеть поработать до полуденной жары. Звук моего "пускатча" во время заводки двигателя слышала вся округа, еще спавшая в ранние утренние часы. Особенно остро в этот момент реагировал пес Рекс. Пускатч еще только-только начинал стрелять облачками дыма из своей изогнутой трубы, как Рекс забивался в дальний угол своей будки и в ее темноте горели от ужаса желтые собачьи глаза.

Каждая поездка запоминалась какими-нибудь интересными случаями. Вот некоторые из них.

Озеро Прохорово, поделенное пополам границей, в тот год разлилось и вышло из берегов. С весенним половодьем пришла беда для первомайцев – улица из нескольких домов была затоплена впервые за долгие голы существования села.. Озерная вода затопила росший на берегу березовый колок – деревья стояли в воде глубиной в полметра. На этой отметке их и пилили, поднимая пилы до пояса.. Стволы тяжело валились в воду, поднимая тучу брызг, иногда окатывая пыльщиков с ног до головы. Было жарко. Но ветерок сбивал комариное племя, злобно атаковавшее погруженных в работу людей. Мой трактор челноком сновал вдоль берег. Мне приходилось цеплять стволы тросом с помощью изогнутого буквой S железного крюка. Петля при медленном движении трактора захлестывала ствол и трактор вытягивал его из воды, огибая многочисленные пни.

Сложенные на поляне хлысты распускали на чурки и тут же закидывали в телегу. Когда одна поляна очищалась от дров, я переезжал на другую – процесс повторялся. Все лесные шумы и звуки, всегда радующие слух, заглушались работающими пилами и ревом дизеля. Лишь во время обеда в разнотравье оживали кузнечики и было слышно пение птиц. К полудню жара становилась невыносимой. Пить воду было бесполезно – она тут же выходила потом. Но всё когда-нибудь заканчивается. Наступил момент, когда я готов был отправиться в путь в сторону Первомайки. Все остальные полезли охладиться в парную воду озера. Полевая дорожка тянулась вдоль берега и убегала под горку.

Обычно я тянул тяжелую телегу на четвертой скорости, но тут телега рывками толкала трактор вперед и я плавно перешел на шестую.

Трактор несся среди полевых трав вниз под горку. Он фырчал и время от времени выдыхал в побелевшее от жары небо облачка черного дыма.

У раскаленной кабины метался целый рой надоедливых паутов, видимо, их привлекал запах солярки. В самом конце спуска стояла совхозная техника – комбайн и колесный МТЗ с прицепной сваркой. Между ними курили и о чем – то вели разговор первомайский управляющий Николай Иванович Настюшкин, сварной и механизатор. Поравнявшись с ними я уже собирался приветственно махнуть рукой как случилось неожиданное – какая-то неведомая сила резко дернула трактор и в мгновение ока развернула вокруг оси. Передо мной словно в замедленной съемке предстала картина – моя телега, полная дров, на всех парах неслась на остолбеневших людей. Грозно поднятое дышло целилось поразить новенькую жатку комбайна в аккурат в самый её центр. Мозг в доли секунды нарисовал картину тяжелого материального ущерба, нанесенного мною совхозу. Но сверху решили иначе – не доезжая метра до жатки дышло упало и тупо уткнулось в землю. Телега встала как вкопанная. Не буду знакомить читателей со всеми идиоматическими выражениями, огласившими окрестности. Тем более что они известны. Оказалась, что оборвало «серьгу» у прицепного – помните героя Михаила Евдокимова, восклицавшего: «Суй палец!»... Речь о ней. Серьгу тут же приварили, и я отправился домой уже на четвертой скорости. Страшно представить, если бы она оторвалась на узком волнинском грейдере...

Подобных случаев было немало в моей многолетней практике вождения. Однажды у одного из пильщиков деревом закусило визжащее полотно пилы. Страдалец отчаянно дергал её во все стороны, но прямостоящий ствол огромной полусухой осины и не думал реагировать на его усилия. Замучавшийся пильщик, бросив задавленную пилу, торчащую у основания инородным телом, подбежал к распахнутой дверце трактор. Стараясь перекричать шум дизеля, он заорал, показывая рукой в сторону дерева:

- Серега, потяни осину! Согнёт полотно к едрене фене!

Я подал назад, выпрыгнул из кабины и обнял тросом дерево чуть выше заглохшей пилы. Когда трактор струной натянул трос, сквозь запыленное лобовое стекло я вдруг увидел перекошенные от ужаса лица людей, работавших метрах в двадцати от меня. Сзади раздался страшный треск, похожий на многократно усиленный звук испорченного динамика – осина, смирившись со своей участью, освободив пленённую пилу, рушилась, ломая сучья, прямо на трактор. Я успел лишь инстинктивно вжать голову в плечи – кабина не имела дуг безопасности. Но каким-то чудом дерево упало справа в метре от трактора, сломав с десятков небольших осинок - подростков и оставив меня жить дальше. Лишь от лопнувшей кроны отлетели сучья и дождем ударили в бок трактора.

–Ух-х-х! – облегченно выдохнули свидетели этой сцены, во всю мощь своих проспиртованных глоток – дело было после обеда.

За годы поездок на Т-40 я неоднократно терял телегу и всё из-за собственной невнимательности. Даже халатности. Дышло телеги было скреплено с прицепным устройством трактора посредством уже знакомой

читателю «серьги». В неё вставлялся длинный стальной «палец», который необходимо было фиксировать проволокой. Иначе на неровной дороге он подпрыгивал и выскакивал вверх – телега пускалась в свободное плавание без воли водителя.

Ранним августовским утром я гнал трактор на прямой передаче по дороге разрезавшей пополам молодой сосновый бор. Над прямой, словно стрела, дорогой выделялся вытянутым прямоугольником светлый кусочек неба. Я жадно хватал целебный сосновый воздух пополам с выхлопными газами дизеля. Вот и деляна. У вагончика сидел на пне мой дядька Афанасий Понамарев. Он ловко крутил пальцами самокрутку из местного самосада, изредка отмахиваясь от одолевших комаров. Я выпрыгнул из еще бегущего трактора и подскочил к дядьке. Мы поздоровались. Афанасий, отстраненно глядя мимо меня в сторону трактора, проговорил, глухо покашливая :

- А чего без телеги-то приехал? Чего грузить будем?

На лесной прохладной полянке меня бросило в жар – следом за мною в двух машинах ехали грузчики и картина их аварии ясно возникла в моей голове. Помчался назад – телегу обнаружил в трех километрах – она мирно стояла , упершись дышлом в сосну. Никто не пострадал, грузчики лишь увидели как телега, лишившись поводыря, плавно съехала с дороги на обочину. С того случая я стал чаще смотреть по сторонам и приделал слева зеркало заднего вида.

Были и сложные случаи. В лесу, за Елгаштиным болотом, севернее Гренадерки грузили несколько кузовов. Весь день моросил мелкий нудный дождь, но работа кипела. До Гренадерки добирались, вытаскивая двойной тягой увязшие трактора с дровами. Выручал Кировец, легко дергавший из непролазной грязи колесники. У моего трактора светила одна фара и плохо работал дворник, к тому же тащил в сцепке две телеги дров. В Гренадерке управляющий Иван Семенович Драгунов настаивал на нашем ночлеге, опасаясь, как бы не случилось с нами на дороге чего плохого. Но мы поехали дальше , в Пресногорьковку, бросив у памятника солдату две телеги и сломавшийся трактор.

В кромешной тьме главной задачей было не закусить колесом размокшую обочину на узком грейдере. Положение усугублялось спящим под моим правым боком Федей Божиным, а в кабине и одному-то не повернуться. Чудом заехал во двор сельсовета, не своротив узкие ворота и бросил телеги до завтра. Явился домой поздно ночью, грязный с ног до головы.

Пробовали возить трактором воду. Поставили на телегу из-под вагончика огромную пятикубовую бочку, подсоединили к трактору насос и поехали к трестовской дамбе. Накачали полную бочку воды и обнаружили, что телега с узкими колесами присела в рыхлый грунт по оси. Пришлось сливать воду... Позже качали ее из котлована, что недалеко от маслозавода.

В каких только далях не побывали мы с железным конем! На севере мы постепенно проехали вдоль всего участка российско-казахстанской границы, а на юге побывали у Жана Жола и Жалтыршы. Не раз приходилось уносить ноги

от преследовавших штормовых туч, грозивших намочить сено. Телегу всегда грузили до небес и стог на ней был в два раза выше бортов. Стог обязательно вязали длинной веревкой, опасаясь сползания сена. Для этого человека поднимали на «рогах» сенопогрузчика на стог, там он ловил веревку и сползал по ней. Сено, солома, дрова, уголь, мешки с отходами – таков был наш обычный груз. Осенью ездили собирать солому по окрестным полям. Трактор никогда не подводил. Лишь однажды сгорело сцепление и весь путь с полной телегой пришлось преодолеть исключительно на шестой скорости. Это было головокружительная езда, трактор несся на всех парах не снижая скорости. Его бег остановил лишь мощный столб в нашем дворе, у которого он и заглох. После того, как лопнула стойка левого колеса, трактор поехал на трех колесах, удивляя бегущих вслед пацанов своей живучестью.

Со временем трактор стал таким же привычным объектом интерьера как советский холодильник «Свияга» или старая «стенка». Я долго не мог привыкнуть к его отсутствию под осиротевшими яблонями за окном...

Им не на кого стало ронять свои созревшие плоды...

Обретение

Стояло жаркое и сухое лето 1991 года. Я собирался поехать в Камышловку по неотложному делу. И вот уже спидометр моей «Планеты» начал вращение, медленно меняя цифру за цифрой. Под колесами мотоцикла – пыльный казачий тракт, петляющий между озерами и упирающийся в смутно синюющую вдалеке линию горизонта. Слева от меня медленно бежит «царская дорога». Где я только не слышал это название в иных местах, где местные жители с гордостью называли именно так какую-нибудь едва заметную, заросшую спорышом, полевую дорогу. Я даже не вступал в споры по этому поводу, чтобы не разочаровывать собеседников. Лишь однажды невольно рассмеялся, услышав из уст известной алматинской блогерши, посетившей наши края, историю о том, как она ехала напрямик по «царской дороге» из Боровского в Пресногорьковку.

Ох уж эти кухонные историки и блогеры, снимающие для любителей тик-тока свои сенсационные видео! Они превращают историю в ненаучную фантастику, выдвигая ложные гипотезы и вводя в заблуждение обывателя. Но ведь, чем чудовищнее ложь, тем легче в нее поверят, говаривал в свое время один известный нацистский преступник. Да и вообще, известно ведь, кто есть отец лжи.

«Царская дорога» была только одна, и я ехал именно там, где в таком же засушливом, горячем августе, ровно сто лет назад, везли в почетном конвое последнего императора России, сгинувшего в подвале Ипатьевского дома. Тракт Троицк-Петропавловск представлял собой низкую полураспаханную насыпь, местами полностью исчезающую, чтобы дальше вновь возродиться через несколько сотен метров.

Еду дальше. Слева возникает небольшая березовая роща. Подростками мы закопали под крупной березой бутылку с посланием в будущее. Цела ли она?

С опушки леса в августе 1919 года вели наступление на Камышловку красные полки, прочно оседлавшие тракт. А с той возвышенности прицельно били по ним трехдюймовки 2-го Сибирского казачьего артдивизиона. Где-то здесь сотник Красноусов, умерший в Австралии, потерял в спешке отхода снарядный ящик.

За озером Маркино уже выглянули из-за деревенского кладбища рассыпанные по околице Камышловки избы. Двести лет назад здесь стояло редутное укрепление, ныне распаханное и совершенно забытое. Один Бог знает судьбу драгун его небольшого гарнизона. Надо бы прозвонить его периметр металлодетектором.

Я ехал к Анне Ивановне Пономаревой. Баба Аня была настоящей казачкой. Её родной дядя Николай Сухов, полный георгиевский кавалер, погиб на Алтае, в схватке с красными партизанами. Высокая, сухощавая, седоволосая бабушка всю жизнь прожила в старинном бревенчатом пятистеннике, построенном до революции её отцом. Здесь она родилась, здесь и состарилась вместе с домом, украшенным веселыми резными наличниками, кое-где треснувшими и отпавшими. Ворота тоже были из того времени – с крышею над воротинами и резными петухами на столбах. Поднявшись по высокому скрипучему крыльцу, я толкнул дверь и шагнул в темноту куреня, сразу оказавшись в небольшой кухне. Русская печь с лежанкой, полати – это я хорошо зашел! Из современных вещей бросился в глаза лишь черно-белый телевизор «Горизонт». Я стал озираться по сторонам - иконы в «красном «углу не было.

-С чем пожаловал, мил человек, – баба Аня тяжело поднялась с табуретки мне навстречу, – поросенок я всех давно раздала, а больше у меня и взять нечего.

-Да я не за этим. У меня другое дело к вам. Говорят, у вас икона есть монастырская, – я не стал темнить и сразу приступил к делу.

-Ох, сынок, опоздал ты, – вздохнув и махнув рукой в мою сторону, - ответила баба Аня.

-Курганцы на днях заезжали, деньги предлагали, пенсия то у меня – кот заплакал.

Мой план рушился как карточный домик. Неужели опоздал?

-Откуда у вас икона? – попытался я разговорить бабушку.

-Молодая была. В монастыре церковь под школу передали, выносили всё — иконы разбирали и я взяла, – баба Аня, помолчав, продолжала, – а в последнее время она стала трещать по ночам, пугать меня.

Бабушка стала в волнении ходить по комнате, машинально поправляя занавески на окнах. На несколько минут воцарилось молчание, лишь половицы тихо поскрипывали под тяжестью ее шагов.

О.Никон (Костин) и обретённая икона. 2024 год

-А можно на нее посмотреть? – не веря в удачу, спросил я.

-Пойдем со мной, – хозяйка распахнула небольшую дверцу в стене – комнатка была захламлена всякой домашней утварью. Баба Аня сунула руку в щель между шкапами выудила на свет икону метровой высоты. На иконе с полукруглым верхом был запечатлен в полный рост образ Богородицы с Младенцем на руках.

По всей длине иконы пролегла неширокая полоса, уничтожившая часть изображения – так подействовала вода из протекавшей крыши.

-Как же запылелась,– мелко крестясь, запричитала бабушка, и, схватив лежащую на полу тряпку, стала елозить ею по лику Богородицы. Ошалев от такого святотатства, я выхватил тряпку из рук бабы Ани и бережно вынес икону на свет.

В потоке солнечного света она преобразилась, заиграла новыми красками – несомненно, я держал в руках икону, перед которой когда-то молились монахини и паломники монастыря, и сама настоятельница – игуменья Евпраксия, в миру Анна Васильевна Петухова, расстрелянная в марте 1921 года.

Действовать предстояло быстро и решительно.

-В Пресногорьковке церковь восстанавливают, не желаете передать в нее икону? – сухим, официальным тоном обратился я к бабе Ане.

- Ну как же, а курганцы?– вопросом на вопрос ответила бабушка. И продолжила: Они же мне заплатить обещали.

Почувствовав сомнения в ее голосе, я не отступал.

- Вы в своей юности совершили такой поступок – растащили храм, разорили его. Теперь у вас есть возможность искупить грехи молодости. Икона будет радовать людей в храме и давать им облегчение. Разве этого мало?

а

Реакция на мои слова была неожиданной – бабушка вдруг задрожала всем телом и, горько заплакав, опустилась на лавку.

-Сколько я об этом думала, ночами не спала. Помру, а меня спросит Боженька за это грех мой.

Она закрыла лицо руками. Плечи ее тряслись. Мне стало не по себе за то, что я довел бабулю до такого состояния. Я подошел к ней и мягко взял за плечо.

-Все будет хорошо, Анна Ивановна, – все исправится...

Так прихожане нашего храма обрели икону, а баба Аня обрела покой.

Когда я стою в храме перед иконой Божьей Матери с Младенцем, обновленной местными живописцами, я вспоминаю старую казачку Анну Ивановну Пономареву и мне становится тепло на душе.

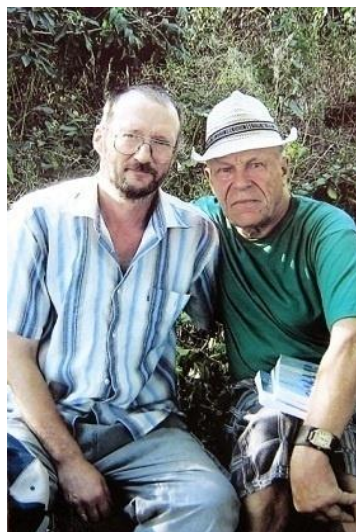
Давно нет ее на белом свете. Нет дома, нет и самой Камышловки. А икона жива...

Иконы, как и рукописи, не горят...

Анатолий Атюганов: с любовью к жизни

В моей писательской судьбе мне исключительно повезло на встречи с яркими, самобытными, одаренными людьми, которые в той или иной степени оказали существенное влияние на формирование моего мировоззрения. Их непростые биографии дали мне пример жизненной стойкости и духа.

С одним из таких людей я впервые встретился на уютной, заросшей спорышом улочке Береговой, огибавшей дугою северную часть пресногорьковского Пресного озера. Стоял жаркий июль, на озерной песчаной косе загорала станичная детвора, слышался шумный плеск воды, смех и хохот. Анатолий Леонидович Атюганов оказался ладно скроенным мужчиной невысокого роста, выглядевшим явно моложе своих лет. Он имел вид отпускника – был современно одет, лишь легкая шляпа позволяла угадать в нем человека, прибывшего издалека – местные шляпы не носили, равно как и шорты.

Для меня он был легендой, человеком с огромным писательским и поэтическим багажом, начавшим писать еще в эпоху хрущевской «оттепели», во времена, когда я еще мирно качался в младенческой зыбке, слушая материнские колыбельные. С первых минут нашего общения под шелест огромной кудрявой ивы, под которой мы расположились, я понял, что мне несказанно повезло – я встречался с настоящим поэтом. Мы поговорили тогда о многом – память Анатолия Леонидовича выдавала "на гора" многочисленные факты, события, череду личностей, известных мне только по печатным изданиям. Я лишь изредка переспрашивал рассказчика и невольно делал большие глаза от удивления какому-то новому для меня факту. Это тотальное погружение в мир журналистики и поэзии совершило некий переворот в моем сознании – впоследствии я стал бережнее относиться к слову, тщательнее подыскивать рифму, формировать ритм в стихотворении. Анатолий Леонидович вспоминал, как относились к стихотворению в советской журналистике – всей редколлегией газеты обсуждали каждую строку, прежде чем стихотворение становилось в поэтическую колонку.

- Чтобы хорошо писать, надо... больше писать, – говорил мне мой старший товарищ. – А сюжеты есть везде, куда не кинь взгляд. Ну вот, к примеру, об улочке, на которой мы с тобой встретились сегодня.

И он прочёл:

Она собой ничем не знаменита,
 Не залита асфальтом её «грудь»,
 Но мной она не может быть забыта—
 На ней пролёг мой изначальный путь.
 К озерной круче тесно прилегая,
 Вся в тополях, в сиреневом цветку,
 Зовётся с давних пор Береговая,
 Раскинувшись на целую версту.
 На ней встречал я вешние рассветы
 С горячим поцелуем на устах.
 Отдав священный долг Стране Советов,
 Вернулся к ней в кирзовых сапогах.
 Средь бела дня и даже среди ночи
 Найду там сердцу милый уголок,
 Откуда путь я начал свой рабочий,
 Едва рукой задев за потолок.
 Живет там мать, совсем уже старушка,
 А под окном черемуха шумит,
 Усыпанная ягодой-чернушкой,
 Она о прошлом память бередит.
 Я в дальних далях от родного дома
 Прошел немало улиц и дорог,

Милее той, что с детства мне знакома,
Нигде доньне повстречать не смог

(Родная улица, 1982 год)

Поэт Атюганов сумел в небольшом стихотворении рассказать свою биографию и показать всю огромную силу любви к малой Родине, ностальгия по которой звонко звучит в каждой строке.

С того памятного разговора прошло почти два десятка лет. Как напоминание о нём осталась фотография и сборник стихов «Любовь к земле» (Курган. 2008 год).

Начиная с июля 2008 года наши встречи происходят ежегодно и я неизменно получаю в подарок новые стихи Анатолия Леонидовича в опубликованных в Краснодарском крае сборниках и написанные бисерным каллиграфическим почерком в блокнотах и на тетрадных листах. С каждым годом в стихах все больше грусти и любви к жизни, но и оптимизм не покидает поэта Атюганова – его радуют люди, красота природы, он в постоянном творческом поиске. Поэзия для него не просто увлечение, она – смысл его жизни.

Он начал писать ещё в Пресногорьковской школе, старейшей в Костанайской области. Здесь всегда особое внимание уделяли словесности и во все времена работали сильнейшие учителя-филологи. В Пресногорьковке в середине 50-х годов издавался отпечатанный на машинке литературный журнал «Зори». В нем публиковали свои стихи и прозу журналисты и писатели А.Ф.Емельянов, Н.А.Дегтярев, Н.Г.Лавринов, П.В.Кизин. Все они прошли войну и были ярким примером для подрастающей молодежи, стремящейся к трудовым подвигам на целинных землях. Первое стихотворение «Я люблю тебя, край мой» было опубликовано в газете «За коммунизм» в 1958 году. В областной молодежной газете «Кустанайский комсомолец» в 1961 году были напечатаны циклы стихов о целине – «Трактористы», «Так встречает утро целина», «Первоцелинники», «Когда меня опять умчат ветра». Когда Анатолия призвали в ряды Советской армии – он служил в войсках противовоздушной обороны в Бакинском округе – он не перестал писать. В армейской газете «На страже» появляются его стихи «На марше», «Два солдата», «Сослуживцам», «В тайгу солдаты едут».

После демобилизации вопрос, чем заниматься дальше, перед Атюгановым не стоял. Он пошел в журналистику. Практические знания и навыки позже закрепил, закончив в Высшей партшколе факультет журналистики (Алма-Ата). В разные годы в газетах «Светлый путь», «За изобилие» Кустанайской области, в газете «Ленинец» Краснодарского края публиковались его светлые и душевные стихи, посвященные людям труда, родной кустанайщине.

Редактировал многотиражную газету «Кустанайский текстильщик». Работал в «Кустанайских новостях», являлся корреспондентом городской газеты «Кустанаец». Руководил секцией поэзии.

Анатолий Леонидович Атюганов в разное время был членом Союза журналистов СССР, Казахской ССР и Российской Федерации.

В 80-е годы поэт входил в областное литобъединение поэтов имени Беимбета Майлина. Он был его активным участником. Секретариат правления Союза писателей СССР в «Информационном бюллетене» за 1980 год отмечал: « в последние годы в полный голос заявили о себе поэты и прозаики Кустанайской области – крупнейшей хлебной житницы не только Казахстана, но и всей страны...Здесь последовательно и целенаправленно помогают росту молодых талантов».

В моих папках хранится множество писем Анатолия Леонидовича. В них содержится кладезь журналистской и писательской мудрости – то, что накоплено десятилетиями упорного труда. Поэзия Анатолия Леонидовича глубоко гражданственна – стихи его нужно использовать в работе с молодежью. Они обладают огромной созидательной силой, учат патриотизму и любви к Отечеству.

Впечатления детства, связанные с недавно закончившейся страшной войной, выплеснулись поэтом на бумагу:

Дядья мои погибли на войне,
 Весть принесли об этом похоронки.
 Горючих слез досталось всей родне,
 Рыдал и я, от глаз людских в сторонке
 Ушли и не вернулись в отчий край,
 Начав от школьной парты путь в солдаты,
 Два брата–Алексей и Николай–
 Всем существом отличные ребята.
 Прошёл с боями сквозь огонь и дым
 И третий брат из воевавших братьев.
 И хоть вернулся цел и невредим,
 Войне жестокой слал всю жизнь проклятья.
 Редуют ветеранские ряды,
 Всё меньше их встречают День Победы,
 Они спасли нас от такой беды,
 Какой, ей-Богу, сам Господь не ведал...
 Дядья мои погибли на войне.
 Взорвали дом печалью похоронки.
 Святая явь того, а не во сне...
 Я до сих пор их слышу голос звонкий.

(Святая явь. Памяти братьев Шешминцевых. 2005 год)

Отец Леонид Никандрович Атюганов (1909 г.р.) воевал с сентября 1941 года. В наградном листе к медали "За Отвагу" читаем : "Красноармеец Атюганов отчаянный, бесстрашный...В боевых операциях проявлял исключительное мужество и сметку. Много работал под огнем..."(март 1943 года).

Анатолий Леонидович живо интересуется историей. Его предки когда-то основали станицу Пресногорьковскую и несли службу в 1-м Сибирском казачьем полку. Многие стихи посвящены прошлому, наполнены чувством гордости за своих прадедов. Я поместил одно из таких стихотворений в свою книгу «Живая старина Пресногорьковской линии». Книга изначально не предполагала публикацию стихов, ввиду особой направленности, но стихи настолько гармонично вписались в историю линии, что я решил опубликовать их...Дед служил в 7-м Сибирском казачьем полку, участвовал в обороне Кремля и был ранен в ноябре 1917 года.

Мой дед по имени Иван
 Скончался от простуды легких.
 Была зима, трещал январь
 В заснеженной Пресногорьковке.
 Полвека минуло с тех пор,
 Как раба Божия не стало.
 Печально выглядел наш двор,
 Служивший всей родне причалом.
 О старце память я храню:
 Из казаков донских. Постился.
 С утра курил не раз на дню,
 Садясь за стол с едой, крестился.
 Дед был участником двух войн
 При императоре России,
 Кавалерийский эскадрон
 Блистал успехами своими.
 В альбоме снимок фронтовой:
 Мой дед в шинели и папахе.
 При сабле. С ней из боя в бой,
 А то и в жаркие атаки.
 Об этом сообщал не раз
 Он нарочным семье в станице,
 Навоевавшись про запас,
 Домой вернулся дед Шешминцев.
 Держал скотину, хлеб растил.
 Рыбачил. Памятуя Бога,
 Считал святыней из святынь
 Его всю жизнь свою до гроба.
 Седая голова тряслась –
 Под старость сбой давали нервы.

Ругал отца народов всласть
 За отступлень в сорок первом...
 Лежит мой дед в земле сырой,
 Уже давно истлели кости...
 За это время крест второй
 Ему поставлен на погосте.

(Мой дед. 2006 год)

Сейчас Анатолий Леонидович проживает в Ставропольском крае. И там продолжает писать стихи, опубликованные в нескольких печатных изданиях и литературно-художественном альманахе «Эолова арфа» – «Прогнозы», «На пороге осень», «Грибной ужин», «Обретение веры» «Окраина России», «Жизнь торжествует» и другие (Пятигорск. 2014 год).

Прошедшим летом они с сыном преодолели долгий путь на автомобиле до Кустанайщины и мы вновь встретились в школьном музее. Память Анатолия Леонидовича осталась такой же цепкой, как и двадцать лет назад. На Ставрополье его поддерживают дети, внуки, сестры. Он - глава теперь уже большого разветвленного рода, воспитавший достойных людей, продолжателей его дела.

Когда мне нужен чей-то совет, я снимаю с книжной полки небольшой сборник под названием «Любовь к земле» замечательного русского поэта Анатолия Леонидовича Атюганова с его дарственной надписью и мои проблемы растворяются или отходят куда-то далеко-далеко...

Фото 5.07.2008 года. Виниченко и Атюганов на берегу озера Пресного (фото Дмитрия Виниченко).

Александр Емельянов: Майку в горсть, и бежит вода!

Об Александре Филипповиче Емельянове мне рассказал приехавший на родину поэт и журналист Анатолий Леонидович Атюганов. Разговор о писательстве и поэзии зашел у нас на берегу Пресного озера, под тихий шелест листвы растрёпанной ивы. Слушать Леонидовича было сплошным удовольствием – он помнил людей, даты и события полувековой давности так, словно они произошли не далее вчерашнего дня. Сашу Емельянова, «Филиппыча», мой собеседник вспоминал с большой теплотой, считая его одним из тех, кто оказал большое влияние на его писательскую судьбу.

Я и ранее слышал много добрых слов в адрес Александра Филипповича и, когда пришла пора опубликовать книгу о ветеранах, взялся за изучение его жизненного пути.

Родился он 12 сентября 1924 года в селе Воскресенка Половинского района Курганской области. В 1937 году отец перевез семью в райцентр Пресногорьковку, Ленинского района Кустанайской области. Сын Сергей писал об отце: " Он с детства увлекался чтением приключенческой литературы. В

а

голодные 30-е годы Александр Филиппович прочел книгу Арсеньева «Дерсу Узала». Позже в доме была большая библиотека. Почетное место занимали книги о рыбалке, охоте, путешествиях. Ежегодно Александр Филиппович выписывал журнал «Охота и охотничье хозяйство».

Дед Филипп часто брал сына на сенокос. Места, где косили сено, были расположены далеко от села, за озером Сагай, и Саша оставался ночевать, чтобы поохотиться на утренней зорьке.

Случай, однажды происшедший с ним, запомнился ему на всю жизнь. После отъезда отца, Александр зарылся с головой поглубже в стожок, чтобы не докучали комары, приготовился заснуть. Но коротать ночь одному при слабом свете луны было неудобно – рядом, в сотне метров от поля, начиналось болото, прозванное в народе «Чертовым». О болоте с давних времен ходили леденящие душу истории о нечистой силе, якобы обитающей здесь. Сквозь сон Саша слышал лошадиное ржание и топот. «Г-р-р» - остановил лошадь возница, спрыгнул с телеги и стал ходить вокруг стожка. Долго с замиранием сердца прислушивался Саша к шагам и к тому, как лошадь потягивала из стожка сено.

Не выдержал. Встал. Крикнул – Кто здесь? Стрелять буду! Но вокруг были только вдруг наступившая тишина, ночная мгла и тусклые звезды на небе. Александр прилег, сжимая в руках ружье. И всё повторилось – топот, копыт, ржанье коня, окрик возницы... До утра спать не пришлось. Лишь удачная охота на рассвете на соседнем поле, где был своевременно приготовлен «скрадок» на гуся, несколько ослабили страх и усталость.

В голодные годы семью выручала ловля рыбы на озере Койбагор, где дед Филипп организовал обоз.

В Пресногорьковке Саша окончил среднюю школу и в 1942 году ушел на фронт. После окончания военного училища в маленьком Златоусте молодой лейтенант попал на передовую, воевал на разных направлениях, и закончил войну в Германии в звании капитана, с медалями «За Отвагу» и «За боевые заслуги». Вернулся домой не сразу – пришлось принять участие в поимке бежавших с фронта дезертиров. По ранению в руку был демобилизован и встал на офицерский учет в Пресногорьковском военкомате. То, что Александр был

а

не из робкого десятка говорит случай на озере, происшедший в 1947 году. Отец, Филипп Егорович, (см.: Обратной дороги нет) неосторожно работая с сетями, упал в холодную воду, а Саша, услышав его крик, вытащил отца на берег из нешуточной глубины.

Филипп Емельянов (слева) с братом

В редакции районной газеты «Большевицкое знамя» Александра приняли радушно. Вскоре он стал публиковать свои первые стихи, писать которые начал со школьной скамьи. В райкоме партии заметили талантливого парня и предложили должность заведующего районо. В послевоенное время материальное обеспечение школ было слабым, кадров не хватало, дорог в районе не было и заведующему приходилось напрягать все силы, чтобы управлять столь хлопотным хозяйством. Анна Филипповна Емельянова (Ковалева) вспоминала, как брат с Иваном Фомичом Шаввой поехали в командировку в аул Жана Жол, место рождения классика казахской советской литературы Габита Мусрепова. Ехали два товарища в санях по снежному насту. Неожиданно поднялся сильный ветер, пошел верховой снег. В сумерках заехали в аул и Серко вдруг провалился по самое брюхо и забарахтался в глубоком снегу. Откуда-то снизу раздался изумлённый крик: «Что такое? Из крыши копыта торчат!». Оказалось, землянки были так заметены, что торчали из снега только трубы. Хозяин оказался добродушным человеком и даже приютил учителей на ночлег. В другой раз, осенью, возвращались из очередной поездки по району. Поохотились у небольшого степного озера и поехали на огонек. Постучали в окно крайней хаты, спросили, что за деревня? «Пилкино, – ответил женский голос. Поехали в темноту, в сторону Пресногорьковки. Долго ехали и снова огонек – что за деревня, вновь спрашивают. «Я же вам сказала, Пилкино», – теперь уже сонным недовольным голосом ответили путникам.

Редакция газеты «За коммунизм». 1959 год.

*Сидят: А.Ф.Емельянов, Н.А.Дегтярёв (ред.), П.В.Кизин, М.К.Шелестеев.
Стоят: Г.Ильинский, Н.П.Москаленко, Н.И.Бондарчук, Т.А.Костырина, Л.Я.Андреева*

Александр Филиппович работал заведующим районо с 1949 по 1954 год. Октябрь 1954 года – «месяц рождения литературного кружка и журнала «Зори» в станице Пресногорьковской. Участники первого заседания: П.В.Кизин, А.Емельянов, Н.Лавринов. Н.Дегтярев. Составили план работы. 10 февраля 1955 года состоялась встреча кружковцев с читателями журнала «Зори». Читальный зал в верхнем этаже церкви. Людей немного, но все солидные читатели. После вступительного слова читали свои стихи: П.Кизин, Филипенко, Емельянов, Дегтярев, Лавринов» (в кн.: Лавринов Н. Жизнь, – Москва, 2003). Все участники кружка в будущем стали писателями. Николай Дегтярев долгое время работал главным редактором областной газеты «Ленинский путь». Соавтор книги о Каныше Сатпаеве.

Один их напечатанных журналов сохранился и находится ныне в школьном музее. Он представляет собою довольно крепко склеенные листы А4 со стихами и прозой. На обложке приклеены вырезанные из газеты буквы - "Зори".

Стихотворение Емельянова "В школьном саду".

Весенний теплый ветерок
Играл в саду листвою,
А яблонь ряд, как столбик строк,
Стоял передо мною.
Кусты малины тут и там,
Крыжовник с виноградом,
И кукурузе, и цветам
Здесь место дали рядом.
У входа тополь-великан

а

Поднялся над оградой.
Ему наказ , быть может, дан
Хранить богатство сада.
И был доволен я , был рад,
Гордиться есть чем старшим,
Что этот вырастили сад
юннаты школы нашей.

Целинная эпопея требовала достойного освещения трудовых подвигов в печати. Александра Филлиповича утвердили завотделом культуры в местной районке, а после расформирования района отправили в Демьяновку (Ленинское) редактором газеты «За коммунизм», позже «Светлый путь».

Заведующий РОНО

Здесь он познакомился с начинающим поэтом и журналистом Толей Атюгановым. Шел 1965-й год. Страна была на подъеме – целина дала мощный импульс для развития экономики региона, полным ходом осваивали космос, впервые широко праздновали 20-ти летие Победы.

Александр Филиппович был на своем месте – он закончил заочную Высшую партийную школу в Алма-Ате по специальности журналистика. Он был постоянно в дороге – встречался с разными людьми, передовиками производства, ветеранами. Из-под его пера выходили репортажи, стихи, зарисовки, фельетоны, очерки проблемного характера. В те годы газета оказывала большое влияние на умы, была настоящей «четвертой властью». Лирические стихи печатали в областной газете «Ленинский путь», в «Казахстанской правде», журнале «Простор». Прозу писал под литературным псевдонимом «Филиппов» и А.Преснов. А.Л. Атюганов писал мне, что: «Свой талант поэтический, видно от Бога, дар он не афишировал, не бил себя в грудь – смотрите – я поэт! Пустозвоном, графоманом не был, но и не скрывал «души прекрасные порывы». Лишь когда видел, что написал вещь, отсылал её в

печать». Поэт Атюганов со школьной скамьи читал стихи и прозу Емельянова и считает его «своим наставником и учителем в стихосложении».

Александр Филиппович «разбирая мои стихи, подзывал, поправлял. Мне внушал: «Слово, что воробей – улетит – не поймаешь». Советовал: «Пришла рифма, строка рифмованная – запиши, потом пригодится». Сам наставник равнялся на поэта Е.А.Букина, автора трех сборников стихов, заместителя редактора областной газеты «Ленинский путь».

Много писал о природе, будучи заядлым рыбаком и охотником. «Стихи звучали напевно, запоминались уже при первом чтении.

Мы работали очень здорово,
 Что ни взмах – до небес скирда!
 Пот катился ручьем на бороду,
 Майку в горсть – и бежит вода!
 Шли домой мы и песни пели,
 Подпевал нам ветер в кустах!

Стихотворение «На сенокосе» было написано в засушливое лето 1970 года. Редакция тогда всем составом трудилась на заготовке кормов в совхозе «Киевский», в пойме реки Убаган. По словам Атюганова, Филиппыч страстно любил охоту и впечатления выдавал в стихах.

Незаметно подкрался вечер,
 И, в охапку схватив лесок,
 Мой приятель, ругая ветер,
 Лодку вытащил на песок...

В республиканском журнале «Простор» было опубликовано стихотворение «Тобол».

Заря рассыпала малину,
 Клади в корзину, коль не лень,
 Из-за увала, сгорбив спину,
 Тобол несёт стозвонный день,
 А щука, словно по футболу,
 Хвостом широким бьет волну...

Много стихотворений было написано поэтом о войне, о школе. Он писал на темы, которые хорошо знал и чувствовал. Вот, к примеру, «Маяковский в школе». Стихотворение было опубликовано на первой странице «Казахстанской правды» не позднее 1968 года.

Он в школу широкой походкой вошел,
 Плечистый, высокий, лобастый,
 Прочел поэму свою: «Хорошо!»

а

«Стихи о советском паспорте»...

С ноября 1971 года по январь 1985 го Емельянов работал редактором газеты «За изобилие» Карасуского района. В 1976 году « за проявленную трудовую доблесть» был награжден орденом «Знак Почета». Делегат съезда Союза писателей СССР в Москве в 1981 году. Находясь на пенсии, работал заведующим отделом писем, корреспондентом, ответственным секретарем в районной газете. Умер 21 июля 1991 года.

В рабочем кабинете

Член Союза журналистов СССР с 1973-го года Анатолий Леонидович Атюганов пишет, что имя Емельянова незаслуженно забыто и теперь не упоминается в среде поэтов и краеведов. «Профессор Кустанайского педагогического института Николай Игнатьевич Кандалин собирал материал о поэтах Кустанайской области, но работа эта так и не была завершена. Хотелось бы, чтобы работа по сохранению памяти таких людей как Александр Филиппович, была продолжена».

Его творческое наследие, состоящее из десятков тетрадей и записных книжек, безвозвратно утеряно. Имя не упомянуто ни в одной энциклопедии, изданной в Костанайской области.

Размышляя о краеведении

Размышляя о роли краеведения в формировании мировоззрения молодого человека, я не погрешу против истины, если выскажу утверждение, что она чрезвычайно важна.

Изучение истории родного края стоит в одном ряду с такими мощными инструментами воспитания гражданственности и патриотизма как классическая литература и искусство.

При этом привязка событий, происходивших в регионе в разные исторические периоды, к общему прошлому страны совершенно необходима. В контексте общей истории эти события могут показаться маловажными, малозначительными, но именно из многочисленных фрагментов локальной истории вырастает мощное древо истории всеобщей.

Следует, однако, отметить, что академическая наука относится к краеведению с большой долей скептицизма – если не сохранились документальные свидетельства события, то событие как бы и не произошло. Опирайтесь на гипотезы краеведов, как и на воспоминания свидетелей не принято. Факты должны быть максимально достоверны и иметь подтверждающие событие документы. Однако, не каждое событие оставляет после себя документальный след...

В местной истории существуют такие направления как топонимика, нумизматика, геральдика и прочие, характерные только для данной местности. Работа по этим направлениям, а также запись воспоминаний свидетелей, работа в архивах, со старыми фотографиями, старыми газетными очерками, работа в "поле" с металлодетектором даёт обширную пищу для написания книг по истории родного края.

Есть немало краеведов-энтузиастов, не имеющих научных степеней, написавших подобные работы. Многие занимаются поисково-исследовательской деятельностью всю сознательную жизнь, накапливая в личных архивах массу интересного материала. Их книги, изданные ценой невероятных усилий, имеют минимальный тираж и пользуются большой популярностью среди читателей.

Но вот местные и федеральные бюджеты не спешат расходовать статьи на поддержку столь значимого и нужного дела - развития и популяризации краеведения. Этот печальный факт не способствует укреплению здорового интереса к истории Отечества.

Между тем, среди обилия книг в магазинах и на книжных "развалах" в массе своей присутствует низкопробная литература, место которой в помойной яме, а никак не на столах и тем более в головах читателей. Эти книги наполнены мракобесием и чушью – они дурно влияют на обывательские умы и зачастую опасны для души. Возникает резонный вопрос - деньги на подобное чтиво всегда найдутся, а издать серьёзную исследовательскую работу сверхсложно по причине безумно дорогих издательских услуг.

Было бы разумно и правильно иметь на уровне каждой области компетентных людей – учёных историков, авторитетных краеведов, педагогов-исследователей – которые ежегодно принимали бы решение с учётом значимости представленного труда – издавать его или нет. Под это решение из областного бюджета выделяются средства на издание. Это стало бы серьёзной поддержкой краеведения.

Для тех, кто слабо в этом разбирается – немного лирики.

У каждого человека есть на земле место, где он появился на свет, где сделал первые нетвёрдые шаги навстречу протянутым рукам матери, где

а

пробежал босиком по нагретой солнцем пыли деревенского переулочка, заросшего зелёным спорышом. Это то, что на протяжении всей жизни, короткой или длинной, человек будет носить в своём сердце за тысячи вёрст от родной земли. Этот странник может лишиться всего – здоровья, богатства, но чувство Родины у него не отнимется никем и никогда. Оно заложено в его генах, душе, в вечном его Духе.

На мировоззрение особенно влияет ландшафт, в котором он родился и прошло его детство.

Лесостепь – граница между суровой тайгой и безбрежной ковыльной степью. Ребенку здесь знаком и запах талого снега вперемешку с дымом костров, принесённый весенним ветром с разлившимся степных озёр, и печаль птичьего клина, уносящего в небесах на юг свою журавлиную тоску. Ему знакомы и стонущие звуки снежного урагана, грозного, зачастую смертельно опасного для любого путника во все времена. Помнит рожденный в краю березовых рощ и вкус холодного сока из стеклянной банки – мутноватого, с остатками коры, жухлых листьев и мурашами. Лучший напиток всех времён, несравним с нынешними «соками», напичканными вредными добавками.

Многое из детства вспоминается странникам в зрелом возрасте в каменных джунглях современных городов, в глубоких колодцах многоэтажек.

Воспоминания о местах, где провели детство, часто становится единственной опорой для человека, живущего в мегаполисе. Ведь общение с природой является неотъемлемой частью человеческой жизни – через подобное общение человек воспринимает Творца, иначе он безнадежно отделён от Него железобетонными конструкциями зданий, и, что гораздо существеннее, зачастую подвержен влиянию различных направлений в философии, загоняющего его в пропасть отчаяния.

Но, чем крепче человек связан невидимыми узами со своей Родиной, тем легче ему жить в современном мире. И краеведение является прочной опорой на его жизненном пути...

Приложение

Пресногорьковцы в первой мировой войне. Именные списки потерь.

Алехин Алексей Евдеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц. Пресногорьковская, пслк. Богоявленский, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 19.07.1917

Балакин Александр Семенович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 28.04.1917

Он же с другой датой события:

Балакин Александр Семенович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц. Пресногорьковская, пслк. Песчаный, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 07.04.1916

Балакин Ефим Иванович

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц.

а

Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, приказный, Дата события: 23.02.1916

Батырев Ефим Семенович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, пслк.

Пресногорьковский, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 17.11.1916

Бахирев Гавриил Алексеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, пслк.

Пресногорьковский, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 10.05.1916

Бурков Владимир Николаевич

ранен/контужен, Выбыл: 26.07.1916, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Учасг. собственн., Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, ефрейтор, Дата события: 12.09.1916

Бухряков Афанасий Петрович

болен, Выбыл: с. п. 44, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд,

Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 13.01.1917

Он же с иным написанием фамилии и датой события:

Бухреков Афанасий Петрович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский стрелковый полк, казак, Дата события: 21.01.1917

Вашутин Ефим Григорьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 06.02.1916

Воронин Афанасий Григорьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7 Сибирск. казачк. полк, казак, Дата события: 05.05.1917

Головин Никита Федорович

ранен/контужен, Выбыл: 29.08.1916, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 02.10.1916

Горбунов Иван Федорович

Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, приказный

Грязнов Дмитрий Иванович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак

Грязнов Филипп Михайлович

ранен/контужен, Выбыл: 29.07.1915, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, ст. унтер-офицер, Дата события: 13.08.1915

Дегтярев (Дегтерев) Димитрий Васильевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, урядник, Дата события: 15.10.1916

Дехтерев (Дегтярев) Порфирий Иванович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 01.05.1916

Доможиров Леонтий Трофимович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский

а

станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 03.08.1917

Еремин Алексей Сергеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 11.09.1916

Иванов Павел Данилович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресновский станичный юрт, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 25.04.1915

Канахин Михаил Петрович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 17.11.1917

Он же с иным написанием фамилии и датой события:

Коняхин Михаил Петрович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 07.10.1917

Кравченко Андрей Павлович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, вахмистр, Дата события: 11.11.1916

Кретинов Поликарп Васильевич

ранен/контужен, Выбыл: 08.02.1915, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 26.05.1916

Кусков Фадей Панфилович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 2-я запасная казачья Сибирская сотня, рядовой, Дата события: 13.07.1916

Лавринов Иван Степанович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, д. Пресногорьковская, Место службы: Сибирская казачья бригада, мл. урядник, Дата события: 06.01.1916

Лавринов Матвей Михайлович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 05.05.1917

Лавринов Спиридон Иванович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: Штаб Сибирской казачьей бригады, приказный, Дата события: 28.11.1917

Ларюшин Ефимий Иванович

Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, приказный

Лепнин Иван Степанович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, вет. фельдшер, Дата события: 26.02.1916

Лепнин Николай Степанович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, вет. фельдшер, Дата события: 15.08.1917

Лучанинов Иван Прокопьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, мед. фельдшер, Дата события: 24.07.1917

Метальников Степан Иванович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский

а

станичный юрт, п. Починовский, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 27.08.1915

Михеев Иван Павлович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 05.05.1917

Пожидаев Яков Петрович

убит, Выбыл: 09.08.1915, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак

Полозов Иван Никифорович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, приказный, Дата события: 02.11.1917

Пономарев (Пономарев) Иван Онисимович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 27.08.1915

Пономарев Федор Михайлович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, ст. урядник, Дата события: 15.11.1917

Разсохин Степан Михайлович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 17.09.1916

Ромашев Степан Егорович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, рядовой

Сидельников Иван Миронович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, с. Песчановское, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 28.09.1917

Соколов Евгений Матвеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц. Пресногорьковская, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, вахмистр, Дата события: 27.10.1916

Спиридонов (Спириданов) Степан Егорович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц. Пресногорьковская, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 12.02.1915

Степанов Константин Михайлович

Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, п. Пресногорьковский, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, рядовой

Струков Сергей Матвеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, п. Пресногорьковский, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, Дата события: 20.07.1916

Суслов Василий Меркурьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибир. Ком. полк, рядовой, Дата события: 02.05.1917

Картотека потерь

Таранов Василий Иванович

Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, стнц. Пресногорьковская, Место службы: 1-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 12.11.1917

Тимофеев Андрей Степанович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская,

а

Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 05.05.1917

Угренинов Федор Иванович

Место рождения: Симбирская губ., Петропавловский уезд, Акмолинская обл., ст.

Пресногорьковская, Место службы: 3-я сотня, рядовой, Дата события: 12.07.1917

Угренинов Федор Константинович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский

станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский полк, рядовой, Дата события: 07.09.1915

Успенъев Степан Николаевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский

станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события:

18.01.1916

Черепашков Дмитрий Петрович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская,

Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события: 05.05.1917

Чирков Константин Никифорович

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст.

Пресногорьковская, Место службы: 4-й Сибирский стрелковый полк

Чукреев (Чукрев) Петр Васильевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская,

Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, казак, Дата события: 05.05.1917

Чукреев Яков Дмитриевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская,

Место службы: Не определено, Дата события: 07.08.1917

Шешминцев Иван Александрович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская,

Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, вахмистр, Дата события: 04.07.1917

Ширяев Григорий Прокопьевич

Выбыл: 28.06.1916, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд,

Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, рядовой;

казак, Дата события: 11.09.1916

Ширяев Иван Тимофеевич

ранен/контужен, Выбыл: 01.07.1917, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский

уезд, п. Пресногорьковский, Место службы: 3-я отдельная сотня, рядовой, Дата события:

10.07.1917

Ширяев Павел Яковлевич

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд,

Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 4-й Сибирский казачий полк, мл. унтер-

офицер, Дата события: 02.05.1917

Ширяев Сергей Спиридонович

ранен/контужен, Выбыл: 19.04.1917, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский

уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата

события: 14.05.1917

Яковлев Дмитрий Матвеевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский

станичный юрт, Место службы: 7-й Сибирский казачий полк, рядовой, Дата события:

11.01.1916

Иные жители станичного юрта

Аникин Гавриил Иванович

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковская вол., Место службы: 66-й пехотный Бутырский полк, рядовой, Дата события: 08.06.1916

Бурков Василий Николаевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, ст. Станицы, Место службы: 433-й пехотный Новгородский полк, рядовой, Дата события: 25.10.1916

Эта же фамилия среди казаков.

Воронин Григорий Андрианович

ранен/контужен, Выбыл: 17.10.1915, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 48-й пехотный Одесский полк, рядовой, Дата события: 06.11.1915

Эта же фамилия среди казаков.

Гаркуша Максим Данилович

ранен/контужен, Выбыл: дивизионный лазарет, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, с. Карабут, Место службы: 19-й пехотный Костромской полк, рядовой, Дата события: 20.06.1916

Гукреев Степан Дмитриевич

Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Петропавловский станичный юрт, ст. Пресногорьковская, Место службы: 4-й Сибирский стрелковый полк, рядовой, Дата события: 29.10.1914

Донских Дмитрий Николаевич

убит, Выбыл: 22.09.1916, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 102-й пехотный Вятский полк, рядовой Захарченко Фирс Иванович

ранен/контужен, Выбыл: дивизионный лазарет, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 53-й пехотный Волынский полк, рядовой, Дата события: 01.09.1915

Кедров Николай Алекс.

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 102-й пехотный Вятский полк, рядовой, Дата события: 17.09.1916

Корнильцев Иван Константинович

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 102-й пехотный Вятский полк, рядовой, Дата события: 17.09.1916

Кузнецов Самойла Васильевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, ст. Пресногорок, Место службы: 150-й пехотный Таманский полк, рядовой Лисьяк Иван Игнатьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 150-й пехотный Таманский полк, рядовой, Дата события: 28.03.1917

Он же с иным написанием фамилии и датой события:

Лисьяк Иван Игнатьевич

болен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, ст. Пресногорьковская, Место службы: 150-й пехотный Таманский полк, рядовой, Дата события: 12.04.1917

Ляпкалов Иван Тимофеевич

ранен/контужен, Выбыл: дивизионный лазарет, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 53-й пехотный Волынский полк, рядовой, Дата события: 01.09.1915

а

Попов Николай Михайлович

ранен/контужен, Выбыл: дивизионный лазарет, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 53-й пехотный Волынский полк, рядовой, Дата события: 01.09.1915

Радионов Николай Евмениевич

пропал без вести, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 53-й пехотный Волынский полк, рядовой, Дата события: 01.09.1915

Савченко Иван Семенович

ранен/контужен, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 102-й пехотный Вятский полк, рядовой, Дата события: 16.09.1916

Сафронов Иван Григорьевич

ранен/контужен, Выбыл: дивизионный лазарет, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 53-й пехотный Волынский полк, рядовой, Дата события: 01.09.1915

Цырахтин Илья Николаевич

оставлен на поле боя, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, с. Радуг, Место службы: 162-й пехотный Ахалцыхский полк, мл. унтер-офицер, Дата события: 03.10.1916

Яковенко Кирилл Максимович

Выбыл: 08.10.1915, Место рождения: Акмолинская обл., Петропавловский уезд, Пресногорьковский станичный юрт, Место службы: 49-й пехотный Брестский полк, рядовой, Дата события: 01.11.1915

Содержание

Исторические очерки

Степные миры Чокана Валиханова	5
Жители исчезнувших редутов.....	24
Если бы пуговицы заговорили	28
Декабристы на Сибирской линии	31
Факты из жизни известных сибирских историков.....	36
Сибирская казачья дивизия в русско-японской войне (1904-1905 гг.).....	57
Царская армия - офицеры и рядовые.....	84
Как генерал казаков кашей накормил	88
Кавказский фронт в Первой мировой войне. 1-й СКП.....	91
Гибель XX корпуса: 4-й Сибирский казачий полк в Августовском «котле».....	99
Сибирские казаки и Московское вооружённое восстание (осень 1917 года)	122
Красная стена. Из истории Кустанайского восстания в апреле 1919 года	144
След минувшей жизни	151
О Панкратии и других Воропаевых.....	154
Расстреливать через десятого.....	157
Пресногорьковское «Братство»	167
Из истории церкви в Пресногорьковке	171
Сын за отца. Атрибуция одной фотографии	191
Переселенцы. Взгляд очевидцев.....	203

Автобиографическая проза

Высота.....	218
Деревенский КВН.....	220
Девяностые.....	222
Девяностые. Спирт «Рояль»	226
Случай на целинной станции	229
Пристань загулявшего поэта	233
Воспитательный момент.....	238
Экскурсия	239
Человеческий фактор	242
Даль светлая	244
Это всё о нём.....	251
Новелла о «железном» коне	257
Обретение.....	261
Анатолий Атюганов: с любовью к жизни.....	264
Александр Емельянов: Майку в горсть , и бежит вода!	269
Размышляя о краеведении	275

Книги и публикации автора

Книги:

В поисках минувшего времени : опыт историко-краевед. исслед. – Костанай : Костанайский печатный двор, 2020. – 228 с. : ил.

Живая старина Пресногорьковской линии. – Половинное, 2012. – 231 с.

Исход: Трагедия горьколинейных станиц в начале XX века. – Половинное, 2012. – 260 с.

Листая старые страницы.–Курган, 2014.– 178 с.

Пресногорьковка. Страницы истории. – Костанай, 2007. – 201 с.

Пресногорьковская казачья линия: (очерки истории). – Половинное, 2011. – 317 с.

Пресногорьковские были: (ист.хроники). – Костанай, 2006. – 169 с.

Растворилась в туманах весна. Нескучные рассказы. – Половинное, 2023.–147 с.

Историческое краеведение: Учебное пособие. – Костанай, 2017.

Свет [Электронный ресурс] : сб. стихов / С. Н. Виниченко. – Костанай : [б. и.], 2022. – 1 <https://www.kstounb.kz/ru/ebiblioteka> электрон. опт. диск.

В лабиринтах времени. Краеведческие очерки. В 2-х томах. Издательство «Дамми». Курган, 2025. –1156 с. (В двухтомнике собраны 5 электронных книг автора, опубликованные на КАЗНЭБ и сайте библиотеки им.Толстого, Костанай 1 <https://www.kstounb.kz/ru/ebiblioteka>).

Публикации:

Статьи в журнале «История Казахстана. Преподавание в школах и вузах», №4.2004

Статьи автора на <http://pkzsk.info/>2019-2025 гг.

Пастырь добрый // В кн.: Тимоновские чтения. I-я международная научно-практическая конференция. – Костанай, 2022.

Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года: духовный подвиг православного духовенства Северного Казахстана //В кн.:Тимоновские чтения. II-я международная научно-практическая конференция.–Костанай, 2023.

На ветрах времени //В кн.: Тимоновские чтения. III-я международная научно-практическая конференция. – Костанай, 2024.

Об учёбе Михаила Журавлёва // В кн.: Услышать можно шёпот звёзд. – Костанай, 2020.

Крестный путь игуменьи Евпраксии // в альм.: «Тобольск и вся Сибирь». – Тобольск, 2011.

Статьи в литературно-историческом журнале «Казачье братство» (г. Томск) № 5, 6, 7.

Статьи в сб. «История Костанайской области в краеведческих исследованиях». Издание Лисаковского музея и культуры Верхнего Притоболья» (ред. Буданова Ю. П.) 2017, 2018, 2019 гг.

О Свято-Никольском храме //В кн.: Храмы и монастыри Костанайской области. 9-20 века. Костанай, 2021.

Из истории Пресногорьковского района //В кн.: Узунколь, любимый сердцу край. Костанай, 2019.

Станица Пресногорьковская и сибирские казаки в восстании 1921 года //В кн.: «Двадцать первый. Красная весна». – Ишим, 2022.

Статьи на <https://uchitelskaya.kz>, <https://kstnews.kz> (2010-2022гг.).

Статьи на <https://www.proza.ru/2019/12/03/1547>

Сайт <https://stihi.ru/avtor/serg44>

Книги на <http://kazneb.kz/site/catalogue?flt=simple&q=Виниченко+Сергей>

Стихи в книге «Половинские родники»: 20 лет спустя, – Куртамыш, 2024.

Книги на <https://presnogorkovka.life/account/?user=2>

Против трёх империй //Материалы IV Военно-исторических чтений.Омск, 2024.

Сергей Виниченко

Горькая линия:
время и люди